

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь

Институт пограничной службы Республики Беларусь

**ПОГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ,
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ,
ОБРАЗОВАНИЕ**

Монография

*Печатается по решению научно-технического совета
ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь,
протокол заседания от 21.04.2025 г. № 4*

Минск
ИПС РБ
2025

УДК 351.746.1(476)

ББК 68.823

П43

Под общей научной редакцией
доктора психологических наук, профессора *В. П. Вишневской*

Авторы:

С. В. Жилинский, П. И. Миронюк (раздел I), *В. П. Вишневская* (раздел II),
Ж. И. Казачёнок (раздел III), *А. А. Терехов* (раздел IV),
В. П. Вишневская, Е. И. Сутович (раздел V), *Е. И. Сутович* (раздел VI),
В. П. Вишневская (раздел VII)

Рецензенты:

доктор военных наук, доцент *А. А. Павловский*;
доктор психологических наук, профессор *Т. В. Казак*

П43 **Пограничная** безопасность, информационно-психологическая безопас-
ность, образование : монография / *С. В. Жилинский, В. П. Вишневская, Ж. И. Ка-
зачёнок* [и др.] ; Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; под общ. науч. ред.
В. П. Вишневской. – Минск : ИПС РБ, 2025. – 347 с.
ISBN 978-985-26-0225-9.

Монография посвящена актуальной для современного времени как в теоретическом, так и практическом аспектах проблеме национальной безопасности, включая пограничную безопасность, Республики Беларусь. В ней представлен авторский подход к вопросам: методологии исследования пограничной безопасности и ее теоретическим основам обеспечения; значимости пограничной безопасности Республики Беларусь в обеспечении национальной безопасности; информационно-психологической безопасности; совершенствования подготовки специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности с учетом военно-политической обстановки в мире и складывающейся в отношении Республики Беларусь.

Представленные в монографии разделы подготовлены специалистами государственных органов системы обеспечения национальной безопасности Беларуси Жилинским С. В., Вишневской В. П., Казачёнок Ж. И., Миронюком П. И., Сутович Е. И., Тереховым А. А. Каждый из разделов выдержан в соответствии с методологической позицией автора.

Предназначена монография для сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной и пограничной безопасности, профессорско-преподавательского состава учебных заведений, участвующих в подготовке и повышении квалификации указанной категории специалистов.

УДК 351.746.1(476)

ББК 68.823

ISBN 978-985-26-0225-9

© Жилинский С. В., Вишневская В. П.,
Казачёнок Ж. И. и др., 2025
© ГУО «ИПС РБ», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
РАЗДЕЛ I. ПОГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:	
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ	7
Глава 1. Методологические основы исследования пограничной безопасности Республики Беларусь, ее обеспечения и возникающих при этом процессов, явлений	7
Глава 2. Теоретические основы пограничной безопасности Республики Беларусь, ее обеспечения и возникающих при этом процессов, явлений	16
Глава 3. Моделирование пограничной безопасности Республики Беларусь: основные подходы, формирование структурно-функциональной модели ее обеспечения и возникающих при этом процессов, явлений.....	29
Список цитируемых источников	38
РАЗДЕЛ II. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
44	
Глава 1. Манипулирование в военно-политической сфере – значимая составляющая феномена «мягкой силы», представляющая угрозу национальной безопасности	44
Глава 2. Актуальные вопросы диффузионизма как феномена «мягкой силы», представляющей угрозу национальной безопасности	82
Глава 3. Формирование позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства – одна из значимых составляющих политики государства	93
Список цитируемых источников	101
РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ	
106	
Глава 1. Значение чувств в формировании социально-психологической устойчивости личности сотрудника системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.....	106
Глава 2. Психологическая зрелость как профессионально важная характеристика личности современного специалиста	114
Глава 3. Методика развития национального самосознания обучающихся с учетом психологической зрелости личности.....	122
Глава 4. Практическое комплексное занятие как форма интегрированного профессионального тренинга в образовательном процессе взрослых.....	131
Список цитируемых источников	146
РАЗДЕЛ IV. РАЗВИТИЕ ПАТРИОТИЗМА У ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	
149	
Глава 1. Психологические аспекты технологии развития патриотизма у обучающихся учреждений высшего образования в процессе учебных занятий	149
Список цитируемых источников	180

РАЗДЕЛ V. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ И МЕТОДЫ ЕЕ ДИАГНОСТИКИ.....	183
Глава 1. Некоторые теоретические аспекты проблемы изучения профессиональной приверженности.....	183
Глава 2. Дискуссионные вопросы психологической диагностики профессиональной приверженности специалистов.....	193
Глава 3. Разработка научного подхода к психологической диагностике специалистов органов пограничной службы	202
Глава 4. Научные подходы к использованию методики проективного рисунка в формировании профессиональной приверженности специалистов	206
Список цитируемых источников	222
 РАЗДЕЛ VI. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	225
Глава 1. Исторические аспекты использования средств обучения в преподавании психологии	225
Глава 2. Модель «перевернутого обучения» в практике преподавания психологии	235
Глава 3. Профессиональный тренинг в практике подготовки специалистов.....	245
Список цитируемых источников	261
 РАЗДЕЛ VII. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА	264
Глава 1. Актуальные аспекты совершенствования этнокультурной компетенции сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь	264
Глава 2. Из опыта подготовки управленческих кадров зарубежных стран	275
Список цитируемых источников	286
 Заключение	290
 Глоссарий.....	293
 Приложение 1. Методика оценки уровня лояльности сотрудника к организации (Л. Г. Почебут, О. Е. Королева)	331
Приложение 2. Опросник организационной лояльности Л. Портера (Organizational Commitment Questionnaire – OCQ)	334
Приложение 3. Шкала организационной лояльности Дж. Мейера и Н. Аллена (Professional Commitment Scale, PCS) (1993)	336
Приложение 4. Методика изменения лояльности (С. С. Баранская)	338
Приложение 5. Лист наблюдения проявления лояльности (К. В. Харский)	342
Приложение 6. Пример расчета индекса чистой лояльности eNPS специалиста к избранной им профессии	344
Приложение 7. Проективная техника в исследовании приверженности организации Е. Ю. Чернякевич	345

ВВЕДЕНИЕ

Известная фраза М. Ротшильда «кто владеет информацией – тот владеет миром» не только не потеряла свою актуальность, но и стала весьма значимой в современных условиях международной геополитической конкуренции.

В условиях гибридной войны, включая информационно-психологическую, развязанную в отношении России и Беларуси, событий в Украине, а также событий 2020 года в Республике Беларусь, мы являемся очевидцами и свидетелями результата методического и целенаправленного использования в информационном пространстве спецслужбами США и коллективного Запада информационно-психологических технологий деструктивного толка, направленных на: «переформатирование» национального самосознания, межэтнических отношений; изменение национальных стереотипов и символов; разрушение этнической «я-концепции»; деструктивную реконструкцию этнического «я-образа», акцентируя внимание на идентификации; деструктивную реконструкцию этнического «мы-образа» у группы представителей того или иного государства и др.; замену традиционных этнических ценностей на недопустимо чуждые ценностные ориентации и т. д.; разрушение этноконфессиональных отношений; «возрождение» нацизма, герольдизацию фашизма и др.

В этой связи и с учетом возникновения новых рисков, вызовов и угроз актуализируются вопросы совершенствования: обеспечения национальной безопасности, включая политическую, информационно-психологическую и пограничную безопасность; подготовки кадров и др.

Политическая безопасность – состояние защищенности политической системы Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее реализацию независимой государственной политики, гармоничное развитие общества и государства, сохранение традиционных основополагающих ценностей белорусского народа, соблюдение конституционных прав и свобод личности. В политической сфере значимым и доминирующим направлением является безопасность личности, общества, профессионального сообщества, государства¹.

Неконтролируемое использование в информационном пространстве информационно-психологических технологий деструктивного характера, включая политическое, криминальное и другие виды манипулирования, представляет угрозу национальной безопасности.

¹ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. решением Всебелорус. нар. собр. от 25.04.2024 №5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 26.04.2024. 1/21360.

Защита информационного пространства Республики Беларусь является одним из приоритетных направлений национальной безопасности.

Пограничная безопасность – составная часть национальной безопасности Республики Беларусь, представляющая собой состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз в пограничном пространстве. Цель обеспечения пограничной безопасности – достижение и поддержание стабильной ситуации, защита национальных интересов на Государственной границе и в пограничном пространстве.

В аспекте пограничной безопасности представлен авторский подход к вопросам методологии исследования пограничной безопасности Республики Беларусь, ее роли, места и теоретических основ обеспечения как составной части и основного вида национальной безопасности страны, многогранность и общегосударственный характер, а также специфические пограничные признаки (факторы) которой предполагают принятие необходимых мер охраны и защиты территориальной целостности государства, непосредственно влияющих на обеспечение национальной безопасности в общем и пограничной безопасности в частности.

Современное состояние военно-политической обстановки в мире и складывающейся в отношении Республики Беларусь, о чем указывалось выше, определяет целесообразность совершенствования подготовки сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности.

Совершенствование психологической подготовки и повышение квалификации указанной выше категории специалистов в области информационной безопасности необходимо осуществлять системно, с учетом развития и использования в информационном пространстве многообразия информационно-психологических технологий различного толка.

Сфера образования, включая военно-политическое образование, является доминирующей в развитии политического иммунитета граждан.

Высокий уровень профессионализма, политического, патриотического, государственного самосознания и политической культуры сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности является значимым гарантом обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Коллективная монография «Пограничная безопасность: информационно-психологическая безопасность, образование» вносит существенный вклад в формирование современных представлений о: пограничной безопасности в общей системе национальной безопасности Республики Беларусь; информационно-психологической безопасности личности, общества, профессионального сообщества, государства; некоторых аспектах подготовки специалистов и стимулирует авторов, читательскую аудиторию к дальнейшим содержательным дискуссиям и реализации обозначенных выше перспектив развития этой области научных знаний.

РАЗДЕЛ I

ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬ

РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,

ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЭТОМ ПРОЦЕССОВ,

ЯВЛЕНИЙ

Современная наука развивается колоссально быстрыми темпами, при этом объем научных знаний увеличивается с удвоенной силой практически каждые 10–15 лет [1, с. 11]. Вместе с тем анализ научных трудов [2, с. 109] свидетельствует о том, что в настоящее время темпы развития технологической эволюции еще более значительно повысились, период удвоенного прироста которых уже составляет каждые 18 месяцев. И именно наука явилась главной причиной научно-технической революции на современном этапе. Это обосновывается скоростью уменьшения технологических норм по созданию элементарной базы компьютеров и микроэлектроники, на основе которых происходит постепенный перенос знаний человечества в электронную форму, обладающую такими свойствами, как удобство хранения и систематизации, поиска и обработки информации, и многое другое. Такая ситуация определяет новые тенденции развития как науки, так и современных технологий [3, с. 4].

Вышеизложенное подтверждает, что основной формой человеческого познания является наука, которая в наши дни становится существенной частью реального мира. В то же время наука на современном этапе не была бы столь продуктивной и не имела бы таких темпов развития без наличия присущей ей системы методов и способов познания, представляющей собой некий *инструментарий* в процессе исследования объекта, использование которого позволяет изучить его, выявить существующие проблемы, противоречия и найти пути или направления их разрешения. При этом определение именно правильного метода (*инструментария*) познания, выбранного исследователем или ученым, дает возможность глубоко изучить связь явлений, вскрыть сущность объекта, выявить законы и закономерности его развития, учитывая то, что в настоящий момент в мире насчитывается более 15 000 наук [4, с. 4],

каждой из которых присущи свои специфические методы и предметы познания.

Анализ научных трудов позволяет утверждать, что к вопросу методологии научного познания пограничной безопасности², ее обеспечения и возникающих при этом процессов и явлений обращались такие белорусские ученые, как Н. Н. Троцевский [6], А. А. Павловский, С. В. Верлуп [7, 8], В. Ф. Качуринский [9], А. Н. Бугай [4] и др. Указанные авторы также констатируют факт значимости использования методов научного познания указанного объекта, в основном *системного подхода*.

Основываясь на мнении российских ученых – М. И. Наймило [10, с. 22], И. Н. Дерябина, С. В. Поскребетьева [11, с. 19], следует отметить, что системный подход является «*мощным методологическим средством*». Вместе с тем сложность, многогранность и значимость рассматриваемого объекта, имеющего вневедомственный и общегосударственный характер, требует проведения комплексного анализа и междисциплинарного исследования всей структуры возникающих при этом общественно-государственных отношений (политических, экономических, социальных, военных и др.), а также условий и факторов, оказывающих влияние на обеспечение безопасности в пограничной сфере³.

Научные исследования [3, с. 5–6] дают возможность утверждать, что изучение пограничной безопасности, ее обеспечения и возникающих при этом процессов, явлений целесообразно осуществлять с опорой на *методологические средства* научного познания, применяя соответствующий *инструментарий*, учитывающий специфику, наличие знаний, глубокое понимание теоретических положений и основ обеспечения пограничной безопасности. Без этого невозможно определить существующие в настоящее время проблемы и противоречия в реализации деятельности по обеспечению безопасности в пограничной сфере, наметить направления по ее совершенствованию.

При этом важно учесть, что в общем под *методологией* понимается совокупность методов, способов, приемов исследования в какой-либо науке [14, с. 534; 15, с. 261; 16, с. 278]. Методология трактуется как учение о методе научного познания и преобразования мира, как область знания, изучающая средства, принципы и способы организации теоретической и практической деятельности.

² Под термином *пограничная безопасность* в законодательстве Республики Беларусь [5, ст. 1] понимается составная часть национальной безопасности, представляющая собой состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз в пограничном пространстве. – Прим. авторов.

³ Под термином *пограничная сфера* [12, с. 38; 13, с. 86] здесь и далее предлагается понимать область жизнедеятельности личности, общества и государства, при которой возникают общественно-государственные отношения, связанные с осуществлением в пограничном пространстве деятельности уполномоченных государственных органов (должностных лиц), общественных объединений и физических лиц по реализации государственной пограничной политики и направленную на обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь. – Прим. авторов.

Анализ справочной литературы и различных словарей показывает [14, с. 534; 15, с. 261; 16, с. 278], что понятие *метод* чаще всего определяется как способ познания, теоретического исследования явлений природы и общественной жизни, деятельности субъекта в любой его форме, а также практического осуществления чего-либо (способ или образ действия). При этом совокупность методов исследования, порядок и правила их использования представляют собой *методику исследования*, определяющую порядок применения приемов и способов исследования и интерпретации полученных с их помощью результатов.

Выбор метода обусловлен конкретными задачами исследования. Как отмечалось профессором Г. В. Плехановым, *«...ошибка в результатах непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине»* [17, с. 172].

Необходимо отметить, что в классике научного познания выделяются такие методы, как: диалектический, экспериментальный, сравнительный [15, с. 261]. Однако в настоящее время выделились некоторые более совершенные подходы к построению системы методов научного познания применительно к изучению пограничной безопасности государства и проблем, связанных с ее обеспечением [1, с. 12–20; 18, с. 23–30]. В самом общем виде методы подразделяются на три группы.

Первую группу образуют всеобщие (общефилософские) методы познания, основным из которых является *диалектический метод*. Применение указанного метода дает возможность выявить объективно-субъективные, причинно-следственные, количественно-качественные и иные связи применительно к различным событиям, постоянно изменяющимся явлениям и процессам, возникающим, в частности, при обеспечении пограничной безопасности государства. Тем не менее, по мнению российских ученых А. Я. Анцупова, В. И. Боярского, В. А. Дмитриева и др. [1, с. 18], и с этим следует согласиться, философские методы задают лишь самые общие направления, их генеральную стратегию и тем самым не могут прямо и непосредственно определять окончательные результаты. Так, в соответствии с мнением профессора А. С. Кравцовой, *«чем более общим является метод научного познания, тем он неопределеннее в отношении предписания конкретных шагов познания, тем более велика его неоднозначность в определении конечных результатов исследования»* [19, с. 13].

Вторую группу методов составляют *общенаучные методы*, которые подразделяются на теоретические и эмпирические. К *теоретическим методам* в рамках проводимых научных исследований целесообразно отнести анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию, абстрагирование, структурно-функциональный анализ, системный подход и его метод-прием практической направленности – метод моделирования и др. Указанные методы позволяют

исследовать объект опосредованно, применяя *мысленный эксперимент*, при этом немаловажную роль играет наличие опыта практической деятельности исследователя в обеспечении пограничной безопасности и непосредственное исполнение возложенных полномочий, которые позволяют на практике наблюдать происходящие процессы, что очень значимо [3, с. 6].

К основным *эмпирическим методам* в рамках изучения рассматриваемого объекта следует отнести: наблюдение, изучение документов, статистический анализ, систематизацию, описание, проведение анкетирования, в том числе метод экспертных оценок и др., которые характеризуются непосредственным исследованием реально существующих, чувственно воспринимаемых объектов, обеспечивают накопление, фиксацию, классификацию и обобщение исходного материала для уточнения теоретических положений, связанных с обеспечением пограничной безопасности.

К особой группе методов научного познания пограничной безопасности и обоснования происходящих процессов, явлений при ее обеспечении необходимо отнести *частные (специальные) методы*. Они позволяют получить непосредственные данные о конкретно происходящих в пограничной сфере процессах и явлениях, осуществить их теоретическое обобщение. Такие методы, как установлено в ходе научных исследований [3, с. 6], могут включать: прогнозирование развития обстановки и возможных угроз пограничной безопасности; изучение и схематическое представление анализируемых категорий в области осуществления государственной пограничной политики; анализ и графическое отображение функциональных зависимостей процесса обеспечения пограничной безопасности государства; изучение основных задач и функций государственных и республиканских органов государственного управления⁴ в осуществлении государственной пограничной политики по обеспечению пограничной безопасности; обобщение результатов оперативно-служебной деятельности и др.

Необходимо отметить, что все методы вышеперечисленных групп имеют тесную диалектическую взаимосвязь, взаимно друг друга дополняют и обогащают, составляя *методологические средства исследования*, комплексное применение которых дает объективную картину изучения объектно-предметной области пограничной безопасности и возникающих процессов, явлений при ее обеспечении. В то же время наиболее значимыми в проводимых научных исследованиях предлагается считать следующие методы-подходы: исторический, институциональный, системный и его практическую составляющую метод-прием моделирование, сравнительный и структурно-функциональный анализы, а также такие немаловажные научные подходы, как количественный и метод изучения служебных (законодательных и нормативно-правовых актов), архивных документов и др. Кроме того, в последнее время начал выделяться и иметь довольно весомое значение геополитический под-

⁴ Далее – ГиРОГУ. – Прим. авторов.

ход, в первую очередь при исследовании одного из основных направлений обеспечения пограничной безопасности – пограничной политики государства [20, с. 122].

Исторический метод исследования позволяет акцентировать внимание на происходящих процессах и явлениях во времени и пространстве, анализе происходящих изменений норм, общественно-государственных отношений в контексте связи прошлого, настоящего и будущего. Посредством указанного метода описывается, например, история государства, в т. ч. характеризуются исторические личности, а также раскрывается диалектика реальных исторических процессов с точки зрения их возникновения и развития.

Так, в ходе проведенных ранее научных исследований [21, с. 17–24], основываясь на эволюции форм (исторических, национальных) белорусской государственности, международных отношений, военного дела, в т. ч. и комплекса мер, направленных на охрану границ государства, удалось установить основные особенности, определить временные границы и охарактеризовать выявленные этапы развития пограничной безопасности и происходящих процессов, явлений при ее обеспечении. Вышеизложенное предоставило возможность установить, что наличие системы безопасности границ государства является основой его существования, в том числе суверенитета, а решение задач охраны границ имеет исключительно государственный уровень, предполагающий содействие и участие лиц центрального и местного управления, как это было во времена образования Полоцкой земли и Киевской Руси, Великого Княжества Литовского (с середины XIII в.), Русского и Жемойтского, Речи Посполитой, так и деятельность ГиРОГУ независимой и суверенной Беларуси в настоящее время.

Использование *институционального метода* позволяет исследовать пограничную безопасность, систему ее обеспечения и раскрыть их, основываясь на имеющихся знаниях с учетом политической системы общества в общем, национальной безопасности государства и ее системы обеспечения в частности, что дает возможность выявить между соответствующими субъектами причинно-следственные связи, возникающие при решении вопросов обеспечения пограничной безопасности как составляющей национальной безопасности страны. Особое внимание уделяется взаимодействию таких политических институтов, как собственно государство и Всебелорусское народное собрание⁵, непосредственными представителями которого, как показал анализ законодательства Республики Беларусь [22, ст. 1; 23, ст. 1], являются субъекты гражданского общества. Указанный метод научного познания дает возможность предметно раскрыть особенности взаимодействия активно действующих субъектов (*акторов*), деятельность которых направлена на осуществление пограничной политики по обеспечению пограничной безопасности, определить (уточнить) их роль, место и соответствующие полномочия (ком-

⁵ Далее – ВНС. – Прим. авторов.

петенции) в данной сфере, что в конечном итоге способствует выявлению существующих противоречий и определению путей (направлений) их решения [20, с. 122].

Применение *системного подхода*, который, как уже указывалось выше, является мощным методологическим средством исследования пограничной безопасности, ее обеспечения и происходящих при этом процессов, явлений основано на рассмотрении объекта познания как *системы* и характерных ей системообразующих признаках (*атрибутах*) [12, с. 35; 25, с. 31–37].

В научных трудах излагается множество различных терминов и их понятий, используемых в системном подходе [10, с. 25–33; 11, с. 19–20; 24, с. 17–26]. Однако, исходя из проведенного анализа названных выше терминов, есть основание считать, что применительно к исследуемому объекту необходимо применять наиболее четкие и однозначные понятия. Так, под *системой* предлагается понимать совокупность элементов, объединенных общей функциональной средой и целью функционирования. В данном случае *среда функционирования* представляет собой характерную для системы совокупность законов, алгоритмов и параметров, по которым осуществляется взаимодействие (обмен, взаимоотношения) между элементами и функционирование (развитие) ее в целом.

Структурные элементы системы – условно неделимые, самостоятельно функционирующие ее части, обладающие определенной самостоятельностью по отношению к ней, со своими целостными свойствами, сами выступающие в качестве систем. В ходе системного исследования объекта целесообразно рассматривать каждый его элемент во взаимосвязях с другими элементами, т. е. то, что их объединяет в системе (способ воздействия, взаимодействия или их отношение между собой), а также исследовать внутренние связи самого элемента системы.

Компонент системы (подсистема) – множество, выступающее как часть системы, относительно однородных элементов, объединенных общими функциями при обеспечении выполнения общих целей развития системы. В данном случае *подсистема*, в соответствии с системным принципом иерархичности, является частью системы более высокого уровня и одновременно системой для компонентов (элементов) более низкого уровня.

Таким образом, определяется многоуровневая *структура системы*, представляющая собой разделение на группы элементов (подсистемы, модули) с указанием связей (воздействие) между ними, дающее представление о системе в целом. При этом выделяются связи с другими модулями и *не-системой* (*внешнее воздействие*), а также *связи* с элементами самого модуля, *воздействие* на другие модули и *не-систему*, иными словами, *входы* и *выходы* рассматриваемой группы (модуля). Структуру системы рационально изображать в виде графической схемы, состоящей из ячеек (групп), соединенных линиями (связями), которую принято называть *структурная схема*.

Рассмотренные термины системного подхода и их понятия, а также проведенные ранее научные исследования [3, с. 6] позволяют утверждать, что

при исследовании объекта как *системы* в аспекте изучаемой проблемы целесообразно придерживаться вполне закономерных и характерных *системообразующих признаков*, основными из которых являются: *во-первых*, наличие определенной среды функционирования системы, а также общей сферы деятельности ее элементов. Ни одна система не может зародиться и существовать вне соответствующей ее природе внешней среды, обуславливающей жизнедеятельность данной системы; *во-вторых*, система характеризуется своей внутренней организацией, т. е. составом элементов целостности и ее структурой – взаимосвязями между ними, объединяющими их в целостность; *в-третьих*, важнейшим признаком системы является наличие общих для всех элементов целей деятельности и соответствующих им функций и задач; *в-четвертых*, для большинства систем характерно то, что они выступают компонентом других, более сложных систем.

Следующий метод – *метод моделирования*, особенности применения которого будут рассмотрены ниже, является методом-приемом практической направленности системного подхода, который в силу сложности, комплексности и практичности стоящей задачи используется в исследовании рассматриваемого объекта. В основу положено создание специально построенной модели (образа), воспроизводящей существенные свойства исследуемого реального объекта.

Немаловажное значение при комплексном анализе имеет количественный метод, в частности, основной его прием – *статистический анализ* как один из эмпирических методов научного познания объекта. Указанный метод дает возможность проанализировать и измерить определенные количественные параметры, характеризующие деятельность субъектов по обеспечению пограничной безопасности, направленную на прогнозирование, выявление и противодействие угрожающим факторам, способствующим возникновению угроз пограничной безопасности, что содействует существенному повышению научной обоснованности предпринимаемых действий [3, с. 8].

Так, в ходе анализа количественных показателей итогов оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь⁶ [9, с. 18; 12; 35; 26, с. 16–19], проведенного при изучении условий и факторов возникновения угроз пограничной безопасности Республики Беларусь, удалось выработать объективную оценку природы их возникновения и предложить подход к систематизации и ранжированию угроз в виде следующих групп: *угрозы очень важные*, оказывающие непосредственное влияние на пограничную безопасность; *угрозы важные*, опосредованно влияющие на пограничную безопасность; *угрозы маловажные*, оказывающие влияние на отдельные элементы пограничной безопасности. При этом *критерием важности* угроз выступает степень значимости национальных интересов страны: *стратегические*, без которых немислимо само существование государства; *основ-*

⁶ Далее – ОПС. – Прим. автора.

ные, распределенные по основным сферам жизнедеятельности; национальные интересы, распределенные в других сферах жизнедеятельности.

Кроме того, при осуществлении сбора необходимой первичной информации существенное значение имеет *метод изучения служебных (законодательных и нормативно-правовых актов) и архивных документов*. Наиболее важным является правильное определение круга необходимых источников, содержащих информацию о деятельности уполномоченных ГиРОГУ по осуществлению государственной пограничной политики при обеспечении пограничной безопасности.

При комплексном анализе имеет значение *метод сравнительного анализа*, который дает возможность применить структуру и содержание политической системы общества, а также имеющиеся выводы и знания о назначении, целях и задачах национальной безопасности и ее системы обеспечения при исследовании пограничной безопасности в качестве составной части национальной безопасности страны. Указанный метод предоставляет возможность получения новой информации не только о свойствах объекта и происходящих в обществе в целом сравнительных явлениях, но и о прямых и косвенных взаимосвязях его элементов, общей тенденции их функционирования и развития [20, с. 123].

Структурно-функциональный метод исследования объекта предполагает выделение составляющих его элементов (подсистем), выявление и исследование связей между ними, определение их роли (функций) в реализации соответствующих потребностей объекта в общем. Данный метод позволяет рассмотреть влияние *акторов*, представить их роль и место в системе обеспечения. Основываясь на анализе научных трудов российских ученых С. В. Поскребецкого, И. Н. Дерябина [11, с. 24–31], А. Е. Парамонова [18, с. 28–29], можно сделать вывод, что целью структурно-функционального анализа является количественная оценка различных изменений, в первую очередь деструктивного характера, к которым исследуемый объект должен приспособиться, сохранив при этом свои свойства. Кроме того, необходимо отметить, что рассматриваемый метод научного познания способствует определению функций, которые должен выполнять исследуемый объект, порядок их осуществления, какими структурными элементами и с какой эффективностью, а также установить общее предназначение и особенности функционирования как в общем исследуемого объекта, так и в отдельности его основных структурных элементов (подсистем).

Применение *геополитического подхода* к исследованию происходящих процессов и явлений основано на утверждении, что пограничная безопасность и ее обеспечение, где важнейшим направлением выступает государственная пограничная политика, являются составными частями национальной безопасности страны, а также внешней и внутренней политики государств соответственно [20, с. 123]. По утверждению А. В. Кулакова [27, с. 275], вышеизложенное дает основание полагать, что они находятся на *стыке* обеспе-

ния внутренней и внешней безопасности государства, вследствие чего не могут не испытывать воздействия геополитических факторов, обусловленных в том числе и глобализацией, которая затрагивает практически все сферы общественной жизни.

В соответствии с мнением А. А. Киреева [28, с. 67], в 1980-е гг. геополитический подход претерпел существенную трансформацию, что основано на расширении спектра угроз безопасности государства (использование более широкого понятия *безопасности*, выделяя при этом «*твердую*» и «*мягкую*» силы). Помимо военно-политических угроз, при анализе учитывается целый спектр угроз трансграничного, экономического, социального и др. *пограничного* характера (контрабанда, наркотрафик и его незаконный оборот, незаконная миграция, деятельность преступных трансграничных группировок и др.), с которыми государство может сталкиваться как непосредственно, так и через международные организации, общество, отдельные социальные группы и граждан. «...*Безопасность государственной границы обладает значительно более сложным содержанием и охватывает отношения не только между государствами, но и между ними и иными, над- и субнациональными, субъектами, а также в среде самих негосударственных субъектов*» [28, с. 68].

Таким образом, предложенный и рассмотренный перечень *методологических средств*, являющийся *инструментарием* проведения исследований пограничной безопасности Республики Беларусь и ее обеспечения, а также возникающих при этом процессов и явлений содержит практически весь имеющийся обширный запас методов (подходов) и приемов научного познания, позволяющих обеспечить комплексный подход к исследованию рассматриваемого объекта и осуществить анализ происходящих процессов и явлений, связанных с возникновением общественно-государственных отношений при осуществлении деятельности уполномоченных ГиРОГУ в пограничном пространстве по реализации государственной пограничной политики, направленной на обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь [3, с. 9].

Применение указанного инструментария исследований носит познавательный и в то же время рекомендательный характер. Представляется целесообразным дальнейшее развитие предложенной к рассмотрению тематики научных исследований, в том числе предусматривающих разработку рекомендаций по их проведению. Вместе с тем в настоящее время названный инструментарий дает возможность определить проблемы и противоречия в осуществлении деятельности всех заинтересованных структур, выработать и обосновать основные компоненты пограничной безопасности, а также компоненты, ее обеспечивающие. Такой подход позволяет осуществить подготовку направлений дальнейшего совершенствования пограничной безопасности Республики Беларусь, формирования адекватной современным опасностям и угрозам системы ее обеспечения, способной своевременно реагировать на все изменения военно-политической обстановки как в мире, так и в ее пограничном пространстве.

ГЛАВА 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЭТОМ ПРОЦЕССОВ, ЯВЛЕНИЙ

В современных условиях произошедшие значительные военно-политические и социально-экономические изменения в Беларуси и в мире кардинально повлияли на состояние пограничной безопасности Республики Беларусь, обеспечение которой является основополагающим направлением осуществления государственной пограничной политики, формируемой на основе национальных интересов государства в пограничной сфере, имеющих долгосрочный характер и определяющих ее основные цели, стратегические и текущие задачи [12, с. 34].

Указанные изменения, характеризующиеся динамичностью и интенсивностью транзитных, в том числе транспортных, товарных и миграционных потоков, вызванных напряженностью в кризисных регионах мира, геополитическим положением и открытостью Беларуси, новыми условиями межгосударственных отношений, предопределили необходимость пересмотра взглядов на роль и место в общей системе национальной безопасности страны ее основной составляющей – *пограничной безопасности*. Это предусматривает дальнейшее, отвечающее современным реалиям, совершенствование системы ее обеспечения, способной адекватно противостоять эволюционирующим и видоизменяющимся, приобретающим ярко выраженный трансграничный характер, опасностям и угрозам и порождающим их как внешним, так и внутренним источникам.

Одно из направлений решения выявленного противоречия может быть реализовано посредством дальнейшего совершенствования теоретических основ пограничной безопасности, в т. ч. уточнения категориально-понятийного аппарата, что вызвано активной практической деятельностью по ее обеспечению, а также «...*динамикой нормотворчества по вертикали и по горизонтали как внутри государства, так и в международном плане развития правовой системы*» [29, с. 4].

Исследование теоретических основ пограничной безопасности предполагает обращение к такому базовому и ключевому термину, как *безопасность*, который был и остается предметом значительного числа изысканий как белорусских (М. В. Мясникович, В. В. Пузиков, С. Н. Князев, В. Ю. Арчаков, В. П. Вишневская и др.) [30–33], так и российских ученых (А. В. Губченко, А. В. Вожняков, Е. Л. Ежуков и др.) [34–37], в центре внимания которых, как и ранее, находится вопрос ее сущности как многомерного и сложного явления современной жизни в его различных проявлениях, где исходным пунктом выступает выяснение способности общественной системы сохранять состояние ди-

намического равновесия с помощью инструментов политического регулирования в условиях деструктивных воздействий внешней и внутренней среды.

При формулировке сущности безопасности как родового понятия национальной (пограничной) безопасности представители многих областей научного познания исходят из различных критериев, основанных на *«узком, предметном подходе»* [30, с. 12–13; 38, с. 19]. Так, философское трактование безопасности основывается на представлениях о ней как о важнейшем атрибуте (свойстве) или функции любой общественной системы. Представители экономических наук оценивают безопасность с точки зрения материально-технической самодостаточности страны и уровня ее экономической уязвимости. Юридическая наука рассматривает ее как систему установленных законами правовых гарантий защищенности личности и общества, обеспечения их нормальной жизнедеятельности, прав и свобод. В психологической науке безопасность – это ощущение, восприятие и переживание потребности в защите жизненных (духовных, витальных и материальных) потребностей и интересов людей. ГиРОГУ, а также органами, непосредственно занятыми в сфере обеспечения национальной безопасности, безопасность представляется как наличие механизма защиты и степень ее эффективности [38, с. 19–20].

Понятия безопасности общества, личности и государства во многом «пришли» из политической теории. В частности, согласно мнению Д. Уильямса, *«безопасность является мощным политическим инструментом отстаивания приоритетных позиций в конкурентной борьбе, “козырной картой” в борьбе за распределение ресурсов»* [39, р. 1–2]. В публикациях С. Макинды понятие *безопасность* излагается как *«сохранение норм, правил, институтов и ценностей общества»*, которые должны быть защищены от всего спектра *«военных и невоенных угроз»* [40, р. 282]. При этом использование слова *сохранение* является важной составляющей понятия *безопасность*, предполагающее сознательные и целенаправленные, конкретные шаги и действия.

В смысловом понятии *безопасность* противопоставляется *опасности* и используется как характеристика *«отсутствия опасности, сохранность, надежность»* [41, с. 67]. Вместе с тем в некоторых изданиях приведенное определение дополняется тезисом: *«положение, при котором кому-либо, чему-либо не угрожает опасность»* [15, с. 81].

Необходимо согласиться с точкой зрения М. В. Мясниковича, В. В. Пузикова и др. [30, 31] относительно того, что приведенные суждения о безопасности целесообразно использовать в технической сфере деятельности. Вышеуказанными авторами с учетом социального характера безопасности трактуется как *«сложное социальное явление...»* [30, с. 14], *«состояние, при котором не угрожает опасность...»* [14, с. 74]. В этом случае понятие *безопасность* следует излагать как *«состояние защищенности системы (элемента системы) от факторов (угроз), которые могут уничтожить либо изменить ее (его) сущность»* [31, с. 12].

Вышеизложенное, а также анализ законодательства Республики Беларусь в области обеспечения национальной и пограничной безопасности [42–47] позволяют установить, что *ключом* к определению безопасности выступает понятие *угроза*, которое используется в различных словосочетаниях – *угроза безопасности, угроза национальным интересам, угрозы национальной безопасности, угрозы интересам национальной безопасности, угрозы жизненно важным интересам, угроза пограничной безопасности* и т. д. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь под *угрозой национальной безопасности* понимается реально существующая опасность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь [45, ст. 1].

В рамках проведенных ранее совместных научных исследований белорусских и российских ученых и исследователей удалось установить [38, с. 22–23], что в современных словарях русского языка понятие *угроза* понимается как *«запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, вред, зло»* [14, с. 1232; 48, с. 701]. Следовательно, в обобщенном виде под угрозой определяется явление, заключающееся в намерении причинить кому-либо или чему-либо тот или иной ущерб, вред. При этом под ущербом, как правило, принято понимать *«убыток, урон, потерю»* [14, с. 1265; 48, с. 716], а под вредом – *«порчу, ущерб, убыток»* [14, с. 165; 48, с. 73]. Тогда, рассматривая угрозу с точки зрения намерений и возможностей нанесения ущерба, необходимо уточнить содержание понятий *угроза* и *опасность*, которые нередко употребляются в одном и том же значении, допуская при этом в определенном смысле тавтологию.

Общим в содержании угрозы и опасности является их возможность причинить тот или иной ущерб безопасности. Вместе с тем, согласно утверждениям М. Ф. Гацко, существуют и различия между ними, которые заключаются в том, что *«угроза всегда носит конкретно-адресный, персонифицированный характер, что предполагает наличие явных субъекта (источника) угрозы и объекта, на который направлено ее действие»* [49, с. 22]. По мнению белорусских ученых М. В. Мясникова, В. В. Пузикова и др. [30, с. 47; 31, с. 56], угроза *«...является выражением противодействия отдельных личностей, определенных социальных групп, представителей общественных отношений (государств, общественных организаций, субъектов хозяйствования, партий и др.) удовлетворению общенациональных (государственных), а также личных жизненно важных интересов»*.

Опасность, в отличие от угрозы, носит гипотетический, часто безадресный характер, ее субъект и объект могут быть явно не выражены. Так, в трудах В. А. Амиряна [50, с. 119–125], а также в некоторых справочных изданиях [16, с. 685] опасность трактуется как *«ситуация, в которой субъекту может быть причинен какой-либо вред, несчастье»*, как *«возможность, угроза чего-нибудь очень опасного...»*. Из изложенного неясно, когда, кто, откуда и кому причинит вред, это самое несчастье, и, если опасность включает в себе потенциальную угрозу, то, в свою очередь, угроза есть непосредственная возможность нанесения ущерба.

В аспекте рассматриваемого вопроса целесообразно отметить, что отсутствие опасностей вообще, в абсолютном смысле, невозможно, в реальности они всегда существуют и всегда опасности противопоставляется безопасность и, наоборот. При этом система опасностей, как и угроз, не являются статичной (постоянной). Они могут появляться и исчезать, нарастать и уменьшаться, что, в свою очередь, будет изменять и их значимость для безопасности. Источниками нанесения ущерба могут быть как явления, процессы, так и действия (бездействия) субъектов.

Вместе с тем анализ законодательства Республики Беларусь [45–47], а также проведенные совместные научные исследования белорусских и российских ученых [38, с. 23] дают возможность полагать о соотношении опасности и угрозы, где последние имеют *«высшую степень опасности, ее конкретное выражение, целенаправленное намерение каких-либо сил нанести ущерб национальным интересам, негативно воздействовать на ее реализацию»*. При этом определение угрозы осуществляется через опасность, что вполне универсально для любых видов безопасности, в том числе в пограничной сфере. Так, в Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь *«угроза пограничной безопасности»* трактуется как *«конечный уровень нарастания пограничной опасности на завершающей ее стадии формирования, характеризующий ее реальное состояние и предполагающий нанесение ощутимого ущерба национальным интересам...»* [47, ст. 2].

Производным от термина *безопасность* является термин *национальная безопасность*, который, как показал анализ научных трудов белорусских ученых [30–33], достаточно полно исследован. В законодательстве Республики Беларусь [45, ст. 4] под *национальной безопасностью* понимается *«состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие»*.

Производным от термина *национальная безопасность* выступает *пограничная безопасность*, которая является структурным компонентом (составной ее частью) или одним из ее видов и основывается на общих принципах. Это связано с тем, что неотъемлемой составной частью обеспечения безопасности страны выступают пограничные аспекты (факторы). С точки зрения категорий диалектики эти понятия соотносятся как *общее* и *особенное*. В этой связи в контексте изучаемой проблемы представляется целесообразным выделение тех специфических признаков, присущих пограничной безопасности как социальному явлению, которые непосредственно связаны с вопросами территориального разграничения и договорно-правового оформления государственной границы, осуществления пограничных (административно-правовых [51, с. 17]) режимов, необходимых мер охраны и защиты территориальной целостности государства.

Пограничная безопасность Республики Беларусь выступает, как отмечалось выше, в качестве составной части национальной безопасности, т. е. структурно она входит в национальную безопасность и, как установлено в ходе

анализа научных трудов и законодательства [45, 52–54], наряду с политической, экономической, военной и др., является основным ее видом. Основываясь на системообразующем признаке системного подхода (*четвертый признак*), имеет место предположение, что пограничная безопасность является *подсистемой* системы национальной безопасности страны, и это подтвержденный научный факт. Вместе с тем законодателем пограничная безопасность намеренно не выделялась и рассматривается в рамках безопасности в политической сфере (рисунок 1.1), к чему, возможно, привели недостаточность проводимых в этой области исследований, а также суждения некоторых как белорусских, так и зарубежных ученых.

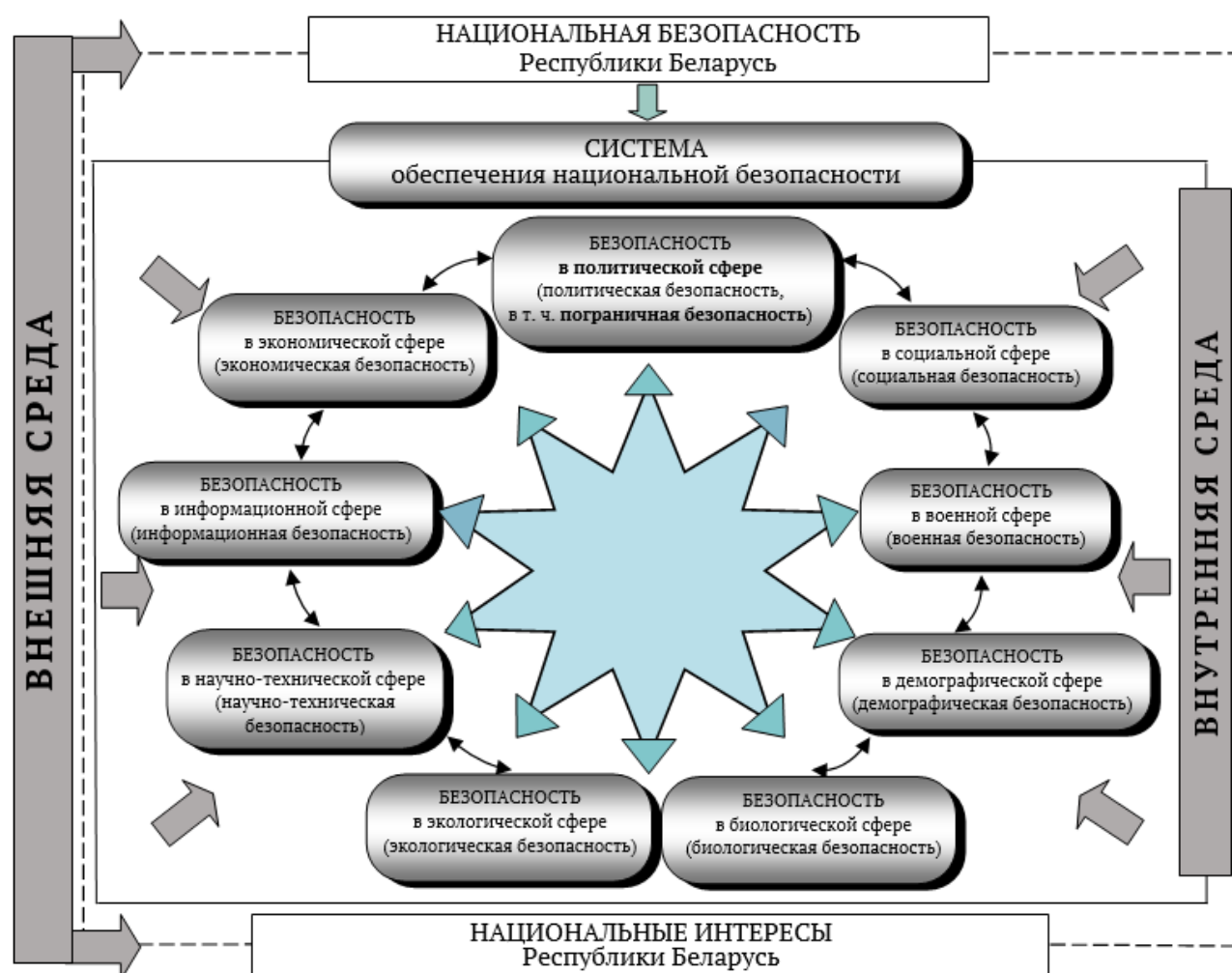

Рисунок 1.1. – Основные виды национальной безопасности и место в ней пограничной безопасности Республики Беларусь

Так, по утверждению Л. С. Мальцева, основанному на предположении, что *пограничная безопасность* является узкоспециализированной областью безопасности, и ее в силу тесной взаимосвязи следует рассматривать в рамках политической безопасности, т. е. в политической сфере [55, с. 5]. По мнению С. В. Верлопа [8, с. 16], по причине «недостаточности должного теоретико-методологического обеспечения» и изученности пограничной безопасности

страны следует использовать термин «*национальная безопасность на государственной границе*»⁷, для конкретизации военной составляющей которого им же предлагается термин *приграничная военная безопасность*⁸.

В этом же аспекте российскими учеными К. В. Фатеевым [56, с. 10, 43], А. С. Роговым [57, с. 16–17] предлагается рассматривать пограничную безопасность в рамках военной безопасности, ее подвидом, при этом в качестве объектов обеспечения военной безопасности, наряду с конституционным строем, независимостью, суверенитетом и территориальной целостностью государства и др., авторы выделяют *государственную границу*.

Проведенные ранее научные исследования [9, с. 18; 12, с. 36–39] дают возможность предположить, что указанные выше суждения представляются ошибочными. Применение метода научного познания, *системного подхода*, позволяет констатировать, что пограничной безопасности как социальному явлению присуще наличие своей определенной среды функционирования, а также общей сферы деятельности ее элементов, ибо ни одна система не может зародиться и существовать вне соответствующей ее природе внешней среды, обуславливающей жизнедеятельность данной системы (*первый системобразующий признак*), которая должна соответствовать определенным критериям, в частности: определять физико-географическую среду и пространственные пределы действий государства по обеспечению пограничной безопасности; указывать на наличие в этом пространстве действующих, в соответствии с нормами международного права, особых административно-правовых режимов, а также на наличие и действие в ней государственного суверенитета⁹.

Есть основания предположить, что таковой средой функционирования пограничной безопасности является пограничное пространство, под которым законодателем понимается «*Государственная граница, приграничная территория, воздушное пространство Республики Беларусь над ними, а также другие территории, в пределах которых осуществляется деятельность уполномоченных государственных органов (должностных лиц), направленная на обеспечение пограничной безопасности*» [5, ст. 1].

⁷ Под *национальной безопасностью на Государственной границе* [8, с. 21–22] понимается состояние защищенности Государственной границы и приграничной территории государства от всего спектра потенциальных и реальных, внешних и внутренних угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства в пограничной сфере, достигаемое интегрированием возможностей всех органов государственной власти и других привлекаемых сил и средств при координирующей роли пограничного ведомства страны. – Прим. авторов.

⁸ Под *приграничной военной безопасностью* [8, с. 102] понимается состояние готовности и способности сил национальной безопасности в военной сфере своевременно выявить и адекватно защитить жизненно важные интересы личности, общества и государства на Государственной границе, акватории, в воздушном пространстве и на приграничной территории, а также в информационной сфере от воздействия внешних источников и носителей военных рисков и вызовов. – Прим. авторов.

⁹ По Ожегову С. И. [14, с. 1157]: *суверенитет* – полная независимость государства в его внутренних делах и в ведении внешней политики. *Государственный С., Национальный С.*

Вместе с тем удалось установить [9, с. 18; 54, с. 78], что встречается толкование термина *пограничное пространство* не только в качестве географических пределов действий определенных норм, правил, режимов и т. д., но и как действующей в этих пространственных пределах определенной общественной среды со всеми существующими в ней формами общественных отношений, непосредственно затрагивающих вопросы пограничной безопасности и ее обеспечения. Таковым термином, отражающим специфику пограничной безопасности, необходимо считать понятие *пограничная сфера*.

В толковых словарях [14, с. 1164; 48, с. 663] термин *сфера* излагается как область, место, пределы, в которых существует, действует, развивается, применяется, распространяется что-нибудь (сфера деятельности, например), или среда, общественное окружение, обстановка. Пограничную сферу можно представить как: особую комплексную сферу деятельности уполномоченных госорганов (должностных лиц) в пограничном пространстве государства; область жизнедеятельности личности, общества и государства, включающую общественно-государственные отношения, связанные с обеспечением пограничной безопасности и обозначающую материальную и интеллектуальную среду их реализации. Притом рассматриваемая сфера, как установлено [9, с. 18, 20], имеет свои особенности, выражаемые в факторах, *пограничных факторах*, оказывающих влияние на пограничную безопасность и ее составляющие элементы.

Анализ научных публикаций ряда ученых: А. А. Павловского, Э. В. Пыжа, В. Ф. Качуринского и др. [52–54, 58–60] свидетельствует, что в Республике Беларусь термин *пограничная сфера* лишь упоминается, а предложенный вариант определения его понятия в публикациях Н. Н. Троцевского [6, с. 38] представляет собой суждения дискуссионного характера. Трактовка данного термина, изложенная в справочной литературе [62, с. 101; 63, с. 77], требует пересмотра, корректировки и внесения изменений.

В этой связи рационально учитывать, что среда функционирования пограничной безопасности как общая сфера деятельности составляющих ее элементов должна не только включать пространственные (географические) пределы, присущие категории *пограничное пространство*, но и учитывать возникающие общественно-государственные отношения в области жизнедеятельности личности, общества и государства как и сферы деятельности других основных видов национальной безопасности страны (см. рисунок 1.1).

Основываясь на вышеизложенном, под *пограничной сферой* предлагается понимать область жизнедеятельности личности, общества и государства, при которой возникают общественно-государственные отношения, связанные с осуществлением в пограничном пространстве деятельности уполномоченных на то *субъектов обеспечения пограничной безопасности* [60, с. 28; 64, с. 91] по реализации государственной пограничной политики, направленной на обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь [13, с. 86–87].

Кроме среды функционирования система характеризуется своей внутренней организацией (*второй системообразующий признак*), составом элементов ее организационной структуры, взаимосвязями между ними, объединяющими их в функционально единый организм. В данном случае пограничная безопасность как система включает, исходя из анализа публикаций М. И. Наймило [10], Н. Н. Троцевского [8, с. 38], различные компоненты (объекты пограничной безопасности; субъекты обеспечения пограничной безопасности; концептуальные и теоретические ее основы; нормативную правовую базу; комплексную систему управления субъектами обеспечения). Из указанного перечня представляют довольно большой практический интерес обеспечивающие компоненты, составляющие *подсистему* исследуемого объекта, т. е. *систему обеспечения пограничной безопасности*.

Учитывая тот факт, что система обеспечения пограничной безопасности имеет вневедомственный и общегосударственный характер [60, с. 29–30; 61, с. 143–144], в ее структуре целесообразно выделять структурные компоненты (*подсистемы*), где основными элементами предлагается определить силы, средства, органы управления, концептуальные и теоретические основы, нормативную правовую базу. При этом соблюдается *четвертый системообразующий признак* системного подхода, в соответствии с которым каждый из предложенных элементов сам является системой по отношению к системе более низшего уровня и в то же время частью системы более высшего уровня, т. е. *суперсистемы*, что «подтверждает выдвинутое предположение о роли и месте пограничной безопасности в общей системе национальной безопасности страны как отдельного и относительно самостоятельного наравне с политической, военной ... и другими, основного вида национальной безопасности» [61, с. 145] (рисунок 1.2).

Рассматривать указанные элементы системы целесообразно на различных *иерархических уровнях* – от высших государственных органов управления до гражданина государства как совокупность объектов, находящихся в некотором ограниченном пространстве, граница области функционирования которых фактически определяется территориальными пределами сосредоточения их основной деятельности, учитывающих административно-территориальное устройство страны [65, ст. 1, 6]. Виды *иерархических уровней*, их содержание будут рассмотрены ниже при моделировании пограничной безопасности.

В целях определения сущности и предназначения системы обеспечения пограничной безопасности необходимо, как показывает анализ работ М. И. Наймило [10] и Д. А. Щербакова [66], рассмотреть сущность *обеспечения пограничной безопасности государства*.

Основываясь на том, что пограничная безопасность является комплексным видом национальной безопасности Республики Беларусь, ее составной частью, будет целесообразным при определении понятия *обеспечение пограничной безопасности* использовать законодательно закрепленное понятие «*обеспечение национальной безопасности Беларуси*» [45, ст. 49], под которым

понимается «деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, реализации национальных интересов, созданию необходимых условий для устойчивого развития Республики Беларусь».

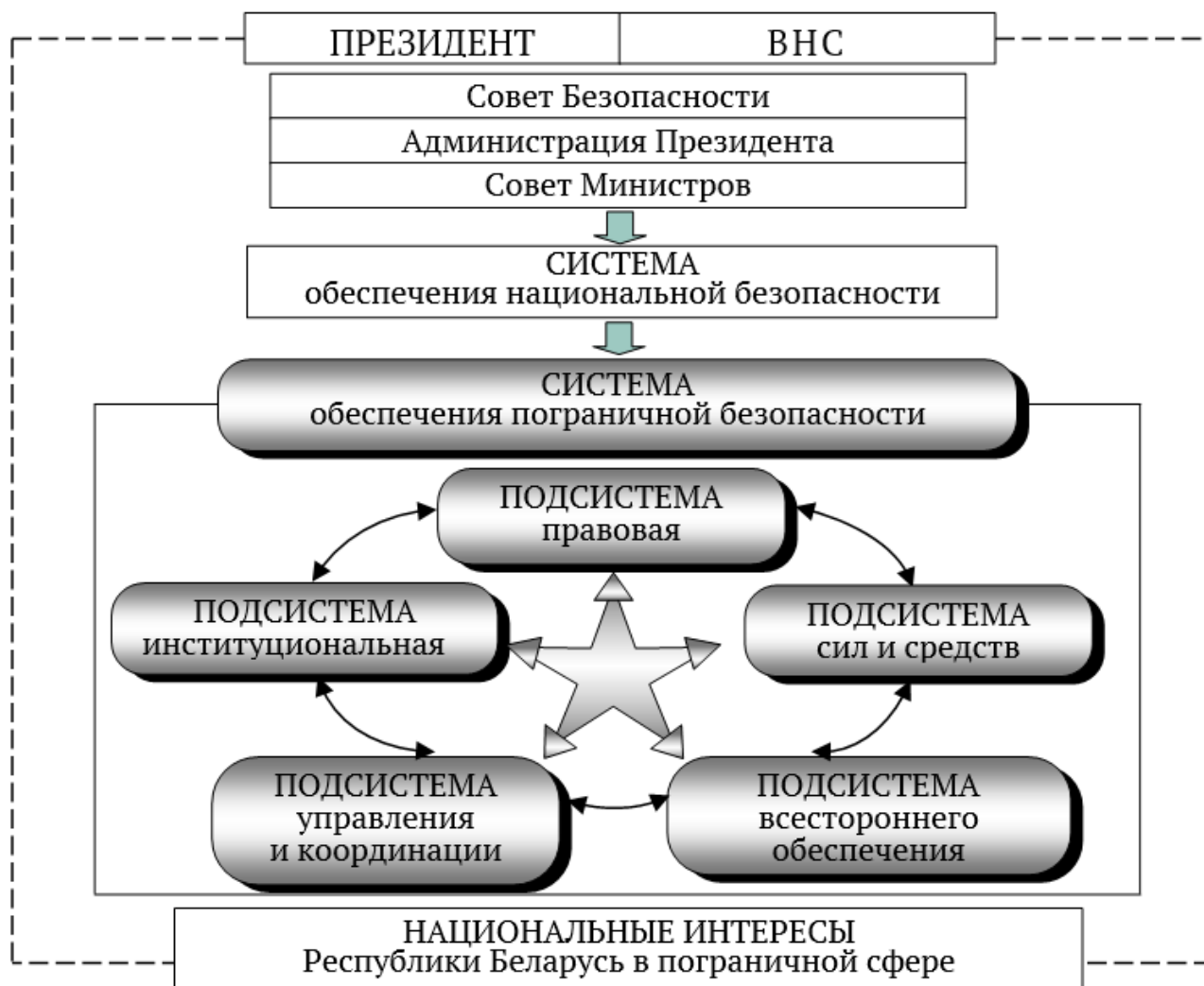

Рисунок 1.2. – Основные элементы системы обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь

Проведенные ранее научные исследования [12, с. 38; 52, 5–6; 60, с. 27] дают основания полагать, что *обеспечением пограничной безопасности Республики Беларусь* является деятельность субъектов обеспечения пограничной безопасности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проявляющихся в пограничной сфере, реализации в ней национальных интересов и созданию необходимых условий для устойчивого развития Республики Беларусь в целом.

Главной целью (третий системообразующий признак системного подхода) обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь целесообразно определить достижение и поддержание такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проявляющихся

в пограничной сфере, который гарантирует реализацию в ней национальных интересов и устойчивое развитие Республики Беларусь [12, с. 38; 61, с. 145].

Достижение поставленной цели обеспечения пограничной безопасности осуществляется посредством выполнения *задач обеспечения пограничной безопасности*, которые предлагается разделить и рассматривать по значимости: *основные*, направленные в конечном итоге на «*изменение угрозы либо в благоприятный или нейтральный процесс, либо в направлении уменьшения ее разрушительного потенциала*» [66, с. 68], куда необходимо отнести выявление угроз пограничной безопасности и их противодействие; *вспомогательные*, направленные на «*формирование благоприятной обстановки для обеспечения успеха в достижении основной цели*» [66, с. 68]. К *вспомогательным* задачам логично относить, *во-первых*, непосредственное управление процессом обеспечения пограничной безопасности; *во-вторых*, подбор, подготовку и расстановку собственно сил и средств; *в-третьих*, материально-техническое и финансовое обеспечение; *в-четвертых*, правовое обеспечение.

Данные положения в той или иной степени затрагивают все сферы деятельности уполномоченных на то субъектов и позволяют выстроить адекватную систему обеспечения пограничной безопасности, способную выполнить *главную цель* – обеспечение безопасности государства в пограничной сфере.

В соответствии с мнением российских ученых М. И. Наймило [10], Д. А. Щербакова [66], а также белорусских ученых А. А. Павловского, В. Ф. Качуринского и др. [12, 52, 58–61] представляется уместным определить следующие задачи обеспечения пограничной безопасности Беларуси. К *основным задачам* следует отнести: обеспечение независимости, суверенитета и территориальной целостности; мониторинг развития обстановки в пограничном пространстве, своевременное прогнозирование и выявление, предупреждение и нейтрализацию внутренних и внешних угроз. К *вспомогательным* задачам: создание благоприятных условий для реализации национальных интересов Республики Беларусь в пограничной сфере; формирование адекватной существующим и потенциальным угрозам системы обеспечения пограничной безопасности и поддержание ее эффективного функционирования, в том числе путем полноценного финансового, материально-технического обеспечения всех ее элементов; развитие органов пограничной службы как основного субъекта обеспечения пограничной безопасности; поддержание взаимодействия и координацию деятельности государственных органов и иных организаций в области обеспечения пограничной безопасности; международно-договорное оформление Государственной границы и развитие международного сотрудничества по пограничным вопросам; создание и совершенствование необходимой нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы обеспечения пограничной безопасности.

Рассмотрев предназначение, цели, задачи обеспечения пограничной безопасности, целесообразно исследовать термин *система обеспечения пограничной безопасности*.

Изучение публикаций белорусских ученых Н. Н. Троцевского [6], А. А. Павловского [58], Э. В. Пыжа [59], В. Ф. Качуринского и др. [60], законодательства о Государственной границе [5, 67], а также проведенные ранее научные исследования [52, с. 7–8; 64, с. 91–92] позволили установить, что в Республике Беларусь собственно понятие *система обеспечения пограничной безопасности* в нормативной правовой базе до определенного момента не было выработано, а специальные исследования в данном направлении недостаточно глубоко отражали специфику, сущность и предназначение объекта такого уровня. Вместе с тем в 2017–2018 гг. проведена огромная подготовительная работа по разработке проекта Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 гг. и в последующем его утверждение Главой государства [47], где впервые закреплялось понятие *система обеспечения пограничной безопасности*, в основу которого были положены проведенные на тот момент научные изыскания [6, 52, 58–60, 64].

Учитывая тот факт, что рассматриваемый объект (система обеспечения пограничной безопасности) является структурным элементом системы пограничной безопасности и неотъемлемой составной частью системы обеспечения национальной безопасности Беларуси, при определении понятия *система обеспечения пограничной безопасности* использовалось понятие *система обеспечения национальной безопасности Беларуси*, приведенное в положениях Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [45, ст. 62].

Наиболее приемлемым, учитывающим анализ имеющихся исследований в Беларуси, а также отражающим положения Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, было предложено понятие *система обеспечения пограничной безопасности* [64, с. 92], под которым понималась совокупность взаимодействующих субъектов обеспечения пограничной безопасности и средств, используемых ими, объединенных единым руководством, целями и задачами для осуществления деятельности в рамках установленного законодательства по защите и реализации национальных интересов Республики Беларусь и обеспечению безопасности личности, общества и государства в пограничной сфере.

Следуя основным положениям системного подхода и учитывая тот факт, что «любая система осуществляет определенные функции, которые обусловлены ее природой или назначением» [25, с. 285], являющиеся целями деятельности всех элементов системы и в то же время признаком системности объекта (*третий системообразующий признак*), а также согласно проведенным ранее научным исследованиям [12, с. 39–40; 61, с. 145] в качестве основных, наиболее значимых *функций системы обеспечения пограничной безопасности государства* предлагается определить:

сохранение объектов защиты (охраны) в пограничной сфере, т. е. *объектов обеспечения пограничной безопасности*, основными из которых являются национальные интересы государства в пограничном пространстве [60, с. 27; 68, с. 128–129];

противодействие *источникам опасности (угроз)* государства в пограничной сфере, т. е. *угрозообразующим факторам* [9, с. 18];

противодействие *носителям (субъектам воздействия) опасности (угроз)* государства в пограничной сфере (государство, надгосударственные образования и военно-политические организации, отдельные государственные органы и ведомства иностранных государств, негосударственные, неправительственные организации, преступные организации и группы, а также юридические лица и даже отдельные физические лица и группы, деятельность которых направлена на дестабилизацию обстановки в пограничной сфере, возникновение угроз пограничной безопасности [9, с. 18]);

обеспечение собственного функционирования и развития системы [12, с. 40].

Указанные выше функции вытекают из основных направлений деятельности субъектов обеспечения пограничной безопасности государства и реализуются путем решения стоящих перед ними задач на каждом из иерархических уровней системы обеспечения пограничной безопасности.

На основании изложенного выше следует вывод, что при рассмотрении пограничной безопасности, а также явлений и процессов, связанных с ее обеспечением, не менее ценным является уточнение наиболее общих и вместе с тем важных для осмысления теоретических положений. Это в первую очередь обусловлено активной деятельностью по обеспечению пограничной безопасности, вызванной произошедшими значительными военно-политическими и социально-экономическими изменениями в Беларуси и в мире в целом.

Кроме того, практическое отсутствие, как установлено в ходе научных исследований, в Республике Беларусь диссертационных исследований в области обеспечения пограничной безопасности порождает неточные толкования тех или иных основных понятий, что в конечном итоге приводит к противоречиям и затруднениям в выполнении уполномоченными ГиРОГУ задач по предназначению.

Рассмотренный и предложенный метод научного познания – *системный подход* к изучению теоретических основ обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь позволил:

выявить некоторые противоречия и неточности в суждениях белорусских ученых относительно роли и места пограничной безопасности, ее обеспечения в общей системе национальной безопасности;

выявить противоречия основополагающих системных признаков организационных систем, что дало возможность уточнить категориально-понятийный аппарат теоретических основ пограничной безопасности, такие главные теоретические основания исследования, как: *обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь, ее цель; система обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь; пограничная сфера; функции и задачи системы обеспечения пограничной безопасности.*

Необходимо отметить, что уточненные понятия категориально-понятийного аппарата теоретических основ обеспечения пограничной безопасности в перспективе позволят осуществить подготовку новой редакции Концепции обеспечения пограничной безопасности Беларуси, а также выработать единый научный подход к формированию стратегических и концептуально значимых документов в области осуществления государственной пограничной политики, направленных на обеспечение пограничной безопасности страны.

ГЛАВА 3

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЭТОМ ПРОЦЕССОВ, ЯВЛЕНИЙ

Происходящие в настоящее время военно-политические, экономические, общественные и иные изменения обстановки в мире, как отмечалось выше, оказывают непосредственное и негативное воздействие на пограничную безопасность, что вызвало довольно значительное ее (обстановки) обострение, связанное с переделом зон влияния и падением однополярного миропорядка [69, с. 118]. Особенно это стало заметно в последние годы, когда Беларусь столкнулась с серьезной опасностью, обусловленной жесткими мерами карантина, связанного с COVID, широкомасштабным и спланированным внешнеполитическим давлением, санкциями невиданного мирового масштаба, попытками изменения конституционного строя республики, миграционным кризисом и проведением специальной военной операции на Украине [70, с. 12].

Вышеизложенное обуславливает формирование комплекса мер противодействия возникающим внешним угрозам и нейтрализации внутренних угроз, что является наиболее важной и основной задачей системы обеспечения пограничной безопасности государства, субъектами которой выступают ГиРОГУ, их силы и средства, при координирующей роли пограничного ведомства государства. При этом рассмотренные выше изменения обстановки, непосредственно затрагивающие Беларусь, предполагают формирование адекватной системы обеспечения пограничной безопасности, отвечающей современным реалиям, посредством выработки направлений ее совершенствования, которую невозможно осуществить без комплексного научного исследования такого многогранного и сложного объекта, как пограничная безопасность.

В ходе определения методологического инструментария было предложено такое «*мощное методологическое средство*» научного познания пограничной безопасности, как *системный* подход [10, с. 22; 11, с. 19], а также его метод-прием практической направленности – *метод моделирования*.

В аспекте рассматриваемого вопроса необходимо отметить, что при моделировании пограничной безопасности, а также возникающих в ходе ее обеспечения процессов и явлений, что является существенным, широкое применение нашли различные модели: теоретико-логические, комбинированные, физические, имитационные и др. [71, с. 76–77]. Вместе с тем заслуживает особого внимания мысленное моделирование (метод мысленного или идеального моделирования [4, с. 8]), а именно *структурно-функциональное моделирование*. Применение соответствующей модели дает возможность изучить закономерные связи между основными составляющими элементами

объекта познания, рассматриваемого как система, «исследования состава, структуры и функций системы» [71, с. 76], а также процессов функционирования с целью обоснования направлений дальнейшего его совершенствования.

В ходе проведенных ранее научных исследований установлено [69, с. 119; 72, с. 26], что предлагаемая структурно-функциональная модель обеспечения пограничной безопасности позволяет без дополнительных, как временных, так и материальных, затрат (присущее физическому, символическому (знаковому, математическому) видам моделирования [4, с. 8], предполагающим создание комбинированных, физических, имитационных и др. моделей [72, с. 76–77]), воспроизвести существенные свойства исследуемого реального объекта исследования. В то же время, что является важным, полученный в ходе моделирования образ может быть в последующем использован для изучения закономерных связей между основными элементами непосредственно системы обеспечения пограничной безопасности, изучения процессов функционирования с целью обоснования направлений ее совершенствования.

В целях воссоздания модели целесообразно применять основные и взаимосвязанные между собой компоненты, рассмотренные выше, которые являются в данном случае *подсистемами (модулями)* системы обеспечения пограничной безопасности Беларуси: правовую; институциональную; сил и средств; управления и координации; всестороннего обеспечения (см. рисунок 1.2) [72, с. 26]. Вышеуказанный модульный способ (выделение подсистем (модулей) в структуре исследуемого элемента) является ничем иным, как использованием «*модели черного ящика*» [73, с. 103–105; 74, с. 37–38], позволившим на начальном этапе исследования объекта наиболее ясно и четко рассмотреть сложную систему, каковой он является, не учитывая происходящие процессы *внутри* самих модулей (блоков), что облегчает сам процесс моделирования.

Изучение предложенных подсистем (модулей) позволило воссоздать вариант структурно-функциональной модели и ее отобразить (рисунок 1.3) [72, с. 27]. Графическое построение предложенного варианта модели в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к моделям такого уровня и типа (структура, наглядность построения, доступность к исследованию, полнота и гибкость), наглядно отображает структуру и связи между ее элементами, тем самым обеспечивая доступность для ее изучения [75, с. 85–86; 76, с. 176–178]. При этом рассматриваемый перечень ее компонентов (подсистем) полностью охватывает часть всей структуры общественно-государственных отношений (политических, экономических, военных и др.), связанных с реализацией государственной пограничной политики по обеспечению пограничной безопасности Республики Беларусь.

Предлагаемая структура модели представляет собой не некое хаотичное и нагроможденное множество элементов, а упорядоченное их графическое расположение, подтверждающее одно из основных структурных свойств – целостность [76, с. 176–178]. Такая структура позволяет установить, что рас-

смаатриваемая система в целом способна выполнить свое предназначение, заключающееся в достижении и поддержании такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проявляющихся в пограничной сфере, который гарантирует реализацию в ней национальных интересов и устойчивое развитие Республики Беларусь в целом [12, с. 38].

В то же время можно с полной уверенностью утверждать, что ни один из составляющих компонентов предлагаемой модели не способен самостоятельно достичь поставленной цели. Например, реализацию одной из основных задач системы – своевременное прогнозирование и выявление, предупреждение и нейтрализация внутренних и внешних угроз невозможно решить без наличия такого компонента (подсистемы), как силы и средства, которые неспособны выполнить поставленные задачи без следующих составляющих: правовая подсистема (законодательные и нормативные правовые акты, государственные программы, концепции и стратегии и др.); подсистема всестороннего обеспечения, включающая в первую очередь инфраструктуру на Государственной границе; подсистема материально-технического обеспечения и др.

Кроме того, для осуществления целенаправленной деятельности в достижении общей цели обеспечения пограничной безопасности, взаимодействия и координации действий всех составляющих компонентов, безусловно, необходим компонент управления, представленный в структуре в виде подсистемы управления и координации (см. рисунок 1.2), который, в свою очередь, также не может существовать без рассмотренных выше составляющих. Следовательно, только все элементы предлагаемой модели, объединенные в систему, образуют единое целое, способное достичь поставленной цели.

Вместе с тем принципы государственного управления в военной сфере (военное управление) Беларуси, основным содержанием которого является целенаправленная деятельность Президента Республики Беларусь, ВНС и Совета Министров, центральных и других органов военного управления по осуществлению военной политики страны, обеспечению национальной (пограничной) безопасности, предусматривают различные управленческие *иерархические уровни*. При определении уровней, как уже отмечалось выше, в т. ч. следует учитывать принцип территориальности ГиРОГУ, местного управления и самоуправления [65, ст. 1, 6]. Так, в ходе проведенных ранее научных исследований [12, с. 38], наряду с модульным построением предлагаемой модели, удалось выделить и предложить для дальнейшего изучения следующие иерархические уровни: *республиканский* (стратегический, оперативно-стратегический); *территориальный* (оперативно-тактический); *местный* (тактический) (рисунок 1.3)¹⁰.

¹⁰ На рисунке 1.3 перечисленные уровни обозначены: стратегический – I уровень; оперативно-стратегический – II уровень; оперативно-тактический – III уровень; тактический – IV уровень. – Прим. авторов.

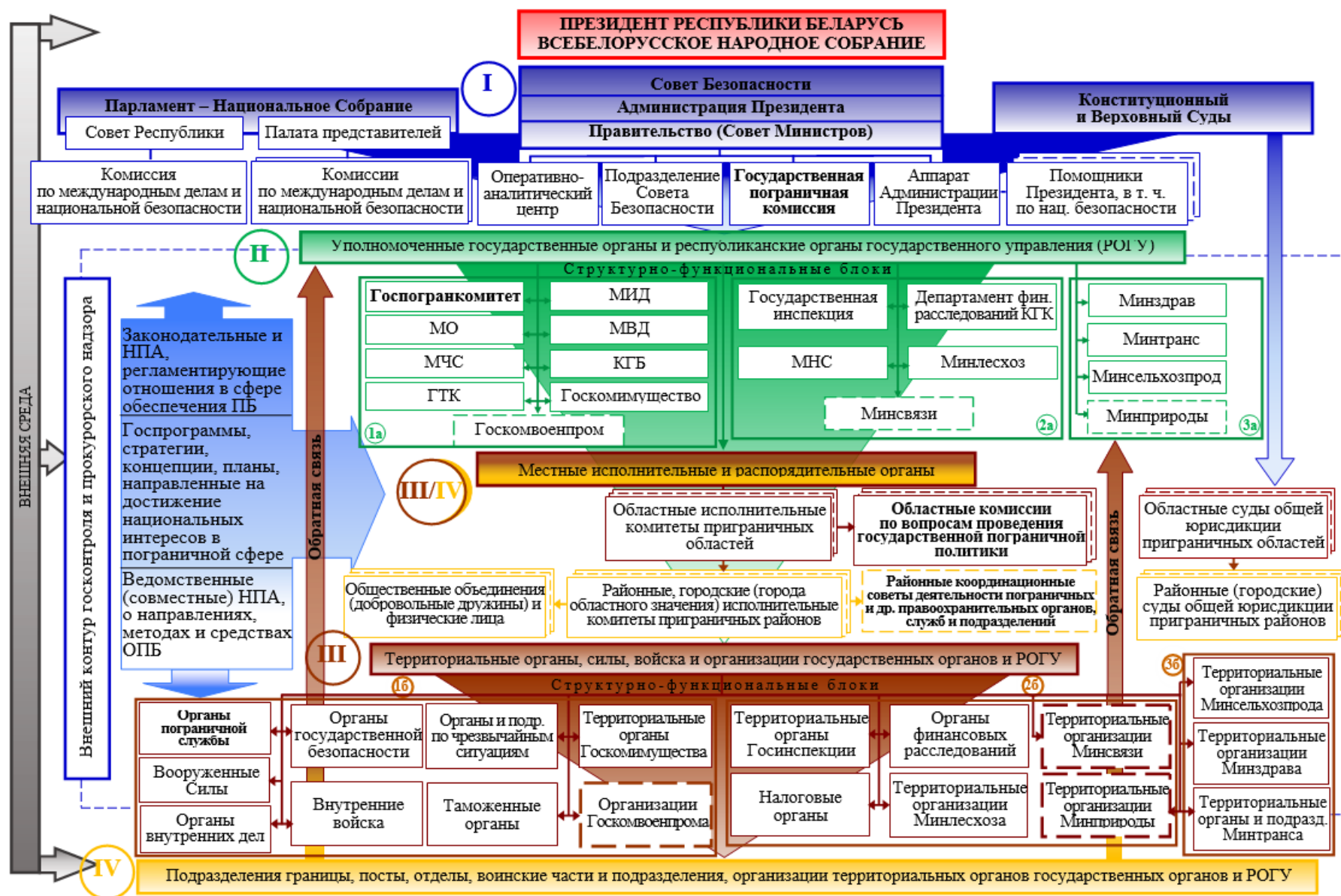

Рисунок 1.3. – Структурно-функциональная модель обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь

Это обусловлено тем, что исследуемый объект является многогранным и сложным по своей структуре, имеет вневедомственный и общегосударственный характер, когда успешное решение сложного комплекса задач обеспечения пограничной безопасности возможно только в масштабе государства, которое, реализуя свою *пограничную политику*¹¹, делегирует для этого необходимые полномочия и функции ГиРОГУ субъектам гражданского общества, в т. ч. простым гражданам.

Такая иерархическая структура представленной модели проста для анализа и реализации, а наглядное ее графическое отображение дает возможность учитывать взаимосвязи как между основными ее компонентами (подсистемами), так и взаимосвязи собственно внутри самого элемента, который сам представляет систему, но более низшего уровня.

Предложенная модель (как система) сама является составной частью (подсистемой) системы более высшего уровня, в частности системы пограничной безопасности, включающей обеспечивающие ее элементы, и в общем системы обеспечения национальной безопасности Беларуси. Тем самым выполняется одно из *основных методологических требований системного подхода* [10, 18], предполагающего возможность исследования объекта как относительно обособленной системы, так и как подсистемы выбранной суперсистемы.

Необходимо отметить, что в рассматриваемой модели также учитывается (очень важно при моделировании) влияние внешней и внутренней обстановки (среды) [9, с. 18] (см. рисунок 1.3), которое выражается в воздействии многообразия факторов, проявляющихся во всех сферах жизнедеятельности, способных активизировать деструктивные силы и в конечном итоге привести к возникновению угроз пограничной безопасности. При этом обладание способностью за счет собственных резервов наращивать усилия (приспосабливаться) и частично перестраиваться к воздействию внешней и внутренней обстановки (среды) указывает на соответствие ее (модели) еще одному предъявляемому требованию – гибкости, что выражается в дифференцированном применении имеющихся сил и средств для устранения таковых воздействий.

Например, обострение военно-политической обстановки на Государственной границе и приграничной территории может привести к использованию сил и средств различных ведомств силового блока, в частности Министерства обороны Республики Беларусь и др., интенсивному применению имеющихся сил и средств адекватно потенциальным либо реально существующим угрозам, гибкому реагированию на вновь возникающие угрозы пограничной безопасности.

¹¹ В Республике Беларусь в официальных источниках [5, ст. 1] термин *пограничная политика* трактуется как «государственная пограничная политика», под которой понимается составная часть внутренней и внешней политики Республики Беларусь, представляющая собой деятельность уполномоченных государственных органов (должностных лиц), направленную на обеспечение пограничной безопасности. – Прим. авторов.

В своем выступлении 20 февраля 2024 г. на расширенном совещании с руководящим составом государственных органов системы обеспечения национальной безопасности А. Г. Лукашенко так охарактеризовал особенности складывающейся обстановки на границах Беларуси: *«Важнейшая задача – обеспечение безопасности и неприступности наших рубежей. Для охраны границы привлечены не только пограничники, но и другие силовые органы. Это симметричный ответ на наращивание пограничной инфраструктуры со стороны сопредельных стран ... С учетом беспрецедентно близкого к нам расположения военного контингента НАТО и проведения масштабных учений альянса взаимодействие органов пограничной службы с Вооруженными Силами должно быть организовано на высочайшем уровне. При необходимости подключайте другие ведомства...»* [81].

С целью более четкого представления о процессах и явлениях, происходящих при обеспечении пограничной безопасности, целесообразно обратить внимание на предназначение основных компонентов предложенной структурно-функциональной модели.

Так, урегулирование возникающих общественно-государственных отношений в пограничной сфере при выполнении стоящих задач предполагает наличие системы эффективных законодательных и нормативных правовых актов, государственных программ, стратегий, концепций, планов, а также ведомственных (совместных) нормативных правовых актов о направлениях, методах и средствах обеспечения пограничной безопасности, которая представлена в рассматриваемой модели в виде такого одного из основных ее компонентов, как **правовая подсистема** (см. рисунки 1.2, 1.3), где структурно выделяются законодательные и нормативные правовые акты, являющиеся *концептуальными основами обеспечения пограничной безопасности*, в частности Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. «О Государственной границе Республики Беларусь» [5], определяющий основные положения обеспечения пограничной безопасности, а также полномочия в осуществлении государственной пограничной политики субъектов обеспечения пограничной безопасности страны.

Подсистема управления и координации представляет собой механизм управления всеми составляющими компонентами, взаимосвязи которого практически *пронизывают* предлагаемую модель, и основывается на принципах государственного и военного управления военной организации Беларуси, где, несомненно, основную и координирующую роль имеет Государственный пограничный комитет Республики Беларусь¹² [78, ст. 9] (см. рисунки 1.2, 1.3). Рассматриваемая подсистема является составной частью *управляющей системы* военной организации Республики Беларусь, представляющей собой совокупность органов государственного и военного управления различных уровней, имеющих соответствующую материально-техническую базу управления и

¹² Далее – Госпогранкомитет. – Прим. авторов.

действующих в интересах реализации стоящих задач, в частности по обеспечению пограничной безопасности, где исключительными управленческими полномочиями, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, обладают Президент, Парламент и Правительство, а также, с недавнего времени и ВНС – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь. Глава государства руководит деятельностью ГиРОГУ путем реализации своих полномочий в этой сфере через Совет Безопасности Республики Беларусь и его рабочий орган – Государственный секретариат Совета Безопасности Беларуси, а также через Совет Министров Республики Беларусь, а в общих вопросах организации взаимодействия с органами государственной власти через Администрацию Президента Республики Беларусь (см. рисунок 1.3).

Характеризуя рассмотренные высшие государственные органы власти, Глава государства отметил, что *«...полномочия и работа Администрации – это кадры, идеологическая работа, правовые вопросы и контроль за работой экономического блока. Правительство – это экономический штаб Президента. Госсекретариат – это силовой штаб, аппарат, который обеспечивает функционирование и контроль, доклад Президенту по деятельности всего силового блока страны»* [79]. Выступая на VII заседании ВНС А. Г. Лукашенко, высказываясь о предназначении и значимости ВНС, сказал: *«Наше вече, Всебелорусское народное собрание, не подменяет государственные органы и не вмешивается в их деятельность. Всебелорусское народное собрание – конечно же, политический институт. Это та площадка, ... – где мы должны обсуждать главные стратегические вопросы строительства и ориентировать наше общество, по какому пути идти, развиваться ... В компетенции ВНС исключительно глобальные вопросы, стратегия: как будем жить дальше, как будем развиваться, на каких ценностях будем воспитывать детей и строить наши общественные отношения»* [80].

Следующий компонент – **институциональная подсистема** (субъекты обеспечения пограничной безопасности) является одной из основных составляющих, что подтверждается законодательством [5]. Предложенный модуль (подсистема), как показали проведенные ранее научные исследования [72, с. 28], представляет собой совокупность государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, местных исполнительных и распорядительных органов, а также представителей гражданского общества Республики Беларусь [22, ст. 1; 23, ст. 1], деятельность которых направлена на обеспечение пограничной безопасности страны. Вышеизложенное в общем определяет категорию *«субъекты обеспечения пограничной безопасности»* [60, с. 28; 64, с. 91], представленные на всех иерархических уровнях модели.

Учитывая обширность и многообразие элементов институциональной подсистемы, ее целесообразно рассматривать как множество отдельных модульных блоков, куда включить следующие ГиРОГУ: **во-первых**, субъекты, осуществляющие непосредственное обеспечение пограничной безопасности (Госпогранкомитет, Министерство иностранных дел Республики Беларусь, Министерство обороны Республики Беларусь, Министерство внутренних дел

Республики Беларусь, Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь¹³, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь); **во-вторых**, субъекты, *оказывающие содействие* в проведении мероприятий обеспечения пограничной безопасности (Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь, Департамент финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Министерство лесного хозяйства Республики Беларусь); **в-третьих**, субъекты, *осуществляющие контрольные функции* по обеспечению пограничной безопасности (Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь) (см. рисунок 1.3)¹⁴.

Аналогичным образом предлагается функционально рассматривать имеющийся в распоряжении субъектов обеспечения пограничной безопасности компонент – силы и средства – **подсистема сил и средств**, в структуре которой выделить следующие блоки (см. рисунок 1.3)¹⁵: **во-первых**, *силы и их средства, непосредственно осуществляющие выполнение задач* (органы пограничной службы, Вооруженные Силы Республики Беларусь, органы внутренних дел и внутренние войска и др.); **во-вторых**, *силы и их средства, оказывающие содействие в выполнении задач* (территориальные органы Государственной инспекции, налоговые органы и др.); **в-третьих**, *силы и их средства по осуществлению контрольных функций* на Государственной границе и приграничной территории (территориальные организации Минздрава, Минсельхозпрода и др.).

Несомненно, одной из основных составляющих подсистемы сил и средств, которая обеспечивает непосредственное выполнение поставленных задач, являются ОПС. В ходе изучения законодательства о Государственной границе установлено [78, гл. 7], что ОПС тоже представляют собой *систему*, включающую Госпогранкомитет (центральный и координирующий РОГУ всей системы обеспечения пограничной безопасности), территориальные органы пограничной службы, орган пограничной службы специального назначения,

¹³ Далее – МЧС. – Прим. авторов.

¹⁴ На рисунке 1.3 перечисленные структурно-функциональные блоки обозначены на II (оперативно-стратегическом) иерархическом уровне: субъекты, осуществляющие непосредственное обеспечение пограничной безопасности – 1а; субъекты, оказывающие содействие в проведении мероприятий обеспечения пограничной безопасности – 2а; субъекты, осуществляющие контрольные функции по обеспечению пограничной безопасности – 3а. – Прим. авторов.

¹⁵ На рисунке 1.3 перечисленные структурно-функциональные блоки обозначены на III (оперативно-тактическом) иерархическом уровне: силы и их средства, непосредственно осуществляющие выполнение задач, – 1б; силы и их средства, оказывающие содействие в выполнении задач, – 2б; силы и их средства по осуществлению контрольных функций – 3б. – Прим. автора.

а также организации, создаваемые по решению Главы государства для обеспечения выполнения задач, возложенных на ОПС.

В аспекте рассматриваемого вопроса целесообразно отметить, что такой подход к моделированию обеспечения пограничной безопасности позволяет рассматривать данный объект исследований как *систему* и выработать основные направления ее совершенствования посредством развития основных составляющих компонентов.

Так, в ходе проведенных ранее научных исследований [72, с. 28] удалось установить такие компоненты (*институциональная подсистема, подсистема управления и координации*), требующие уточнения полномочий составляющих их элементов (к примеру, МЧС – по вопросам контроля за эксплуатацией маломерных судов, учета, содержания, плавания и нахождения водных судов на приграничной территории; по вопросам применения авиации в интересах обеспечения пограничной безопасности), а также выявить ряд элементов, в частности *оперативно-стратегического уровня* (Госкомвоенпром, Минсвязи, Минприроды), не являющихся в современных условиях таковыми составляющими элементами, однако, деятельность которых способствует развитию комплекса мер по парированию угроз пограничной безопасности, что предполагает внесение изменений в законодательство о Государственной границе посредством их дополнения, определения и закрепления им соответствующих полномочий.

Вышеуказанное даст возможность выполнить одно из основных направлений функционирования и развития системы обеспечения пограничной безопасности Беларуси, которое заключается в *совершенствовании состава, структуры и функций основных ее компонентов*.

Учитывая современное состояние и развитие народовластия в Республике Беларусь, предусматривающего наличие такого «*политического института*» [80], как ВНС, его (народовластия) высшего представительного органа, обладающего, как показал анализ законодательства Республики Беларусь [22, ст. 1; 23, ст. 1], полномочиями стратегического уровня, представляется целесообразным внести соответствующие изменения в законодательство о Государственной границе, определяющие полномочия (компетенции) не только ВНС, но и субъектов гражданского общества в области реализации государственной пограничной политики [20, с. 121].

Рассмотренные и предложенные преобразования позволяют без значительного изменения структуры существующей системы дополнить ее новыми элементами и тем самым повысить качество выполняемых функций в общем – на выходе системы. Это стало возможным благодаря тому, что включенные элементы, в свою очередь, являются элементами другой системы, взаимодействуют с компонентами существующей системы обеспечения пограничной безопасности не целиком, а лишь той *стороной*, которую можно охарактеризовать как *деятельность*, связанную с осуществлением полномочий в области государственной пограничной политики по обеспечению по-

границной безопасности. Такое избирательное взаимодействие в научных трудах получило название *изоморфизм*, свойство, которое присуще всем системам [81, с. 17–19].

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, есть основание полагать, что разработанная *структурно-функциональная модель* обладает общими свойствами сложных и динамических систем, а также отвечает всем требованиям, предъявляемым к моделям такого уровня и типа [75, с. 85–86; 76, с. 176–178]. При этом представленная *структурно-функциональная модель* является моделью рассматриваемой системы, а установленный в ходе научных исследований **перечень ее компонентов** (*правовая подсистема; институциональная подсистема; подсистема сил и средств; подсистема управления и координации и подсистема всестороннего обеспечения*), составляющие которых присутствуют на каждом из предложенных для изучения иерархических уровней и практически в каждой из ее функций, являются ее **основными компонентами**, выступающими в роли ее подсистем, охватывающих все структурные элементы и взаимосвязи между ними.

Такой подход к научному исследованию пограничной безопасности, а также возникающих процессов и явлений при ее обеспечении дает возможность наметить и предложить основные направления дальнейшего развития системы ее обеспечения посредством совершенствования состава, структуры и функций основных ее компонентов (подсистем), реализация которых приведет к более целенаправленному и рациональному осуществлению ГиРОГУ, ВНС и субъектами гражданского общества Республики Беларусь деятельности в области государственной пограничной политики по обеспечению пограничной безопасности и в конечном итоге сформировать адекватную современным реалиям систему обеспечения, позволяющую достичь такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проявляющихся в пограничной сфере, который гарантирует реализацию в ней национальных интересов и устойчивое развитие Республики Беларусь в целом.

Список цитируемых источников

1. Погранология: методология и методика научных исследований : монография / А. Я. Анцупов [и др.]. – Москва : Погранич. акад. ФСБ России, 2006. – 380 с.
2. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.] ; под ред. М. В. Мясникова, Л. С. Мальцева. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 557 с.
3. Жилинский, С. В. Некоторые аспекты методологических основ исследования пограничной безопасности Республики Беларусь, ее обеспечения и возникающих при этом процессов / С. В. Жилинский, П. И. Миронюк // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2023. – № 2 (13). – С. 4–10.
4. Бугай, А. Н. Эмпирические и теоретические методы как определяющий фактор в военно-научном исследовании / А. Н. Бугай, Э. К. Снежко // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2018. – № 2 (3). – С. 4–8.

5. О Государственной границе Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-З ; в ред. от 10 окт. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).
6. Троцевский, Н. Н. Роль и место пограничной безопасности в системе национальной безопасности государства / Н. Н. Троцевский // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 37–42.
7. Павловский, А. А. Национальная безопасность на государственной границе: выбор системной основы совершенствования / А. А. Павловский, С. В. Верлуп // Сборник научных статей Военной академии Республики Беларусь. – 2014. – № 26. – С. 43–53.
8. Верлуп, С. В. Национальная безопасность на государственной границе: идеи, мнения, предложения / С. В. Верлуп. – Минск : ВА РБ, 2018. – 148 с.
9. Миронюк, П. И. Некоторые подходы к исследованию условий и факторов возникновения угроз пограничной безопасности Республики Беларусь, влияющих на формирование ее системы обеспечения / П. И. Миронюк, В. Ф. Качуринский // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2018. – № 1 (2). – С. 17–21.
10. Наймило, М. И. Развитие основ пограничной безопасности Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе : дис. ... д-ра воен. наук : 20.03.09 / М. И. Наймило. – Москва, 2003. – 435 с.
11. Поскребетьев, С. В. Проблемы обеспечения пограничной безопасности государств – участников СНГ и пути их решения : монография / С. В. Поскребетьев, И. Н. Дерябин. – Москва : Погранич. акад. ФСБ России, 2009. – 418 с.
12. Миронюк, П. И. К вопросу о развитии теоретических основ обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь / П. И. Миронюк // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2021. – № 2 (9). – С. 34–41.
13. Жилинский, С. В. Пограничная сфера как категория пограничной политики государства / С. В. Жилинский // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : материалы XIV Респ. науч.-практ. конф., Минск, 6 марта 2025 г. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Савинов [и др.]. – Минск : ИПС РБ, 2025. – Ч. 2. – С. 85–87.
14. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и образование, 2019. – 1376 с.
15. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 : К – О / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Рус. яз., 1982. – 736 с.
16. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1987. – 590 с.
17. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – Москва : Госиздполит. лит., 1956. – Т. 1. – 851 с.
18. Парамонов, А. Е. Система обеспечения пограничной безопасности Российской Федерации в условиях глобализации (политологический анализ) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. Е. Парамонов. – Москва, 2014. – 273 с.
19. Кравец, А. С. Методология науки : монография / А. С. Кравец. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 145 с.
20. Жилинский, С. В. Некоторые методологические основы исследования государственной пограничной политики Республики Беларусь в системе мер обеспечения пограничной безопасности / С. В. Жилинский, П. И. Миронюк // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : материалы XIII Респ. науч.-практ. конф., Минск, 28 февр. 2024 г. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: П. И. Миронюк [и др.]. – Минск : ИПС РБ, 2024. – Ч. 2. – С. 120–125.
21. Миронюк, П. И. Некоторые подходы к исследованию эволюции системы обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь: этапы развития / П. И. Миронюк,

А. Н. Бугай // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2021. – № 1 (8). – С. 17–25.

22. Об основах гражданского общества : Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 250-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).

23. О Всебелорусском народном собрании : Закон Респ. Беларусь от 7 февр. 2023 г. № 248-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).

24. Некрасов, А. А. Развитие основ пограничной безопасности Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе : дис. ... д-ра воен. наук : 20.03.09 / А. А. Некрасов. – Москва, 1999. – 728 с.

25. Афанасьев, В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1980. – 368 с. – С. 107.

26. Миронюк, П. И. К вопросу о выявлении и ранжировании угроз пограничной безопасности Республики Беларусь / П. И. Миронюк // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2018. – № 2 (3). – С. 15–21.

27. Кулаков, А. В. Глобализация как многомерный процесс и ее влияние процессов на пограничную безопасность Российской Федерации : монография / А. В. Кулаков. – Москва : Погранич. акад. ФСБ России, 2010. – 406 с.

28. Киреев, А. А. Подходы к изучению и проектированию пограничной политики: критический анализ и типологизация / А. А. Киреев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2016. – № 3. – С. 65–79.

29. Словарь-справочник по информационной безопасности : в 2 т. / под общ. ред. А. А. Павловского ; сост.: А. А. Павловский, Е. А. Шпаковский. – 2-е изд., доп. – Минск : ИНБ РБ, 2020. – Т. 1. – 455 с.

30. Национальная безопасность Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М. В. Мясникович [и др.] ; под ред. М. В. Мясниковича, В. В. Пузикова. – Минск : Право и экономика, 2003. – 451 с.

31. Основы теории обеспечения национальной безопасности : курс лекций для вузов / В. В. Пузики [и др.] ; под ред. В. В. Пузикова. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2013. – 512 с.

32. Князев, С. Н. Национальная безопасность Республики Беларусь : курс лекций для вузов / С. Н. Князев, А. В. Гулякевич. – Минск : Акад. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 178 с.

33. Национальная безопасность: информационно-психологическая безопасность, образование / В. Ю. Арчаков [и др.] ; под общ. науч. ред. В. П. Вишневской, С. Н. Князева. – Минск : ИПС РБ, 2018. – 193 с.

34. Губченко, А. В. Глобальная безопасность и политическая стратегия современного государства / А. В. Губченко. – Москва : Граница, 2006. – 168 с.

35. Возжеников, А. В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения / А. В. Возжеников. – Москва : РАГС, 2002. – 423 с.

36. Ежуков, Е. Л. Концепция защиты интересов России в пограничной сфере: прошлое, настоящее, будущее / Е. Л. Ежуков // Власть. – 2008. – № 5.

37. Прохожев, А. А. Теория развития и безопасности человека и общества / А. А. Прохожев. – Москва : Ин-октаво, 2006. – 288 с.

38. Теоретико-методологические аспекты развития системы обеспечения пограничной безопасности Союзного государства в современных условиях Республики Беларусь : отчет о НИР «Союз-ПБ» (заключ.) / Погранич. ком. Союз. государства ; рук. П. И. Миронюк ; исполн.: В. А. Бородейко, В. Н. Будько, В. Ф. Качуринский [и др.]. – Минск, 2022. – 122 с.

39. Williams, P. D. ed. Security Studies: An Introduction, Routledge / P. D. Williams. – UK, 2008.

40. Makinda, S. M. Sovereignty and Global Security, Security Dialogue / S. M. Makinda // Sage Publications. – 1998. – Vol. 29 (3) 29.

41. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1 : А – З / В. Даль. – Москва : Рус. яз., 1978. – 699 с.
42. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).
43. О Совете Безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 11 июня 2021 г. № 214 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).
44. Об обороне : Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1902-XII : в ред. от 3 апр. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).
45. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).
46. Военная доктрина Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 6 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).
47. Концепция обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 гг. : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 28 окт. 2018 г. № 410 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).
48. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.
49. Гацко, М. Ф. О соотношении понятий «угроза» и «опасность» / М. Ф. Гацко // Обозреватель-Observer. – 1997. – № 7 (90). – С. 20–25. – URL: https://i-sng.ru/img/2022/06/7_1997.pdf (дата обращения: 17.03.2025).
50. Амирян, В. А. Методологические основы исследования угроз пограничной безопасности Российской Федерации / В. А. Амирян // Вестник академии военных наук. – 2004. – № 3. – С. 119–125.
51. Административно-правовые режимы Республики Беларусь / В. Ф. Ермолович, О. В. Кутилин, В. А. Рябов, Л. К. Фармагей ; под общ. ред. В. Ф. Ермоловича. – Минск : Акад. МВД РБ, 2013. – 291 с. : ил.
52. Карлович, М. Ф. Пограничная безопасность в системе национальной безопасности Республики Беларусь / М. Ф. Карлович, П. И. Миронюк // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2012. – № 1 (34). – С. 4–9.
53. Ляхов, А. Г. Сущность категории «пограничная безопасность республики Беларусь» / А. Г. Ляхов // Сборник научных статей Военной академии Республики Беларусь. – 2008. – № 14. – С. 31–34.
54. Миронюк, П. И. Пограничная сфера как среда функционирования пограничной безопасности государства и современной системы ее обеспечения / П. И. Миронюк // Актуальные проблемы обеспечения пограничной безопасности : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Минск : ИПС РБ, 2018. – Ч. 2. – С. 77–81.
55. Мальцев, Л. С. Обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь: концептуальные и методологические основы / Л. С. Мальцев // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2011. – № 11. – С. 3–11.
56. Фатеев, К. В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования : монография / К. В. Фатеев. – Москва : За права военнослужащих, 2005. – 467 с.
57. Рогов, А. С. О соотношении понятий «пограничная безопасность» и «военная безопасность»: теоретико-правовые вопросы / А. С. Рогов // ЭНИ «Военное право». – 2015. – Вып. 1 (33). – URL: <http://www.voennoepravo.ru/files/01-2015.pdf> (дата обращения: 26.06.2023).
58. Павловский, А. А. Пограничная безопасность Республики Беларусь как фактор обеспечения национальной безопасности государства / А. А. Павловский // Проблемы управления. – 2006. – № 4 (21). – С. 49–56.

59. Пыж, Э. В. Анализ построения системы обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь / Э. В. Пыж, А. Г. Ляхов // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2008. – № 4 (21). – С. 7–11.

60. Качуринский, В. Ф. Основные подходы по формированию системы обеспечения пограничной безопасности государства / В. Ф. Качуринский, П. И. Миронюк // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2017. – № 1 (1). – С. 26–30.

61. Миронюк, П. И. Некоторые подходы к определению роли и места пограничной безопасности Беларуси в общей системе национальной безопасности страны / П. И. Миронюк, М. В. Бутранец // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : сб. материалов 11-й Респ. науч.-практ. конф. : в 3 ч. / редкол.: И. К. Таперкин [и др.]. – Минск : ИПС РБ, 2022. – С. 141–146.

62. Унифицированный словарь терминов, применяемых в пограничных войсках / авт.-сост. А. Р. Залесский, В. Г. Соболевский. – Минск : Харвест, 2003. – 272 с.

63. Глоссарий терминов и понятий, используемых государствами – участниками СНГ в пограничной сфере : слов.-справ. / сост.: А. Д. Боечко [и др.]. – Минск : ИПС РБ, 2018. – 143 с.

64. Миронюк, П. И. Некоторые подходы к формированию основ обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь / П. И. Миронюк // Органы пограничной службы Республики Беларусь: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск : ИПС РБ, 2018. – Ч. 1. – С. 90–94.

65. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 3 мая 1998 г. № 154-З : в ред. от 31 дек. 2014 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).

66. Щербаков, Д. А. Правовое обеспечение пограничной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Д. А. Щербаков. – Москва, 2005. – 177 с.

67. Об обеспечении пограничной безопасности : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 31 авг. 2015 г. № 379 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).

68. Жилинский, С. В. Национальные интересы Республики Беларусь в пограничном пространстве / С. В. Жилинский, В. Ф. Качуринский // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 121–131.

69. Миронюк, П. И. Модель обеспечения пограничной безопасности и ее значимость при определении направлений развития системы обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь / П. И. Миронюк, С. В. Жилинский // Подготовка кадров и научное обеспечение деятельности в интересах укрепления пограничной безопасности на внешних границах государств – участников СНГ: состояние и перспективные пути развития : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 27 апр. 2023 г. / редкол.: П. И. Миронюк [и др.]. – Минск : ИПС РБ, 2023. – Ч. 2. – С. 118–125.

70. Богодель, А. П. Риски, вызовы и угрозы национальной безопасности Республики Беларусь в связи с проведением специальной военной операции на Украине / А. П. Богодель, В. И. Гринюк, А. Н. Кузьяк // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2022. – № 1 (32). – С. 12–17.

71. Шумов, В. В. Методы и модели управления пограничной безопасностью : монография / В. В. Шумов. – Москва : Погранич. акад. ФСБ России, 2018. – 347 с.

72. Миронюк, П. И. Некоторые направления совершенствования системы обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь / П. И. Миронюк // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2022. – № 2 (11). – С. 25–33.

73. Антонов, В. В. Системный анализ : учеб. для вузов / А. В. Антонов. – Москва : Высш. шк., 2004. – 454 с.

74. Афанасьев, В. Г. Общество: системность, познание и управление / В. Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1981. – 432 с.

75. Советов, Б. Я. Моделирование систем : учеб. для вузов / Б. Я. Советов, С. А. Яковлев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высш. шк., 2001. – 343 с.

76. Бабкин, В. С. Моделирование координации и взаимодействия пограничных органов с правоохранительными и государственными контрольными органами в пунктах пропуска через Государственную границу / В. С. Бабкин // Труды Академии. – 2016. – № 91. – С. 175–182.

77. Лукашенко, А. Г. Совещание с руководящим составом государственных органов системы обеспечения национальной безопасности : 20 февр. 2024 г. / А. Г. Лукашенко // Президент Республики Беларусь: офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/rasshirennoe-soveshchanie> (дата обращения: 25.03.2025).

78. Об органах пограничной службы Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 11 нояб. 2008 г. № 454-З : в ред. от 17 июля 2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2025).

79. Лукашенко, А. Г. Совещание с руководством Государственного секретариата Совета Безопасности : 27 июля 2017 г. / А. Г. Лукашенко // Президент Республики Беларусь : офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveshchanie-s-rukovodstvom-osudarstvennogo-sekretariata-soveta-bezopas.-16711 (дата обращения: 20.11.2018).

80. Лукашенко, А. Г. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на заседании VII Всебелорусского народного собрания : 24 апр. 2024 г. / А. Г. Лукашенко // Президент Республики Беларусь : офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vystuplenie-na-zasedanii-vii-vsebelorusskogo-narodnogo-sobraniya> (дата обращения: 25.03.2025).

81. Артюхов, В. В. Общая теория систем : Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы / В. В. Артюхов. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.

РАЗДЕЛ II

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ГЛАВА 1

МАНИПУЛИРОВАНИЕ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ –

ЗНАЧИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФЕНОМЕНА «МЯГКОЙ СИЛЫ»,

ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ УГРОЗУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Происходящие в современном обществе процессы информатизации связаны с возрастанием роли личности, общения и затрагивают внутренний мир каждого человека, его ценностно-смысловые детерминанты, индивидуальные «коммуникативные парадигмы». Наблюдается нарастающая тенденция использования информационно-психологических технологий деструктивного характера, в основу которых закладывается тип воздействия – осознанной и/или неосознанной манипуляции личностью, обществом, профессиональным сообществом.

В настоящее время манипулятивные технологии широко используются в различных аспектах экономики, социальной сферы, политики, оказывая влияние на способы реализации решений. Например, в политической сфере – на принятие политических решений, ход и результаты избирательных кампаний, формирование политического сознания и поведения граждан.

В рамках рассматриваемой проблемы целесообразно обратить внимание на факт того, что манипулятивные технологии являются одним из доминирующих инструментов влияния в политическом пространстве. Геополитические трансформации и борьба за перераспределение ресурсов, соперничество государств за глобальное и региональное лидерство приводят к тому, что вокруг любого значимого политического события происходит ожесточенная борьба в информационной сфере, а манипулятивным технологиям в такой борьбе принадлежит ведущая роль.

Демонстрацией значимости манипулятивных технологий в современном политическом пространстве могут служить факты перенасыщения информационного поля пропагандистскими сообщениями каждого из участников политического и/или военно-политического конфликта. Взаимные претензии конфликтующих сторон могут «подогреваться» с помощью идеологических мифов.

Военно-политические столкновения участников конфликта, как правило, сопровождаются активной информационной борьбой между ними, цель ко-

торой заключается в том, чтобы настроить мировое сообщество против врага и найти поддержку у потенциальных союзников. Например, современное противостояние США и РФ, которое осуществляется прежде всего в информационной сфере. Обеспечение поддержки собственным политическим действиям и дискредитация политической позиции оппонента осуществляются каждой из сторон посредством использования различных приемов управления информацией, а также применения информационно-психологических технологий «завуалированных целей», создания «образа врага» и др.

Необходимо отметить то, что перенасыщенность информационного поля приводит к следующим доминирующим и ощутимым последствиям, в частности – у личности, общества, профессионального сообщества и других социальных групп с высокой степенью вероятности может возникать «иммунитет» к информационно-психологическим воздействиям и, как следствие, – потеря управления ими. Безмерное воздействие на психику личности, общественное сознание может привести к необратимым последствиям в процессах функционирования политического сознания и самосознания.

Широкомасштабное использование манипулятивных технологий в политической сфере обусловлено их эффективностью в управлении политическим сознанием и поведением граждан, а также тем, что в основе манипуляции, как и в основе политики, лежат отношения власти-подчинения.

Политологи-макиавеллисты считают, что политика – это искусство манипулирования людьми.

Согласно А. И. Соловьеву, манипулирование – это тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенных на игнорировании его воли и относящееся к нему как к средству, орудию исполнения чужих ему интересов [1].

Политическое манипулирование – скрытое воздействие и управление политическим сознанием и поведением людей с целью их побуждения к определенным действиям в интересах субъекта политической манипуляции.

Разновидность политического манипулирования – явное воздействие на объект манипуляции, истинная цель которого скрыта от объекта воздействия и подменена публичной псевдоцелью, не совпадающей с реальными намерениями субъекта манипуляции [2].

«Основной целью осуществления политического манипулятивного воздействия является управление политическим поведением участников политического процесса посредством информационно-психологического воздействия на мотивационную сферу личности» [3, с. 10]. Модель функционирования политической манипуляции представляет собой механизм, включающий в себя субъект (основные субъект – государство, общество и сам индивид), объект, каналы передачи и манипулятивное воздействие. Результат – такое восприятие объектом ситуации, при котором оптимальным ему представляется задуманный манипулятором способ действия [3].

Феномен манипуляции, и, в частности, политического манипулирования, имеет междисциплинарный характер, изучается в рамках таких наук, как: психология, философия, социология, политология, когнитивистика, коммуникативистика.

Вопросам манипуляции в политической сфере в интернет-пространстве посвящены многочисленные публикации ряда авторов. Политические идеологии и мифы как факторы, оказывающие влияние на формирование политического сознания индивида, анализируются в работах Р. Арона (1993), Л. Санистебана (1992), Р. Барта (2000), Т. Парсонса (2000), Г. Алмонда (1997), Э. Кассирера (1990), В. А. Гутова (2001), А. А. Зиновьева (2008), А. Чаблина (2009) и др.; техники и приемы практического применения политических манипуляций представлены в публикациях С. Г. Кара-Мурзы (2006), С. Смирнова (2009), А. Цуладзе (2000), Е. Г. Дьякова (2003), О. В. Ланге (2015) и др.; политическая манипуляция как мотив к политическому действию излагается в работах Г. В. Пушкаревой (2004), И. В. Козлова (2007) и др.; анализу сущностных механизмов политических манипуляций посвящены публикации Г. И. Колесниковой (2010), М. И. Бабюка (2004) и др.; роль СМИ в политическом манипулировании и оказании влияния на общественное сознание в политических целях освещается в работах С. В. Володенкова (2018), А. В. Манойло (2017), Г. Л. Акопова (2011), Е. А. Маркова (2011), С. П. Пацелуева (2010), А. И. Вертешина (2009), Ш. Г. Сеидова (2009), К. В. Киуру (2008), Ю. Л. Воробьева (2008), М. Н. Грачева (2005), О. В. Ланге (2015) О. Н. Пирущего (2009) Н. С. Урсу (2012) и др.; использованию PR-технологии в сфере политики и бизнеса посвящены исследования Г. И. Герасимова (2008), А. В. Иванова (2004), В. Л. Музыканта (2001), Е. Н. Пашенцева (2000) и др.; когнитивный аспект манипулирования представлен в трудах Р. Р. Гарифуллина (2007), С. А. Зелинского (2008), А. В. Филатова (2004), А. С. Гусева, И. В. Ниесаваа (2007), Д. В. Безлатного (2011) и др.; взаимосвязь манипулирования и ответственности в современном политическом процессе России раскрыта в исследованиях С. Б. Полякова (2011), А. К. Агапова (2000), С. Г. Мусуенко (2007), Е. А. Колесникова (2011) и др.; классический фундамент российской имиджеологии образуют труды Е. В. Егоровой-Гантман (1994), В. Г. Зазыкиной, Е. А. Смирнова (2010), М. Е. Кошелюк (2004), Д. В. Альшанского (2003), А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной (2006) и мн. др.

В контексте изучаемой проблемы необходимо подчеркнуть, что в отечественной и зарубежной гуманистической психологии представлена точка зрения, согласно которой манипуляция рассматривается как неприемлемая форма общения, нарушающая права человека на свободу волеизъявления и принятие решения (С. Л. Братченко (1997), Ю. А. Желтонова (1999), Л. И. Рюмшина (2004), В. Франкл (1990), Э. Шостром (2002) и др.

В западной психологии преобладают две точки зрения относительно манипуляции и ее роли в общении. Согласно мнению представителей бихевиоризма (Д. Карнеги (1993), Г. Франке (1964) и др. манипуляции необходимы и полезны, так как они заменяют грубые методы достижения цели, а манипу-

лятор выступает как искусственный в различных приемах субъект общения. Представители гуманистической психологии (А. Маслоу (1997), Р. Мэй (1997), К. Роджерс (1994), Э. Шостром (2002), В. Франкл (1990) и др. считают манипулирование злом и основным бедствием современного человека, о чем указывалось выше.

В отечественной психологии манипуляцию рассматривают в рамках таких подходов, как: психологического воздействия (Г. В. Грачев, И. К. Мельник (2003), Е. Л. Доценко (2003), Е. В. Сидоренко (2002) и др.); ценностно-смыслового подхода С. Л. Братченко (1997), Л. И. Рюмина (2000, 2001, 2003, 2004); субъективного подхода, с позиции которого манипулятор рассматривается как отчужденный тип, нацеленный на безличную функциональную (бюрократическую) связь с другими людьми (К. А. Абульханова-Славская (1999), А. А. Бодалев (2000, 2002), и как личностное качество (В. В. Знаков (2000, 2001, 2002).

В связи с актуальностью обозначенной выше проблемы, междисциплинарным характером ее изучения в научной литературе представлен ряд определений понятий манипуляции, манипулятора, манипулирования, манипулятивного воздействия; для обозначения отдельных способов, их устойчивых сочетаний, условий и организации применения манипуляции – манипулятивные приемы, манипулятивные техники, манипулятивные технологии, манипулятивные операции, психологическая манипуляция, информационно-психологическая война, манипулятивные информационно-пропагандистские и информационно-рекламные кампании, манипулятивное воздействие и др.

«Манипуляция – искусственное побуждение другого к достижению (преследованию) косвенно вложенной манипулятором цели. Манипуляция – это действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, помыкание им, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением» [3, с. 53].

«Манипуляция (от фр. *manipulation*)» в политике рассматривается в следующих двух основных значениях:

- махинация;
- система психологического воздействия, ориентированная на внедрение иллюзионных представлений.

Как способ психологического воздействия манипуляция это –

- изменение направленности активности (психической и иной) других людей, осуществляемое незаметно для них;
- вид применения власти, при которой обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которое от них ожидает.

Манипуляция сознанием – это своеобразное господство над духовным состоянием людей, управление путем навязывания людям идей, установок, мотивов, стереотипов поведения, выгодных субъекту воздействия.

Манипулятивное воздействие – это способ психологического воздействия, нацеленный на изменения направления активности других людей, осуществляемый настолько искусно, что остается незамеченный ими» [4, с. 282].

«Манипулирование и макиавеллизм не являются тождественными, поскольку существует ряд признаков, разделяющих эти два феномена социальной психологии.

Макиавеллевская манипуляция никогда не имеет целью на кого-нибудь воздействовать с целью как-то его изменить, только с целью получить то, что нужно. В этом случае другой выступает не объектом воздействия, а средством или преградой. Чем больше выражена степень макиавеллизма в человеке, тем меньше его интересуют люди сами по себе, хотя они могут казаться не просто обаятельными, но и весьма заинтересованными в своих собеседниках. Выраженные макиавеллисты часто кажутся спокойными, уверенными, нацеленными на результат совместных действий и часто вызывают симпатию у окружающих.

Макиавеллистическая личность реализуется в манипулировании другими, возможно, не столько благодаря специальным намерениям человека с высоким уровнем макиавеллизма использовать других, а в первую очередь благодаря готовности человека с низким уровнем макиавеллизма быть использованным. Именно лицо с низким уровнем макиавеллизма, будучи эмоционально вовлеченным, доверяющим и участливым, может выступать если не инициатором, то провокатором манипуляции» [5, с. 25–26].

В трудах С. Г. Кара-Мурзы излагаются механизмы манипуляции общественным сознанием – как технологии господств. Автор рассматривает различные точки зрения обозначенной выше проблемы, ссылаясь на зарубежных исследователей, отмечает, что манипуляции – вид духовного, психологического воздействия, мишенью которых служат психические структуры личности; манипуляции – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний.

С. Г. Кара-Мурзы указывает на то, что одной из первых публикаций, посвященных манипуляции сознания, была работа Герберта Франке «Манипулируемый человек» (1964), в которой представлено следующее определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама». А также подчеркивается, что манипуляции как психическое воздействие не только побуждают человека, находящегося под таким воздействием, делать то, что желают другие, оно заставляет хотеть это сделать. Очевидным становится тот факт, что манипуляция сознанием – взаимодействие. В контексте рассматриваемой проблемы автор обращается к исследованиям Г. Шиллера. Согласно, Г. Шиллеру, для достижения успеха манипуляция должна оставаться незамеченной, успех манипуляции гарантирован при

условии того, что манипулируемый верит в то, что все происходящее естественно и неизбежно. Манипуляции необходима фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться, а сокрытие, утаивание информации – обязательный признак игры в искренность. Автор отмечает: «Там, где манипуляция является основным средством социального контроля, как, например, в Соединенных Штатах, разработка и усовершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности» [6, с. 35].

В публикациях С. Г. Кара-Мурзы представлены главные блоки манипуляции, в частности: «язык зрительных образов», «манипулирование вниманием», «манипуляция и воздействие на память», «страх терроризма» и др.

Анализируя процессы манипуляции, автор делает акцент на том, что ее природа – двойственна, т. е. наряду с открытым сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, в расчете на то, что этот сигнал послужит пусковым механизмом создания у адресата необходимых манипулятору образов, оказывающих влияние на его чувства, эмоции, мнение и поведение. Образы, как и слова, обладают суггестивным значением и порождают цепную реакцию воображения. Полностью разделяя данную точку зрения автора, необходимо подчеркнуть, что искусство манипуляции состоит в оказании воздействия на сознание и/или подсознание личности, общества, профессионального сообщества с целью активизации воображения в необходимом для манипулятора (ров) направлении, сохраняя при этом скрытый характер воздействия.

В соответствии с мнением С. Г. Кара-Мурзы, с чем нельзя не согласиться, важнейшими мишенями воздействия при манипуляции сознанием являются память и внимание. Автор указывает на то, что для целей манипуляции важны как приемы привлечения и удержания внимания на убеждающем сообщении (захват аудитории), так и отвлечение внимания от некоторых частей сообщаемой информации и/или реальных событий. Предпочтительнее не лгать, а стремиться к тому, чтобы «ненужная» правда осталась незамеченной.

Общеизвестно: убедительно то, что остается в памяти. А основной принцип убеждения базируется на привлечении внимания личности, общества к сообщаемой информации и создании условий для максимального ее усвоения и запоминания.

В целях манипулирования сознанием используются различного рода информационно-психологические технологии, направленные на всестороннее воздействие, на все виды памяти. Например, целенаправленная подача конкретной информации, которую личности, обществу и/или профессиональному сообществу, по мнению манипулятора (ров), целесообразно запомнить или заучить до автоматизма. В то же время используется психологический механизм, цель которого «затушевать» или «отключить» долговременную, эмоциональную память на какие-то конкретные события (например, исторические факты), которые могут являться психологическим барьером для

внушения и манипуляции. Необходимо заметить, что, как правило, убедительной кажется та информация, которую человек запомнил, невзирая на механическое ее повторение (например, реклама), значимым в этом случае является непроизвольное запоминание. Эффект манипуляции обеспечивается достаточным потоком легко запоминаемой, «не систематизированной» информации, исключая логически выверенную структурную единицу информации, благодаря которой человек может выявить элементы манипуляции и принять адекватно верное для него решение.

В современном мире в целях манипуляции широкомасштабно используется страх терроризма как средство устрашения общества и государства в военных и политических целях.

«Терроризм – средство психологического воздействия. Его главный объект – не те, кто стал жертвой, а те, кто остался жив. Его цель – не убийство, а устрашение и деморализация живых. Жертвы – инструмент, убийство – метод. Этим терроризм отличается от диверсионных действий, цель которых – разрушить объект (мост, электростанцию) или ликвидировать противника» [7, с. 171].

Манипулирование в информационном пространстве выступает в качестве «мягкого» информационно-психологического оружия, направленного на личность, общество, профессиональное сообщество, государство. Целью манипулирования является оказание негативного влияния на мировоззрение личности, общественное сознание, тем самым запускается механизм раскола общества с последующим нарушением суверенитета и государственной целостности.

Манипулирование в информационном пространстве, в частности в военно-политической сфере, как значимая составляющая феномена «мягкой силы» на практике реализовано в ходе цветных революций, например: «революция роз» в Грузии, 2003 г.; «сиреневая революция» в Молдавии, 2009 г.; «революция розеток», «абрикосовая революция» в Армении, 2015 г., 2018 г., и другие, а также неудавшихся государственных переворотов – в Иране, 2011 г., 2018 г.; Венесуэле, 2014 г. и др.

Концепция «мягкой силы» направлена на дестабилизацию или смену неугодных режимов в той или иной стране.

В аспекте рассматриваемого вопроса обращают на себя внимание публикации И. В. Бочарникова, в которых излагается хронология использования деструктивных информационных технологий в отношении России в целях дестабилизации ее внутривнутриполитической ситуации. Автор указывает на широкомасштабную информационную агрессию США, обусловленную утверждением их мирового лидерства, и применение информационного прессинга в ближайшие восемь лет как основного тренда американской внешней политики.

В соответствии с мнением И. В. Бочарникова, использование информации и реализация информационных технологий играют ведущую роль в цветных революциях, представляющих особую форму государственного пе-

революта [8]. Автор отмечает факт того, что, несмотря на специфику государств, в которых проводились цветные революции, общим для всех является «определенный набор маркеров, определяющих их сущностные признаки и специфику:

1. Использование политических технологий дестабилизации внутриполитической ситуации в стране – объекте государственного переворота, дискредитация ее политического режима, парализация органов власти, управления, обеспечения безопасности и правопорядка.

2. Формирование условий и среды, благоприятных для проведения цветной революции. Речь идет о подготовке как внешней по отношению к государству – объекту цветной революции – среды в виде недружественного окружения, так и провоцирование раскола в обществе, противопоставление различных групп населения друг другу и органам власти в целом. В ходе подготовки государственного переворота реализуются меры по дезинтеграции политического пространства, противопоставлению основных политических сил друг другу, поддержке дестабилизации внутриполитической ситуации и обеспечению полномасштабного контроля над развитием ситуации в них различного рода стейкхолдеров.

3. Концентрация ресурсов в подготовке к осуществлению цветной революции. В отличие от традиционных, цветная революция – это сетевой процесс, работающий по сетевому принципу и активно использующий все ресурсы – как государственные, так и не государственные. Особую роль в этом плане играют государственные структуры, в которые на различные должности, особенно связанные с принятием решений, продвигаются лица, так или иначе связанные с деятельностью как иностранных спецслужб, так и оппозиционных структур, с тем чтобы в «нужный» момент или же парализовать деятельность по обеспечению правопорядка и безопасности, или же делать их неэффективными.

4. Особую роль в подготовке и организации цветной революции играет финансирование, осуществляемое под предлогом подготовки проведения каких-либо гуманитарных акций, правозащитных мероприятий, активизации гражданского общества и т. д.» [8, с. 174–175].

5. Главная ударная сила цветной революции – активисты, прошедшие подготовку по грантам или стипендиям таких организаций, как институт «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса), Гарвардский университет, Институт Альберта Эйнштейна, Международный республиканский институт и ряд других.

6. Катализатором цветных революций становятся резонансные события, например, принятие непопулярных законов, подписание соглашения (Украина), наличие сакральных жертв, скандалы с участием представителей политической элиты и т. д.

7. Важнейшим маркером цветной революции является реализация комплекса мер по информационному обеспечению и информационному сопровождению как самого государственного переворота, так и утверждению во

власти представителей нового политического режима [8]. В соответствии с мнением И. В. Бочарникова, с которым нет оснований не согласиться, сценарии цветных революций повторяются практически в каждой стране с незначительными отклонениями, обусловленными этноконфессиональной спецификой населения, являются основанием достаточного прогнозирования для разработки системы эффективных мер и их реализации по предупреждению возможности государственного переворота, формированию информационно-психологического иммунитета населения страны. Автором также обращается внимание на важнейшие направления противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в государстве, в частности, реализация эффективной не только внутренней, но и внешней политики государства; контроль за средствами, выделяемыми американским бюджетом на финансирование протестных групп в других странах; и др. [8].

Манипулирование информацией в политических целях «постепенно приняло форму особой войны, где средством поражения выступает «мягкое информационно-психологическое оружие» [8]. Концепция «мягкой силы» направлена на дестабилизацию или смену неустойчивых режимов в той или иной стране. В этой связи весьма актуальными являются вопросы использования информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях.

Изучая проблему влияния «мягкой силы» на национальную безопасность государства, целесообразно обратить внимание на роль широкомасштабного использования в информационном пространстве информационных, информационно-психологических технологий деструктивного характера, включая манипулирование личностью, обществом, профессиональным сообществом, государством.

В ракурсе изучения вышеуказанной проблемы представляют интерес публикации, в которых излагается мнение экспертов, военных экспертов по вопросам информационного противоборства.

В материалах «Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства» С. Гриняев, ссылаясь на отчет (MR-661-OSD (Strategic Information Warfare. A new face of War), указывает на то, что термин Strategic Information Warfare «стратегическое информационное противоборство» рассматривается авторами отчета как использование государствами глобального информационного пространства и инфраструктуры для проведения стратегических военных операций и уменьшения воздействия на собственный информационный ресурс. А ключевыми особенностями стратегического информационного противоборства выступают:

- сравнительно низкая стоимость создания средств информационного противоборства;

- крушение статуса традиционных государственных границ при подготовке и проведении информационных операций;

усиление роли управления восприятием ситуации путем манипулирования информацией по ее описанию;

изменение приоритетов в деятельности стратегической разведки, которые смещаются в область завоевания и удержания информационного превосходства;

усложнение проблем обнаружения начала информационной операции; сложность создания коалиции против агрессора, развязавшего информационную войну (ИБ);

наличие потенциальной угрозы территории США [9].

В соответствии с мнением С. Гринева, значимым аспектом отчета MR-964-OSD является классификация стратегического информационного противоборства (СИП) на первое и второе поколение. Первое поколение СИП рассматривается авторами отчета наряду с традиционными средствами противоборства (ядерными, химическими, биологическими и другими). Подчеркивается, что оно больше ориентировано на дезорганизацию деятельности систем управления и проводится скорее как обеспечение действий традиционных сил и средств. Отмечается, что такое восприятие информационного противоборства свойственно начальному этапу осмысления проблемы, и СИП первого поколения рассматривается как один из нескольких компонентов будущего стратегического противоборства, применяемый совместно с другими инструментами достижения цели. В рамках СИП первого поколения для успешного достижения цели предполагается решение следующих задач:

- огневое подавление (в военное время) элементов инфраструктуры государственного и военного управления;
- ведение радиоэлектронной борьбы;
- получение разведывательной информации путем перехвата и расшифровки информационных потоков, передаваемых по каналам связи, а также по побочным излучениям;
- осуществление несанкционированного доступа к информационным ресурсам с последующим их искажением или хищением;
- формирование и массовое распространение по информационным каналам противника или глобальным сетям дезинформации для воздействия на оценки, намерения лиц, принимающих решения;
- получение интересующей информации путем перехвата открытых источников информации.

Согласно С. Гриняеву, «стратегическое информационное противоборство первого поколения» фактически вобрало в себя основные методы информационной войны, которые США реализуют в настоящее время на государственном и военном уровнях и от которых не намерены отказываться.

СИП второго поколения (2nd Generation Strategic Information Warfare) определено авторами отчета как принципиально новый тип стратегического противоборства, вызванный к жизни информационной революцией, вводящий в круг возможных сфер противоборства за информационное простран-

ство и ряд других областей (прежде всего экономику) и продолжающийся долгое время: недели, месяцы и годы.

Информационное противоборство второго поколения предусматривает несколько другой подход, нежели в первом поколении СИП, в частности:

- создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;
- дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции и даже гражданской войны;
- снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений;
- дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;
- провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;
- инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций экономического протеста;
- затруднение принятия органами управления важных решений;
- подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами;
- нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Отмечается, что развитие и совершенствование подходов к ведению стратегического ИП второго поколения в перспективе может привести к полному отказу от использования военной силы, поскольку скоординированные информационные акции могут позволить обойтись без этой крайней меры. Обращается внимание на то, что последствия стратегического ИП первого поколения прогнозируемы, а второе поколение СИП трудно формализуемо и методики прогноза могут быть применены к анализу последствий весьма условно [9].

Директивой президента PDD-68 от 30 января 1999 г. Белый дом создал новую структуру под названием International Public Information Group (IPG). В задачи этой организации входит профессиональное использование разведывательной информации в целях оказания влияния «на эмоции, мотивы, поведение иностранных правительств, организаций и отдельных граждан». Существенную роль в создании агентства сыграло разведсообщество, прежде всего ЦРУ. Американские специалисты считают вполне возможным достижение в обозримом будущем подавляющего преимущества в информационной борьбе, что, по их мнению, позволит успешно разрешать конфликтные ситу-

ации в свою пользу без вооруженного вмешательства [9]. Необходимо отметить, что интенсивная динамика национальных стратегий, военных концепций и доктрин США свидетельствует об эволюционных процессах в подходах руководства США к использованию информационных технологий различного толка в военно-политической сфере.

В работах С. И. Макаренко, И. И. Чукляева представлен материал, отражающий мнение экспертов ВС США и специалистов США относительно информационного противоборства в информационном пространстве. Согласно данным вышеуказанных авторов, информационная война в качестве основного определения в руководящих документах ВС США излагается как широкомасштабная информационная борьба с применением способов и средств информационного воздействия на противника в интересах достижения целей воздействующей стороны. По направленности информационных воздействий она подразделяется на два основных вида: а) информационно-психологическую (психологическую) войну; б) информационно-техническую войну. Информационная война в *психологической сфере* – область информационного пространства, в которой объединяется мышление личного состава ВС и мирного населения; формируются намерения командиров, доктрины, тактика, методы противоборства, мораль, понятие сплоченности подразделений, уровень подготовки, опыт, понимание ситуации и общественное мнение. Информационная война в *технической сфере* – область информационного пространства, в которой создается, обрабатывается и накапливается информация; функционируют системы командования, управления, связи, коммуникаций и разведки.

В соответствии с видами информационной борьбы информационное оружие подразделяется на два основных вида: 1) информационно-техническое (включает в себя программно-математическое оружие); 2) информационно-психологическое (включает в себя психофизическое оружие). Главными объектами информационного оружия первого вида являются технические средства, второго – люди. Психофизическое оружие – это совокупность всех возможных методов и средств (технотронных, суггестивных, психотропных, комплексных и др.) скрытого насильственного воздействия на подсознание человека с целью модификации его сознания, поведения и физиологического состояния в нужном для воздействующей стороны направлении. Психофизическое оружие представляет собой разновидность информационно-психологического оружия.

По мнению экспертов ВС США, информационная война может вестись во всех сферах общественной жизни (в экономике, политике, военном деле, социальных отношениях, сфере духовной жизни и особенно в идеологии) [10]. В то же время рядом специалистов США введены определения, расширяющие представления о феномене «информационная война». Например, информационная война рассматривается как комплексное воздействие на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на ее во-

енно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны – инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника [10]. Анализируя смысловую составляющую указанного выше определения, следует вывод о том, что целью информационной войны является манипулирование противником, в результате которого он самостоятельно, без принуждения, принимает благоприятные для атакующей стороны решения.

В настоящее время в руководящих документах США и НАТО используется термин «информационная операция», который доминирует в контексте описаний глобальных противоречий между государствами и стратегическим информационным противоборством [10]. Одним из ключевых понятий, которым оперируют специалисты в области информационного противоборства США, является «информационная обстановка». Информационная обстановка – это сфера, в которой функционируют люди и автоматизированные системы: ведут наблюдение, ориентируются, принимают решения и действуют на основе информации. С данной точки зрения информационная обстановка является «основной обстановкой принятия решений» на земле, на море, в воздухе, в космосе и информационном пространстве. В соответствии с мнением специалистов США, информационная обстановка состоит из трех измерений (физического, информационного, познавательного). Каждая из составляющих информационной обстановки может быть подвергнута целевому воздействию и являться объектом, который в определенных обстоятельствах может оказать решающее влияние на исход операции (боевых действий) с учетом концептуальной взаимосвязи на основе цикла принятия решения [10].

В публикациях С. И. Макаренко, И. И. Чукляева представлен комплексный подход к проблеме информационного противоборства и предлагается специалистам для использования в интересах развития отечественной теории информационного противоборства. Обращается также внимание на тот факт, что основные понятия концепции информационного противоборства в том виде, в каком они приняты в ВС США, не являются новыми для российской теории военного искусства. Авторы указывают на то, что теоретические основы информационного противоборства полно раскрыты в российской военной науке через ряд понятий, например: «борьба с системами управления противника», «радиоэлектронная война», «завоевание господства в эфире», «психологическая война», «дезинформация», «военная хитрость» и т. п.

В соответствии с мнением вышеуказанных авторов, новизна подхода ВС США к теории информационного противоборства заключается в комплексном использовании военно-теоретических разработок по данной тематике, основанных на технологических достижениях США в области информатики [10].

В аспекте рассматриваемой проблемы представляют интерес работы Е. В. Батуевой, в которых излагается ряд теоретических аспектов и данных эмпирических исследований зарубежных (в частности, американских) и рос-

сийских авторов по широкому спектру вопросов, связанных с обеспечением информационной безопасности. Автор обращает внимание на тот факт, что в американском научном сообществе активная дискуссия по вопросам информационной безопасности ведется с конца 1970-х г. Многочисленные публикации американских авторов посвящены теоретическим и практическим вопросам использования информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях – информационной войне, информационных операциях. Отмечается, что «концепция информационной войны» зародилась в США и получила свое развитие в начале 1990-х г. после успешного проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 г., которую часто называют «первой информационной войной» [11, с. 36–37].

В настоящее время США являются одним из ключевых акторов международных отношений, лидерами в области информационно-коммуникационных технологий, а также разработке комплексной стратегии для киберпространства. Изучение концепции информационных угроз и подходов к обеспечению информационной безопасности США представляет интерес в связи с тем, что киберполитика Соединенных Штатов оказывает непосредственное влияние на состояние безопасности как отдельных стран, так и на международную стабильность и безопасность в целом. США активно используют информационно-коммуникационные технологии в качестве инструмента обеспечения национальных интересов при реализации своей глобальной стратегии.

Важным условием для США является сохранение свободы действий в киберпространстве. В этой связи внешнеполитические инициативы США направлены на сохранение механизмов управления Интернетом, а также на ограничение развития международной политико-правовой базы, регулирующей деятельность государств в информационном пространстве, рамками необязывающих политических документов.

В соответствии с мнением Е. В. Батуевой, с которым нельзя не согласиться, основными формами межгосударственного противоборства в информационном пространстве выступают информационные войны и кибершпионаж. А наращивание странами киберпотенциала приводит к милитаризации киберпространства и подрыву международной стабильности и безопасности.

В этом же контексте представляют интерес публикации Р. П. Кошкина, в которых излагаются некоторые аспекты агрессивной политики США. Указывается на мнение военных экспертов относительно намеренного продвижения США к границам России, к зоне конфликта на Юго-Востоке Украины – с подготовкой как инженерных войск, так и военных подразделений. Эти действия рассматриваются в качестве большой игры под названием «Манипуляционные технологии Соединенных Штатов», а также являются важной меткой, которая свидетельствует о том, что США встали на линию конфронтации с Россией. Обращается внимание на то, что страны НАТО приблизились к границам РФ, не понимая, что они переходят «красную черту», и только

миролюбивая внешняя политика России пока спасает их от очередной катастрофы [12].

Автором констатируется наличие процессов гибридной войны, с ее безжалостным противодействием России на валютно-финансовых и информационно-психологических фронтах.

По мнению Р. П. Кошкина, американцы провоцируют войны с помощью так называемой «пятой колонны», т. е. шпионов, олигархов, дипломатов, чиновников, бизнесменов, экспертов и общественных деятелей, финансируемых, контролируемых и поддерживаемых спецслужбами США. Автор обращает внимание на то, что в настоящее время война ведется ради контроля над общественным сознанием и воспроизводством человеческого потенциала. Характерно подчинение масс посредством манипулирования общественным сознанием, подкупа и запугивания национальных элит. При этом военную силу используют в карательных целях для подавления и расправы с неудобными правителями и народами. Применяются экономические санкции и различного рода информационные технологии. Информационное пространство фактически захвачено американскими программными и содержательными продуктами.

Р. П. Кошкиным указывается на то, что борьба за молодежь, включая интернет-пространство, является одним из фронтов информационной войны против Российской Федерации. В ней участвуют как внутренние псевдолиберальные прозападные силы, так и зарубежные пропагандистские структуры, стремящиеся дезориентировать молодых людей, включая школьников и студентов, воздействовать на их мировоззрение, привить им ложные ценности, оболгать историю, а также втянуть в антигосударственные и антинародные действия. В этих условиях, по мнению автора, необходимо принятие эффективных мер по использованию Интернета в целях идеологического воздействия на молодежь. Например, регулярно размещать на наиболее популярных интернет-ресурсах специально подготовленные материалы патриотической направленности (по темам: популяризация истории России, Советского Союза, Российской Федерации). Разоблачать через конкретные события и персоналии пропаганду и реальное отношение Запада к России, бороться со всеми проявлениями радикализма и экстремизма. Визуализацию такого рода информации необходимо осуществлять с учетом современных тенденций подачи материалов (инфографика, видеофрагменты, красочные иллюстрации и т. д.) и ориентировать на конкретные возрастные, этнические и социальные категории пользователей [12]. Разделяя мнение автора, целесообразно отметить, что рассматриваемые выше аспекты изучаемой проблемы являются актуальными и для нашего государства.

Согласно Р. П. Кошкину, американская агрессивность может быть нейтрализована в результате создания международной коалиции в составе: ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, БРИКС, стран Индокитая, Ближнего и Среднего Востока, заинте-

ресованных стран Европы, а также заключения международной конвенции по кибербезопасности и создания евразийской системы кибербезопасности [12].

В аспекте изучаемой проблемы представляют интерес публикации А. В. Манойло, в которых, в частности, акцентируется внимание на формах и методах информационной войны. В соответствии с мнением автора, «в результате противостояния России и США в информационной сфере (в которой украинская сторона используется американской разведкой в роли плацдарма и контрагента) с началом СВО произошла следующая перестройка всей структуры проводимых нашими странами специальных мероприятий – они выстроились в четыре яруса:

стратегические информационные операции (Буча, с прицелом на международный трибунал);

спецпропаганда (разложение противника, дискредитация его лидеров, подрыв политической стабильности);

фейки (создание ажиотажа и паники с целью отвлечения сил и средств противника на негодный объект);

оперативные игры (с олигархами, готовыми ради личного спасения на все; т. н. «переговоры о мире»).

На вершине этой пирамиды по-прежнему остаются стратегические информационные операции – оперативные комбинации, способные дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективе [13, с. 64–65]. А. В. Манойло также обращает внимание на то, что «после начала СВО многие задачи по денацификации и демилитаризации Украины до конца еще не решены, и с течением времени нам следует ожидать возвращение на поле боя стратегических информационных операций, таких как “дело об аргентинском кокаине”, “дело Ryanair” и пресловутое “дело Скрипалей”, адаптированных под новый театр военных действий» [13, с. 71].

В этом же контексте представляют интерес публикации Р. В. Ромачева. Автором, в частности, рассматриваются некоторые аспекты прокси-разведки, представлена классификация разведывательных акторов на примере США. Отмечается, что прокси-разведка осуществляется как коммерческими компаниями, так и некоммерческими организациями (фондами и НКО). Р. В. Ромачевым указывается на то, что все разведывательные услуги могут быть охарактеризованы как «информирование заказчика и дезинформирование противника. При этом под информированием подразумевается предоставление как данных, так и информации, и синтез на их основе новых знаний, аналитических выводов, форсайта (прогнозирования)» [14, с. 75]. В соответствии с мнением Р. В. Ромачева, дезинформирование противника осуществляется на трех уровнях:

- 1) дезинформирование общества;
- 2) дезинформирование экспертного сообщества, ЛОМов (лидеров общественного мнения);
- 3) дезинформирование ЛПР (лидеров, принимающих решение).

Автором обращается внимание на то, что в настоящее время отрасль частной разведки США является самой капиталоемкой в отличие от аналогичных отраслей других стран. Согласно автору, «негосударственные разведывательные акторы в США стали полноправным участником процесса принятия политических решений применительно как к внешней, так и к внутренней политике США» [14, с. 81].

В публикациях А. А. Кулакова представлен анализ информационных войн, их видов, основных информационных технологий, используемых США для создания управляемого хаоса в информационном пространстве Российской Федерации и ее союзников, а также основных подходов по их противодействию. Автором указывается на дискуссионный характер изучаемой проблемы и отсутствие единого мнения относительно понятийного аппарата и классификации видов информационной войны США. Предлагается авторское определение понятия «информационная война» (включая ряд пояснений) и выделены ее виды, которые используются США против Российской Федерации. В соответствии с мнением А. А. Кулакова, США против Российской Федерации применяются такие виды информационной войны, как:

«1) ментальная война – противоборство в информационном пространстве, связанное с последовательным (долговременным 5–20 лет) разрушением с помощью специально отобранной информации социально-культурного кода народов России, через разрушение их традиций, культуры, родного языка (русские исследователи данный вид войн также называют «когнитивная война», «поколенческая война»);

2) поведенческая война – противоборство в информационном пространстве, связанное с внешним (оперативным) управлением больших социальных групп населения противника с использованием искусственного интеллекта и информационных технологий «подталкивания» политизированной молодежи к радикальным социальным протестам (путем внедрения в их сознание шаблонов агрессивного поведения, навязанных ЦРУ с помощью сетевых игр и внушения через социальные сети);

3) кибернетическая война (кибервойна) – противоборство и противостояние в кибернетическом пространстве, связанное с целенаправленным, деструктивным воздействием ЦРУ на информационные потоки с целью снижения эффективности управления (за счет искажения, разрушения и отъема информации) военных, государственных и критически важных объектов Российской Федерации» [15, с. 87–88].

Автором на основании анализа публикаций ведущих российских экспертов по проблеме информационного противоборства России и США сделан вывод о том, что «в условиях перехода США к военной стадии «гибридной войны» с использованием нацистской Украины против России роль различных видов информационной войны США меняется. Относительно снижается роль ментальной войны (в силу ее долговременной цели) и возрастает роль поведенческой войны и кибервоздействия (кибервторжения) [15, с. 89].

В этом же контексте А. А. Кулаковым излагается анализ американских информационных технологий долговременного и краткосрочного воздействия на страну-жертву. На примере долгосрочной информационной технологии «Окна Овертона», алгоритм которой включает 6 этапов («Немыслимо», «Радикально», «Приемлемо», «Разумно», «Популярно», «Государственная норма»), автором обращается внимание на то, что данная технология США рассчитана на условия мирной стадии «гибридной войны», когда последовательно реализовываются 5 указанных выше этапов, а 6-й этап выступает в качестве результата узаконенной государством ранее неприемлемой «нормы» [15]. В аспекте рассматриваемого вопроса А. А. Кулаковым отмечается, что информационная сфера суверенных государств становится важнейшим пространством геополитического противоборства [15]. Данная точка зрения вышеуказанного автора подтверждается событиями, происходящими в мире.

В рамках изучаемой проблемы заслуживают внимания публикации С. А. Вершилова, в которых излагаются: сущность, содержание и элементы военной безопасности государства; генезис и эволюция военной безопасности государств на примерах западноевропейских стран и ее российского аналога. Раскрываются специфика противоречий и новых опасностей эпохи глобализации, обуславливающих военную безопасность России. Автором сделан акцент на ряд основных путей (первый путь – стратегическое ядерное (не-ядерное) сдерживание и принуждение к миру; второй – совершенствование военно-технической политики и процесса военного строительства; третий – оптимизация системы военного управления; четвертый – прекращение разрушительного реформирования системы военного образования и ее выход на новое качество; пятый – применение потенциала невоенных средств и способов развития военной безопасности российского государства) и способов развития военной безопасности. Представлены основные тенденции динамики военной безопасности государства в настоящее время.

С. А. Вершиловым обращается также внимание на необходимость организации на базе Военного университета МО, дипломатических академий МИД РФ и МО РФ подготовки квалифицированных специалистов – конфликтологов-международников, способных продуктивно реализовывать себя в сфере межгосударственной коммуникации по интересующим вопросам. Автор указывает на то, что «в XX – начале XXI в. содержанию военной безопасности западноевропейских государств присущи практики манипуляций (мифов). Локальные социумы в малой толике способны и намерены автономно реагировать на внутренние и внешние опасности, поскольку им заранее предлагаются готовые “рецепты” деятельностного, идеологического и этического порядков, продуктивность которых вызывает сомнение. Вооруженное противоборство в них занимает внушительное место, постоянно выступая “раздражителем” в прерывании чьей-либо военной безопасности. Поддержание “образа врага” в современных практиках субъектов военной безопасности западноевропейских стран соответствует их переходу от реагирования к превентивному

варианту. Такая стратегия характеризуется отчуждением от прежнего положения “вызов – ответ” и принятием замысла “опасность – опережающий удар”. Ее значимым мобилизационным ориентиром становится искусство “управления угрозой” и “просвещенного лидерства”. Удручающие результаты подобных “предупредительных” войн не единожды подводили военную безопасность ряда государств к грани катастрофы, поэтому возможны еще более трагические модели ее воплощения» [16, с. 78].

В соответствии с мнением С. А. Вершилова, «основное противоречие военной безопасности стран мира: между необходимостью сбережения объективных условий их устойчивого существования, динамичного развития, продуктивного функционирования и стремлением ее полномочных носителей применить разработанные ими деятельностный, идеологический и этический порядки на заданную цель» [16, с. 279]. Отмечается, что «феномен “мягкая сила” относительно России находит воплощение в деятельностном, идеологическом и этическом порядках субъектов военно-политической практики западных стран. Они постепенно “подталкивают” ее общепринятые трафареты развития, сообщая желательное движение изначальным воззрениям и стремлениям россиян. Пределы концепта “мягкой силы” устанавливаются без прямого обращения к объективированному – принудительному – воздействию на российский социум, так как орудием оболыщения являются соблазнительные смыслы, ненавязчивые зрительные и слуховые примеры. Сторонники “мягкой силы” применяют психически узнаваемые отечественным социумом технологии лоббирования интересов, что представляет собой скрытое переформатирование его ментального качества. Подобная “незаметность” позволяет им прояснить состояние военной безопасности России, наметить дальнейшие пути непозволительного проникновения в ее внутреннее – специфическое – содержание. Представители политики “мягкой силы” мнят себя едва ли не единственными устроителями стандартов коммуникации. Иллюзорное искусство этих “мастеров” в данной сфере широко представлено пригодными институтами. Западная элита демонстрирует соблазнительный арсенал средств общения сквозь призму персонализации и гуманизации, якобы, подчеркивающих согласованность их внешней формы и внутреннего содержания. За такими показными эффектами скрываются “творцы” деятельностного, этического и идеологического оболыщений, не чурющиеся “эксплуатировать” приемы подозрительного плана. Философское осмысление специфики концепта “мягкой силы” актуально для субъектов военной безопасности российского государства, поскольку небезопасно поддаваться искусству привнесения чуждой привлекательности на отечественную почву» [16, с. 280].

Разделяя точку зрения С. А. Вершилова по обозначенной выше проблеме, необходимо отметить, что как философское, так и психологическое понимание феномена «мягкой силы» является значимым для национальной безопасности государства.

В публикациях И. Р. Утяшева указывается на использование манипулятивных технологий в военно-политической сфере. В соответствии с мнением автора, современные военно-политические конфликты напрямую зависят от уровня развития информационных технологий. Отмечается, что возникновение таких понятий, как «информационная война», «медиаагрессия», «информационная безопасность», свидетельствует не только о тесной связи массмедиа с конфликтными ситуациями, но и о том, что в вооруженных конфликтах современности борьба на информационном поле не менее важна, чем непосредственно военные действия. Согласно И. Р. Утяшеву, перелом в информационно-воинской сфере относится к временам вьетнамской войны и связан с негативной позицией американской прессы на происходящее. В этой связи было признано необходимым наличие «информационной и морально-психологической готовности к обеспечению боевых действий». Формировать посредством СМИ общественное мнение таким образом, чтобы любые военные действия находили поддержку среди собственного населения и вообще у большинства жителей планеты. Создание количественного и качественного преимущества собственной точки зрения в СМИ, внедрение стойких ассоциаций, схем, мифов, которые отвечают интересам организатора информационно-пропагандистской кампании [17, 18]. Автор, анализируя работы ряда ученых, исследователей: Г. Г. Почепцова, С. Н. Бухарина, В. В. Цыганова, А. Дугина и др., посвященные вопросам влияния информационных процессов на ход современных вооруженных конфликтов, обращает внимание на то, что ученые отмечают следующее: «Политические, идеологические и геополитические взгляды формируются у значительной части общества исключительно на основе телекоммуникаций. Медиаобраз фактически является атомарным синтезом, в котором сосредоточенно сразу несколько подходов – этнический, культурный, идеологический, политический. Информационный репортаж из какой-нибудь горячей точки, о которой ничего не известно, например, жителю Капитолия, должен за кратчайшее время представить географический, исторический, религиозный, экономический, культурный, этнический профиль региона, а также расставить акценты согласно узко заданной политической цели. Таким образом, профессия журналиста (в особенности тележурналиста) сближается с профессией геополитика. Массмедиа в современном обществе играют уже не чисто вспомогательную роль, как раньше, но становятся мощным самостоятельным фактором, способным совершать сильное влияние на историческую судьбу народов» (А. Дугин) [17, с. 428].

«Информационное обеспечение последних военных кампаний США в Югославии и Ираке стало темой отдельных исследований. Началу военных действий всегда предшествовали мощные информационные кампании, целью которых прежде всего являлась дискредитация противника, создание образа врага. Основной этап информационной войны (как свидетельствует опыт операций в Ираке и Югославии) состоит в демонстрации преимуществ американского оружия, утаивании собственных потерь, преувеличении вреда,

причиненного вражеской армией, военно-промышленным объектам и средствам коммуникации, в том числе теле- и радиостанциям противника. При этом такую информацию распространяют через контролируемые военными пресс-центры. Исследователи отмечают, что «в начале кампании всегда нужны большие ресурсы, чтобы успеть быстро сформировать в общественном сознании нужный стереотип. А сломать сформировавшийся стереотип практически невозможно» (Г. Г. Почепцов) [17, с. 428].

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо отметить, что глобализация информационной сферы приводит к власти не сверхдержавы, а транснациональные медиаимперии, которые создают реальность под себя и манипулируют сознанием масс на собственное усмотрение. Многочисленные исследования свидетельствуют о ведущей роли СМИ как в провоцировании и раздувании вооруженных и политических конфликтов, так и попытках манипулирования политическими лидерами, руководителями военно-промышленных комплексов, профессиональными сообществами, государствами.

В публикациях И. Р. Утяшева обращается внимание на тот факт, что роль СМИ в вооруженных и политических конфликтах понимают и политические экстремисты, которые могут спровоцировать третью мировую войну. В этой связи вопросы информационной безопасности приобретают ключевое значение. В соответствии с мнением автора, если государство не сможет войти в мировую информационно-телекоммуникационную сеть как самостоятельный игрок, то независимость и суверенитет такого государства окажется под большим вопросом [18].

В работах В. Д. Бачурина военно-политический дискурс представлен как эффективный инструмент, используемый для достижения политического и экономического доминирования в обществе. Сделан акцент на: взаимосвязи военно-политического дискурса и информационной защиты; методологических подходах, применяемых в современных условиях ведения информационных войн; особой роли средств массовой информации как основного канала, определяющего вектор информационного воздействия на общественное сознание. Автор приводит ряд примеров успешного использования высокопоставленными политическими деятелями и военно-политическими организациями при помощи средств СМИ активных дискурсивных приемов, направленных на осуществление когнитивного контроля в обществе, с целью оправдания ряда мероприятий насильственного характера (в особенности по отношению к мирному населению), совершаемых подконтрольными им военными подразделениями на территории ведения боевых действий. В. Д. Бачуриным проведен сравнительный анализ материалов русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной прессы в виде печатных и электронных ресурсов СМИ, направленный на выявление существующей разницы в области детализации и наполняемости текстов сходной тематики. На основании проведенного исследования автором сделан вывод о том, что:

«1. Военно-политический дискурс участвует в создании, выражении, распространении и внедрении в сознание представителей общественных, социальных, этнических и других целевых групп специальным образом конструируемых мнений, суждений, оценок, стереотипов и предрассудков.

2. СМИ являются основным центром манипулятивного воздействия на общественное сознание. Необходимый когнитивный эффект создается путем использования различных способов подачи информации, негативно/позитивно окрашенной лексики, использования фотографического материала, стилистических приемов, сокрытия нежелательных для публикации тем. Так, при анализе статей англоязычной, русскоязычной и немецкоязычной прессы было установлено, что тема “Журналиста Сергея Рулева пытали в плену боевики Майдана” практически не упоминается в немецкоязычных и англоязычных СМИ.

3. Пропагандистский характер публикуемого материала вынуждает читателя мысленно занимать одну из противоборствующих сторон и воспринимать вторую сторону как врага. Для закрепления полученного результата читателей сообщений разного пропагандистского толка сталкивают “лоб в лоб”. Здесь в дело вступает как межличностное общение, так и Интернет, где “на полях сражений” – блогах, чатах, социальных сетях – встречаются противники и сторонники тех или иных концепций.

4. По географии воздействия и вовлечению целевых групп военно-политический дискурс СМИ можно с полным основанием определить как особый способ ведения войны, применяемый в комплексе с обычным арсеналом вооружений.

5. Большинство членов современной аудитории СМИ не желают, а часто уже не в состоянии подвергать тексты критическому анализу, предпочитая просто воспринимать информационное сообщение. В такой обстановке предлагаемые манипуляторами версии событий обычно принимаются на веру.

6. Язык является основным инструментом военно-политического дискурса; последний находит материальное и законченное оформление в языковых структурах.

7. Комплексный систематический дискурс-анализ помогает не только выявлять характеристики манипулятивных дискурсов, но и их влияние на массовое сознание для своевременной оценки возникающих угроз и определения возможности соответствующего противодействия.

8. Подобно тому, как оружие создается при помощи научного знания, военно-политический дискурс готовится с применением научных разработок в области языкознания, социальной психологии, управления массовым и индивидуальным сознанием» [19, с. 103–104].

В ракурсе рассматриваемой проблемы необходимо отметить тот факт, что современные СМИ являются средством мощной информационной экспансии, целью которой выступает безраздельное господство механизма манипуляции индивидуальным и общественным сознанием, используя при этом деструктивное мифотворчество.

Мифотворчество в военно-политической сфере

В военно-политической сфере использование мифотворчества, включая и деструктивный его характер, имеет свой исторический путь.

Феномен мифотворчества как средства манипуляции индивидуальным и общественным сознанием имеет междисциплинарный характер, изучается в области различных наук: философии, социологии, социальной психологии, культурологии, политологии.

Структура мифа, его содержание и формы, степень воздействия на сознание представлены в публикациях следующих ученых: Р. Барт, Л. Беннет, Э. Кассиер, Ф. Кессиди, У. Леви-Строс, М. Элиаде и др.; социологические характеристики явления манипуляции общественным сознанием отражены в работах: Г. Г. Воробьева, С. И. Григорьева, Б. А. Грушина, А. В. Толстых, Г. В. Осипова и др.; социально-психологические и психолого-педагогические аспекты мифотворчества изложены в публикациях: Э. Вебера, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, М. Г. Макаровой, В. Д. Парыгиной и др.; проблемы СМИ и способы их воздействия на сознание рассматриваются в трудах С. И. Белова, Ю. В. Воронцова, П. С. Гуревича, Е. Н. Карцевой, Е. Д. Павловой и мн. др.

Миф – не просто фантазия, выдумка, а способ существования мысли, которая непосредственно вплетена в бытие, в поступок человека.

Конструирование мифов – мифотворчество – является одним из инструментов государственного управления. Создание мифа определяется исторической эпохой и ее контекстом, в ракурсе которого и рассчитывается результат.

Целью создания, в частности, социального мифа может быть: «формирование готовности человека к определенному действию или бездействию; изменение характера уже существующих паттернов поведения; формирование или искажение взглядов общественности на то или иное явление, событие» [20, с. 18].

В сфере социальных отношений критерием для классификации создания мифов выступает предметная область манипулирования, на основании которой выделяются: политическая, экономическая, бюрократическая, психологическая, идеологическая манипуляции.

Экономическая манипуляция предполагает преднамеренное несоблюдение существующих или подразумевающихся договоренностей в условиях, когда субъект манипуляции находится в безвыходном материальном положении и согласен выполнять профессиональную деятельность за неадекватную компенсацию труда. Экономические манипуляции осуществляются и в сфере ценовой политики. В научной литературе преобладают данные, отражающие два вида манипуляции, характерной для финансовых рынков: 1) разовое, ситуационное манипулирование ценой в форме обычных сделок; 2) глобальное манипулирование рынком, которое осуществляется с помощью влияния на расчетные цены фондовых актов, существующих на рынке и реализуемых за счет сделок значительного объема.

Бюрократическая манипуляция представляет собой псевдодеятельность организационного или административного характера, например: неисполнение функциональных обязанностей в рамках управленческой деятельности и замена их псевдодеятельностью; необоснованное увеличение численности сотрудников организации; необоснованное создание множества инстанций, создающих «волокиту» в решении вопросов и др. [20].

Идеологическая манипуляция предполагает формирование определенных культурных штампов и моделей поведения, основанных на той системе ценностей, которая выгодна манипулятору. «Любая идеологическая манипуляция по умолчанию является фальшивой и неискренней в области личных и социальных идеалов, исходя из аморальной системы ценностей, строится на лишь кажущемся следовании идеалам, существующим или же создающим новую идеологию, которая позволит оправдать аморальные и безнравственные средства достижения цели» [20, с. 22]. Необходимо отметить, что социальный миф выступает не только продуктом социальной памяти и общественного мышления, но и эффективным механизмом идеологической манипуляции.

Некоторые аспекты роли социального мифа в политической жизни государства и общества рассматриваются в работе Г. С. Девниной, где обращается внимание на признание факта существования социального мифотворчества в политической жизни и влияние социального мифа на социализацию и политизацию личности. Автором высказывается предположение о том, что социальный миф – «не продукт мыслительной деятельности общества, а средство, инструмент познания действительности, призма, через которую воспринимается общественно-политическая жизнь» [21, с. 62]. Социальный миф в контексте сетевой общественной структуры, согласно Г. С. Девниной, анализируется исследователями как фактор общества риска, как инструмент перехода от информационного общества к обществу информационному и т. д. Социальный миф, по сравнению с предшествующим временем, отмечает автор, функционирует по-новому в области прикладной социологии и политологии, увеличивая разрыв с классическим мифом, приобретая ярко выраженную искусственную структуру. Г. С. Девниной указывается на то, что: социальный миф может существовать вне политического кризиса, тогда как политический кризис всегда имеет не менее одного социального мифа в своей структуре; социальная мифологизация общества и индивида является неотъемлемой частью современной массовой культуры, включая общественно-политическую.

В соответствии с мнением Е. А. Баландиной, «мифы и утверждаемые ими стереотипы, вторгаясь в культурно-нравственную сферу существования общества, искажают действительность и формируют в сознании людей новую реальность, способную заставить каждого человека и все общество эволюционировать в заранее запланированном направлении. Следовательно, они являются мощнейшим информационным инструментом манипуляции общественным сознанием» [22, с. 17]. Эксплуатация манипулятивных технологий,

отмечает автор, позволяет имплантировать в общественное сознание инокультурные образцы, разрушающие потенциал национальной мифологии. Нет оснований не согласиться с данной точкой зрения автора на обозначенную выше проблему.

Важнейшей задачей государства, согласно Е. А. Баландиной, является блокировка поступления в общественное сознание идеологии, разрушающей национальную культуру. Автор указывает на то, что только идеология, которая основана на общенациональных традициях, может блокировать экспансию разрушающих мифов в индивидуальное и общественное сознание народа, восстановить в общественном сознании традиционные ценности брака, семьи, престижа материнства и отцовства, будет способствовать возрождению отечественных культурно-исторических традиций. Е. А. Баландина также обращает внимание на роль науки, научных знаний в своевременном разоблачении деструктивных мифов. В то же время отмечается, что наука в современном обществе является орудием капитала для получения сверхприбылей, эксплуатации мира и обеспечивает реализацию целей повышения эффективности манипуляции общественным сознанием.

Особенно ярко мифологизация сознания, по мнению Повловой Е. Д., наблюдается в ходе политических пропагандистских акций, рекламных кампаний, когда СМИ превращаются в мощное оружие «психопрограммирования» масс. По мере усложнения этноса, формирования нации происходит и усложнение его мифологии, отмечает автор, в которой начинает выделяться такая ее разновидность, как политическая мифология.

«Политическая мифология – совокупность представлений и идей (о явлениях, процессах, субъектах политической сферы общества), которые не подвергаются критической рефлексии и воспринимаются индивидами на уровне бессознательного. Этот миф – результат сложного иерархического взаимодействия в индивидуальном и массовом сознании архетипических оснований с рациональной интерпретацией политической реальности. Политический миф базируется на архетипе, он связан с глубинными, ведущими потребностями, эмоционально окрашен и служит своеобразным “спусковым крючком” политической активности» [23, с. 109].

«Посредством политической мифологии нация формирует представление о собственных политико-государственных особенностях, о своем месте в мировом политическом пространстве и истории, о собственном прошлом, настоящем и будущем. Политическая мифология отличается от других форм мифологических представлений активной ролью политических агентов в процессе ее формирования и, следовательно, в значительной степени искусственным происхождением» [23, с. 109]. Автором также указывается на то, что массмедиа принимают на себя статус «четвертой власти», обладающей монополией на информацию, которая позволяет расставлять собственные смысловые акценты, задавать нравственно-ценностные ориентиры, активно влиять на общественное мнение. Согласно Е. Д. Павловой, проблема скрытого влия-

ния на сознание личности может стать опасным информационно-психологическим оружием в руках деструктивно настроенных сил.

Ограничением деструктивного влияния СМИ, в соответствии с мнением Е. Д. Павловой, может служить медиаобразование – относительно новое направление в педагогике, помогающее молодому поколению изучить законы функционирования СМИ. Автор в контексте медиаобразования цитирует английского психолога Л. Мастермана. В качестве цели медиаобразования, согласно Л. Мастерману, выступает «формирование “критической автономии” личности, т. е. ее способности самостоятельно ориентироваться в мире печатной и электронной прессы, познавать медийные тексты, представленную в них отображенную картину действительности и формировать собственные аргументированные суждения о деятельности СМИ» [23, с. 194]. Полностью разделяя данную точку зрения автора, необходимо отметить, что проблема медиаобразования не толь не потеряла свою актуальность в настоящее время, но и является одной из доминирующих в связи с широкомасштабным использованием в информационном пространстве информационно-психологических технологий деструктивного характера, представляющих угрозу личности, обществу, профессиональному сообществу, государству.

Несколько иной подход к проблеме политического мифотворчества представлен в работе В. Л. Бозаджиева. На основании анализа публикаций ряда авторов (Г. Г. Дилигенский, Э. Кассирер, Л. С. Коршунова, Р. А. Лубский, Н. С. Щербинина и др.) В. Л. Бозаджиев рассматривает политический миф в ракурсе политической психики, включающей такие ее компоненты, как: политическое мышление, политическое воображение. **Политическая психика**, в соответствии с мнением автора, «представляет собой особую форму активного отражения субъектом общественно-политических процессов и явлений, возникающих в социально-политическом взаимодействии этого субъекта с внешним миром, и осуществляющую в его поведении (деятельности) регулятивную функцию. Политическая психика открывает субъекту не политическую ситуацию (политические процессы и явления) как она есть, а поле его действия, т. е. те объекты политики и те их свойства, которые важны для жизни субъекта» [24, с. 212]. Автором указывается на то, что в ходе политико-психологического анализа политическая психика включает в себя три основных блока: 1) когнитивный блок (политическое восприятие, политическая память, политическое мышление, политическое воображение); 2) эмоционально-волевой; 3) политического поведения. В. Л. Бозаджиев акцентирует внимание на политическом мышлении как ключевой и определяющей составляющей политической психики, а также на наиболее распространенных формах политического воображения – политические мифы и политические утопии. Психологической основой утопии, так же, как и мифов, по мнению В. Л. Бозаджиева, выступает склонность людей к иллюзиям [24]. Данная точка зрения автора, безусловно, представляет интерес в рамках рассматриваемой проблемы, в то же время имеет дискуссионный характер.

В публикациях С. Д. Кавтарадзе на основе сравнительного анализа нордической мифологии и политики Третьего рейха показано воздействие характерных для немецкой культуры архетипических элементов как на выработку и реализацию военно-политических решений, так и на поведение большинства в условиях тотальной войны. В соответствии с мнением автора, такие архетипические структуры, как великая судьба, смертельная предренность судьбы, война вплоть до полного уничтожения собственного рода, коллективное чувство стыда, не только использовались политическими антрепренерами Третьего рейха для мобилизации народных масс, но и влияли на поведение самой элиты [25].

Мифологизация массового сознания в соответствии с мнением А. А. Сорокина, реализуется в политическом процессе в виде подмены рационального восприятия политической реальности на иррациональное, в результате которого искажается структура и содержание сознания масс. Мифосознание – синтез политического и мифологического сознания, которое характеризуется упрощенной и схематично конкретизированной картиной мира с дихотомическим разделом на «своих и чужих» и по своей сути является ложным. Сущность мифологизации массового сознания рассматривается А. А. Сорокиным исходя из воздействия политического мифа на основные (константные, инерционные, динамические) компоненты массового сознания. Автор отмечает, что специфика мифологизации массового сознания состоит в противоречивой природе политического мифа, который стремится как к систематизации знаний о политической реальности, так и фрагментирует, искажает восприятие политического процесса в связи с его манипулятивной природой [26].

Манипуляция массовым сознанием в Республике Беларусь, по мнению А. А. Сорокина, «представляет собой специфическую политическую деятельность широкого спектра оппозиционных политических сил, направленную на разрушение структуры и содержания общественного сознания жителей Беларуси, замещение исторической памяти ложными политическими мифами, деформацию цивилизационной и национальной идентичности граждан, формирование протестных политических настроений, подрыв легитимности существующего строя и его основных элементов, а также создание, развитие и модерирование сетевых оппозиционных политических сообществ с целью реализации в Беларуси технологии «цветной революции» [26, с. 4]. Полностью разделяя мнение автора по обозначенной проблеме, необходимо подчеркнуть факт того, что события последних лет ярко продемонстрировали агрессивный и деструктивный характер манипулятивных информационно-психологических технологий, используемых в информационном пространстве в отношении Республики Беларусь, направленных на нарушение суверенитета и государственной целостности.

«Политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без се-

рьежного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [27, с. 389].

В соответствии с мнением А. Ф. Лосева, «миф заставляет целое общество жить по законам мифотворчества, и никакая наука не убедит и не разуверит человека в созданном им личностном или общественном мифе» [28, с. 13].

Изучая вопросы мифотворчества, необходимо подчеркнуть, что образы, как и слова, обладают суггестивным значением и порождают цепную реакцию воображения. А искусство манипуляции состоит в оказании воздействия на сознание и/или подсознание личности, общества, профессионального сообщества с целью активизации воображения в необходимом для манипулятора (ров) направлении, сохраняя при этом скрытый характер воздействия.

Рассматривая различные аспекты мифотворчества, целесообразно обратить внимание на роль науки, научных знаний в своевременном разоблачении деструктивных мифов, которые широко используются в информационном пространстве и оказывают негативное влияние на самосознание, общественное сознание.

Политическое манипулирование в военно-политической сфере

В ракурсе изучаемой проблемы представляют интерес публикации, посвященные политическому манипулированию, которому принадлежит одно из доминирующих мест в военно-политической сфере.

«Политическое манипулирование» есть одно из средств, при помощи которых власть решает задачу обеспечения поддержки обществом транслируемых ею ценностей, т. е. мобилизует на свою сторону простое большинство общества, получая тем самым право мобилизовывать к поддержке остальную часть, но уже другими средствами» [29, с. 93].

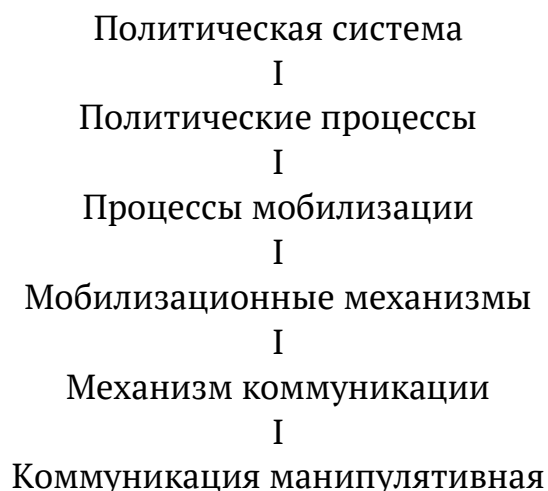
«Политическое манипулирование» – это процесс убеждения или внушения (суггестии) аудитории определенных идей, целей, установок сознания, программирующих их поведение. Это воздействие осуществляется скрыто, и успех манипуляции гарантирован, когда аудитория верит в то, что все происходящее естественно и неизбежно» [30, с. 66].

Проблемы коммуникации власти и общества представлены в ряде концепций политического манипулирования. Феномен политического манипулирования имеет междисциплинарный характер, подтверждением является наличие ряда концепций в области философии, политологии, психологии, социологии, филологии.

«Проблема политического манипулирования в современном политологическом дискурсе маргинализирована и мистифицирована. Она теоретически не встроена в систему политических отношений, при этом, с одной стороны, манипулированию не определено его «законное» место в теории политики, а с другой – оно тотально охватывает всю политическую сферу, и шире – все общество. Эта неопределенность мешает: а) пониманию объективных оснований существования политического манипулирования как феномена со-

временной политики, б) описанию его реальных параметров, в) определению его системных связей» [29, с. 88].

Определение места процесса политического манипулирования, его отраслевой, функциональной классификации, направленности процесса в политической системе, представляет собой по нисходящей иерархии следующую схему:

В соответствии с мнением Н. О. Королева, указанная выше расстановка позволяет натурализовать политическое манипулирование в статусе научной категории, включив его в систему научного знания о политических процессах, обеспечивая тем самым дальнейшее изучение этого значимого феномена современной политической жизни [29].

Некоторые аспекты государственно-правовых технологий политического манипулирования излагаются в публикациях Е. А. Колесникова. По мнению автора, «к основным признакам политического манипулирования как технологии легитимации публичной власти относятся: а) духовное воздействие на правовое и политическое сознание населения, не сопряженное с физическим насилием и системой государственных репрессий; б) высокий уровень идеологической восприимчивости народа, его информационная пассивность и связанная с низким уровнем общей, правовой и политической культуры не критичность мышления (имеющая место не только в стабильно функционирующем государственно-институциональном пространстве, но и в революционные периоды); в) скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом политической манипуляции; г) сопряженность с волей и интересами высших и местных национальных элит; д) институциональная и организационная оформленность (создание соответствующих научных, информационных и иных структур, занимающих определенное место в государственном механизме, а также гражданском обществе («неправительственные организации», фонды и др.))» [31, с. 7]. Е. А. Колесниковым обращается внимание на то, что государственно-правовые технологии политического манипулирования реализуются на нескольких институциональных и неинституциональных уровнях, в частности, таких как: «а) концептуально-теоретическом

(через разного рода доктрины, идеи, принципы, насаждаемые прежде всего в сфере образования и науки); б) информационно-художественном (воздействие средств массовой информации, телевидения, различных произведений искусства (кино, театр, литература и др.); в) программно-политическом (программы политических партий, движений, требования к власти и т. п.); г) актуализированном, фиксирующем результат разного рода манипулятивных воздействий на массовое политическое и правовое сознание, степень реализации утверждаемых идеалов, принципов, практик в системе правовых и политических институтов» [31, с. 7]. Структура политического манипулирования, по мнению автора, представляет собой единство эмоциональных и рациональных элементов воздействия, которое определяет вектор активности различных субъектов публичной власти и иных движущих сил реформаторских процессов при отсутствии правового механизма антиманипуляционной защиты. Е. А. Колесниковым обращается внимание на ряд основных факторов, обуславливающих деформацию государственно-правового механизма защиты от политических манипуляций.

В контексте рассматриваемой проблемы представляют интерес публикации Г. В. Пушкаревой, посвященные вопросам исследования политических технологий, политического поведения, мотивации политического действия, политической идентичности. Анализируя состояние изучаемой проблемы, автор указывает на то, что: информационные технологии политического влияния, как правило, называют манипулятивными в связи со скрытым их влиянием на подсознание; склонность личности к экономии своей когнитивной энергии, нежелание прилагать дополнительные усилия для всестороннего осмысления политической информации, превращают ее в легкую добычу политических манипуляторов, которые профессионально подстраиваются под когнитивные процессы, протекающие на уровне подсознания объекта манипуляции; объектом политической манипуляции становятся лица, не имеющие твердых политических взглядов, не обладающие склонностью к критическому мышлению, рациональному объяснению фактов [32]. Данная точка зрения Г. В. Пушкаревой в определенной степени согласуется с мнением ряда ученых – К. Поппера, Дж. Локка, Г. Гегеля, Г. И. Колесникова, Е. Д. Павлова относительно развития критического мышления и рефлексии личности, формирования навыков ассертивного поведения.

Индивидуализированный фактор, определяющий формирование и функционирование механизма противодействия манипуляционному воздействию на сознание личности, представляет ту специфическую комбинацию личностных качеств, наличие которых в структуре личности обеспечивает осознанное и активное ее отношение к окружающей действительности. Совокупность таких личностных качеств, как оптимизм, адекватная самооценка, «неустойчивое равновесие», критическое и рефлексивное мышление в структуре личности, способствует формированию самодостаточной личности, способной противостоять манипуляционным воздействиям на ее сознание. От-

существование вышеуказанного комплекса качеств в структуре личности может обеспечивать неадекватную оценку предоставляемой информации, принимая ее на веру и следуя в указанном направлении [33]. Социальный механизм противодействия личности манипуляционному воздействию на ее сознание, согласно Г. И. Колесниковой, состоит из трех универсалий: 1) создание (своих) или восприятие (чужих) идей; 2) критическое и рефлексивное рассмотрение данных идей; 3) деятельность (в отличие от манипуляционного механизма представляет собой поведенческую деятельность, поскольку личность действует осознанно и активно). Автором обращается внимание на то, что формирование социального механизма противодействия личности манипуляционному воздействию обеспечивается сочетанием внутреннего и внешнего факторов. А также сделан акцент на понимании «творческой составляющей в структуре личности как основной характеристики личности нового типа Ното Demiurgus, представляющего собой качественно новый уровень развития человека двадцать первого столетия, являющегося самодостаточным, автономным и, следовательно, неподверженным манипуляционным воздействиям» [31, с. 5].

Политические технологии, политическое манипулирование, специфика их реализации в СМИ, медийном пространстве представлены в публикациях И. И. Таркан. Сущность политических технологий, в соответствии с мнением автора, может быть раскрыта только через систему выявления и использования потенциала общественной системы. «Цель политических технологий – оптимизация выполнения субъектами политики своих задач и обязанностей посредством рациональных средств, очередности действий, выработки соответствующего алгоритма поведения» [30, с. 9]. Автор рассматривается также ряд технологий (формирование фейкового сознания, манипулирование сознанием интернет-пользователей, эвфемизмы, манипулирование общественным мнением и сознанием) политического манипулирования. Акцентируется внимание на роли интернет-пространства как одной из основных арен информационного противоборства ведущих технологически развитых государств за право контролировать сознание миллиардов интернет-пользователей и определять их ценностно-смысловые модели существования. Обращается внимание на то, что широкомасштабное использование технологий политического манипулирования возможно в случае отсутствия у гражданина или государства достаточно разнообразного арсенала средств защиты от информационного вторжения. Реальную угрозу потери политической управляемости и стабильности государства представляет неготовность или неспособность своевременного выявления информационного воздействия извне и противопоставления адекватных эффективных защитных мероприятий.

Задача государства в медиасфере – защищать граждан от использования в отношении их манипулятивных технологий [30].

Различные аспекты политической коммуникации и манипуляции, рассматриваемые в социально-психологическом контексте, но с прагматической позиции, излагаются в работе Н. Ф. Пономарева [34].

Историко-аналитический обзор западных медиаисследований, посвященный вопросам информационно-политического влияния (медиаэффектам, медиавлияниям) на общественное сознание, представлен в работе Д. В. Алексеева [35].

Механизмы и каналы медиаманипулирования массовым политическим сознанием представлены в публикациях П. Б. Салина. Автор утверждает, что психологические механизмы медиаманипулирования не изменились за последние 70 лет, однако каналы коммуникации, с использованием которых осуществляется целевое воздействие (на общество, профессиональное сообщество и др.) интенсивно трансформируются. Обращается внимание на применение в информационном пространстве различных сочетаний базовых медиаманипулятивных практик (навешивание ярлыков, «блистательная неопределенность», перенос, ссылка на авторитеты, игра в простонародность, «перетасовка карт», «общий вагон» во всех форматах: пиаре, пропаганде, политической рекламе и т. п. Например, прием «общий вагон» «позволяет сформировать у целевой аудитории чувство предопределенности результата и убедить ее присоединиться к группе “победителей”. Он с незапамятных времен использовался в войнах, в которых главное – деморализовать противника, лишить его воли к сопротивлению, а в идеале – побудить перейти на свою сторону, причем путем не физического насилия, а переубеждения, не формулируя при этом прямо свою цель. Психологические приемы, используемые в военных действиях, активно применяются в политике» [36, с. 246].

В аспекте рассматриваемой проблемы представляют специальный интерес публикации Р. В. Осокина, в которых рассматриваются вопросы политического манипулирования в сфере экологической безопасности. Автор обращает внимание на факт того, что экологическая безопасность является одним из значимых ресурсов, с помощью которого осуществляются манипуляции экологическим сознанием в политических целях.

«Технологии манипулирования в сфере экологической безопасности представляют собой совокупность приемов, способов, методов воздействия политического субъекта на объект с целью достижения необходимого результата в политике за счет обеспокоенности населения проблемами экологии» [37, с. 14].

Согласно Р. В. Осокину, в рамках обозначенного выше вопроса целесообразно выделить двух уровней манипулирования: 1) использование проблем экологии субъектами политики, стремящимися ко власти и создающими себе в этой борьбе имидж борцов за экологию; 2) деятельность государственных институтов и других субъектов политики, занятых в экологически опасных производствах (в частности, уничтожение химического оружия), обеспечивающих эту деятельность с информационной стороны в благоприятном

для нее свете. Автор указывает на эффективное использование в политических технологиях манипулирования таких методов, как: создание мифа о неотвратимости экологической катастрофы; повторение в сочетании с эффектом первичности; использование авторитарного мнения или комментария; обратной связи; создание эмоционального резонанса, а также на то, что экологическая безопасность определяет направления деятельности ряда политиков [37].

Разделяя мнение вышеуказанных авторов на рассматриваемую проблему, необходимо отметить, что манипулирование в военно-политической сфере является опасным информационно-психологическим оружием в руках деструктивно настроенных сил. Оно может оказать влияние на принятие управленческих решений как внутри государства, так и на международном уровне, тем самым обостряя не только геополитическую конкуренцию, но и создавая условия для разжигания различного рода конфликтов, представляя угрозу национальной безопасности.

В аспекте изучаемого вопроса целесообразно подчеркнуть, что политическое, экономическое, религиозное и криминальное манипулирование «связаны» между собой. В этом же контексте заслуживают внимания вопросы криминального манипулирования.

«Криминальное манипулирование – это общественно опасное, противоправное скрытое воздействие на человеческую психику с целью управления индивидуальным, групповым или массовым поведением, причиняющее вред правам и законным интересам людей, угрожающее безопасности личности, общества и государства» [39, с. 6].

В рамках уголовного права проблемные вопросы манипулирования представлены в публикациях Г. В. Борзенкова, В. А. Владимирова, В. П. Ларичева, П. С. Яни и др., в частности, по криминологии – в работах А. И. Гурова, М. П. Клейменкова, О. В. Старкова, Д. В. Ривмана, А. Ю. Федорова и др.

В соответствии с мнением А. Ю. Федорова, с которым нельзя не согласиться, манипулирование создает угрозу информационной безопасности населения, в частности, угрожает экономической безопасности граждан, которая выражается в широкомасштабном распространении ложной информации в предпринимательской деятельности, в развитии инфраструктуры, производящей и реализующей фальсифицированные товары потребления, и т. д. Автор отмечает, что манипулирование в информационной сфере нередко посягает на религиозную безопасность личности и общества. Это происходит при вовлечении людей в тоталитарные секты, где их превращают в послушные орудия лидера религиозного объединения. В случае фальсификации результатов выборов манипулирование представляет угрозу конституционным основам государства [38, с. 12]. «Наиболее распространено криминальное манипулирование в политической, экономической и религиозных сферах. Политическое, экономическое и религиозное криминальное манипулирование связаны между собой» [38, с. 6]. Согласно А. Ю. Федорову, криминальные ма-

нипуляции сыграли заметную роль в проникновении организованной преступности в экономическую деятельность. Автор обращает внимание на то, что «главным инструментом массовых манипуляций выступает ненадлежащая реклама: недобросовестная, недостоверная, неэтичная, заведомо ложная и скрытая. Скрытая реклама, реализуемая в суггестивных психотехнологиях, получила широкое распространение» [38, с. 7].

В аспекте рассматриваемой проблемы необходимо обратить внимание на масштабное дезинформирование, сопровождающее коммерческую медицину, которая предлагает множество новых технологий, основанных на симбиозе псевдонауки и оккультизма: метод «академика» Бронникова, коррекция кармы, информационная медицина и т. п. [38]. «Ложь, дезинформация, обман и злоупотребление доверием стали наиболее эффективными инструментами обогащения. Успеха добивался тот, кто менее всего был склонен рефлексировать по поводу нарушения нравственных и даже правовых норм. Так как многие преобразования опережали их правовое обеспечение, то критические ситуации часто были спровоцированы отсутствием правового реагирования на них» [38, с. 12].

В ряде публикаций по обозначенной проблеме указывается на преобладание двух доминирующих сфер экономики (потребительский рынок и кредитно-финансовая сфера), где активно и последовательно осуществляются общественно-опасные манипуляции.

Некоторые аспекты манипулирования как признака составов преступлений в сфере экономики излагаются в работах С. Ш. Сабиева, в которых автор отмечает, что «уголовно-правовой смысл манипуляции оценивается по трем критериям: общественной опасности, виновности и противоправности» [39, с. 310]. «Критерием противоправности уголовно-правового манипулирования выступают международно-правовые стандарты в области прав человека. Общественно опасным манипулирование становится, когда оно посягает на права других людей и причиняет им вред либо содержит угрозу причинения такого вреда» [39, с. 311]. С точки зрения механизма воздействия, отмечает автор, уголовно-правовое манипулирование может быть простым (элементарным), сложным (квалифицированным) и очень сложным (особо квалифицированным). «Особо квалифицированные общественно опасные манипуляции состоят в скрытом комплексном воздействии на психику человека. Достигается это использованием системы различных приемов, связанных с воздействием на подсознание человека» [39, с. 312].

В ракурсе изучаемого вопроса обращает на себя внимание тот факт, что в работах некоторых ученых сделан акцент на применение психологических знаний при планировании и реализации преступного замысла, участие в ряде мошеннических действий (например, финансовых пирамид) профессиональных психологов; противоречивость уголовно-правовой политики законодателя, объясняемой отсутствием четкой концепции противодействия экономической преступности.

Результатам исследования масштабов преступной деятельности (включая манипулирование рынком в целях легализации денежных средств, полученных преступным путем, или экспатриации капитала) в банковской сфере посвящены публикации А. А. Борочкина, Д. Ю. Рогочева. На основании анализа фактов нарушения финансово-банковского законодательства на мировом уровне авторами сделан вывод о том, что «манипулирование и офшорные юрисдикции тесно связаны друг с другом. Борьба исполнительных органов власти всех стран мира с компаниями, которые применяют схемы уклонения от налогообложения с использованием офшорных центров, должна начинаться с решения проблем манипулирования рынка» [40, с. 9].

Некоторые аспекты роли внушения и внушаемости в генезисе преступного поведения излагаются в публикациях И. Е. Козыревой, в которых автор подчеркивается специальная роль СМИ и сети Интернет как инструментов негативного внушения и манипуляции массовым сознанием. Рассматривая обозначенную выше проблему, автор ссылается на представленную в работах Дж. Брайанта, С. Томпсона, цитату Б. Коэна: «Пресса, возможно, не очень преуспела в том, чтобы указать людям, что именно думать, но она удивительно успешна в указании своим читателям на то, о чем думать» [41, с. 21]. И. Е. Козыревой обращается внимание на то, что обострившаяся информационная война влечет за собой дестабилизацию общественных отношений, провоцирует совершение многочисленных преступлений. В соответствии с мнением автора, имеет место эффект прайминга (повторение негативных моделей поведения, в том числе и совершения преступления), который является следствием медианасилия. Согласно Козыревой И. Е., «внушение и внушаемость как личностная черта индивида, позволяющая ему некритически, не осмысливая, воспринимать любые, прежде всего деструктивные модели поведения и слепо следовать им, это не одна, а две проблемы. С одной стороны это источник негативной, деструктивной, агрессивной информации, с другой – индивид, группа, социум в целом, которые, используя заимствование идеи, внедренные в их сознание извне через механизмы внушения, совершают непоправимые ошибки, перечеркивающие жизни их жертв и их собственные» [41, с. 22]. На основании анализа научной литературы по вопросам криминального манипулирования в информационном пространстве следует вывод о целесообразности дальнейших научных исследований в данной области. Требуется решения ряд вопросов, связанных с криминальным манипулированием в сфере цифровой экономики.

События последних лет ярко продемонстрировали использование в информационном пространстве в отношении Республики Беларусь манипулятивных технологий различного толка, направленных на нарушение суверенитета и государственной целостности.

В этом же контексте целесообразно подчеркнуть, что современное состояние военно-политической обстановки в мире и складывающейся в отношении Республики Беларусь определяет объективную потребность в совер-

шенствовании подготовки специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности. В частности, совершенствование у вышеуказанной категории специалистов умений:

а) систематизировать и осуществлять качественный анализ информационных потоков разной степени интенсивности и насыщенности, включая использование информационных, информационно-психологических технологий деструктивного характера;

б) выявлять использование манипулятивных технологий, например, в политической, военно-политической, экономической и др. сфере;

в) выявлять использование манипулятивных технологий, направленных на конкретное профессиональное сообщество (например, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, политиков, ученых, спортсменов, медицинских работников и др.);

г) противостоять любого рода манипуляциям в информационном пространстве;

д) эффективно использовать (при необходимости) антиманипулятивные техники в информационной сфере. Необходимо обратить внимание на развитие политического, военно-политического мышления (включая его критичность); политического иммунитета.

Совершенствование психологической подготовки и повышение квалификации указанной выше категории специалистов в области информационной безопасности необходимо осуществлять системно, с учетом развития и использования в информационном пространстве многообразия информационно-психологических технологий различного толка.

Высокий уровень профессионализма, политического самосознания и политической культуры сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности является значимым гарантом обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь [42].

В изложенном материале освещены лишь некоторые аспекты проблемы манипулирования в информационном пространстве в военно-политической сфере как значимой составляющей феномена «мягкой силы».

На основании теоретического анализа данных, представленных в научной литературе по изучаемой проблеме, следует заключить:

1. Феномен «мягкой силы» имеет международный характер и требует дальнейшего научного изучения в связи с необходимостью выработки эффективных механизмов, обеспечивающих безопасность личности, общества, профессионального сообщества, государства в информационном пространстве.

2. Манипулирование в информационном пространстве, включая военно-политическую сферу, как значимая составляющая феномена «мягкой силы», требует дальнейших научных исследований на междисциплинарном уровне в целях разработки и эффективного использования антиманипулятивных технологий, обеспечивающих национальную безопасность, а также безопасность на межгосударственном уровне.

3. Дезориентация в понимании значения роли и результатов манипулирования в разных сферах информационного пространства в условиях информационного противоборства чревата принятием неверных политических, военно-политических и других решений, которые пагубно могут сказаться как на функционировании управляющих институтов, отдельных социальных систем, так и общества в целом.

4. «Публикации, в которых отражено влияние различного рода информации на динамику психологической безопасности (личности, группы, социума), носят фрагментарный характер. Вместе с тем теоретическая и практическая значимость такого рода научных исследований не вызывает сомнений. В этой связи актуальным остается дальнейшее углубленное изучение использования различного рода технологий (информационных, информационно-психологических, имеющих деструктивных характер, манипулятивных и др.) на динамику сознания личности, общественное сознание в условиях информационного противоборства» [43, с. 18].

5. Авторы, изучающие обозначенную выше проблему, едины во мнении относительно того, что использование в информационном пространстве посредством СМИ информационных, информационно-психологических технологий деструктивного характера, включая манипулирование личностью, обществом, профессиональным сообществом, государством, является опасным информационно-психологическим оружием в руках деструктивно настроенных сил.

6. В условиях обострившегося информационного противоборства наблюдается дестабилизация общественных отношений, провоцирующая совершение ряда преступлений. Имеет место эффект прайминга (повторение негативных моделей поведения, в том числе и совершения преступления), который является следствием медианасилия.

7. Проблема медиаобразования не только не потеряла свою актуальность в настоящее время, но и является одной из доминирующих в связи с широкомасштабным использованием в информационном пространстве информационно-психологических технологий деструктивного характера, представляющих угрозу личности, обществу, профессиональному сообществу, государству.

8. Неконтролируемое использование в информационном пространстве информационно-психологических технологий деструктивного характера, включая криминальное манипулирование, представляет угрозу национальной безопасности.

9. «Основными структурными компонентами психологической защиты личности от деструктивного информационного воздействия являются: индивидуально-психологические особенности личности (психический, нравственный, интеллектуальный потенциал личности); ценностные ориентации и жизненные установки личности; уровень развития самосознания, правовой и политической культуры; актуальные потребности личности; лабильность

самооценки; стрессоустойчивость; наличие опыта диагностики манипулятивного стиля общения, использования антиманипулятивных технологий профессионального общения; наличие опыта работы с многочисленными информационными потоками разной степени содержательной насыщенности и др.» [42, с. 77].

10. Современное состояние военно-политической обстановки в мире и складывающейся в отношении Республики Беларусь определяет целесообразность совершенствования подготовки специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности.

11. Сфера образования, включая военно-политическое образование, является доминирующей в развитии политического иммунитета граждан.

12. Одной из значимых задач государства в аспекте успешного развития военной, военно-психологической науки и функционирования профессионального сообщества военных ученых является всестороннее информационное обеспечение научных исследований в военной, военно-психологической области научных знаний, а также научного сопровождения актуальных и перспективных научных исследований в области государственной военной политики и др.

13. Стратегия совершенствования информационной инфраструктуры, информационных и информационно-психологических технологий в Республике Беларусь основывается на использовании эклектического подхода, минимизируя возможные риски негативного влияния извне на микро- и макро-социум, информационные и научно-технические ресурсы.

14. Защита информационного пространства Республики Беларусь является одним из приоритетных направлений национальной безопасности.

ГЛАВА 2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДИФФУЗИОНИЗМА КАК ФЕНОМЕНА «МЯГКОЙ СИЛЫ», ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ УГРОЗУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях глобализации, когнитивной войны, целями которой являются: воздействие на высший уровень мышления человека, его смыслы и ценности, которые предопределяют его поведение [44];

использование системы манипулятивных воздействий, изменяющих парадигму мышления человека и группы лиц, их убеждения и поведение в пользу тактических или стратегических целей агрессора [45, 46];

введение человека в рамки необходимого манипулятору нарратива, слом его картины мира и дальнейшее переформатирование ее под необходимые манипулятору параметры [47];

изменение познавательных процессов противника, эксплуатация его предубеждений, рефлексивных суждений, а также провоцирование искажения мышления [48] и др.;

подавление противника и принуждение его к подписанию невыгодного ему мира (в случае ведения боевых действий) либо принуждение к перемене внутреннего социально-политического устройства, являющиеся главной целью этой войны [48], диффузионизм используется в качестве «мягкой силы».

«Мягкая сила» основывается на таких ресурсах, как культурно-ценностная привлекательность, привлекательность национально-государственной экономической модели развития, привлекательность политической модели. Стратегия «мягкой силы» призвана оказывать воздействие на сознание как основной массы населения, так и политической и экономической элиты государства. При этом стратегия «мягкой силы» в действительности содержит в себе составляющую «жесткости», связанную с навязыванием изначально чуждых стандартов. Специфика стратегии «мягкой силы» состоит в том, что она ориентирована на достаточно долгосрочную перспективу [49].

В ракурсе стратегии «мягкой силы» феномен диффузионизма используется политтехнологами, специалистами в области информационных, информационно-психологических технологий деструктивного толка с целью манипулирования как общественным сознанием, так и самосознанием личности.

С использованием в информационном пространстве технологий деструктивной направленности оказывается психологическое воздействие:

на государственное, политическое, правовое, культурное, религиозное, патриотическое, профессиональное самосознание личности;

культурные, религиозные, этнические традиции;

ценностные ориентации, мировоззрение личности, общества, профессионального сообщества с целью их переформатирования в интересах манипулятора.

В рамках рассматриваемого вопроса целесообразно подчеркнуть, что феномен диффузионизма и/или его элементы, применяемые указанными выше специалистами США и Запада, могут касаться не только интересов личности, общества, профессионального сообщества, проникая в различные их сферы, но и оказывать влияние на успешное функционирование государства, формирование и развитие международных отношений [50].

В этой связи требует специального внимания феномен диффузионизма.

«Диффундировать – проникать, смешиваться путем *диффузии*; самопроизвольно распространяться во все стороны» [51, с. 171].

Диффузия – «импорт и распространение инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации» [52, с. 6].

Феномен «диффузионизм» исследуется в разных областях научных знаний – культурологии, истории, социологии, антропологии, этнографии и др. Указанный феномен, учитывая его многоаспектность и многогранность, исследовался в рамках различных научных школ (антропогеографическая школа, культурная морфология Л. Фробениуса, гипердиффузионизм (панегиптизм, гелиолетическая школа и др.). Однако проблеме диффузионизма в настоящее время посвящено незначительное количество публикаций, в которых указывается на ряд вопросов, имеющих дискуссионный характер.

В настоящее время в условиях глобализации, гибридных войн, включая информационно-психологические войны, концепции диффузионизма, представленные в рамках различных научных школ, приобретают новый вектор его понимания.

В аспекте изучаемой проблемы заслуживают специального внимания вопросы, касающиеся деструктивного диффузионизма в сфере политики, культурной политики государства, представляющего угрозу национальной безопасности.

Так, в работах Т. А. Подшибякиной осуществляется аналитический обзор публикаций по различным аспектам диффузии политики, обращается внимание на целесообразность оценки современного состояния исследования политической диффузии и определения ее перспективных направлений с позиций различных теоретико-методологических подходов. Автором указывается на наличие единичных публикаций российских ученых – В. Я. Гельмана, Т. В. Ланкиной, А. Ю. Сунгуровой, А. Н. Журавлева – по изучаемой проблеме.

В соответствии с мнением Т. А. Подшибякиной в российских исследованиях понятие диффузии преимущественно связано с культурными, технологическими, идейными, правовыми инновациями. Автор, ссылаясь на публикации F. Wasserfallen, A. Tanja Borzel & Thomas Risse, отмечает, что политический диффузионизм, помимо теорий инноваций, опирается на собственные теоретические и концептуальные основы и представлен в публикациях, вышедших в Швейцарии, Великобритании, Соединенных Штатах, Латинской

Америке и Китае. Исследователи Швейцарии и Великобритании, наряду с учеными США, внесли существенный вклад в обоснование понятия и выдвижение теорий диффузии внешней и внутренней политики. Публикации представителей Европейского Союза (ЕС) по рассматриваемой проблеме чаще всего касаются таких аспектов, как: являются ли попытки ЕС перенести свою политику и институты в присоединяющиеся и соседние страны устойчивыми и эффективными; в какой степени другие регионы мира подражают институциональным особенностям ЕС; каковы механизмы и условия их распространения? Обращается внимание на то, что в Латинской Америке и Китае сложилась своя исследовательская традиция с акцентом на практическое применение концептов диффузии политики к анализу множества проблем (война, конфликты, демократия, нормы, политические идеи, предпочтения, экономические и социальные условия и различные виды политики) [53, с. 254–255].

В аспекте изучаемой проблемы Т. А. Подшибякиной, ссылаясь на Джона Заллера, отмечается, что автором была предложена модель процесса, посредством которого политические взгляды распространяются через общественное мнение. Следуя работам Конверса и Макгуайра, вышеуказанным автором утверждается, что этот процесс зависит от вариаций индивидуального воздействия и восприятия информации как убедительной. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения авторов.

Перспективным направлением развития исследований в области диффузии политики может стать изучение каналов коммуникации, или сетевых механизмов распространения политики; поиск валидных и надежных способов измерения идеологической диффузии; изучение рецепции как элемента модели диффузии в системе общественного мнения [53].

С точки зрения Т. А. Подшибякиной, ключевую роль в процессах диффузии политики играет принцип добровольности заимствований, проявляющийся в трех основных механизмах распространения – обучении, эмуляции, конкуренции [10].

В работах Л. О. Игумновой излагается типология механизмов диффузии норм, акцентируется внимание на том, что Европейский союз (ЕС) обладает огромным потенциалом в области диффузии норм. Автором отмечается, что многие европейские аналитики концептуализируют ЕС в качестве нормативной силы в международных отношениях, которая устанавливает нормы и распространяет их вовне в своей международной практике. Указывается, что идеи ЕС проникают в другие страны, внедряются в национальный контекст и формируют восприятие и мировоззрение реципиентов. Раскрываются как теоретические вопросы диффузии норм и типология механизмов диффузии норм, имеющих в арсенале ЕС (сила примера; убеждение; информационная, процедурная и открытая диффузии; формирование, передача дискурсов о норме), так и основные проблемы выбора стратегии диффузии норм [54, с. 1–8]. Ссылаясь на публикацию М. Leonard, автором обращается внимание, что «Владение рассмотренными нами механизмами диффузии норм, безус-

ловно, является одним из мощнейших источников влияния ЕС в мировой политике и свидетельствует о развитии Европейским союзом нового вида силы – трансформационной силы. Эта сила преследует долгосрочные цели перестройки мира по подобию ЕС, создания общих стандартов поведения, утверждения общих правил морали, этики и глобального управления. Уникальная трансформирующая сила ЕС, как «невидимая рука» Адама Смита, действует осторожно, но эффективно: Европа вовлекает третьи страны в свою орбиту, и, как только эти страны попадают под влияние европейских законов и обычаев, они изменяются навсегда» [54]. Автор, ссылаясь на публикации Т. Diez, F. Duchene, обращает внимание на то, что официальные документы ЕС и европейские аналитики различают стратегии «толкать» и «тянуть» к переменам (“push for change”, “pull for change”). Европейский союз отдает предпочтение последней. Согласно Т. Diez, «говоря о Евросоюзе как об антрепренере норм, все же главным инструментом стоит признать сами нормы, являющиеся нормативным средством формирования окружающей среды. Нормативная сила опирается на независимую силу норм, призванную оказывать влияние на поведение других акторов, их внутреннюю и внешнюю политику» [54, с. 7–8].

Ярким примером использования специалистами США и Запада технологий, включающих феномен деструктивного диффузионизма, являются цветные революции и в том числе события на Украине.

В аспекте изучаемой проблемы имеют место публикации, в которых представлена иная точка зрения относительно указанного выше феномена. В частности, в публикациях А. В. Митько, ссылаясь на работы А. И. Владимиров, подчеркивается, что новыми типами современной войны являются «диффузные войны», которые содержат элементы самых современных знаний и технологий.

Автор указывает, что «диффузные – гибридные» войны являются: предтечей становления новой цивилизационной парадигмы – базовой схемы бытия и методом новой колонизации будущего и эпохи нового рабства; методом формирования нового человеческого общества, т. е. контробщества, для замены имеющегося старого человечества, т. е. для замены нас с вами; войной «вечных маргиналов» современной цивилизации за свою собственную историю и свою новую цивилизацию – за счет всего другого.

В парадигме общей теории войны феномен «диффузной войны» заключается в том, что «диффузная война» – это современная версия войны как вооруженной борьбы, это война нового варварства, война «мировых неудачников» современной цивилизации за их мировое первенство через гибель (смерть) существующей цивилизации.

Война включает (подразумевает) наличие совокупности новых и разнородных агентов войны со случайно совпадающими или специально определяемыми интересами и целями для создания возможностей их новой реализации. Это реальная диффузия – взаимопроникновение организационных, тех-

нологических и информационных войн, ведущихся государствами и их вооруженными силами, с преобладанием методов, средств, технологий и приемов «мятежа войны», массового геноцида и террора. Другими словами, это путь от войны цивилизованной к войне инстинктивной, от государственно организованных форм вооруженной борьбы, военного права и военной этики к тотальному геноциду людей на территории противника и культу смерти как таковой. Это путь устранения моральных ограничений насилия и смерти как основных компонентов и сущности этой войны.

«Диффузные войны» не являются войнами инстинктивными, непреднамеренными или случайными, они планируются, организуются и обеспечиваются.

Эти войны ведутся новыми военными общностями, которые возникают как новые агенты войны, решающие свои задачи методами тотального насилия и физического уничтожения противника и всего того, что они понимают под этим.

Им характерен отказ от принципов эскалации (деэскалации) конфликтов и принятие принципов их диверсификации и тотального насилия, опора на собственные силы при расширенном понимании войны как выгодного бизнеса.

Синонимом, разновидностью и равнопорядковым явлением «диффузной» войны является «гибридная война».

«Гибридная война» не является новым военным откровением, это современная версия и форма войны как вооруженной борьбы.

Сущность войны: война негосударственных вооруженных формирований против государства как такового и без официального участия в войне государственных вооруженных сил вторжения, осуществляемая методом вооруженного нашествия.

Цели войны: силовой захват власти и ресурсов страны и их перераспределение для личного обогащения новой власти и в интересах.

Особенности ведения войны:

ведется методами вооруженного нашествия и сетевой войны, т. е. войны, не имеющей одного и явного центра управления войной;

ведется негосударственными формированиями против государства и всех его институтов под лозунгами и видом гражданской войны;

ведется только против слабых мест государства и местного населения, широко используя методы информационной войны и террора;

присутствует мгновенная реакция на изменение обстановки и гибкость управления при видимости его отсутствия [55, с. 137–138].

Согласно мнению А. В. Митько, в настоящее время активно используются диффузные географические информационные системы в различных областях деятельности. «Диффузные геоинформационные системы – это системы, в которых нельзя «установить непроницаемые перегородки», разграничивающие действия или явления переноса влияния переменных различной природы.

Этими принципиальными особенностями диффузные системы выделены в класс сложных систем...» [55, с. 136]. Автором аргументируется, что в аспекте сетецентрических «гибридных войн» геоинформационные диффузные системы позволяют вывести на новый уровень оперативность и живучесть управления на базе сетевых технологий [55].

В рамках изучаемой проблемы необходимо обратить внимание на публикации, в которых рассматриваются различные аспекты деструктивного диффузионизма в сфере культурной политики государства, представляющего угрозу национальной безопасности.

«Культурная политика – это корректировка отдельных содержательных компонентов культуры с целью поддержки и развития одних из них и заглушения, уменьшения места и значения других» [56, с. 8].

В соответствии с мнением С. Г. Дюкина и И. В. Самойловой культурная политика – явление сложное и многоструктурное. Конечной целью культурной политики является воздействие на ценностную структуру и нормативные установки социума, а также формирование либо поддержание идентичностей. Авторами отмечается, что на практике культурная политика осуществляется на основе конкретных направлений, таких как:

- политика в сфере национального вопроса;
- работа по управлению чтением и его популяризации;
- политика в театральной сфере;
- политика в сфере кинематографии;
- охрана памятников истории и культуры;
- охрана культурных зон и ландшафтов;
- разработка историко-культурных туристических маршрутов, организация краеведческой работы;
- поддержка культурно-досуговой деятельности;
- развитие музейных технологий;
- возрождение традиционных форм социально-культурной деятельности (народные ремесла и промыслы);
- формирование историко-культурной памяти;
- политика в сфере топонимики.

Вышеуказанными авторами обращается внимание на типологизацию культурной политики, в частности на такие модели, как: **консервативная; коммерческая (либеральная); модель диалога культур.**

В аспекте консервативной культурной политики осуществляется сдерживание инновационных процессов внутри страны, минимизируется внешнее культурное заимствование. Указанная модель предполагает усиление национальной и этнических идентичностей, трансляцию в социум таких ценностей, как семья, традиции, порядок и патриотизм. Государство занимается культурным протекционизмом.

Целью коммерческой (либеральной) культурной политики выступает интеграция страны в мировое сообщество. Основополагающими ценностями

в рамках данной модели являются: свобода, открытость, самореализация. Реализация *либеральной* культурной политики сопровождается ослаблением этнической и национальной идентичности, сокращением степени влияния религии.

Конвергенция умеренного консервативного и либерального подходов представлена в модели диалога культур. Целью субъекта такой культурной политики будет внедрение страны в общемировой инновационный процесс при сохранении собственной идентичности и своего «лица» [56, с. 9–11].

По особенностям реализации культурной политики, главным критерием которой выступает степень участия государства в финансировании сферы культуры, авторами выделяются четыре типа государств: государство-вдохновитель; государство-патрон; государство-инженер; государство-архитектор. В этом же контексте обращается внимание еще на одну типологию стран, в которых реализуется тот или иной тип культурной политики. На основании сочетания нескольких критериев (вмешательство государства в культурные процессы, способ финансирования сферы культуры, цели культурной политики) разработана типология стран, в рамках которой выделены следующие модели культурной политики: либеральная; частично-государственная; бюрократически-просветительская; престижно-просветительская; национально-эмансипационная [56, с. 8–14].

В связи с вышеизложенным целесообразно подчеркнуть значимость управления культурой и возможность ее регулирования, исключая вероятность *деструктивного диффузионизма*, так как культура является одним из важнейших ресурсов развития государства и его уникальности.

В рамках изучаемого вопроса представляют интерес публикации Н. Л. Вигель, в которых автор обращается внимание на имеющую место культурную диффузию в традиционные стереотипы, идеологию, мораль, исторические мифы.

В соответствии с мнением автора негативными последствиями информационного общества являются: «кризис человека», что подразумевает его неспособность справляться с огромным количеством необходимой информации, вследствие чего увеличивается количество психических заболеваний, происходит сознательное использование девиантного поведения как в личной, так и в общественной жизни; изживание традиционных связей, что ведет к одиночеству современного человека [57].

По мнению Р. С. Дауева, культурная диффузия является не первичным, а вторичным, целенаправленным и сознательно регулируемым процессом. Она подчиняется внутренним механизмам культурного взаимодействия, носителем которого выступает семья и общество, и сложившимся способом социального регулирования межкультурных контактов и диалога. В то же время автором акцентируется внимание на том, что культурная диффузия может иметь стихийный и неуправляемый характер, при котором нарушается целостность культурного ядра (базовые ценности, культурные коды и символы,

связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения). Последствием указанного процесса является саморазрушение этноса, так как предметом заимствования могут стать культурные образцы, несовместимые с ценностями автохтонной культуры. В свою очередь, нормы и образцы поведения, тесно связанные между собой, и формируют единое поле культуры, которое делает культурные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми [58]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения автора относительно изучаемой проблемы.

На актуализацию исследований по изучению диффузии культур в настоящее время, в связи с расширением каналов диффузии и миграциями большого количества носителей разных культур в современных обществах и, как следствием, усложнением межкультурных контактов в результате культурных заимствований, обращается внимание в работах Т. И. Глуховой [59].

Различным аспектам диффузии современных феноменов «аниме», «субкультура аниме» посвящены публикации ряда ученых: Д. Е. Липаевой, Е. С. Воробьевой, Н. В. Куркина, А. Г. Давыдовского, Д. Ш. Курмакаевой, М. Е. Казарина, И. С. Гусевой, Е. В. Шишкиной, А. Н. Наймушиной, В. И. Карасик, Ф. Т. Ахунзяновой, И. В. Даньковой, Ю. Е. Стебиховой, Н. Афонасова, Сюзан Нейпир, Колли Оделл, А. В. Злоцкой, М. С. Лебедева, О. В. Язовской, Т. М. Дудаевой, М. В. Герасимова, Н. В. Кузиной, Т. Г. Соградовой и др.

Аниме – это японская анимация с характерной манерой отрисовки персонажей и фонов. Сюжеты могут описывать множество персонажей, отличаться разнообразием мест и эпох, жанров и стилей. Аниме ориентировано в большей части на подростковую и взрослую аудиторию, издается в форме телевизионных сериалов и фильмов. Во многом за счет этого оно имеет высокую популярность в мире [60].

Зарождение японского аниме как жанра искусства относится ко второй половине XX в., а распространение и популярность этот жанр получил к концу XX – началу XXI в. Необходимо отметить, что большая часть научных трудов по манге и аниме датируется началом XXI в. Возможно, данный факт обусловлен признанием в Японии современных манги и аниме частью культурного наследия нации, что свидетельствует об осознании их художественной и культурной ценности. В этой связи имеет место тенденция к увеличению интереса к манге и аниме ученых других стран и может расцениваться как международное признание.

Актуальность изучения феномена «аниме» возможно связана и с фактом того, что в 2003 г. картина «Унесенные призраками» Хаяо Миядзаки получила премию «Оскар». В соответствии с мнением Сюзан Нейпир данное событие стало поворотной точкой для мира киноискусства: именитая награда подтвердила то, что аниме – гораздо больше, чем детские мультфильмы. За красочными картинками и несложными (на первый взгляд) сюжетами часто спрятаны серьезные темы и глобальные вопросы человечества. Аниме затра-

гивает самые разные проблемы нашей реальности, проецируя их на реальность вымышленную [61].

По мнению Колин Оделл, анимационные фильмы Хаяо Миядзаки и Исао Такахаты – шедевры мировой мультипликации, созданные с большой виртуозностью и любовью [62].

Широкое распространение аниме в настоящее время послужило тому, что стереотипы поведения героев этих произведений оказывают существенное влияние на картину мира современной молодежи. В этой связи увеличилось число противников этого жанра мультипликации. Наиболее серьезную критику вызывает чрезмерное, по мнению многих экспертов, количество насилия и эротики в аниме, а также неадекватное поведение людей, увлекающихся просмотром и коллекционированием аниме, проявляющееся порой в патологических формах поведения (уход от реальности, агрессивность, близкая к наркотической зависимость и др.). Поэтому во многих европейских странах и США японская мультипликационная продукция проходит предварительную оценку с определением возрастной аудитории [63, 64].

Современные манга и аниме, субкультура аниме входят в круг интересов ученых различных стран, например: Японии, США, Канады, Австрии, России и др.

Вопросам диффузии культуры как предмету социально-философского исследования, на примере диффузии аниме в России, посвящены публикации А. Н. Наймушиной, в которых отмечается, что диффузия является непрерывным процессом, постоянно приводящим в действие те механизмы общества, которые вызывают изменения в нем и в культуре народа в целом. А каждая культура, как и ее народ, воспринимает привнесенное по-разному, образовывая свои причудливые и уникальные формы из уже имеющегося материала.

Автором сделан вывод, что метод ментальных профилей, основанный на сравнении групповых тезаурусов, позволяет достоверно связать различия частоты выбора эпитетов с изменениями в менталитете групп, а эти изменения в менталитете соотнести с процессами диффузии, происходящими в культуре. Автором указывается на то, что менталитет различных групп в российской аудитории по-разному изменяется в ходе процесса диффузии аниме. Различия в менталитете проявляются, в частности, в таком аспекте тезауруса, как вероятность психологической ассоциации. В ходе исследования А. Н. Наймушиной установлены изменения менталитета параллельно как увеличению количества просмотра аниме, так и волнам диффузии аниме в России [65, 66].

Невзирая на многочисленные публикации, прямо или косвенно затрагивающие аниме-культуру, субкультуру аниме, названные феномены изучены недостаточно. Данный факт подтверждается преобладанием публикаций молодых ученых, в которых излагаются результаты научных исследований, отражающие некоторые аспекты изучаемой проблемы в рамках конкретной области научных знаний (в частности, культурологии, философии, психологии, социологии, искусства, филологии, правоведения и др.).

Исследование научной литературы, посвященной изучению различных аспектов феноменов «аниме», «субкультура аниме», свидетельствует о том, что: современные феномены «аниме», «субкультура аниме» имеют международный, межотраслевой и дискуссионный характер;

в научных публикациях по рассматриваемой проблеме представлены результаты исследований, отражающие многогранность феномена «аниме»;

ученые разных стран не пришли к единой точке зрения относительно позитивного или деструктивного влияния аниме на общественное сознание, самосознание, мировоззрение личности;

доминирующее количество научных публикаций, посвященных различным аспектам современных феноменов «аниме», «субкультура аниме», относится к таким отраслям науки, как: культурология, искусство, философия, социология;

имеются единичные публикации, в которых указывается на деструктивное влияние некоторых аниме на психику подростков, проявление у них суицидального поведения; деструктивное влияние увлеченностью аниме, «толкающее» подростков на суицид;

в доступных открытых научных публикациях отсутствуют данные о комплексных исследованиях указанных выше феноменов, свидетельствующих о наличии прямой взаимосвязи увлеченностью аниме и суицидом.

В рамках констатации возможных рисков национальной безопасности современных феноменов «аниме», «субкультура аниме» целесообразно проведение фундаментальных научных исследований и комплексных научных изысканий по проблеме диффузионизма, диффузии аниме в Республике Беларусь [67].

В контексте изучаемой проблемы также обращают на себя внимание публикации, посвященные различным аспектам феномена диффузионизма как модели социокультурной динамики; диффузионизма в современной геополитике; транскulturации; диффузии инноваций в экономической, социальной, профессиональной, образовательной, религиозной и других сферах, в которых подчеркивается их дискуссионный характер.

Результаты анализа научной литературы по изучаемой проблеме свидетельствуют о ее многоаспектности и дискуссионном, международном характере.

Анализируя данные, представленные в научной литературе по обозначенной выше проблеме, есть основания полагать целесообразным:

проведение фундаментальных комплексных исследований по проблеме диффузионизма и его влиянию на успешное функционирование государства;

разработку механизмов минимизации влияния деструктивных технологий с использованием феномена диффузионизма и/или его элементов в информационном пространстве;

осуществление мониторинга состояния этнической, культурной, религиозной идентичности с целью ее сохранения, учитывая широкомасштабное

использование в информационном пространстве различных технологий деструктивного толка, включая диффузионизм как «мягкую силу»;

осуществление мониторинга диффузии инноваций в различных сферах функционирования государства с целью минимизации проникновения инноваций деструктивного толка;

разработку механизмов превентивных мер, обеспечивающих эффективное функционирование государства на международном, мировом уровнях, с учетом использования специалистами США и Запада технологий деструктивной направленности, включая манипулирование как в рамках «мягкой силы», так и возможного агрессивного диффузионизма в различных сферах (экономической, политической, социальной, образовательной, религиозной и др.) в целях сохранения суверенитета и государственной целостности.

ГЛАВА 3

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВА – ОДНА ИЗ ЗНАЧИМЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Формирование позитивного образа государства является стратегической задачей политики государства в связи с определением и закреплением его статуса на мировой арене.

Современное состояние военно-политической обстановки в мире и складывающееся в отношении Беларуси и России актуализирует необходимость формирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства.

Беспрецедентное использование в информационном пространстве откровенно ложной информации, направленной на дестабилизацию как внутривнутриполитической ситуации в государстве, так и на межгосударственном уровне, формирование «образа врага», «образа агрессора», призывы к ликвидации лидеров государств, что является преступным, свидетельствуют об игнорировании норм международного права представителями США, европейских государств и осуществлении открытой широкомасштабной информационно-психологической войны.

В этой связи целесообразно обратить особое внимание на своевременное разоблачение деструктивных мифов и применение превентивных мер в отношении мифологизации общественного политического сознания в целях сохранения суверенитета и государственной целостности.

Феномен «образа государства» имеет междисциплинарный характер. В зависимости от области научных знаний (психология, политология, философия, социология, культурология, история и др.), в которой он исследуется, вводится специальная терминология («имидж государства», «облик государства», «модель государства», «идеальный образ государства», «Я-образ государства», «репутация государства», «государственная идентичность» и др.).

В научной литературе излагаются различные подходы к изучению образа государства, его структурных составляющих, функций и т. д.

Изучению феномена «образа государства» посвящены многочисленные публикации ряда авторов: Е. Б. Шестопал, Т. В. Евгеньевой, Н. М. Ракитянского, Т. Н. Пищевой, К. В. Плешакова, В. Н. Иванова, В. К. Левашова, В. Н. Александровской, В. В. Серебрянникова, Г. В. Осипова, В. Н. Кузнецова, Н. А. Коваленко, Г. И. Марченко, И. А. Носкова, Э. А. Галумова, И. С. Семенченко, Г. Г. Почепцова, А. В. Федякина, А. Н. Киркина, Д. Н. Замятина, И. Ю. Киселева, И. В. Фомина и многих других.

Учитывая многогранность и сложность указанного выше феномена, в научной литературе имеется ряд определений понятия «образ государства».

Образ государства – «совокупность представлений политического руководства страны о национальной идентичности, статусе и роли страны на международной арене» [68, с. 51].

«Образ государства является своего рода фундаментом политического сознания и содержит в сжатом и концентрированном виде основные характеристики политической идентификации и социализации граждан, связанные с отношением к своей стране, ее прошлому, настоящему и будущему.

Понятие «образ государства» тесно связано с рядом других терминов и определений и взаимно переплетается с ними. В первую очередь это относится к таким понятиям, как «имидж государства», «репутация государства», «государственная идентичность» [69, с. 11–12].

«Образ государства – «динамическая совокупность объективно существующих, целенаправленно формируемых и субъективно воспринимаемых сущностных характеристик политически организованного, территориально оформленного и подчиненного верховной власти общества» [70, с. 14].

«В целом образ государства – это его идеальная сигнальная система. В нем – вся его сущность. У образа государства – защитная функция: как правило, он формируется с целью “знать себя”, чтобы не выходить за “свои пределы”, в “чужую сферу”, где за это надо платить дорогую цену в международных отношениях и в культурно-исторической эволюции человечества. Образ государства формирует мировоззренческую систему – ценности, идеалы, возможности своего существования, отношение к себе и миру, к своему поведению в окружающем мире.

Образ государства – это “базовый критерий”, “простейший ключ” к пониманию культурно-исторического прогресса человечества, это язык межгосударственных коммуникаций. Образ государства на глобальном уровне – это подтверждение точности его идеологического и социально-экономического поведения и намерений. Иными словами, образ государства – это язык его существования и поведения в мировом сообществе, это “бессознательная семантика” мирового масштаба. Кроме того, образ государства воспитывает сознание своих граждан, образ – это всегда “форма общественной деятельности” глобального масштаба» [71, с. 6].

«Образ государства» – «результат отражения сущностных характеристик изучаемого политического института, принципов и особенностей его функционирования в массовом политическом сознании россиян, выраженных в виде динамичной системы ценностей, представлений, установок, ожиданий, оценок, детерминированных совокупностью экзогенно-эндогенных факторов» [72, с. 90].

Образ «Я» государства – «совокупность убеждений коллективного субъекта о себе, конструируемая и репрезентируемая политическим руководством государства. Он обладает сложной структурой, состоящей из трех компонентов – идентификационного, статусного и ролевого, и формируется в ре-

зультате intersубъективного взаимодействия субъектов международных отношений» [73, с. 11].

Многочисленность определений понятия «образ государства» свидетельствует о сложности и многогранности данного феномена.

В аспекте изучения вышеуказанной проблемы представляют интерес публикации А. В. Федякина, в которых излагаются основы политики формирования позитивного образа российского государства как внутри страны, так и на международном уровне. Автор указывает на важную роль формирования позитивного образа государства в связи с развитием отечественной экономики, требующей притока иностранных инвестиций, и в целях решения задач политики национальной безопасности, где выбор альтернатив осуществляется на основе формализованных, субъективных экспертных оценок и информационных моделей. Отмечается, что информационное воздействие на потенциальных и реальных противников также требует формирования определенного образа, основанного на репутации, которая способна сорвать агрессивные планы оппонентов.

А. В. Федякиным подчеркивается, что «Россия может позиционировать себя как государство – участника международных отношений посредством использования нескольких образов: государства-союзника (он подразумевает институционализированные политические отношения и всю полноту экономических, научно-технических, гуманитарных и иных связей с другим государством); государства – стратегического партнера (он предполагает неинституционализированные политические отношения и весь спектр иных связей с дружественной державой); государства-партнера (преимущественно торгово-экономические и гуманитарные связи между странами); нейтрального государства (в основном торговые связи стран); государства-конкурента (сочетание взаимодействия государств в различных сферах с их невооруженной борьбой); государства-противника (сочетание минимальных контактов между странами с жестким противоборством во всех сферах)» [70, с. 41]. В соответствии с мнением автора, «организационный механизм формирования позитивного образа государства в России может включать несколько контуров принятия и реализации решений: Совет Безопасности России и Аппарат Совета Безопасности, определяющие миссию, видение и Я-концепцию государства, информационное, правовое и организационное обеспечение данной деятельности; межведомственные комиссии (советы) по позиционированию РФ во внутриполитической и внешнеполитической сферах, разрабатывающие конкретные меры и действия, контролирующие их реализацию. Для отечественной аудитории подобные функции может выполнять межведомственная комиссия, координируемая Министерством культуры РФ. Она может включать представителей министерств культуры, образования и науки, Пресс-службы Президента РФ, Министерства обороны РФ, федеральных телеканалов, специализированных СМИ по патриотическому и духовному воспитанию граждан РФ, печатных СМИ. Исполнительными звеньями на местах могут вы-

ступить отделы по реализации программ патриотического и духовного воспитания граждан России в системе образования страны и федеральных ведомствах, пресс-службы федеральных органов исполнительной власти с подразделениями по формированию позитивного образа государства в регулируемой сфере общественной жизни, а также указанные средства массовой информации с собственными подразделениями по решению этой задачи. Общий контроль и координацию работы межведомственных комиссий (советов) может взять на себя Руководитель Администрации Президента РФ или Секретарь Совета Безопасности России» [70, с. 16–17]. Разделяя данную точку зрения А. В. Федякина относительно изучаемой проблемы, необходимо подчеркнуть ее актуальность и значимость в современных условиях информационно-психологической войны.

Несколько иной подход к формированию образа государства излагается в работах И. Ю. Киселева, в которых представлены данные теоретического и эмпирического изучения сущности и закономерностей динамики (формирование, поддержание и изменение) образа государства на международной арене. По мнению автора, взаимодействие государств на международной арене осуществляется в контексте циркулирующих и разделяемых идей (знаний). При этом участники международных отношений могут выступать как социальные субъекты, которые формируют среду своего взаимодействия (в том числе и образы других участников международных отношений) посредством создания Я-образов и избирательно реагируют на ее воздействие, используя Я-образы в качестве информационных фильтров. Отмечается роль когнитивных и социальных факторов в детерминации поведения государств. Согласно мнению И. Ю. Киселева, профиль «Я-образа государства» определяется специфическим для данного государства соотношением идентификационного, статусного и ролевого компонентов. Восприятие государством изменения ситуации ведет к изменению соотношения данных компонентов; компоненты Я-образа взаимодействуют между собой. На содержание каждой роли – или набора ролей – изначально оказывает влияние преобладание либо внешних (статус), либо внутренних (идентичность) факторов. Указанные переменные, согласно автору, выступают в качестве источника мотивации ролевого поведения [74].

Различным аспектам функционирования образа государства в области внешней политики России и ее отношений с другими странами посвящены публикации А. Г. Смирновой, в которых обращается внимание на влияние образа «Я» государства на восприятие угрозы, процесс принятия внешнеполитических решений, построение отношений сотрудничества, социализацию государства. По мнению автора, «образ «Я» государства и сконструированные на его основе национальные интересы лежат в основе разрабатываемой государством внешней политики. Образы других стран формируются в результате взаимодействия и коммуникации стран при разрешении актуальных проблем на международной арене. В свою очередь, отношения с другими акторами

оказывают влияние на формирование образа «Я» страны и последующую трансформацию ее внутренней и внешней политики. Действия отдельных государств и возникающее в результате их взаимодействия пространство международных отношений соответствуют друг другу. И акцентирование влияния какого-то одного из этих элементов выступает следствием аналитического характера проводимых исследований, не всегда способных представить исследуемый феномен в целостности» [68, с. 214]. Согласно мнению А. Г. Смирновой, социологический подход к изучению образа государства во внешней политике и международных отношениях обеспечивает целостность понимания изучаемого феномена. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения автора на данную проблему, вместе с тем в рамках изучаемого вопроса представляет интерес эклектический подход.

Учитывая многогранность и сложность феномена «образ государства», а также его междисциплинарный характер, о чем указывалось выше, в научной литературе представлено многообразие подходов к его исследованию. В то же время отсутствует единство взглядов ученых на обозначенную проблему.

В этой связи правомерным является предложение авторского подхода к изучению феномена формирования и функционирования образа прошлого, настоящего и будущего государства как значимой составляющей политики государства.

Теоретико-методологической основой авторского подхода послужили теории: психики как отражения действительности (А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн); психологии образа (А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов, Д. А. Ошанин и др.); психологии развития образной сферы человека (А. А. Гостев); концепции – «Я», «профессиональная Я-концепция» (З. Фрейд, К. Роджерс); психологии отношений (А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясищев); деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн); психологии общения (Б. Ф. Ломов, А. А. Бодалев и др.); психологии установки (Д. Н. Узнадзе, А. С. Прангишвили); самосовершенствования личности (Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, А. А. Деркач и др.) и др.

В работах А. Н. Леонтьева указывается на то, что в психологии проблема восприятия должна быть поставлена и разрабатываться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности [75]. «Теория психологии образа есть конкретное научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это знание также о том, как функционирует образ мира, опосредуя их деятельность в объективно реальном мире» [76, с. 6].

«Образ – это психологический феномен, представляющий собой результат целостного отражения в сознании свойств, признаков предмета, представленных в виде обобщенной картины мира, складывающейся из ощущений, ценностей, установок, оценок, ожиданий, последовательно формируемых на основе чувственного восприятия, а также в результате перера-

ботки информации, практической деятельности, рационального осмысления действительности. Характерными признаками психического образа, вытекающими из его содержания и механизмов функционирования, являются предметность, субъективность («принадлежность образа реальному субъекту»), «зависимость восприятия... от потребностей, мотивов установок, эмоций человека» [76, с. 125].

Согласно Д. А. Ошанину, образ имеет двойственное назначение, т. е. будучи инструментом познания, он в то же время и регулятор действия. Ключ к решению психологической проблемы образа, по мнению автора, кроется в понимании сложных отношений между когнитивной и оперативной функциями образа, которые постоянно взаимодействуют одна с другой. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения автора [77].

Основываясь на теориях вышеуказанных авторов, предлагается следующее определение данного понятия: **образ государства** – многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение политического руководства страны к национальной идентичности, динамике статуса и роли страны на мировой арене, причинам их изменения, выступает в роли фактора, определяющего: особенности формирования, развития и укрепления международных отношений; прогнозирование перспектив развития и эффективного функционирования государства на всех уровнях (внутриполитическом, внешнеполитическом, мировом); особенности поведения и деятельность руководителя государства.

Как многомерное явление образ государства необходимо рассматривать, на внутриполитическом уровне в ракурсе следующих позиций (отношений): руководство страны (образ государства у руководства страны), социум (образ государства у общества, профессионального сообщества, семьи), личность (образ государства у личности).

Образ государства у личности – многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение личности к динамике внутриполитической, внешнеполитической деятельности государства и статусу страны на мировой арене, причинам их изменения, выступает в роли фактора, определяющего особенности: формирования отношений личность – государство, личность – социум (общество, профессиональное сообщество, семья); социального поведения, общения и деятельности личности; прогнозирования личностных перспектив (образа жизни).

В аспекте изучаемой проблемы обращает на себя внимание тот факт, что процесс формирования и функционирования образа государства у личности индивидуально-специфичен, базируется на определенной значимости информационных потоков в осознании личностью «образа Я – гражданин страны»; «образа Я – патриот своей страны», «образа Я – белорус» или «образа Я – русский» и др.; «образа Я – политик» или «образа Я – военнослужащий» и др.

и тесно связан с теорией построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности.

На формирование образа государства у личности существенное влияние оказывают:

социальный, профессиональный, экономический, религиозный статус личности;

национальная, этническая принадлежность личности и степень ее идентификации;

уровень развития государственного, политического, патриотического самосознания; политической, правовой культуры, мировоззрения личности;

ценностные ориентации, морально-нравственный, культурный, интеллектуальный потенциал личности и др.;

статус государства на мировой арене;

внешняя и внутренняя политика государства;

декларируемые государством ценности и ценностные ориентиры;

декларируемые ценности других государств;

достижения государства на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом, мировом уровне;

декларируемый (излагаемый) политическим руководством страны образ прошлого, настоящего и будущего государства;

уровень развития профессионального сообщества, его достижения;

ценности и ценностные ориентации профессионального сообщества;

ценности и ценностные ориентации в обществе, семье;

ценности, ценностные ориентации и жизненные установки личности;

самореализация личности (всесторонняя, частичная, отсутствие таковой);

сопоставление личностью своего образа жизни с таковым у граждан других стран;

наличие социальных и других гарантий государством и т. д.;

осознанное включение образа государства в личный образ жизни, образ мира и реальности, прогнозирование личностных перспектив и их согласованность с образом потенциального развития государства;

наличие в образной сфере личности образа государства (сформированного образа государства, в основном сформированного, частично сформированного или его отсутствие; сформированного позитивного или искаженного образа государства и/или включающего деструктивные элементы);

используемые в СМИ, социальных медиа информационные, информационно-психологические, коммуникативные технологии, включая различного рода технологии деструктивного толка, и т. д.

Образ государства на мировом уровне необходимо рассматривать с позиций (отношений) руководства других стран, народов других стран (этнических групп, профессиональных сообществ), личности.

В ракурсе изучаемой проблемы обращает на себя внимание факт того, что образ государства может выступать в качестве источника мотивации ролевого поведения (руководства страны, социума, личности).

В этом же контексте целесообразно подчеркнуть значимость сформированности позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства на всех уровнях. Неадекватно сформированный (включающий деструктивные компоненты) образ государства может представлять угрозу, в частности, экономической безопасности (например, как инвестиционно не привлекательный) и национальной безопасности в целом.

Формирование в информационном пространстве образа государства как «образа врага», «образа агрессора» с использованием различного рода технологий деструктивного толка, тем самым оказывая негативное влияние на мировоззрение, политическое сознание личности, общественно-политическое сознание, может послужить поводом возникновения конфликтов на уровне личности, общества, профессионального сообщества, государства.

События, происходящие в мире (гибридная война в отношении России и Беларуси, события на Украине и др.), являются ярким тому подтверждением.

В этой связи важно предотвращение формирования в информационном пространстве негативного образа прошлого, настоящего и будущего государства на любом уровне.

В рамках изучаемой проблемы сущность авторского подхода заключается в целесообразности учета сбалансированности конвергенции образов: «образ государства у руководства страны», «образ государства у личности», «образ государства у профессионального сообщества», «образ государства у общества», составляющей базис национального единства и обеспечивающей в определенной степени национальную безопасность.

В плане практического использования концепции образа государства предлагается различать такие важные компоненты, как: основа (ядро) образа государства, «опорная точка образа государства», уровень сформированности и адекватности образа государства.

Основу (ядро) образа государства составляют: «Я-концепция государства», национальный образ, конституция, национальные интересы, национальная безопасность (военно-политический, экономический, научный, ресурсный и др. потенциал страны).

Национальный образ включает ряд структурных компонентов, в частности: национальные символы (национальный флаг, герб, национальный гимн, национальные герои; символы, выражающие идею государственной независимости; символические элементы национальной культуры; национально-религиозные символы и др.); национальная идентичность; национальная «Я-концепция»; национальное сознание, политическое сознание и др.

Опорная точка образа государства представляет собой совокупность объективных данных, отражающих историю государства, реальные достиже-

ния в области политики, экономики, науки, культуры, спорта и т. д. на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом и мировом уровне.

Авторский подход формирования и функционирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства может быть учтен в качестве составляющей «Я-концепции государства». Образ государства может рассматриваться в интересах безопасности личности, общества, профессионального сообщества, государства [78].

В рамках изучаемой проблемы необходимо обратить внимание на правовое, организационное и информационное обеспечение формирования и закрепления позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства на внутривнутриполитическом, внешнеполитическом и мировом уровне.

Формирование позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства имеет исключительное значение для национального единства. Позитивный образ государства выступает в качестве значимого фактора обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны.

Список цитируемых источников

1. Соловьев, А. И. Политология. Политическая теория. Политические технологии / А. И. Соловьев. – Москва, 2000.
2. Володенков, С. В. Управление современными политическими компаниями / С. В. Володенков. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 2012. – 310 с.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 304 с.
4. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – 3-е изд., стер. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2017. – 541 с.
5. Катунин, Д. Б. Половозрастные и гендерные особенности тенденции к манипулятивному поведению / Д. Б. Катунин. – Санкт-Петербург, 2006. – 26 с.
6. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2010. – 864 с.
7. Глобалистика : энциклопедия. – Москва : Диалог ; Радуга, 2003. – С. 388.
8. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практики реализации : коллектив. моногр. / Науч.-исслед. центр проблем нац. безопасности ; под общ. ред. И. Б. Бочарникова, С. Л. Кандыбовича, В. Б. Тарасова. – Москва : Москов. дом национальностей, 2021. – 206 с. : ил. – С. 124–149. – ISBN 978-5-9247-0128-8.
9. Гриняев, С. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства / С. Гриняев // Зарубежное военное образование. – 2001. – № 8. – С. 10–12.
10. Макаренко, С. И. Терминологический базис в области информационного противоборства / С. И. Макаренко, И. И. Чукляев // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 1 (2).
11. Батуева, Е. В. Американская концепция угроз информационной безопасности и ее международно-политическая составляющая : дис. ... канд. полит. наук / Е. В. Батуева. – Москва, 2014. – 207 с.
12. Кошкин, Р. П. Геополитическая обстановка и вопросы глобальной безопасности / Р. П. Кошкин // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 2 (18).

13. Манойло, А. В. Информационные диверсии в конфликте на Украине / А. В. Манойло // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления : коллектив. моногр. / под общ. ред. В. Н. Ремарчука, И. В. Бочарникова. – Москва : Экон-Информ, 2023. – С. 62–72.
14. Ромачев, Р. В. Прокси-разведка и классификация разведывательных акторов на примере США / Р. В. Ромачев // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления : коллектив. моногр. / фак. соц. и гуманитар. науки МГТУ им. Н. Э. Баумана, Акад. воен. наук ; под общ. ред. В. Н. Ремарчука, И. В. Бочарникова. – Москва : Экон-Информ, 2023. – С. 73–81.
15. Кулаков, А. А. О перспективных формах управляемых политических трансформаций США с использованием информационной сферы и подходах Российской Федерации по противодействию им / А. А. Кулаков // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления : коллектив. моногр. ; фак. соц. и гуманитар. наук МГТУ им. Н. Э. Баумана, Акад. воен. наук ; под общ. ред. В. Н. Ремарчука, И. В. Бочарникова. – Москва : Экон-Информ, 2023. – С. 82–106.
16. Вершилов, С. А. Военная безопасность государства (социально-философский анализ) : монография / С. А. Вершилов. – Ульяновск : Зебра, 2015. – 290 с.
17. Утяшев, И. Р. Роль коммуникации в военно-политических конфликтах современности. – URL: elibrary_17788801_27360818.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
18. Утяшев, И. Р. Проблемы формирования морально-психологической готовности к будущей военно-профессиональной деятельности / И. Р. Утяшев // Вестник КГТУ. – 2011. – № 9. – С. 323–325.
19. Бачурин, В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе / В. Д. Бачурин // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50).
20. Торгованова, О. Н. Миф как вариант манипуляции в области социальных отношений (теоретический обзор) / О. Н. Торгованова, Н. Н. Гончар, А. В. Гневыхева // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 2. – С. 18–26.
21. Девнина, Г. С. Роль социального мифа во внутригосударственных и политических кризисах России: социально-философский анализ / Г. С. Девнина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 61–69.
22. Баландина, Е. А. Социальное мифотворчество в качестве средства манипуляции сознанием / Е. А. Баландина. – Барнаул, 2006. – 18 с.
23. Павлова, Е. Д. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ / Е. Д. Павлова ; [отв. ред. А. Е. Лукьянов] ; Науч. совет РАН «История мировой культуры». – Москва : Наука, 2007. – 206 с.
24. Бозаджиев, В. Л. Политическое мышление и политическое воображение как компоненты политической психики / В. Л. Бозаджиев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 4. – С. 212–214.
25. Кавтарадзе, С. Д. Манипуляция архетипическим сознанием. Нацистская Германия / С. Д. Кавтарадзе // Историческая психология и социология истории. – 2013. – № 1. – С. 49–61.
26. Сорокин, А. А. Трансформация массового сознания в политическом процессе: сущность, специфика, проблема манипуляции / А. А. Сорокин. – Минск, 2016. – 23 с.
27. Кассир, Э. Политические мифы / Э. Кассир // Реклама: внушение и манипуляция. Медиаориентированный подход / сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах, 2001. – С. 389.
28. Лосева, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосева. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 13.
29. Королев, Н. О. Политическое манипулирование в системе научного знания о политических процессах / Н. О. Королев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – № 4. – С. 87–94.

30. Таркан, И. И. Политические технологии в медиасфере / И. И. Таркан. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 166 с.
31. Колесников, Е. А. Государственно-правовые технологии политического манипулирования / Е. А. Колесников. – Ростов-на-Дону, 2009. – 21 с.
32. Пушкарева, Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода / Г. В. Пушкарева. – Москва, 2004. – 41 с.
33. Колесникова, Г. И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Г. И. Колесникова. – Ростов-на-Дону, 2010. – 54 с.
34. Пономарев, Н. Ф. Политические коммуникации и манипуляции / Н. Ф. Пономарев. – Москва : Аспект Пресс, 2007. – 126 с.
35. Алексеев, Д. В. Политические медиавлияния: опыт изучения / Д. В. Алексеев. – Москва : Культур. революция, 2014. – 250 с.
36. Салин, П. Б. Механизмы и каналы медиаманипулирования массовым политическим сознанием / П. Б. Салин // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 242–254.
37. Осокин, Р. В. Политическое манипулирование в сфере экологической безопасности в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Р. В. Осокин ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2008. – 18 с.
38. Федоров, А. Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Ю. Федоров. – Омск, 2006. – 25 с.
39. Сабиев, С. Ш. Манипулирование как признак составов преступлений в сфере экономики / С. Ш. Сабиев // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 марта 2015 года : в 2 т. / отв. ред. А. А. Горохов. – Курск : Унив. кн., 2015. – Т. 2. – С. 309–313. – ISBN 978-5-9906417-7-8.
40. Борочкин, А. А. Нарушение финансово-банковского законодательства на примере крупнейших международных банков / А. А. Борочкин, Д. Ю. Рогочев // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23, вып. 1. – С. 2–18.
41. Козырева, И. Е. Роль внушения и внушаемости в генезисе преступного поведения / И. Е. Козырева // Эксперт-криминалист. – 2017. – № 3. – С. 21–22.
42. Национальная безопасность: информационно-психологическая безопасность, образование : монография / В. Ю. Арчаков [и др.] ; под общ. науч. ред. В. П. Вишневской, С. Н. Князева. – Минск : ИПС РБ, 2018. – 193 с.
43. Вишневская, В. П. Манипуляции в политической сфере / В. П. Вишневская // Теория и практика психологического сопровождения руководящих кадров : сб. материалов, Минск, 17 апр. 2019 г. / под общ. ред. Н. Дубенко, М. А. Пономаревой, О. А. Митрахович ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – С. 8–19.
44. Cluzel de Francois. The cognitive warfare concept / Cluzel de Francois, Claverie Bernard // Innovation hub. – 2021. – URL: https://www.innovationhubact.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (дата обращения: 14.03. 2025).
45. Почепцов, Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях : учеб. пособие / Г. Почепцов. – URL: https://vk.com/doc61073914_615465626?hash=wpIyLfIY9vdhSpJFngc7Rz2LDB2IyrOmdJe (дата обращения: 14.03.2025).
46. Singh Under the Supervision of: Aronhime Lawrence, «Countering cognitive warfare: awareness and resilience» / Cao Kathy [etc.]. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html>.
47. Емалетдинов, Е. О. Когнитивная война: сущность, понятие, особенности / Е. О. Емалетдинов, Г. Д. Дубровский // Культура и природа политической власти: теория и практика : сб. науч. тр. – Екатеринбург : УрГПУ, 2023. – С. 236–241.

48. Francois de Cluzel. Cognitive Warfare / Francois de Cluzel // Innovation hub. – 2020. – June – November. – URL: <https://everydayconcerned.net/wp-content/uploads/2022/06/Cognitive-Warfare-Nov-2020.pdf>.

49. Чихареев, И. А. К вопросу о соотношении стратегии «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике / И. А. Чихареев // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 26–43.

50. Вишневская, В. П. Некоторые дискуссионные аспекты диффузионизма как «мягкой силы», представляющей угрозу национальной безопасности / В. П. Вишневская // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тез. докл. IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–21 июня 2024 г. / редкол.: С. Я. Аземша (пред.) [и др.]. – Минск : Строй-МедиаПроект, 2024. – С. 29–32.

51. Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. – Москва : Рус. яз., 1987. – 608 с.

52. Алексеева, Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.) / Е. В. Алексеева. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 368 с.

53. Подшибякина, Т. А. Диффузия политики: теории, понятия, практики / Т. А. Подшибякина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 61. – С. 254–262.

54. Игумнова, Л. О. Европейские механизмы диффузии универсальных ценностей и международных норм / Л. О. Игумнова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 1 (60). – С. 233–240.

55. Митько, А. В. Информационные войны на евроазиатском пространстве Арктического региона / А. В. Митько // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 1–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-voyny-na-evroaziatskom-prostranstve-arkticheskogo-regiona> (дата обращения: 17.06.2024).

56. Дюкин, С. Г. Концептуальные проблемы культурной политики : учеб. пособие / С. Г. Дюкин, И. В. Самойлова ; Перм. гос. ин-т культуры. – Пермь, 2018. – 96 с.

57. Вигель, Н. Л. Культурная диффузия: столкновение – значит взаимопроникновение / Н. Л. Вигель // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 2. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/62790> (дата обращения: 14.02.2024).

58. Дауев, Р. С. Культурная диффузия в коммуникативном пространстве диалога культур 24.00.01 – теория и история культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. С. Дауев. – Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с.

59. Глухова, Т. И. Диффузионизм как модель интерпретации феноменов культурного взаимодействия / Т. И. Глухова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2014. – № 5. – С. 110–113.

60. Аниме // Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аниме> (дата обращения: 13.04.2025).

61. Нейпир, С. От «Акиры» до «Ходячего замка». Как японская анимация перевернула мировой кинематограф / С. Нейпир ; пер. с англ. А. Усачевой. – Москва : Эксмо, 2022. – 464 с.

62. Оделл, К. Студия Ghibli: творчество Хаяо Миядзаки и Исао Такахаты / К. Оделл, М. Ле Блан ; пер. с англ. – Москва : Эксмо, 2020. – 240 с. – (Подарочные издания. Кино).

63. Ахунзянова, Ф. Т. К вопросу о лингво-культурологической экспертизе при исследовании аниме / Ф. Т. Ахунзянова, Е. М. Ахунзянов // Юрислингвистика. – 2023. – № 28. – С. 89–95.

64. Шишкина, Е. В. Японское аниме: исследование его влияния на психологическое здоровье школьников и студентов младших курсов высших учебных заведений России / Е. В. Шишкина, С. В. Зотова, В. Н. Хавронина, В. М. Зотов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, № 1 (30). – С. 309–312.

65. Наймушина, А. Н. Диффузия культуры как предмет социально-философского исследования (на примере диффузии Анимэ в России) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. Н. Наймушина ; Ижевский гос. техн. ун-т М. Т. Калашникова. – Ижевск, 2015.

66. Наймушина, А. Н. Закономерности и фазы культурной диффузии / А. Н. Наймушина. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 17.06.2024).
67. Вишневская, В. П. Дискуссионные аспекты влияния современной аниме-культуры на общественное сознание / В. П. Вишневская // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : сб. материалов XIII Респ. науч.-практ. конф., Минск, 28 февр. 2024 г. : в 3 ч. – Минск : ИПС РБ, 2024. – Ч. 3. – С. 147–151.
68. Смирнова, А. Г. Образ государства во внешней политике и международных отношениях: опыт социологического исследования / А. Г. Смирнова ; под ред. проф. И. Ю. Киселева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 240 с.
69. Киркин, А. Н. Формирование образа государства в политическом сознании россиян: особенности и тенденции : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. Н. Киркин. – Москва, 2006. – 25 с.
70. Федякин, А. В. Политика формирования позитивного образа Российского государства (теоретико-методологические и прикладные аспекты политического анализа) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. В. Федякин. – Москва, 2010. – 51 с.
71. Александровская, В. Н. Идеальный образ государства как культурно-историческое образование / В. Н. Александровская. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41687139> (дата обращения: 14.03. 2025).
72. Шмелева, О. Ю. Социальные медиа как механизм формирования образа современного государства в политическом сознании россиян / О. Ю. Шмелева, Д. И. Каминченко // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 3. – URL: www.evestnik-mgou.ru.
73. Киселев, И. Ю. Динамика образа государства в международных отношениях): автореф. дис. ... д-ра социол. Наук : 22.00.04 / И. Ю. Киселев. – Санкт-Петербург, 2003. – 43 с.
74. Киселев, И. Ю. – URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamika-obrazag-osudarstva-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh> (дата обращения: 14.03. 2025).
75. Леонтьев, А. Н. Психология образа / А. Н. Леонтьев // Вестник Московского государственного университета. – 1979. – № 2. – С. 3–13.
76. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – Москва : Педагогика, 1983. –Т. 2. – 320 с.
77. Ошанин, Д. А. Эффекторный оперативный образ / Д. А. Ошанин, В. И. Козлов // Вопросы психологии. – 1971. – № 11. – С. 13–31.
78. Вишневская, В. П. Формирование позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства – базис национального единства / В. П. Вишневская // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2022. – № 1 (10). – С. 27–34.

РАЗДЕЛ III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

ГЛАВА 1

ЗНАЧЕНИЕ ЧУВСТВ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

События последних пяти лет обуславливают выбор исследователями феноменов «патриотизма», «чувства гражданского долга» и др. в качестве предметов научного поиска в психологической науке. Особую важность такие работы приобретают в контексте развития социально-психологической устойчивости личности сотрудника системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь (далее – сотрудника) в условиях гибридной войны. Методология развития патриотизма, чувства гражданского долга основывается на результатах исследования чувств – системного и сложного феномена эмоциональной сферы структуры личности. По результатам анализа публикаций и эмпирического исследования, проведенного в учреждении образования «Военная академия Республики Беларусь» (далее – Академия) выделяется значение чувств в социально-психологической устойчивости современного сотрудника. Специалистам психологических подразделений предлагаются рекомендации для учета уровня развития чувственной сферы личности при проведении мероприятий по профессионально-психологическому отбору и сопровождению служебной деятельности.

В эпоху информационного противоборства психологическая наука находится в ситуации «экзамена» на релевантность предлагаемых научно обоснованных закономерностей формирования морально-психологической устойчивости личности сотрудника системы обеспечения национальной безопасности (далее – сотрудника). Специалисты подразделений психологического сопровождения служебной деятельности не могут оставаться в стороне от государственного запроса – поиска новых научных подходов к формированию преданного Родине и делу Защитника.

В перечне широкого диапазона профессиограмм сотрудников выделяется внушительный список различных профессионально важных факторов

успешной деятельности и уровней требований к личности [1, 2]. В настоящее время значимыми детерминантами в развитии современного специалиста являются не только личностные качества, но и социальная среда, в которой они проявляются и развиваются. С точки зрения формирования направленности личности, ее мировоззрения системообразующим фактором выступают ценности именно больших социальных групп: нации, класса, религиозной конфессии, профессионального сообщества.

Психологу необходимо быть компетентным в изучении представлений о социальных установках сотрудника, его нравственных критериях выбора в ситуации кризиса, способе жизнедеятельности профессионала за пределами служебной деятельности. Сотрудники являются специалистами с наиболее высокой гражданской позицией и достаточно развитым чувством любви к Родине. Но не стоит быть слишком самоуверенными, так как в эпоху информационного противоборства именно сотрудники являются подготовленными, волевыми и увлеченными военным делом «объектами интереса» «кукловодов извне». Ведь личность – это социально обусловленная динамическая система [3], а события двадцатого года в Республике Беларусь подтверждают актуальность определения и формирования социально-психологической устойчивости сотрудника.

Социально-психологическая устойчивость – относительно новое понятие, которое часто используется в современной науке и имеет описательное содержание. Указанная социально-психологическая характеристика личности заключается в способности переносить экстраординарность ситуации без какого-либо ущерба для себя и преодолевать ее последствия с помощью способов, совершенствующих личность, повышающих уровень ее адаптации и социальную зрелость. Именно эта характеристика личности имела значимость в ситуации попытки искусственного раскола общества, когда «подогретье» информационным воздействием члены семьи сотрудника игнорировали четкие аргументы для сохранения физической безопасности родных. Необходимо отметить, что информационное воздействие извне чаще затрагивает эмоциональную сферу человека, рассчитано на подсознательную реакцию объекта интереса. К сожалению, формируя контент противоборства, отечественные продукты отличаются от «шедевров кукловодов» лишь целями, задачами и установками. Чаще всего в идеологическом продукте опираются на «проверенную кальку» работы с автоматическими установками и подсознательными триггерами, которые уже узнаваемы, похожи по ритму, мифам и героям.

Результаты анализа публикаций по проблематике влияния на сознание личности дают основание полагать, что при подготовке идеологически ориентированного контента пришло время обратиться к психологическим знаниям и закономерностям, которые обосновано очертят рамки научно доказанных путей формирования социально-психологической устойчивости не только сотрудников силовых ведомств, но и граждан в целом.

В Академии изучались факторы формирования социально-психологической устойчивости как значимой основы профессиональной эффективности сотрудников.

Объект исследования – социально-психологическая устойчивость личности во взаимосвязи с факторами эффективной профессиональной деятельности.

Предмет исследования – значение чувств в формировании социально-психологической устойчивости личности.

Выборку социально-психологического исследования составили сотрудники периода ранней и средней зрелости, получающие высшее военное образование в Академии.

Методы исследования.

1. *Теоретико-методологический анализ* публикаций по проблематике эффективной деятельности по обеспечению национальной безопасности, исследованию чувственной сферы личности как основы социально-психологической устойчивости сотрудников.

2. *Психодиагностическое тестирование* сотрудников проводилось с целью оценки степени выраженности у них чувства гражданского долга и мотивации достижений. В исследовании был использован самооценочный Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха [4], который состоит из 33 вопросов. Он позволяет оценить степени личностной зрелости по шести аспектам: «Личностная зрелость», «Мотивация достижений», «Отношение к своему «Я», «Чувство гражданского долга», «Жизненная установка», «Способность к психологической близости с другим человеком» [4]. Предпочтение было отдано именно этому инструментарию потому, что личностная зрелость (как интегрированное понятие), мотивация достижений и проявление чувства гражданского долга являются значимыми системообразующими свойствами личности современного сотрудника и обуславливают служебную деятельность от чувств до мотивации достижения общественно значимых целей.

3. *Групповая оценка личности.* С целью определения выраженности чувства юмора у респондентов были использованы результаты групповой оценки личности профессионально важных качеств, в которых это свойство являлось критерием. Результаты представлены в процентном соотношении относительно мнений респондентов.

В исследовании применялся метод выявления различий (непараметрический) – U-критерию Манна – Уитни для независимых выборок: показателей групп «более успешные» и «менее успешные» сотрудники по критерию «Чувство долга» и «Личностная зрелость», а также был использован корреляционный анализ (непараметрический) (коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена (Sr) для определения взаимосвязей показателя выраженности «Чувство гражданского долга» и «Мотивация достижений» респондентов; «Чувство юмора» и «Чувство гражданского долга».

Изучению психологически обусловленных факторов эффективной деятельности сотрудников силовых ведомств в Республике Беларусь посвящены научные публикации В. П. Вишневской [6], Г. М. Евелькина [7], Т. В. Казак [8], Л. А. Кандыбовича [9], А. Н. Пастушени [10] и др. Так, по мнению Г. М. Евелькина, эффективность развития уже сформированного сотрудника подвержена ряду факторов, иерархически представленных на рисунке 3.1 [7].

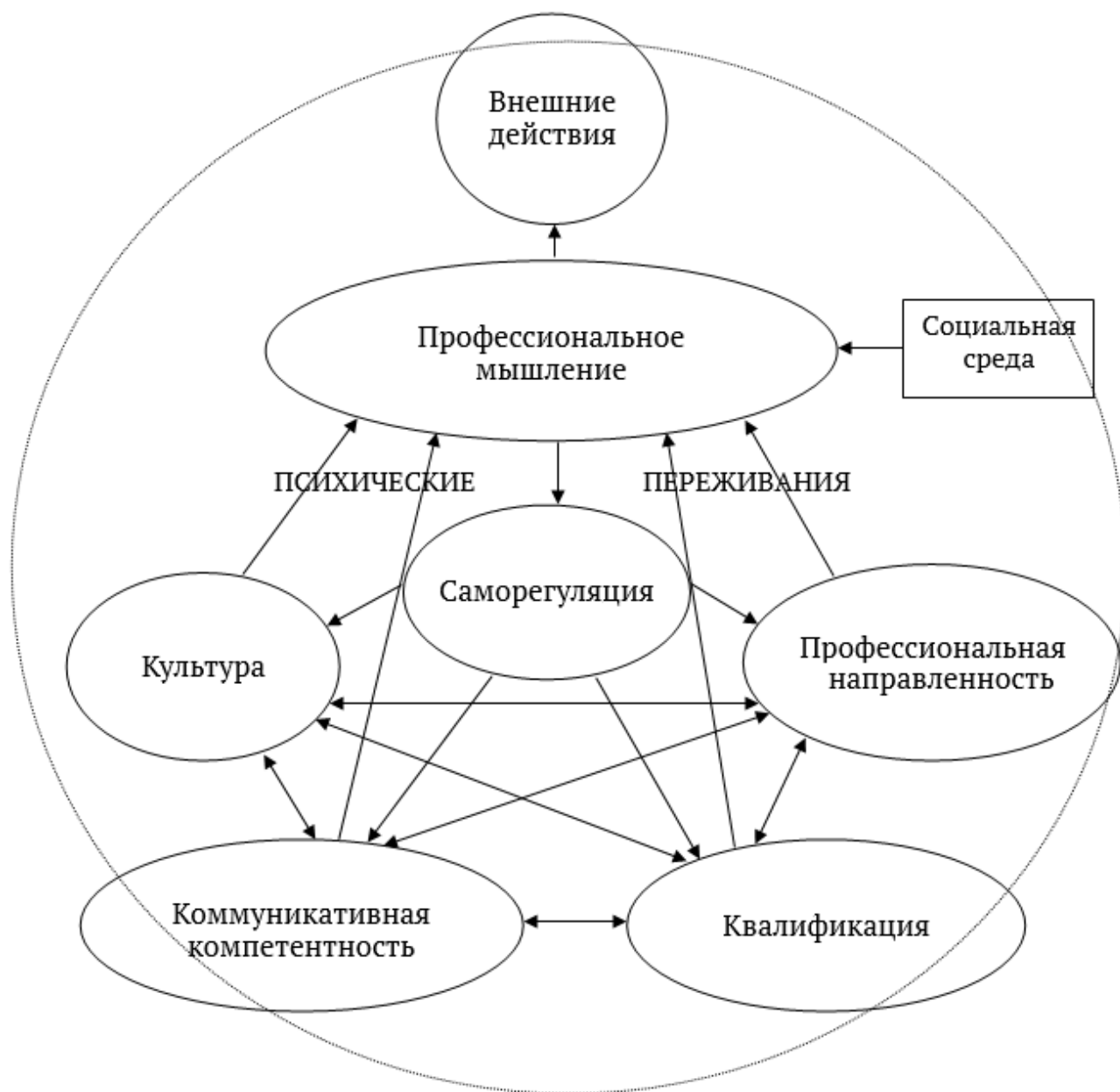

Рисунок 3.1. – Структура факторов, оказывающих влияние на эффективность профессиональной деятельности сотрудника (Г. М. Евелькин)

Все представленные на рисунке факторы достаточно понятны и не требуют специального пояснения. Вместе с тем целесообразно обратить внимание на такой фактор, как «психические переживания». Указанный фактор находится практически на вершине иерархической структуры выстроенных элементов.

«Переживание (англ. *feeling, experience, bring through*) – один из сложнейших психологических конструктов, следствием чего является одновременное существование ряда трактовок» [11, с. 460]. Чаще всего в понимании переживания подчеркивается его эмоциональная окрашенность, непосредственная представленность в сознании субъекта и связанность с событиями в жизни. В соответствии с мнением А. Н. Леонтьева, «эмоциональные переживания выступают внутренними сигналами, посредством которых осознаются личностные смыслы происходящих событий» [11, с. 461]. Л. С. Выготский связывает переживания с социальной ситуацией развития, зоной ближайшего развития, возрастными кризисами и психологическим возрастом. «Переживание есть единица, в которой в неразложимом виде представлена, с одной стороны, среда, то, что переживается..., с другой стороны, представлено то, как я переживаю это, т. е. все особенности личности..., в переживании мы всегда имеем дело с неразложимым единством особенностей личности и особенностей ситуации, которая представлена в переживании» [11]. Только переживание может быть как простым, возникать как автоматическая реакция в форме эмоций вследствие эмоционального заражения, так и сложным результатом глубоких чувств и смыслов.

Целесообразно отметить, что именно на переживание направлена в настоящее время работа информационного противоборства все больше ощущаемой гибридной войны. Указанный выше психологический феномен является и объектом саморегуляции сотрудника, особенно если душу разрывают амбивалентные чувства, возникающие вследствие «подогретого извне» социального либо внутриличностного конфликта, когнитивного диссонанса.

Необходимо подчеркнуть, что манипуляция «кукловодов» рассчитана как на эмоции, так и на чувства человека. Одним из путей формирования социально-психологической устойчивости к влиянию на сотрудника силовых ведомств – работа на основе не только эмоций, но и чувств. Чувства – это более осознанная форма отражения, которая вряд ли актуализируется через сеть. В чувствах (которые выражаются через эмоции и могут ошибочно отождествляться с ними) человек выражает и проявляет свое внутреннее отношение к тем предметам, в которых *осознанно* нуждается сам человек. «**Чувства** – сложная форма отражения, обобщающая эмоциональное *отношение* и *понятие*. Они отражают отношение предметов и явлений к высшим нуждам и стимулам деятельности человека как личности, осуществляют саморегуляцию уже не организма, а личности в ее взаимодействии с обществом. Чувства отражают *долгосрочные* переживания, отношения человека к чему-либо» [12, с. 313].

Проблематикой изучения эмоциональной и чувственной сфер человека в психологической науке занимались К. Изгард [13], С. Л. Рубинштейн [14], П. В. Симонов [15] и др. Наследие ученых позволяет выдвинуть гипотезу: увлекаясь информационным контентом, мы забыли о сущности предметов, которые активизируют истинные чувства человека в непосредственном акте

взаимодействия с окружающей средой. В частности, в славянском обществе настоящего друга полноценно никогда не заменит виртуальная личность.

Таким образом, вышеизложенные аргументы способствовали научному интересу.

На основании анализа научных публикаций и результатов проведенного исследования, посвященных чувственной сфере личности, сделаны следующие выводы, значимые для формирования социально-психологической устойчивости личности сотрудника в работе психолога:

1. Чувства могут выступить в качестве долговременных или кратковременных мотивов: как отдельных действий, так и деятельности в целом (любовь к Родине, любовь к близким, своей земле, своему роду). В программах идеологической и должностной подготовки сотрудников известные методы работы могут дополняться рядом мероприятий, которые тонко влияют на чувственную сферу (например, посещение не только красивейших мест Республики Беларусь, но и значимых для конкретного сотрудника уголков Родины и т. д.).

2. Чувства влияют на эффективность деятельности, работоспособность сотрудников. В этой связи важнейшим аспектом является формирование чувственной сферы личности сотрудника в процессе: организации дискуссий по актуальным профессионально значимым проблемам в деятельности; соблюдения ритуалов, которые способствуют повседневному рабочему настроению и вызывают целую палитру чувств у специалистов; формирования здорового межличностного климата в подразделениях системы обеспечения безопасности Республики Беларусь. В деятельности целесообразно избегать автоматизма при внедрении корпоративных ритуалов, использовании государственных символов.

3. Чувства играют сигнальную функцию и являются значимым критерием оценки личности сотрудника для психолога. К. Д. Ушинский подчеркивал: «Ничто – ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования; в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя» [16, с. 114]. В процессе проведения мероприятий по профессионально-психологическому отбору и сопровождению служебной деятельности психологам подразделений системы обеспечения национальной безопасности целесообразно отслеживать: *содержание и направленность чувств; их силу и глубину; устойчивость и действенность чувств* кандидатов и действующих сотрудников.

4. Чувства – источник сложных переживаний. Предмет чувств, их динамика и содержание, характер чувств определяют эмоционально-волевую подготовку и социально-психологическую устойчивость.

5. Чувства, их направленность отражают индивидуально-психологические особенности личности, мировоззрение, убеждения сотрудника. Особая роль чувствам и эмоциональным переживаниям отводится на этапе профес-

сиональной социализации сотрудника. Важным фактором является механизм целенаправленной полной реализации внутренних возможностей личности сотрудника при выполнении конкретных профессиональных задач.

По результатам работы в рамках профессионально-психологического отбора респонденты были поделены психологами на наиболее и менее успешных в деятельности сотрудников до поступления в Академию. В список «более успешные» вошли только те сотрудники, которые были упомянуты двумя и более экспертами-психологами. Количественные показатели по шкалам оценивались по среднему арифметическому для каждой группы. Выявление различий между показателями групп определялось с использованием непараметрического U-критерия Манна – Уитни для независимых выборок (таблица 3.1).

Таблица 3.1. – Результаты исследования по категориям респондентов

Шкалы, по которым выявлены достоверные различия между более и менее успешными респондентами	Результаты по категориям респондентов			
	U – Манна – Уитни	Р	Сумма рангов	
			Более успешные	Менее успешные
Личностная зрелость	18,5	0,001	385,5	96,5
Чувство гражданского долга	42,5	0,008	314,5	96,5

Показательным является различие по шкале «личностная зрелость». Более успешные респонденты обладают высоким уровнем личностной зрелости, менее успешные – удовлетворительным.

Значимыми с практической точки зрения заявленной проблематики являются результаты, полученные по шкале «Чувство гражданского долга». Необходимо отметить, что все участники исследования обладают достаточным уровнем развития чувства гражданского долга. Однако более успешные респонденты показали относительно более высокий уровень развития этого компонента личностной зрелости.

При изучении взаимосвязей показателя выраженности «Чувство гражданского долга» и «Мотивация достижений» респондентов обнаружены положительные умеренные взаимосвязи ($r = 0,358$; $p < 0,05$); «Чувство юмора» и «Чувство гражданского долга» ($r = 0,558$; $p < 0,05$).

На основании представленных результатов можно утверждать:

1. Развитое чувство гражданского долга у сотрудника способствует мотивации достижений, и наоборот. Только те специалисты, которые настроены на достижение результата, могут проявлять действенность своих чувств. Есть основания считать, что служебная деятельность респондентов и их достижения связаны в том числе не только с самореализацией, но и с чувством принадлежности к гражданскому национальному сообществу.

2. Выявленные корреляционные связи между шкалами «Чувство юмора» и «Чувство гражданского долга» свидетельствуют об имеющей место тенденции: в процессе самовоспитания сотрудник, влияя на всю чувственную сферу, может сформировать достаточный уровень развития чувства гражданского долга, который обуславливает действенность чувств и профессиональную активность.

3. Можно предположить, что развитие и саморазвитие чувства юмора у сотрудника будут способствовать проявлению у него чувства любви к Родине, патриотизма и гордости за национальную принадлежность, которые отзываются в сердце Защитника глубокими переживаниями.

Таким образом, важно еще раз подчеркнуть значение чувств и эмоций в развитии социально-психологической устойчивости сотрудника системы обеспечения национальной безопасности. Каждому специалисту целесообразно заниматься самовоспитанием чувств в двух направлениях:

1. Первое направление связано с общим развитием: в процессе воспитания личности воспитываются и ее чувства. Способствуя саморазвитию переживаний, сотрудник, принимая во внимание глубину и степень проявления своих чувств: любви к женщине, предкам, роду, развитию чувства юмора, обеспечивает усиление чувства гражданского долга.

2. Второе направление связано с сознательным комплексным воздействием не только на свою эмоциональную сферу в ходе самовоспитания, но и волевою. Высокий уровень эмоционально-волевой саморегуляции сотрудника является не только компонентом готовности к служебной деятельности по обеспечению безопасности, но и основой осознания себя гражданином, патриотом, уважающим историческую память, национальную идентичность и способным к защите Отечества.

3. Результаты исследования позволяют выдвинуть гипотезу о значимости психологической зрелости для формирования социально-психологической устойчивости, активной служебной деятельности на основании патриотизма и чувства долга сотрудника.

4. На успешность профессиональной деятельности сотрудника и его устойчивость влияет такой фактор, как «социальная среда». Система мероприятий по развитию чувств должны охватывать членов семей сотрудников, иметь комплексный характер.

5. На основании выводов по результатам проведенного исследования можно констатировать, что необходим дальнейший научный поиск закономерностей развития психологической зрелости специалистов Республики Беларусь в целом, так как сотрудник находится в системе социальной среды, а значимость единых символов, общих установок и ценностей – залог сохранения нашей Родины.

ГЛАВА 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ

КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

Перед психологами-практиками на этапах профессионально-психологического отбора, сопровождения образовательного процесса и профессиональной деятельности стоит задача не только выделить наиболее значимые конструкты и элементы психограммы специалиста по предназначению, но и оценить личность целостно в интересах определения оптимальных условий для ее развития и профессиональной эффективности.

Анализ результатов научного поиска психологических факторов эффективности профессиональной деятельности в различных областях все чаще указывает на зависимость личности от современных социальных проблем. В настоящее время возникает актуальная потребность выявления показателей, позволяющих оценить потенциал человека по преодолению возникающих в процессе его жизнедеятельности трудностей профессионального, социально-экономического и личного характера.

Личность – это сложная социально обусловленная система, которая требует целостного рассмотрения. Не всегда оценка уровня развития познавательных психических процессов, индивидуально-психологических особенностей, свойств и состояний может объективно обеспечить психологический прогноз развития личности специалиста как системного целого в конкретных условиях. Необходим такой обобщенный ракурс рассмотрения указанных компонентов структуры личности, который бы позволил оценить интегративно совокупность разноуровневых характеристик и достижений, отражающую степень самостоятельности, осознанности, нравственного развития, быстроты ориентировки в социуме, подлинности отношений с другими, мотивацию активности и творчества в преобразовании себя и мира, получения истинного удовлетворения от жизни и др. Наличие интеграции открывает возможность функционирования структурных элементов личности совершенно на ином уровне, который можно назвать гармоничным, где личность находится в «согласии с собой и миром». Такого человека как в быденном, так и в психологическом аспекте принято называть зрелой личностью. Можно предположить, что зрелость личности – это критерий определения ее готовности к продуктивной жизнедеятельности, в том числе и профессиональной [17].

Представлен анализ существующих теоретико-методологических подходов к исследованию зрелости и обоснованию критериев и показателей этого явления для прикладных социально-психологических исследований.

Проблема изучения зрелости входит в зону повышенной значимости в психологической науке.

Изучению зрелости личности взрослого человека посвящен целый ряд психологических исследований. Основные базовые понятия раскрыты в работах ряда ученых: Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой-Славской, Р. Зелмана, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, Ю. З. Гильбуха, И. В. Дубровиной, Ю. М. Жукова, А. Л. Журавлева, В. Ф. Моргуна, В. С. Мухиной, В. А. Петровского, Е. А. Сергиенко, Р. В. Овчаровой, А. А. Реан, С. Л. Рубинштейна, Т. Н. Щербаковой, Д. Б. Эльконина, П. М. Якобсона и др. В зарубежной науке изучению зрелости прямо или косвенно посвящены работы: А. Адлера, А. Маслоу, Р. Мэйя, Г. Олпорта, Ф. Перлза, К. Роджерса, Э. Фромма, Э. Эриксона, К. Юнга и др. В Беларуси эта проблематика прослеживается в публикациях В. С. Волченкова, Л. В. Васильева, Ю. А. Лобанова, А. П. Финькевич и др.

Несмотря на относительно широкий диапазон исследований, касающихся различных аспектов зрелости, можно констатировать недостаточную разработанность данной тематики в научной психологии. Во-первых, при дефиниции имеет место смешение понятий (и понимания) различных аспектов (видов, уровней) зрелости. Во-вторых, многие ученые при определении сущности и моделей зрелости личности используют схожие или идентичные компоненты, которые имеют в основном сравнительно-описательный характер, при этом не акцентируется внимание на различиях между ними. Из-за объемного описания различия предстают достаточно размытыми и трудно применимыми в качестве критериального набора [18]. За основу в дефиниции зрелости ученые в качестве отправной точки берут широкий диапазон психологических явлений: от возрастных особенностей до параметров социальной адаптации и включенности в социум. В зависимости от выбранного основополагающего критерия в научных источниках зрелость личности описывается в следующих форматах: личностная, социальная, социально-психологическая, психосоциальная, психологическая и др.

По результатам обобщения имеющихся научных подходов к исследованию зрелости личности и в интересах практического использования этого явления представляется целесообразным:

рассмотреть все предлагаемые форматы данного явления в ракурсе психологической зрелости (ПЗ) [18];

в качестве основных маркеров выделения ПЗ использовать оценку различных качеств, характеристик и свойств, с одной стороны, указывающих на достижения личностного роста (личностная зрелость), с другой – на адаптивность в социуме (социальная или социально-психологическая зрелость).

Ссылаясь на ПЗ личности, необходимо раскрыть основные уровни ее проявления: личностный и социальный (социально-психологический или психосоциальный).

В аспекте рассматриваемой проблемы необходимо констатировать наличие единства мнений ученых в том, что зрелость личности является интегративным понятием, сложным для оценки, и ни в коем случае не должна

отождествляться с биологическими критериями и возрастом [19]. Часто это явление связывают с высоким уровнем психологического здоровья личности [20].

Личностная зрелость (ЛЗ). В общепсихологических исследованиях зрелость чаще всего трактуется как ЛЗ, которая характеризуется «способностью человека к «самостоянию» в жизни, когда он не нуждается в «подпорках» со стороны других, которые поддерживали бы его жизненное равновесие и противостояние к трудностям жизни» [21]. Определение сущности ЛЗ, даваемое различными психологами, можно свести к следующим моделям:

1. *Трансформационная модель личностной зрелости* (Э. Эриксон, Р. Зелман, А. Л. Журавлев, Г. Олпорт, А. Маслоу, Н. Ю. Ткачева, Э. Фромм, З. Фрейд).

Воззрения этих ученых могут быть объединены через выделение внутреннего, субъективно-ментального маркера изучения ЛЗ. Важным критерием личностной зрелости является осознанность личности и определение смысла жизнедеятельности. Именно законченность трансформации установок и сформированность иерархии ценностей являются показателем зрелости, подкрепленным интеллектуальной, эмоциональной и другими видами зрелости.

Критериями в трансформационной модели ЛЗ считаются:

равновесие прогрессивных и деструктивных тенденций, с выраженным преобладанием прогрессивных и минимумом психологического инфантилизма [21–23];

устойчивое единство личностных черт, ценностных ориентаций, осознанность мотивов, развитое нравственное сознание и сложившаяся иерархическая мотивационно-потребностная сфера [24] (Г. Олпорт);

трансформация из объекта в субъект, где личность самовоспитывающаяся система совершенствует свою ведущую деятельность и социальную ситуацию своего развития [25] (С. К. Нартова-Бочавер);

усиление личных границ как возможность и инструмент равноправного взаимодействия, где решаются проблемы социального окружения и общества в целом [23, 24] (Б. Г. Ананьев, С. К. Нартова-Бочавер);

стремление личности к достижению реалистических целей с определенными доминирующими ценностями, придающими смысл всему, что делается [24] (Хелл, Г. Олпорт);

расширение самоидентичности и отказ личности от эгоцентрической позиции, включение значимых людей как продолжение себя, децентрация и эмпатические качества, личность решает проблемы общества, социального окружения [21, 24, 26] (Э. Эриксон, Р. Зелман, В. М. Русалов, А. Л. Журавлев, З. Фрейд);

автономность и осознанность, проявление дружеской интимности и сочувствия, терпимости, уважение себя и других, признание своих недостатков и позиции других людей [24] (Г. Олпорт, А. Маслоу);

стремление к личностному росту, обладание самопознанием и целостностью индивидуальной сущности, чувством юмора [24] (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Г. Юнг);

степень усвоения норм, правил и стандартов конкретной социальной среды [24] (Дж. Мид, Ж. Пиаже, Э. Эриксон);

психологическое здоровье, более полное самовыражение, самораскрытие, творчество и продуктивность [24] (Г. Олпорт, А. Маслоу).

2. Продуцирующая модель личностной зрелости (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. Адлер, П. Я. Гальперин, Е. А. Сергиенко).

Указанные выше ученые в определении ЛЗ выделяют оценку результатов деятельности, связывая ее с отдельными психическими явлениями и качествами.

Критериями в продуцирующей модели ЛЗ считаются [21, 22]:

способность человека к пропорциональному расходованию (согласно жизненным задачам) своих личностных возможностей и особенностей своего личностного типа; объективность самооценки, способность извлекать уроки, выполнение запланированного (К. А. Абульханова-Славская);

способность самостоятельно принимать решения (особенно в нестандартных ситуациях) и прогнозировать свое поведение, отсутствие нужды в других людях; самообладание, саморегуляция, способность своей волей влиять на ход событий, формировать ситуацию жизни, задавать стиль общения и влиять на окружающих людей независимо от жизненных обстоятельств (К. А. Абульханова-Славская, И. Гринбергер);

жизненная активность как способ формирования и реализации личности, где интегрируются потребности, представления о своих способностях и возможностях [21, 22] (К. А. Абульханова-Славская);

общественная активность и продуктивность, успешность профессиональной деятельности [23] (Б. Г. Ананьев);

акт персонализации – значимые изменения, которые индивид произвел своей деятельностью и общением, высший этап развития жизненных достижений и высокий уровень нервно-психического развития [22] (Е. А. Сергиенко).

На основании вышеизложенного следует заключить:

ЛЗ – это этап развития человека, его личностного роста, который заключается в преодолении жизненных противоречий, адаптации и самореализации с явными поведенческими проявлениями, связанными с перестройкой в фундаментальных структурах личности: ценностей, мотивов, потребностей, социальных установок;

зрелая личность – это тип личности, образующийся в результате личностного роста и имеющий сформированное устойчивое единство личностных черт и ценностных ориентаций, развитое нравственное сознание, сложившуюся иерархическую мотивационно-потребностную сферу, где доминируют высшие духовные потребности [27].

Зрелость личности выходит за пределы своей жизни, ей свойственны психологическое здоровье, полное самовыражение, самораскрытие, продуктивность и творчество, тенденция к развитию в направлении все большей

сложности, компетентности, стремление к смыслу жизни, к реализации ценностей и ответственности за них.

Зрелой личности присущи: реалистическое восприятие мира, гуманистические ценности, цели способы их достижения, ответственность, терпимость и способность строить зрелые межличностные отношения, расширенное чувство «Я», позитивное отношение к миру. Несоответствие личности какому-то конкретному специфическому признаку зрелости еще не означает ее незрелости, и наоборот [25].

Социальная зрелость (СЗ). Сущностную основу понимания СЗ составили положения Т. И. Мальковской (о социальной активности как стержневом качестве и одновременном условии развития СЗ); А. В. Мудрика (достижения СЗ как баланса между адаптацией человека в обществе и обособления в нем); Д. И. Фельдштейна (о становлении СЗ через формирование социальных качеств, определяющих человека как общественное существо); А. А. Реана (о диспозиционной терпимости как основе социального взаимодействия) и Я. И. Глинского (о СЗ как о главной стадии этапов социализации человека).

Психологами задаются различные критерии социальной зрелости [21, 28, 29]:

знания, умения и навыки, которыми должен обладать человек (А. А. Бодалев);

ценностная направленность (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Божович, И. В. Дубровина, К. К. Платонов, В. И. Слободчиков и др.);

осознанность, активность поведения (К. А. Абульханова-Славская, И. С. Кон, В. М. Сафин);

высшая ступень развития способностей (А. А. Бодалев, С. Ю. Головин, В. А. Петровский и др.);

черты характера: ответственность, самостоятельность, независимость, позитивность мышления и взглядов на мир (Е. А. Долл, М. Роббер, А. А. Реан);

достижение человеком определенных результатов в жизни (И. А. Баева, И. С. Кон).

В психологической науке СЗ понимается как интегративное качество личности, компонентами которой являются социальная активность, толерантность, креативность и включенность общественных интересов в содержание собственных ценностных ориентаций [24], направленность на духовные ценности. При этом социальная ответственность выделяется как системообразующий компонент. Более того, по результатам эмпирического исследования ранней взрослости, проведенного В. С. Волченковым, развитие СЗ предшествует развитию ЛЗ [17].

На основании раскрытия вышепредставленных понятий ЛЗ и СЗ психологическая зрелость (ПЗ) также трактуется как интегрированное понятие.

В аспекте изучаемой проблемы представляет интерес модель ПЗ, которая была предложена Ф. С. Брантовой, основанная на исследованиях Б. Г. Ананьева (индивид, субъект, личность, индивидуальность) и трудах персонологиче-

ских школ. В ней понятие «психологическая зрелость личности» предложено в качестве базового, обобщенно отражающего разноуровневые достижения личностного развития человека. Внимание акцентируется не только на свойствах быстрой и точной ориентировки человека в окружающем мире и его высокой адекватности, но прежде всего на нравственном и духовном начале, возможности нести ответственность перед другими людьми. С этой целью в ПЗ выделено *центральное композиционное поле* (ЦКП) в единстве его *внутренних* и *внешних* составляющих. К внутренним составляющим отнесены рефлексия, развитое сознание и самосознание; духовность; мотивация саморазвития и самоосуществления, интегрированная система ценностей, наличие внутренних нравственных критериев выбора и самостоятельного решения. Внешние составляющие – активность, ответственность перед другими, забота, эффективная саморегуляция. В качестве «ядерных» образований ЦКП названы нравственность и наличие ответственности перед другими. Компонентно-уровневая структура описываемого феномена представлена через классический каркас – процесс, состояние, свойство, качество – в традиционной трехкомпонентной модели (когнитивный, эмоционально-мотивационный и поведенческий уровни) [18].

По результатам диссертационного исследования автором предлагается структура психологической зрелости личности специалиста, представленная на рисунке 3.2.

В целом анализ научной литературы по данной проблеме указывает на сложность, размытость, разнообразие и широту подходов к трактовке сущности ПЗ. Однако психологам-практикам, осуществляющим психодиагностику и прогнозирование профессиональной успешности, следует уделить внимание оценке психологической устойчивости, в том числе к информационному воздействию. Изучение ПЗ является психологическим конструктом, обуславливающим осознанное отношение сотрудника к информационному потоку, выделение главных установок и жизненных ценностей, способствующих выполнению своего воинского долга. Психологу-практику при оценке ПЗ личности целесообразно акцентировать внимание на то, что:

- психологическая зрелость выходит за рамки индивидуального в психических проявлениях. В целях определения психологической зрелости и оценки важными представляются характеристики включенности личности специалиста во взаимодействие с окружающей социальной средой, качество ее вступления в различные формы и виды отношений с другими людьми;

- необходимо изучить значимые изменения, которые специалист произвел своей деятельностью и общением, конкретные результаты профессиональной деятельности, общественной активности. Обратить внимание на реализацию коллективных потребностей и ценностей;

Рисунок 3.2. – Структура психологической зрелости личности специалиста

- особую роль в определении уровня развития ПЗ специалиста (как и многих других психологических характеристик) играет направленность его личности и мотивационная сфера, сформированность и устойчивость установок, смысла жизнедеятельности. Оценка мотивации и смысла – очень сложный для исследования предмет. Психологу недостаточно определить ведущие потребности и систему мотивации специалиста. Часто человек сталкивается с конфликтом потребностей и социальных ролей, с дилеммой в конкретной

ситуации и другими проблемами, находящимися вне сферы сознания самой личности. Выделяя наличие равновесия и прогрессивности личности, психолог обозначает и выраженность ПЗ. Немаловажный аспект изучения – наличие чувства юмора, оптимистичности и легкости решения профессиональных и личных задач;

- проявление психологической зрелости не зависит от определенной социальной группы, профессиональной подготовки и квалификации. Специалист, соответствуя интеллектуально и социально своему возрасту, имея высокий уровень профессионального мастерства по квалификации, иногда, к сожалению, с точки зрения адаптации к современным условиям и включенности в решение конкретных задач может оставаться на уровне «подростка», рассчитывающего на то, что ему обязаны все (государство, общество, коллеги и др.);

- современному этапу развития психологической науки свойственно отсутствие прикладных комплексных методик для оценки уровня развития интегративных психологических явлений. Процесс психодиагностики ПЗ усложняется из-за гетерохронности ее компонентов. В целях решения обозначенной проблемной ситуации представляется возможным включение в психодиагностические пакеты качественных методов исследования личности (эссе на заданную тему, где предполагается выбор в ситуации дилеммы на основании нравственных приоритетов и т. д.);

- оценка личности в деятельности, ее результативности и смыслов в ситуации неопределенности, оценка ее осознанных и подсознательных поведенческих идеалов, изучение отношения к ценностям своего рода, нации, уважения к государству и др. являются сегодня предметом изучения не только социолога, но и психолога. Наряду с психологическими характеристиками, актуальными являются социально-психологические конструкты личности.

Исследование психологической зрелости в теоретическом и практическом аспектах как явления и в контексте взаимосвязи с профессионально важными качествами, в том числе и оценка устойчивости к информационно-психологическому воздействию, будет способствовать совершенствованию профессионально-психологического отбора и психологического сопровождения профессиональной деятельности специалиста, а также обеспечивать надежность прогноза профессиональной успешности специалиста.

ГЛАВА 3

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ С УЧЕТОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ

Все, что есть у нас собственного и что, следовательно, является нашей заслугой или нашей виной, может поместиться на кончике иголки, все же остальное нам передал длинный ряд предков.

Марк Твен

Динамика международных событий обеспечивается не имеющими границ системными технологиями формирования общественного сознания граждан различных государств. Это подтверждает актуальность поиска психологией теоретически обоснованной и эмпирически доказанной методологии подготовки устойчивости личности сотрудника к факторам информационно-психологического воздействия.

Рассматривая сознание как идеальную социально опосредованную форму отражения бытия, можно выделить в ней 4 функции: **когнитивную, регулятивную, аффективную и коммуникативную.**

Когнитивная функция только на уровне сознания выступает как познание, т. е. активное целенаправленное приобретение знаний как идеальных результатов отражения, созданных в процессе общественно-исторической практики, освоение которых способствует усвоению человеком общественного сознания. На уровне сознания психические познавательные процессы приобретают такие характеристики, как категориальность и осмысленность.

Регулятивная функция, основной характеристикой которой на уровне сознания является ее произвольность. Поведение индивида реализуется как проявление его воли. Необходимость произвольной регуляции собственного поведения обусловлена социальным бытием индивида. Включаясь в общественные отношения, он вынужден регулировать свое поведение, ибо «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Аффективная (эмоционально-оценочная) функция, характеристикой которой на уровне сознания являются отношения человека к идеальным результатам отражения им своего и общественного бытия.

Коммуникативная функция, получающая на уровне сознания свое наиболее полное развитие, более того, без нее сознание как идеальная форма отражения бытия не могло бы существовать. Коммуникативная функция формируется и развивается в процессе общения, являющегося необходимой составляющей жизни общества. Именно эта функция обеспечивает обмен идеями, замыслами, деятельностью. Благодаря ей в опыт индивида включается, трансформируясь, опыт человечества. Она реализуется в процессах не только обмена знаниями, но и отношениями, взаимной регуляцией поведе-

ния людей. Именно в общении формируется идеальный план деятельности (и поведения) как индивидуальной, так и совместной, оно существенно повышает «мощность» и адекватность опережающего отражения.

Рассматриваются эти функции как система, в которой коммуникативная функция выступает системообразующим фактором, так как именно через нее человек реализует 3 оставшиеся, а механизмом обратной связи является результат коммуникации как взаимодействие.

«Самосознание – осознанное отношение человека к своим потребностям и способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и мыслям. Самосознание выражается также и в эмоционально-смысловой оценке своих субъективных возможностей, выступающей в качестве основания целесообразных действий и поступков» [12, с. 150–151].

Система самосознания личности состоит из трех взаимосвязанных и активно влияющих друг на друга компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Функциональным содержанием первого из них выступает самопознание, второго – самоотношение (самооценка), третьего – способность к саморегуляции и взаимодействию с другими людьми. Первые два положения структурно рядоположены, третий зависит от уровня развития каждого из них и одновременно выступает в качестве их регулятора. В качестве системообразующего фактора выступает активность субъекта, прямой связи – процесс формирования, обратной связи – результат – уровень сформированности самосознания [12].

Национальное самосознание – понимание и чувство принадлежности к этнической общности, результат освоения культуры, традиций, обычаев своего народа, это образ самого себя как представителя нации. Осознание себя носителем национальных свойств на основе понимания собственной жизненной позиции, отношения к действительности, к другим людям, труду, национальной принадлежности [32]. Наиболее важными элементами этого феномена являются: национальная самоидентификация, автостереотипы и стереотипы, историческая память, система ценностей, включающая национальные идеалы, нормы, потребности, интересы и традиции [33].

Не секрет, что ядром многих «технологий перемен» является массовая целенаправленная «прививка» гражданам со сформированным национальным самосознанием отличных от идеологически принятых на государственном уровне представлений и установок о «бытии» национального сообщества. Однако порой очень незаметно и интенсивно часть общества может «пронизываться» устойчивыми, побуждающими к активности (иногда направленной даже против своих сограждан), убеждениями. Как правило, они сформированы с использованием специальных психологических методов, которые «заправлены» часто вырванными из контекста историческими мифами и высококачественной доступной мультимедийной продукцией. Многие из них относятся к категории манипуляторных форм и основаны на бессознательном принятии человеком стереотипов повседневного поведения.

Относительно такой социальной категории, как сотрудники, принято считать, что специалист *силовых структур государства в первую очередь должен обладать не только развитым национальным самосознанием, устойчивостью чувства любви к Родине, но и психологической готовностью к активной деятельности по их реализации вне зависимости от изменений социальных аттитюдов*. Поэтому не принято открыто обсуждать, что в профессиональной карьере даже очень успешного сотрудника могут быть взлеты и падения, а в личной жизни – кризисы. В таких случаях в качестве компенсации развитое национальное самосознание одного профессионально подготовленного сотрудника может быть использовано в своих целях «чужим умелым руководителем» для формирования национализма и шовинизма. Более того, заставить взрослого человека любить Родину, быть преданным воинскому долгу только потому, что он относится к категории сотрудников, очень сложно. Это тонкая, кропотливая и ценная работа. В настоящее время в реализации направлений психологического сопровождения формирования профессиональной готовности сотрудников актуальны следующие вопросы: «Какая методология в психологической науке может быть основой подбора средств развития национального самосознания сотрудника с целью обеспечения безопасности государства? Каким инструментарием целесообразно пользоваться специалистам психологических служб учреждений образования для обеспечения эффективной работы по этому направлению сопровождения как условию формирования морально-психологической устойчивости сотрудника? Как в этой деятельности предотвратить запуск механизмов национализма?».

Подготовка специалистов Академии в рамках высшего военного образования основывается на принципах принятой на государственном уровне идеологии белорусского государства [34]. Образовательный процесс высших учебных заведений настоятельно требует внедрения активных методов обучения и комплексных профессиональных тренингов.

Условия формирования национального сознания, его связь с другими характеристиками нации обстоятельно рассмотрены в работах В. Г. Крысько [35], А. Л. Журавлёва [36], Т. С. Сулимовой [37] и др.

Анализ публикаций по проблематике методов формирования национального самосознания позволяет сделать следующие выводы:

1. Содержание исследований этнических и национальных процессов и явлений находится в прямой зависимости от теоретико-методологических принципов, политических интересов, конкретной исторической ситуации и этнической практики.

2. Осуществляется простейшая экстраполяция самосознания на уровень общности.

3. Разработка отечественных методик с учетом национально-психологических особенностей восточных сообществ необходима вследствие того, что методологи формирования национального сознания часто опираются на

опыт практически ориентированных западных исследований, не всегда приемлемых для объяснения этнических процессов, происходящих на Востоке.

4. Проблемы формирования национального самосознания детей, подростков и юношей, что обусловлено сенситивностью возраста к становлению мировоззрения личности, в достаточной мере разработаны, чего, к сожалению, не скажешь о психологических формах и методах работы со зрелыми представителями нации.

5. Формирование потенциала личности специалиста с акцентом на развитие гражданской позиции реализуется в образовательном процессе через комплексные профессиональные тренинги.

С точки зрения системного подхода потенциал личности в целом является более широким понятием, чем национальное самосознание, профессиональная готовность, опыт, направленность и др. (Б. Г. Ананьев). В методологии работы со специалистами необходим такой обобщенный ракурс рассмотрения личности, который позволил бы оценить и развить интегрированную совокупность разноуровневых характеристик и достижений. Она должна отражать степень самостоятельности, осознанности, нравственного развития, быстроты ориентировки в социуме, мотивацию активности в преобразовании самого себя, национального сообщества и исполнения гражданского долга, которые бы обеспечивали жизнестойкость сотрудников независимо от политических, экономических, культурных и других условий. Такого человека, как в быденном, так и в психологическом аспекте, принято называть зрелой личностью.

Опираясь на мнение Б. Г. Ананьева, считавшего **зрелость важнейшей интегративной характеристикой личности**, обеспечивающей успешность профессиональной деятельности в самых различных сложных профессиональных и социальных ситуациях [38], есть основание полагать, что это критерий определения готовности личности к продуктивной жизнедеятельности, включая и защиту своего государства, не позволяющий специалисту даже в ситуации возрастного кризиса снизойти до национализма.

В аспекте рассматриваемой проблемы целесообразно отметить, что национальное самосознание сотрудника может развиваться в учреждении образования с использованием активных форм образования (комплексных профессиональных тренингов) с учетом психологической зрелости личности, что служит одним из условий формирования устойчивости специалиста к факторам информационно-психологического воздействия извне.

С целью повышения психологической готовности специалистов к деятельности в 2015 г. с обучающимися и преподавателями Академии впервые была апробирована методика формирования национального самосознания с учетом их психологической зрелости (далее – Методика). Ее идейно-содержательная сторона определялась национальными знаниями и традициями, исторической памятью, ценностями и стереотипами поведения предков. Психологической основой Методики стала модель психологической зрелости

Ф. С. Брантовой. В модели внимание акцентируется не только на свойствах быстрой и точной ориентировки человека в окружающем мире и его высокой адекватности, но прежде всего на нравственном и духовном начале, *возможности нести ответственность перед другими людьми*. К внутренним составляющим зрелости Ф. С. Брантовой отнесены: *рефлексия, развитое сознание и самосознание; духовность; мотивация саморазвития и самоосуществления, интегрированная система ценностей, наличие внутренних нравственных критериев выбора и самостоятельного решения*. Внешние составляющие – *активность, ответственность перед другими, забота*. Это те психологические свойства личности, на динамику которых рассчитана Методика. В качестве «ядерных» образований центрального композиционного поля выделены *нравственность и наличие ответственности перед другими*. Компонентно-уровневая структура психологической зрелости представлена через классический каркас – процесс, состояние, свойство, качество – в традиционной трехкомпонентной модели (когнитивный, эмоционально-мотивационный и поведенческий уровни) [39].

Используемые психолого-педагогические методы: лекция с элементами полилога, беседа, игра, комплексный психологический тренинг, идеомоторная визуализация, элементы психодрамы, рефлексивное сочинение, контент-анализ.

Указанная выше Методика состояла из трех этапов.

1-й этап (подготовительный). Постановка задания обучающимся.

В день объявления поступающим решения мандатной комиссии Академии по зачислению их в качестве обучающихся в процессе проведения организационного собрания представитель командования и психолог (как руководитель предстоящих занятий) оглашают задания на период отпуска до начала занятий (для их выполнения предполагается время около месяца).

Перечень заданий:

1. Каждому обучающемуся необходимо подготовить «Карты рода», представить их в форме сообщения с мультимедийным сопровождением в течение 20 минут. Это продукт, где описывается род обучающегося: близкие родственники нескольких поколений, интересные факты из их жизни, особенности характера наиболее близких по духу людей (авторитетов), традиции и ценности в семьях.

2. Подробно записать рецепт любимого в семье национального блюда, узнать историю его возникновения, быть компетентным в его приготовлении и презентации.

3. Поработать над своим национальным образом, выучить одну национальную игру и быть готовым провести ее с коллегами.

Комментарии. Целесообразно отметить важность периода постановки задания. Во-первых, это наиболее благоприятное время для включения ответственности обучающегося не только за себя, но и за других (представителей своего рода). Выполнение заданий возможно при *эффективной саморегу-*

ляции и возможности сочетания различных видов деятельности. Во-вторых, момент постановки заданий акцентирует внимание на степени значимости результата самостоятельной работы обучающегося по поиску информации о национальных корнях, которая по рангу в новой ситуации обучения в Академии приобретает первое место после вступительных испытаний. В-третьих, изменение социальной обстановки личности, связанное с новым местом пребывания, создание условий *познавательной активности, самопрезентации* обязательно предполагают включение интереса и сильных, личностно значимых *переживаний*, являющихся основой *самоосознания себя* как представителя социальной общности.

По прибытии обучающихся в Академию к началу учебного года в течение двух недель осуществляется подготовка к празднику (например, славянский праздник «Род и роженица», посвященный семейному благополучию). Он планируется в составе учебной группы. Обязательно практически весь профессорско-преподавательский коллектив, ведущий учебные дисциплины, помогает обучающимся в подготовке. Отрабатывается замысел и сценарий, проводятся репетиции общих и индивидуальных номеров. Особое значение имеет взаимодействие с кураторами и консультации психолога. Происходит активная групповая динамика, сложно достигаемая только в учебной деятельности.

2-й этап (исполнительный). Проведение праздника «Род и Роженица».

Для проведения праздника в учебном расписании отводится весь день. Все обучающиеся и преподаватели переодеваются в национальные костюмы. Важно, чтобы костюмы имели элементы различных этносов.

Программа проведения дня:

1. Тема: «Геополитические взгляды на историю Беларуси. Этносы белорусской нации». Лекция – 2 часа.

2. Представление родовых карт. Практическое занятие в составе учебных подгрупп – 4 часа.

3. Интерактивный национальный праздник в форме «Беларуской вячэры» – 2 часа.

Комментарии. Цель содержания лекционного материала – показать разнообразие подходов к истории государства, которое может быть основой научного мировоззрения, побуждения к активной деятельности обучающегося по дальнейшему поиску информации в этой области. Особое внимание представителям психологической службы целесообразно уделить практическому занятию, которое проводится в форме Т-группы (состав учебной подгруппы), где работают психолог-тренер и куратор. В процессе представления обучающимися своих родовых карт могут проявляться сильные переживания и даже травматичные реакции, которые целесообразно здесь же отработать. Глубокое самораскрытие способствует осознанию бессознательных стереотипов повседневной деятельности, формированию основ национального бессознательного. Психологически это самое тонкое место рефлексии. В заключи-

тельной части практического занятия особое значение имеет рефлексия руководителя, в процессе которой важно подчеркнуть признание общности обучающихся, акцентировать внимание на схожести традиций и ценностей различных семей несмотря на то, что эмпирически подтверждается полиэтничность белорусских граждан. Проведение праздника – это выход из глубокого рефлексивного состояния, побуждение к активной познавательной деятельности по изучению традиций, осознание обучающимися своих национальных стереотипов и коллективное переживание положительных эмоций. В процессе интерактивной фазы проведения праздника обучающиеся и профессорско-преподавательский коллектив угощают друг друга приготовленными к празднику блюдами, играют, исполняют национальные песни и танцы.

3-й этап. Рефлексивное сочинение «Самое важное осознание после участия в празднике» (проводится на следующий день).

Каждый обучающийся в форме сочинения должен описать самые важные с его точки зрения эффекты Методики.

Результаты контент-анализа рефлексивных сочинений респондентов

Закономерно, что в этой творческой работе респонденту не навязывались конкретные аспекты рефлексии. Результаты контент-анализа рефлексивных сочинений показали, что особенностью апробированной Методики является значимость не только исполнительного, но подготовительного этапов. Так, 33 % респондентов указывают на осознание важности для себя предварительной подготовки. Обучающиеся отметили интерес, ответственность и пережитые сильные чувства при проработке своих родовых карт (78 %). Более чем у половины респондентов эта деятельность явилась поводом для нового знакомства и общения с родственниками (55 %). Будущие специалисты получили информацию о своих предках, о существовании которых никогда не догадывались (33 %). Некоторые участники удивлены, что подобные творческие задания были получены в момент мандатной комиссии, и отметили осознание степени значимости формирования патриотических чувств на уровне значимости боевой подготовки (26 %). Респонденты (42 %) в сочинениях указали на получение опыта работы со средствами массовой информации и новые навыки ориентировки в программных приложениях с целью реставрации фотографий, перевода аудиозаписей в цифровой формат. Обучающиеся (26 %) испытывали чувство стыда за незнание своих корней, а 12 % – трепет и ответственность за составление родовых карт. Многие респонденты испытали сильные чувства во время подготовительной работы от получения через информационные базы официальных сведений о родственниках, погибших в годы Первой и Второй мировых войн.

Таким образом, представленные данные указывают на то, что у участников Методики задействованы такие психологические характеристики личности, как *ответственность за других, активность познавательной деятельности, а также сильные личностные переживания за свою социальную и национальную принадлежность, что является критериями психологической зрелости.*

Исполнительный этап использования Методики, с точки зрения ее участников, вызвал у них следующие осознания. Абсолютно все респонденты отметили переживания искренних чувств удовольствия, радости, длительного эмоционального подъема от соприкосновения с национальной культурой. Обучающиеся (42 %) удивлены разнообразием и качеством белорусской национальной кухни, а 26 % – переплетением различных этнических культур на территории Беларуси (белорусской, русской, украинской, еврейской, татарской, литовской, польской и др.). Участники (88 %) испытали чувство гордости за свой род, нацию, а 33 % указали, что никогда в своей жизни не отмечали древние славянские праздники так организованно, глубоко и информативно. Респонденты (20 %) обратили внимание на то, что до обсуждаемой работы они недооценивали богатство белорусской национальной культуры, а один из них высказал мнение, что знание национальной культуры – это показатель гражданственности. Почти половина обучающихся выразили желание дальше изучать белорусский язык (42 %), а 26 % – испытали удовольствие от общения на различных белорусских диалектах. Участники (78 %) высказали мнение о необходимости дальнейшей работы над родовыми картами для передачи их наследникам, а 55 % – указали на динамичное расширение кругозора в момент предварительного и исполнительного этапов использования Методики и глубокое убеждение в обязательной самостоятельной активности в этом направлении. Представленные данные подтверждают, что применявшаяся Методика способствует развитию национальных чувств, ценностей, стереотипов поведения, идентичности, познавательной активности и ответственности за своих предков, что является основой *национального самосознания обучающегося*.

Результаты апробации Методики указывают на особенности групповой динамики обучающихся. Респонденты (94 %) определяющим эффектом работы считают задействование всех членов коллектива учреждения образования в качестве участников. Более того, 72 % респондентов признали, что после знакомства с родовыми картами друг друга стали ближе, терпимее, осознали некую общность, которая происходила на бессознательном уровне. Обучающиеся (42 %) указали на искреннее, заинтересованное и доверительное отношение представителей профессорско-преподавательского коллектива. Респонденты (26 %) отметили личностные изменения участников прямо «на глазах» (тренинговой эффект). Участники (48 %) выразили желание проводить такой день каждый год. Представленные данные указывают на то, что использование Методики *благоприятно* влияет на *групповую динамику* и создает условия для дальнейшего эффективного образовательного процесса.

В Академии Методика десять лет (с 2015 по 2025 год) является неотъемлемой частью образовательного процесса. Можно утверждать, что в высшем учебном заведении возможно создание условий для развития национального самосознания обучающихся. Апробированная Методика формирования национального самосознания с учетом психологической зрелости активизи-

рует у членов образовательного коллектива когнитивный, эмоционально-мотивационный и поведенческий эффекты. Самостоятельно собранная и обобщенная личностно-ориентированная информация о национальных традициях, ценностях и стереотипах поведения предков, осознание эффектов и коллективные переживания общности участников реализации Методики стимулируют национальное самосознание, и, как следствие, являются предпосылкой формирования устойчивости личности к факторам информационно-психологического воздействия извне.

ГЛАВА 4

ПРАКТИЧЕСКОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ЗАНЯТИЕ КАК ФОРМА ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТРЕНИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЗРОСЛЫХ

В современных условиях происходящие в мире события обуславливают необходимость усовершенствования подготовки кадров, включая и расширение компетенций специалистов. Можно предположить, что актуальным станет переквалификация многих специалистов в соответствии с изменениями в запросах общества и государства. Успешность этого процесса во многом будет зависеть от готовности системы образования выполнить этот заказ. Ведущая роль в формировании взрослого человека с новой квалификацией как с юридической, так и логической точки зрения отводится учреждениям образования. В свою очередь, организационные, научно-методические и другие преобразования в настоящее время неизбежны и в высших учебных заведениях. В этой связи актуальным является уточнение форм и методов подготовки взрослых специалистов с учетом наработок психологических закономерностей, образовательного процесса в целом, так и личностного развития в нем обучающихся в частности. Однако повышение эффективности образовательных форм невозможно без учета, по меньшей мере, двух проблемных аспектов.

Аспект первый – организационно-цивилизационный. В образовательном процессе учреждений образования Республики Беларусь используется система подготовки взрослых специалистов, в которой представлены как классические, так и инновационные методы формирования профессиональных, академических и социально-личностных компетентностей. Нередко она основывается на теоретико-методологической платформе психологических форм работы. Так, наряду с классическими формами занятий, в учреждениях образования предпочтение отдается тренинговым программам развития отдельных компетентностей. Однако целесообразно признать, что, несмотря на озвученную практикоориентированность образования, соотнесение образовательных стандартов с европейскими, в высших учебных заведениях присутствует некоторая эклектика. Здесь сочетаются «очаги» отечественной академической школы, так хорошо знакомые профессорско-преподавательскому составу, и новые «протоколно-технологические» программы «натаскивания» специалистов на определенные компетенции руководителями практик, а также личностно ориентированные тренинговые программы, предлагаемые психологическими службами. Безусловно, все они находятся в системе и логической взаимосвязи. Но нередко «некоторая эклектика» умножается на насыщенность профилирующих и общеобразовательных кафедр и сотни учебных программ, а в реальности руководители специалистов на местах часто сетуют на оторванность выпускников учебных заведений от жизни. Это не

является критикой со стороны автора, а скорее констатацией факта с философским подтекстом. В настоящее время увеличилось количество преподаваемых дисциплин, объем, содержание учебных программ, количество кафедр и нагрузка на преподавателя в учреждениях образования больше, а срок обучения меньше. Однако в Республике Беларусь система образования уникальна тем, что концептуально в ней пытаются сохранить отечественное академическое наследие и инновационные подходы подготовки узких практико-ориентированных специалистов. Именно поэтому необходимы и новые образовательные формы, где бы сочетались два цивилизационных подхода – советского и западного, сотрудничества и конкуренции, а работа профессорско-преподавательского состава различных кафедр, преподавателей практиков и психологов в рамках занятий была комплексной и направлена на формирование системообразующих качеств личности специалиста.

Второй аспект – психолого-педагогический. Технология обучения и переквалификации взрослых специалистов должны соответствовать современной теоретико-методологической базе и быть адаптированы к специфическим особенностям деятельности в определенных экономических условиях конкретной республики. Многие профессиональные компетенции взаимосвязаны с требованиями к личностным качествам специалистов. Поэтому невозможно сформировать приближенного к эталону профессионала без формирования целостной личности, ее компетентности и психологической готовности к жизни в современных условиях, личностной зрелости [40–43].

Теоретический анализ научных публикаций по обсуждаемой проблеме свидетельствует, что принятая в республике компетентностная парадигма образования обеспечена инновационными технологиями формирования специалиста для различных профессиональных сфер (Л. Г. Дикая, О. Л. Жук, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, Дж. Равен, Т. Н. Щербакова и др.) [44–49]. Многие исследователи подчеркивают эффективность методов активного обучения, которые работают на когнитивном, смысловом, эмоциональном и поведенческом уровнях. Под этими методами понимается комплексная социально-дидактическая технология, включающая в себя ряд форм психологического воздействия: деловая и ролевая игра; социально-психологический тренинг, тренинг личностного роста, мотивационный тренинг; активное социальное обучение, мозговой штурм; синектика; морфологический анализ, анализ конкретных задач и ситуаций [46–49].

В то же время использовать в полном объеме предлагаемые технологии для формирования компетентности личности, а особенно развития ее психологической и личностной зрелости как необходимого условия выживания в современной ситуации невозможно в силу ряда причин.

Во-первых, обучение, ориентированное на компетенции и компетентности, предполагает четкие цели, эталоны, критерии и определенные условия профессиональной деятельности. Деятельность же современного специалиста часто осуществляется в условиях неопределенности и имеет стрессогенный

характер. В настоящее время в средствах массовой информации пестрят сообщения о коллапсе многих предприятий, учреждений сфер обслуживания и т. д., так как нет четких технологий деятельности в изменившихся условиях. Следовательно, сегодня невозможно выстраивать обучение только на выверенных поведенческих эталонах. Образовательный процесс, направленный исключительно на формирование компетенций, не совсем соответствует современной социально-экономической ситуации в мире, а значит, принципам организации подготовки [44]. По мнению Ю. М. Жукова, в основе компетенций, проявляющихся в деятельности, лежат личностные характеристики и метакомпетентности [46]. Профессиональная и психологическая подготовка, основанная на комплексном развитии личности, должна обеспечивать успех деятельности в самом широком диапазоне изменяющихся условий [44, 49]. Образовательный процесс при этом ориентируется не столько на поиск подходов и способов решения смоделированных профессиональных задач, сколько на развитие личности и индивидуального стиля деятельности с учетом закономерностей, правил и требований профессии [49]. Обучающийся рассматривается не только как субъект обучения, но и как субъект деятельности, что предусматривает его активную учебную позицию – выполнение учебно-специальной задачи, которая может иметь множество вариантов, и взрослый вынужден исполнять функции «руководителя проекта», а преподаватель и психолог быть в роли опытных фасилитаторов.

Во-вторых, характерной чертой современного образовательного процесса является широкий диапазон учебных дисциплин, программ и различных форм, в том числе и психологической подготовки, предполагающих «дробление личности» для формирования отдельных компетенций. Современная методология концепций профессионального образования нацелена на целостное развитие личности (Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев и др.), где используются активные методы обучения. Методология развития профессионала должна основываться не на формировании отдельных качеств личности или воздействии на нечто «вообще», а на динамике системообразующих свойств, совершенствовании внутренней гармонизации и интеграции отдельных элементов в единое целое, представляющее собой новое качество психологического явления [44, 50].

При использовании методов активного обучения ожидаются следующие эффекты [49]:

- формирование творческой, генерирующей активности личности;
- усиление положительной мотивации учебной деятельности, в которой обучающийся выступает в роли активного участника обучения;
- развитие гибкости, вариативности, аналитической функции мышления, рефлексивных способностей;
- формирование умений делового общения;
- развитие когнитивного плюрализма;

совершенствование механизма самооценки обучающихся, так как во время занятий с использованием методов активного обучения профессионал получает больше возможностей через включение в различные ролевые системы: показать, сравнить и оценить себя;

формирование гибкости системы способов получения и творческой работы с информацией;

отработка навыков и умений решения нестандартных, новых, гипотетических задач (что достигается за счет приближения обучения к условиям практической деятельности);

усвоение темы на более глубоком уровне;

приобретение опыта самостоятельной постановки проблемы, вычленения задачи и принятия решения;

отработка умений построения связного монологического аргументированного высказывания.

Более того, специфика отечественного образовательного процесса в Республике Беларусь обуславливает развитие академической знаньеовой основы обучающегося, которая несколько обесценена за последние годы. Теория – это глаза практики. Активные методы обязательно должны побуждать обучающегося к систематической самостоятельной познавательной активности.

Реализация такого методологического подхода к формированию профессиональной компетентности не противоречит и особенностям деятельности взрослого специалиста в современных условиях, где важна целостная характеристика личности, выходящая за рамки только профессиональной составляющей. Поэтому эмпирически обоснована актуальность формирования любого значимого психологического явления, характеризующего личность во взаимосвязи с психологической зрелостью – системной целостной характеристикой [43, 44].

Таким образом, методологический подход к формированию компетентности специалиста должен сочетать отечественные и зарубежные основы образования, использовать весь профессорско-преподавательский и психологический потенциал учреждения образования, соответствовать принципам комплексного профессионального тренинга и учитывать ее взаимосвязь с психологической зрелостью личности.

В рамках диссертационного исследования в Академии была разработана Программа формирования коммуникативной компетентности специалистов во взаимосвязи с психологической зрелостью (далее – Программа), которая была реализована в ходе системы практических комплексных занятий. Ее обоснование осуществлялось с учетом анализа научных публикаций по методологии коммуникативной подготовки взрослых, а также эмпирических результатов, полученных в ходе работы, где учитывались все вышеперечисленные цивилизационно-организационное и психолого-педагогические аспекты.

Цель описанного материала – знакомство аудитории с методикой, содержанием и особенностями практического комплексного занятия как формой

комплексного профессионального тренинга в рамках образовательного процесса. В нем развитие профессионально важного качества личности (коммуникативной компетентности) проводилось с учетом психологической зрелости.

Далее приводятся результаты апробации и доказательство эффективности Программы в ходе формирующего эксперимента на базе Академии.

1. Методологическая характеристика, содержание и особенности практического комплексного занятия

Безусловно, применение методов активного обучения при проведении занятий в учреждении образования и использование психологически ориентированных приемов и средств, а также включение служб психологического сопровождения в образовательный процесс имеют свою эффективность. В образовательном процессе не всегда могут учитываться психологические аспекты. Психолог, социальный педагог часто не имеют возможности оценивать личность обучающегося непосредственно в профессионально ориентированной и повседневной деятельности. Оптимизация образовательного процесса, дефицит времени, широкий диапазон предлагаемых видов учебных занятий и психологических тренингов часто приводят к усложнению выбора обучающимися взрослыми направлений саморазвития.

Таким образом, возникает потребность активизации образовательного процесса и психологического сопровождения развития личности обучающегося, которую можно достичь только при условии комплексной работы преподавателя и психолога. Практически в большинстве научных публикаций отмечается, что методология развития профессионала должна основываться не на формировании отдельных качеств личности и не на воздействии на нечто «вообще», а на динамике системообразующих свойств и совершенствовании внутренней гармонизации и интеграции отдельных элементов в единое целое, представляющее собой новое качество психологического явления. Следующий шаг в методологии развития личности в образовательном процессе необходимо сделать в сторону комплексного профессионального тренинга, формирующего как отдельные компетенции, так и общую профессиональную готовность через развитие личности. Преимущество такого тренинга состоит в том, что обучаемый максимально приближается к реальным ситуациям, требующим системного анализа и компетентного поведения, где нужно отразить и свою индивидуальную активность, и условия, в которых она должна быть компетентной [5].

В Академии разработано и внедрено в образовательный процесс ***практическое комплексное занятие*** (ПКЗ), которое, в отличие от классических тренингов, проводится с участием максимального количества участников образовательного процесса и приближено к реальной профессиональной деятельности.

Практическое комплексное занятие можно определить как форму комплексного профессионального тренинга на основе эксперимента для закрепления полученных теоретических знаний и выработки навыков решения

учебно-специальных задач, способствующих дальнейшему развитию профессионально важных качеств и личности в целом.

ПКЗ было разработано на основе теории экспериментального обучения (Д. Колб, К. Торн), социокультурного конструктивизма Л. С. Выготского и идеи комплексного профессионального тренинга. В процессе ПКЗ будущий специалист формируется целостно, а развитие профессиональных компетенций проводится во взаимосвязи с системообразующими качествами личности (зрелостью, ответственностью, умением распределить время и достигать результата в условиях дефицита средств и т. д.).

Основной целью ПКЗ является *интеграция* личностных свойств для формирования готовности к профессиональной деятельности. Функция ПКЗ – сформировать индивидуальный способ решения задач, основанный не на усвоении уже известной поведенческой технологии, а на интеграции личностных качеств, знаний, умений и навыков, обеспечивающих профессиональные компетенции. Обучающийся может получить как групповую, так и индивидуальную задачу, где комплексно отрабатываются аспекты стратегического и тактического уровня профессиональной деятельности. Качество выполнения задачи зависит от сформированности конкретных компетенций, определяющих успешность профессиональной деятельности. Но в процессе ПКЗ обучающийся должен проявить не только набор сформированных компетенций, но и интегрированность личностных свойств. Критерием оценки обучающегося является не наличие отдельных знаний, умений и навыков, а качество решения поставленной задачи (успешность профессиональной деятельности), где личность проявляется целостно. Поскольку обучающийся уже получил основные знания по дисциплинам и опыт тренинговой работы по развитию основных профессиональных качеств, ПКЗ представляет собой этап их интеграции и «доводки».

ПКЗ проводятся в аудиториях и полевых условиях в течение всего времени обучения. Они имеют подготовительные, исполнительные и итоговые этапы, которые могут длиться от двух недель до полугода.

На подготовительном этапе обучающийся получает задачу. Он попадает в ситуацию эксперимента, где нужно выработать конкретную технологию выполнения профессиональной задачи в условиях неопределенности. Всю совокупность знаний, навыков и умений, представлений и личностных свойств он мобилизует для получения конкретного результата. В процессе подготовки он закрепляет и обобщает пройденный материал (основные теоретические положения), оценивает обстановку в условиях реального взаимодействия с необходимыми объектами (учреждениями, профессионалами и др.). На этом этапе обучающийся имеет право получать консультации у любого специалиста (профессора, доцента, преподавателя) различных кафедр, Академии и даже действующих представителей профессионального сообщества. Главное! Руководители занятий имеют практический опыт, не предоставляют четких алгоритмов решения задачи. Итогом подготовительного этапа является про-

ект (план), утвержденный руководителями, в котором расписана технология достижения результата. Важное условие – в учебных группах нет одинаковых задач. Следует отметить, что ПКЗ и его подготовительный этап это не дипломный либо курсовой проект. Это подготовка к конкретной деятельности, где решаются реальные профессиональные задачи, в которых часто заинтересованы действующие профессионалы.

На исполнительном этапе обучающиеся действуют согласно разработанным планам и методическим указаниям, которые готовятся для каждого практического комплексного занятия, проводят конкретные мероприятия по выполнению задачи. С целью максимального приближения исполнительного этапа к реальной обстановке на занятиях могут участвовать представители смежных организаций и структур. Исполнительный этап может проводиться под непосредственным наблюдением руководителя занятия. Чем это отличается от практических занятий, таких привычных в учреждениях образования? Тем, что успешность выполнения задания зависит от комплексного проявления у него профессиональных компетенций. В них, как правило, заинтересованы все кафедры комплексно и даже отдельные подразделения учреждения образования. Более того, дальнейшая рефлексия результатов выполнения задач обучающимся всегда не обходится без участия представителей психологических служб, так как выполнение профессионально ориентированной задачи зависит от проявления личностных качеств: ответственности, настойчивости, умения распределить время, коммуникативных способностей и других качеств, во многом характеризующих зрелую личность. Это хороший мотивированный повод для дальнейшего самовоспитания. Ведь нередко уже сформированный взрослый «грешит» завышенной самооценкой, которая зачастую мешает овладению новой специальностью.

На заключительном этапе обучающийся анализирует свою работу в форме отчета. Далее проводится разбор занятия и подводятся итоги. Выделенные причины успешного (неуспешного) выполнения задачи рефлексировются и имеют значение для формирования представлений конкретной личности в определении зон дальнейшего развития. Зона ближайшего развития обусловлена как опытом межличностного диадного общения с преподавателями, профессионалами, так и опытом социокультурного взаимодействия за пределами военной организации.

Группа руководителей ПКЗ состоит из преподавателей ведущих кафедр, отвечающих за формирование конкретных профессиональных компетенций. Однако в проведении занятий могут принимать участие и представители других кафедр по мере обращения к ним обучающихся, а также действующие профессионалы, что обеспечивает связь обучения и практики, создает будущий кадровый резерв учреждения образования.

Обучающийся в диаде с руководителем и в ходе обсуждения с коллегами в группе определяет причины успешного (неуспешного) решения задач, оценивает степень развития личностных качеств и профессиональных ком-

петенций, формирует мотивацию для самосовершенствования. Значимым элементом является обратная связь при оценке их действий со стороны действующих специалистов-профессионалов.

Важным является то, что все практические комплексные занятия в ходе переподготовки взрослого могут быть объединены общим замыслом, предполагающим наличие у обучающихся знаний, навыков и умений по нескольким изучаемым дисциплинам.

В целях апробации комплексного практического занятия и подтверждения его эффективности на базе Академии был проведен формирующий эксперимент. В нем участвовали слушатели набора 2009 г., которые на базе высшего образования получали новую военную квалификацию. Группа руководителей ПКЗ, состоящих из экспертов: преподавателей профилирующих и дополнительных дисциплин и действующих специалистов. Формирующий эксперимент проводился в период с января по июль 2010 г. Выборка соответствует репрезентативности.

2. Методы исследования

Формирующий эксперимент. Модель формирующего эксперимента была выбрана с учетом особенностей подготовки слушателей в Академии. Его организация и проведение осуществлялись с участием учебных групп первокурсников. Группы не имели значимых различий по показателю уровня развития коммуникативных качеств. Контрольную группу составили слушатели курса, прошедшие полную подготовку в Академии, но не участвовавшие в Программе. Экспериментальная группа состояла из первокурсников, прошедших обучение по Программе формирующего эксперимента. Контрольная и экспериментальная группы были отобраны для обучения в Академии по идентичным критериям профессионально-психологического отбора, обучались по одинаковым программам с постоянным профессорско-преподавательским составом. Однако в контрольной группе развитие коммуникативной компетентности проводилось в традиционной парадигме тренинговых программ. Экспериментальная группа прошла обучение по Программе в форме ПКЗ. В качестве экспертов в формирующем эксперименте выступали преподаватели, действующие профессионалы и непосредственно сами участники. Эксперимент соответствует плану 4 модели квазиэкспериментов Д. Кэмбелла с предварительным и итоговым тестированием на различных выборках.

Формирующий эксперимент проводился поэтапно. Первый этап – исходный срез. Осуществлялся с февраля по март в 2010 г. В течение месяца слушатели ЭГ и КГ участвовали в тестировании и оценивались по 52 шкалам. Второй этап формирующего эксперимента (исполнительный) – работа слушателей ЭГ по Программе в рамках ПКЗ по профилирующей дисциплине в течение четырех месяцев. Третий этап формирующего эксперимента (итоговый срез) проводился в июне – июле 2010 г. в форме тестирования респондентов ЭГ по указанному психодиагностическому пакету.

В ходе формирующего эксперимента для доказательства его результативности дополнительно использовались следующие методы.

Исходное и итоговое тестирование проводилось с целью выявления уровня развития коммуникативной компетентности и других профессиональных и личностных характеристик слушателей Академии, принимавших участие в формирующем эксперименте. В нем использовались: Методика определения уровня коммуникативной компетентности (В. Б. Никишина, Т. Д. Василенко); Тест-опросник оценки коммуникативной социальной компетентности (Р. В. Овчаровой); Пятифакторный личностный опросник Мак-Крае – Коста (Большая пятерка); Самооценочный тест-опросник «Личностная зрелость» (Ю. З. Гильбух); Тест определения мотивации к работе (Д. Я. Райгородский).

В качестве критерия определения уровня коммуникативных качеств слушателя выбран показатель по методике В. Б. Никишина и Т. Д. Василенко. На итоговом тестировании к психодиагностическому пакету добавились еще две шкалы (всего 54). В качестве критериев коммуникативной компетентности во взаимосвязи с психологической зрелостью личности, целостного развития слушателя выбраны показатели «ПКЗ» и «Эталон». Показатель «ПКЗ» – итоговый результат выполнения слушателями всех ПКЗ по Программе. Он выставлен *методом сопоставления независимых характеристик* по десяти-балльной шкале на основании мнений экспертов из числа действующих профессионалов и преподавателей. Показатель «Эталон» – степень соответствия профессионально важных качеств слушателя эталонной профессиограмме в процентах, который предоставлен группой профессионально-психологического отбора Академии.

Наблюдение применялось для систематического накопления информации о степени выраженности индивидуально-психологических особенностей слушателей в реальных условиях. Результаты наблюдений использовались для подкрепления выводов по формирующему эксперименту.

Метод групповой оценки личности. Целями метода экспертной оценки были: оценка личностных свойств и важных качеств, проявляющихся в профессиональном общении, изучение различий между групповой оценкой и самооценкой. На основании принятого в Академии перечня профессионально важных качеств каждый слушатель определял степень их выраженности у своего однокурсника. По результатам групповой оценки личности выведен показатель выраженности профессионально важных качеств («ГОЛ»), который использовался для статистической обработки.

Выявление различий между показателями КГ и ЭГ определялось с использованием непараметрического U-критерия Манна – Уитни для независимых выборок. Значимость различий между показателями до и после эксперимента определялась с использованием критерия Т-Вилкоксона для зависимых выборок и показателю $\bar{x}$ -среднему арифметическому значению величин по шкалам. По полученным данным у обеих групп (до и после эксперимента)

определялись взаимосвязи показателя коммуникативных качеств с показателями других психодиагностических шкал (с использованием коэффициента ранговой корреляции r -Спирмена).

3. Анализ и интерпретация результатов психодиагностики респондентов КГ и ЭГ в исходном срезе

Важным для проведения формирующего эксперимента являлось то, что у КГ и ЭГ до формирующего эксперимента *не было выявлено значимых статистических различий* по показателю уровня развития коммуникативной компетентности. Сравнение результатов исходного тестирования обеих групп свидетельствует о существовании различий по другим показателям уровня развития личности. У слушателей ЭГ до эксперимента анализ взаимосвязей показателей по шкалам указывает на то, что чем выше уровень коммуникативных качеств, тем больше проявляется артистичность ($r = 0,315$, при $p < 0,05$), замкнутость ($r = 0,384$, при $p < 0,05$), тем меньше проявляются финансовые мотивы в работе ($r = -0,405$, при $p < 0,05$), тенденция развития социально-психологической неуклюжести ($r = -0,371$, при $p < 0,05$), нетерпимость к неопределенности ($r = -0,371$, при $p < 0,05$) и самодостаточность ($r = -0,321$, при $p < 0,05$).

У слушателей КГ, имеющих более реальное представление и некоторый опыт решения профессиональных задач, отмечалась сформированность профессиональной направленности и готовности по отдельным компонентам. Прослеживались отличия взаимосвязей показателя коммуникативных качеств от взаимосвязей ЭГ. Чем выше был у КГ показатель коммуникативной группы качеств, тем чаще проявлялись тенденции к практичности ($r = 0,796$, при $p < 0,001$), ригидности ($r = 0,768$, при $p < 0,001$), обособленности ($r = 0,737$, при $p < 0,005$), повышению фрустрационной нетолерантности ($r = 0,683$, при $p < 0,01$), избеганию чувства вины ($r = 0,548$, при $p < 0,05$), соперничеству ($r = 0,636$, при $p < 0,05$), чувствительности ($r = 0,546$, при $p < 0,05$), личностной зрелости ($r = 0,540$, при $p < 0,05$), снижению настойчивости ($r = 0,529$, при $p < 0,05$). Такое положение может способствовать адаптивности личности к специфическим особенностям деятельности, но снижать успешность формирования доверительных межличностных отношений.

До формирующего эксперимента у ЭГ *не было ни одной сильной статистической связи показателя коммуникативных качеств с показателями других личностных характеристик*. У КГ же отмечалась сформированность профессиональной направленности и готовности по отдельным характеристикам личности, а взаимосвязи показателя коммуникативных качеств с показателями других качеств были различны *и более сильные, чем у слушателей ЭГ*. Вместе с тем подготовка слушателей на основании традиционной системы развития коммуникативной компетентности формирует взаимосвязь коммуникативных качеств с обособленностью, ригидностью и фрустрационной нетолерантностью, что указывает на недостаточность опыта социального взаи-

модействия и может негативно влиять на успешность профессионального общения слушателей в контексте межличностных отношений.

Активизация взаимосвязей коммуникативных качеств с компонентами психологической зрелости «амортизирует» указанную тенденцию, что подтверждается результатами формирующего эксперимента.

4. Анализ и интерпретация результатов применения Программы в ходе формирующего эксперимента в рамках практического комплексного занятия

Статистически значимые результаты изменений психодиагностических показателей слушателей ЭГ по итогам формирующего эксперимента показаны в таблице 3.2.

Таблица 3.2. – Значимые статистические результаты изменения показателей ЭГ по итогам формирующего эксперимента

Шкалы, по которым выявлены достоверные различия	Статистически значимые результаты ЭГ			
	Т-Вилкоксона		Среднее арифметическое значение величин	
	Т	Р	(до эк.)	(после эк.)
«Эмоциональная устойчивость»	197	<0,001	39,85	36,59
«Самодостаточность»	245	<0,05	8,57	7,96
«Эмоциональная стабильность»	112	<0,001	7,83	6,39
«Социальная коммуникативная неуклюжесть»	111	<0,001	6,22	4,22
«Чрезмерное стремление к конформности»	216	<0,05	5,04	4,30
«Ориентация на избегание неудач»	118	<0,001	4,98	4,91
«Фрустрационная нетолерантность»	100	<0,001	4,61	3,11
«Мотив достижения в работе»	232	<0,05	18,36	19,32
«Групповая оценка личности»	116	<0,001	375,70	392,22
«Депрессивность»	128	<0,001	8,37	7,36
«Уровень развития коммуникативно-тактической группы качеств»	78	<0,001	63,82	70,32
«Личностная зрелость»	205	<0,001	43,60	47,02
«Мотивация достижений в работе»	296	<0,05	16,43	17,84
«Чувство гражданского долга»	271	<0,005	10,76	13,13
«Жизненная установка»	205	<0,005	18,11	19,67
«Интроверсия»	202	<0,005	50,85	53,30

По завершении формирующего эксперимента у слушателей статистически значимо изменились результаты по 15 из 52 шкал. В частности: повысились показатели по четырем шкалам личностной зрелости: «Мотивация достижений в работе»; «Чувство гражданского долга»; «Жизненная установка»; «Личностная зрелость». Это свидетельствует, что развитие коммуникативной компетентности во взаимосвязи с психологической зрелостью, основанное на расширении профессионального и социального опыта в условиях экспериментальной ситуации, где критерием успешности является выполнение про-

фессионально ориентированной задачи, статистически значимо и влияет на элементы личностной зрелости. Вышеуказанное способствует формированию у взрослых стремления к самореализации, самостоятельности, инициативности, достижению высоких результатов в предпринимаемых действиях (шкала «Мотивация достижений в работе»). Формирующий эксперимент повлиял на повышение интереса к общественной жизни и развитие профессиональной ответственности (шкала «Чувство гражданского долга»). Слушатели стали более рассудительны и реалистичны (шкала «Жизненная установка»). После формирующего эксперимента у них значимо повысился уровень личностной зрелости.

Развитие слушателей по Программе на основе ПКЗ способствовало изменению показателей ряда личностных черт и качеств. Выявилась динамика снижения у слушателей тенденции к депрессивности, связанной с изменением профессиональной ситуации. Однако в результате эксперимента снизилась эмоциональная стабильность. Основываясь на интерпретации результатов, подкрепленных наблюдением и беседами, это можно связывать с трудностью выполнения задач в условиях малознакомой профессиональной и социальной ситуации, эмоциональной реакцией на неопределенность. В то же время у слушателей повысился уровень мотивации достижений в работе, что означает тенденцию адаптивности к специфике деятельности и развитию профессионально важных качеств. Заметно снизились показатели социально-коммуникативной некомпетентности. Развились навыки общения: умение вести себя в сложных межличностных ситуациях (шкалы «Социально-коммуникативная неуклюжесть»; «Чрезмерное стремление к конформности»). Слушатели стали более конструктивно принимать неудачи и испытывать гордость за преодоление трудностей (шкала «ориентации на избегание неудач»). Показательным является то, что они стали менее уязвимы в переживании незащищенности при возникновении объективных проблем (шкала «Фрустрационная нетолерантность»).

Одним из критериев доказательства эффективности применения Программы и формы ПКЗ являются статистически значимые результаты усиления взаимосвязей уровня коммуникативной компетентности с показателями различных личностных качеств у слушателей ЭГ до и после формирующего эксперимента, представленные в таблице 3.3.

В ЭГ из шести выявленных на исходном тестировании взаимосвязей показателя коммуникативной компетентности с другими психологическими явлениями сохранились и усилились взаимосвязи по 3 шкалам: «Общительность», «Самодостаточность» и «Социально-коммуникативная неуклюжесть». Отмечено ослабление взаимосвязи показателя коммуникативной группы качеств со шкалой «Финансовые мотивы», а также исчезновение взаимосвязи со шкалой «Нетерпимость к неопределенности», что приближает экспериментальную группу к закономерностям, проявившимся у действующих профессионалов, изученных в ходе диссертационного исследования. Исчезли взаи-

мосвязи по шкале «Артистичность» и появились новые относительно периода исходного среза. Выявились положительные умеренные взаимосвязи со шкалой «Настойчивость», «Экстраверсия», «Доминирование», «Самоконтроль», «Ответственность», «Предусмотрительность», «Привязанность», «Понимание». Вместе с тем, чем выше у респондентов показатель уровня коммуникативных качеств, тем больше проявляется напряженность, но формируется эмоциональная устойчивость. Данный факт целесообразно интерпретировать как первоначальный эффект экспериментального обучения, который оценивается как промежуточный результат формирования готовности выпускника.

Таблица 3.3. – Значимые статистические результаты изменения показателя взаимосвязей уровня коммуникативной компетентности с показателями различных личностных качеств у слушателей ЭГ до и после формирующего эксперимента

Шкалы, по которым выявлены статистически значимые взаимосвязи	Результаты участников формирующего эксперимента			
	До эксперимента		После эксперимента	
	r-Спирмен	P	r-Спирмен	p
«Общительность»	0,384	<0,05	0,450	<0,001
«Артистичность»	0,315	<0,05	-	-
«Самодостаточность»	-0,321	<0,05	-0,322	<0,05
«Финансовые мотивы в работе»	-0,405	<0,05	-0,396	<0,05
«Нетерпимость к неопределенности»	-0,432	<0,005	-	-
«Социально-коммуникативная неуклюжесть»	-0,371	<0,05	-0,396	<0,05
«Настойчивость»	-	-	0,429	<0,05
«Экстраверсия»	-	-	0,310	<0,05
«Доминирование»	-	-	0,318	<0,05
«Самоконтроль»	-	-	0,475	<0,001
«Ответственность»	-	-	0,331	<0,05
«Предусмотрительность»	-	-	0,326	<0,05
«Привязанность»	-	-	0,314	<0,05
«Понимание»	-	-	0,459	<0,05
«Напряженность»	-	-	-0,375	<0,05
«Эмоциональная неустойчивость»	-	-	-0,397	<0,05
«Эталон»	-	-	-0,375	<0,05

Эмпирически доказано изменение количества и тесноты взаимосвязей коммуникативных и профессионально важных качеств, формируемых в процессе ПКЗ при решении учебно-специальных задач, что предполагает развитие готовности к профессиональной деятельности.

Повышение качества коммуникативной компетентности респондентов доказывается и показателем взаимосвязи ($r = 0,693$, при $p < 0,001$) итоговых отметок по практическому комплексному занятию с показателем степени со-

ответствия профессионально важных качеств слушателей эталонной профессиограмме в процентах («Эталон»).

Во второй части третьего этапа формирующего эксперимента итоговые результаты респондентов КГ сопоставлены с итоговыми показателями ЭГ. Выявленные значимые различия по 13 показателям, представленным в таблице 3.4.

Таблица 3.4. – Статистически значимые показатели различий КГ и ЭГ по итогам формирующего эксперимента

Шкалы, по которым выявлены достоверные различия	Результаты проверки гипотезы по критериям			
	U	P	Сумма рангов КГ	Сумма рангов ЭГ
«Коммуникативно-тактическая группа»	68,5	0,041	188,5	307,5
«Личностная зрелость»	56	0,011	176	320
«Мотивация достижений»	37	0,001	157	339
«Способность к психологической близости»	45	0,005	172	289
«Экстраверсия – интроверсия»	55	0,010	191	301
«Доминирование – подчиненность»	47	0,004	183	313
«Проявление – избегание чувства вины»	63	0,024	297	199
«Эмоциональная устойчивость – неустойчивость»	57,5	0,022	177,5	287,5
«Эмоциональная лабильность»	64,5	0,046	280,5	184,5
«Артистичность»	47	0,004	183	313
«Продвижение по службе»	63	0,024	297	199
«Ориентация на избегание неудач»	31	0,004	345	151
«Фрустрационная нетолерантность»	64	0,046	280,5	184,5

Использование Программы и комплексного профессионального тренинга в форме ПКЗ способствовало улучшению показателей, характеризующих успешность прогноза установления благоприятных межличностных отношений, что является важным для будущей профессиональной деятельности и ее социального контекста. Однако в дальнейшем требуется работа по развитию у респондентов стрессоустойчивости.

Респонденты КГ более хладнокровны: характеризуются эмоционально-волевой устойчивостью, стабильностью и мотивацией продвижения по карьерной лестнице. У респондентов ЭГ выше уровень развития коммуникативных качеств, что свидетельствует об их более высокой психологической готовности к профессиональной деятельности. Респонденты ЭГ отличаются от респондентов КГ большей выраженностью личностной зрелости, мотивации достижений, характеризуются способностью к психологической близости. Они более интровертированы и настроены на гибкость в общении и при решении профессиональных задач. Респонденты ЭГ настроены на противодействие неудачам и в большей степени проявляют тенденцию толерантности.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что реализованный в Программе методический подход к развитию психологического явления во взаимосвязи с психологической зрелостью на основе ПКЗ как формы комплексного практического тренинга имеет научную и практическую значимость.

Результатом формирующего эксперимента выступает увеличение диапазона и уровня развития ПВК и тесноты их взаимосвязей с коммуникативными качествами. Целенаправленное, специально организованное в рамках Программы развитие коммуникативной компетентности с учетом психологической зрелости способствовало повышению уровня не только коммуникативных, но и других личностных характеристик, что является значимым для целостного развития специалиста в современных социально-экономических условиях. Статистически значимые различия результатов первичного и итогового срезов формирующего эксперимента указывают на развитие ПВК респондентов ЭГ, равно как и на их превосходство в сравнении с результатами респондентов КГ, что подтверждает эффективность разработанной, апробированной и внедренной в учебный процесс факультета Программы и формы занятий

Таким образом, практическое комплексное занятие как форма интегрированного профессионального тренинга в рамках образовательного процесса взрослых в условиях их переквалификации имеет право на существование. Результаты апробации доказали эффективность Программы развития коммуникативной компетентности личности во взаимосвязи с психологической зрелостью в ходе формирующего эксперимента на базе Академии.

Практическое комплексное занятие как форма интегрированного профессионального тренинга на основе эксперимента позволяет взрослому обучающемуся закрепить полученные теоретические знания и выработать навыки решения учебных задач, способствующих дальнейшему развитию профессионально значимых качеств и личности в целом. Статистически значимые результаты динамики личностного развития обучающихся Академии, выявленные на основании применения различных методов, позволяют прогнозировать успешность дальнейшей профессиональной деятельности взрослых после их подготовки. Использование такого подхода в методологии подготовки специалиста в образовательном процессе в рамках высших учреждений образования позволит формировать профессиональную, академическую и социально-личностную компактность не изолированно, а во взаимосвязи с другими системообразующими характеристиками личности (психологической зрелостью). Практическое комплексное занятие целесообразно использовать как учебное занятие в форме комплексного профессионального тренинга, где сочетаются два цивилизационных подхода – советский и западный, сотрудничество и конкуренция, а работа профессорско-преподавательского состава различных кафедр, преподавателей практиков, психологов в рамках образовательного процесса будет комплексной, направленной на формирование системообразующих качеств с учетом реалий современной ситуации.

Список цитируемых источников

1. Системно-ситуативный анализ психологического феномена надежности профессионала / В. М. Крук [и др.] // Человеческий капитал. – 2013. – № 9 (57). – С. 66–74.
2. Крук, В. М. Психология обеспечения личностной надежности : монография / В. М. Крук. – Москва : НИИ радиоэлектроники и лазер. техники МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2012. – 404 с.
3. Bertalanffy, L. General system theory / L. Bertalanffy. – New York : George Braziller, 1968. – 289 p.
4. Тест-опросник личностной зрелости / ред. Ю. З. Гильбух. – Киев : Психодиагностика и дифференцир. обучение, 1994. – 24 с.
5. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва : Эксмо, 2003. – 1134 с.
6. Вишневская, В. П. Психологическая подготовка кадров для противодействия транснациональной преступности / В. П. Вишневская // Актуальные проблемы противодействия транснациональной преступности : материалы междунар. семинара, Минск, 2–3 нояб. 2006 г. : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; отв. за вып. А. В. Яскевич. – Минск, 2006. – С. 38–40.
7. Евелькин, Г. М. Психология профессиональной эффективности / Г. М. Евелькин. – Минск : ИНБ РБ, 2010. – 209 с.
8. Казак, Т. В. Концептуальные основания психологического сопровождения психосоциальной адаптации субъектов учебной и профессиональной деятельности системы органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03 / Казак Тамара Владимировна. – Тверь, 2012. – 43 л.
9. Дьяченко, М. И. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психологический аспект / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, В. А. Пономаренко. – Минск : Университетское, 1985. – 206 с.
10. Пастушеня, А. Н. Управленческо-психологическая подготовка руководителей органов внутренних дел при повышении квалификации / А. Н. Пастушеня // Дополнительное образование: состояние, проблемы, перспективы : тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 27 окт. 2010 г. / Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь ; редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 151–154.
11. Большой психологический словарь / сост. и гл. науч. ред. В. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., испр. – Москва : АСТ МОСКВА ; Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗАК, 2009. – 811 с.
12. Маришук, Л. И. Психология пособие / Л. В. Маришук, С. Г. Ивашко, Т. В. Кузнецова ; под науч. ред. Л. В. Маришук. – 2-е изд. – Минск : Тесей, 2011. – 764 с.
13. Изгард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изгард ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 464 с. – (Мастера психологии).
14. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер ; Минск, 2022. – 720 с. – (Мастера психологии).
15. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – Санкт-Петербург : Питер ; Минск, 2021. – 288 с. – (Мастера психологии).
16. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / К. Д. Ушинский. – Санкт-Петербург : Питер ; Минск, 2022. – 720 с.
17. Волченков, В. С. Личностная и социальная зрелость в период ранней взрослости / В. С. Волченков // Весці БДПУ. Серыя 1, Псіхалогія. – 2012. – № 1. – С. 55–59.
18. Брантова, Ф. С. Представления о психологической зрелости личности в сознании людей разного возраста : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Ф. С. Брантова ; Нац. библиотека Респ. Беларусь. – URL: <http://www.lib.uaru.net/diss/cont/121927.html> (дата обращения: 12.07.2024).

19. Асмолов, А. Г. Личность как предмет психологического исследования / А. Г. Асмолов. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1984. – 105 с.
20. Комарцева, Е. А. Личностная и профессиональная зрелость специалиста / Е. А. Комарцева // Ананьевские чтения – 2006 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 24–26 окт. 2006 г. / редкол.: Л. А. Цветкова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 257–259.
21. Журавлев, А. Л. «Социально-психологическая зрелость» обоснование понятия / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2007. – № 2.
22. Сергиенко, Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход? Феноменология и категории зрелости в психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2007. – 223 с.
23. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 272 с.
24. Хьелл, Л. А. Теории личности: основные положения, исследования и применение : учеб. пособие / Л. А. Хьелл, Д. Зиглер ; пер. с англ. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Питер : Питер Пресс, 2009. – 606 с. – (Мастера психологии).
25. Нартова-Бочавер, С. К. Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости. Феноменология и категории зрелости в психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2007. – 223 с.
26. Русалов, В. М. Психологическая зрелость: Единая или множественная характеристика / В. М. Русалов // Психологический журнал. – 2006. – № 5.
27. Швеньк, Е. В. О показателях социальной зрелости личности современного предпринимателя / Е. В. Швеньк // Ананьевские чтения – 2006 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24–27 окт. 2006 г. / редкол.: Л. А. Цветкова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 235–237.
28. Каменева, Е. Г. Развитие социальной зрелости студентов в учебно-воспитательном процессе вуза / Е. Г. Каменева // Теоретико-методологические и практические проблемы развития педагогики и психологии : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 4 апр. 2018 г. / Сперлитамак, Рос. Федерация ; Агентство Междунар. исслед. ; отв. ред. А. А. Сукиасян. – Оренбург, 2018. – С. 58–60.
29. Коломинский, Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности) / Я. Л. Коломинский. – Минск : Тетра Система, 2000. – 432 с.
30. Фельдтштейн, Д. И. Психология развития личности в онтогенезе / Д. И. Фельдтштейн. – Москва : Педагогика, 1989. – 206 с.
31. Евелькин, Г. М. Профессиональная социализация личности: методология, методики и логика изучения / Г. М. Евелькин. – Минск, 2004.
32. Психологический словарь-справочник : учеб. пособие / М. И. Дьяченко [и др.]. – 5-е изд., стер. – Москва : И. Д. Куприянова, 2009. – С. 170–171.
33. Абуладзе, Д. Г. Национальное самосознание: сущность, структура, противоречия : дис. ... канд. фил. наук : 09.00.11 / Д. Г. Абуладзе // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – URL: [dissercathttp://www.dissercat.com/content/natsionalnoe-samosoznanie-sushchnost-struktura-protivorechiya#ixzz3mZHFKIy9](http://www.dissercat.com/content/natsionalnoe-samosoznanie-sushchnost-struktura-protivorechiya#ixzz3mZHFKIy9) (дата обращения: 24.09.2015).
34. Бабосов, Е. М. Основы идеологии белорусского государства : курс лекций / Е. М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2012. – 216 с.
35. Крысько, В. Г. Этническая психология / В. Г. Крысько. – 4-е изд., стер. – Москва : Академия, 2008. – 320 с.
36. Социальная психология российского предпринимательства. Концепция психологических отношений / А. Л. Журавлев [и др.]. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2012. – 480 с.
37. Сулимова, Т. С. Социальная работа и конструктивное разрешение конфликтов / Т. С. Сулимова. – Москва : Академия, 1996. – 175 с.
38. Ананьев, Б. Г. Избранные труды по психологии : в 2 т. / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – Т. 2 : Развитие и воспитание личности. – 546 с.

39. Брантова, Ф. С. Представления о психологически зрелой личности в сознании людей разного возраста : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / Брантова Фатима Салиховна. – Москва, 2011. – 247 л.
40. Марищук, В. Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств : автореф. дис. ... д-ра псих. наук : 19.00.03 / Марищук Владимир Леонтьевич ; Ленингр. гос. ун-т. – Ленинград, 1982. – 32 с.
41. Марищук, Л. В. Способности к освоению иностранных языков и дидактическая технология их развития : дис. ... д-ра псих. наук : 19.00.07 / Марищук Людмила Владимировна. – Санкт-Петербург, 1999. – 395 л.
42. Казачёнок, Ж. И. Психологическая зрелость как профессионально важная характеристика личности современного специалиста / Ж. И. Казачёнок // Психологія. – 2012. – № 4. – С. 56–60.
43. Казачёнок, Ж. И. Комплексный профессиональный тренинг в системе образования взрослых / Ж. И. Казачёнок // Современные тенденции в психологическом образовании взрослых : материалы II Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 27–28 нояб. 2014 г. / Респ. ин-т проф. образования. – Минск, 2014. – С. 61–65.
44. Дикая, Л. Г. Личность профессионала в современном мире / Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2013. – 944 с.
45. Жук, О. Л. Сформированность социально-профессиональной компетентности выпускника вуза как результат и критерий качества высшего образования / О. Л. Жук // Адукацыя і выхаванне. – 2010. – № 9. – С. 4–9.
46. Жуков, Ю. М. Диагностика и развитие компетентности в общении : спецпрактикум по соц. психологии / Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, П. В. Растянников. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1990. – 104 с.
47. Петровская, Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг / Л. А. Петровская. – Москва : Изд-во Москов. гос. ун-та, 1989. – 216 с.
48. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен ; пер. с англ. – Москва : Когито-Центр, 2002. – 396 с.
49. Щербакова, Т. Н. Развитие психологической компетентности профессионала : учеб. пособие / Т. Н. Щербакова. – Ростов-на-Дону : Юж. федер. ун-т, 2007. – 98 с.
50. Журавлев, А. Л. Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 1983. – Т. 4, № 1. – С. 57–68.

РАЗДЕЛ IV

РАЗВИТИЕ ПАТРИОТИЗМА У ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА У ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ

Безопасность и прогресс государства связаны с патриотизмом его граждан, который признавался в прошлом (например, вывод сделан Х. Спурель [1] на основе анализа литературных источников в 1914 г.) и признается в настоящее время (в условиях глобализации, современных рисков, вызовов, угроз) для жизнедеятельности общества фактором первостепенной важности. Сохраняется актуальность патриотизма как фактора защиты национальных интересов «для современного белорусского общества, столкнувшегося за последние несколько лет с новыми вызовами, обусловленными как внутренними, так и внешними факторами (пандемия, попытки дестабилизации социально-политической обстановки в стране, санкционное давление, эскалация военно-политической напряженности у границ и т. д.)» [2]. В 2022 г. вопрос патриотизма получил конституционный статус: на республиканском референдуме (2022) принято решение о внесении в Конституцию Республики Беларусь дополнений. Так, согласно ст. 54 Конституции Республики Беларусь патриотизм «...является долгом каждого гражданина Республики Беларусь». В ст. 21 изложено: «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить положительный вклад в развитие общества и государства» [3]. В соответствии с постановлением VI Всебелорусского народного собрания разработана, утверждена и реализуется Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг. [4]. Вышеизложенное показывает значимость формирования патриотизма у обучающихся в современных условиях.

Образовательный процесс в государственном учреждении образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (далее – Институт) предполагает не только организацию и стимулирование учебной деятельности обучающихся для овладения знаниями, умениями, навыками, формирование компетенций, развитие творческих способностей, но и воспитание. Согласно системе менеджмента качества воспитание у личного состава чувства патриотизма является целью процесса [5], а развитие личности обучающегося,

интеллектуальных и творческих способностей, формирование гражданственности, патриотизма – одними из основных задач деятельности Института [6].

Патриотизм в Толковом словаре С. И. Ожегова излагается как преданность и любовь к своему Отечеству и народу; готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины [7]. В Военном словаре трактуется как преданность своему Отечеству и любовь к Родине, стремление своими действиями служить его интересам, защищать от врагов [8]. Для текущего периода данное понятие конкретизировано в Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы – «...духовное достояние личности, характеризующее высший уровень ее развития, осознанная повседневная деятельность гражданина во благо Родины, народа, государства» [4]. На основе и с учетом вышеизложенного представим данное понятие в виде объективного понимания человеком своего места, роли и отношения к Отечеству, реализуемых в деятельности в интересах Отечества.

На формирование патриотизма влияет ряд факторов, включая такие, как: институты социализации, группы членства, референтные группы, а также возраст, пол, способности и др. В научной литературе представлены соответствующие классификации факторов. По мнению А. В. Потемкина, становление патриотизма в процессе социализации взаимосвязано со следующими из них: фактор социальной и культурной общностей; связь патриотизма и государственности, патриотизма и гражданственности, патриотизма и общности с исторической точки зрения; фактор, связанный с памятью поколений, обеспечивающий связь поколений во времени; фактор взаимосвязи устойчивости и изменчивости в общественном развитии; факторы религиозной общности, языка, привязанности к месту рождения обучающегося; фактор, раскрывающий проблематику патриотизма в обществе с точки зрения культуры; фактор педагогического воздействия на сферу направленности личности обучающегося [9]. Целесообразно также использование следующей классификации: макро-, мезо-, микрофакторы социализации [10]. В контексте данной классификации И. Г. Бозиной дополнительно выявлены объективные и субъективные факторы, влияющие на социализацию личности. По мнению исследователя, объективные факторы чаще всего не могут быть изменены средствами педагогического воздействия, а субъективные, наоборот, поддаются педагогическим воздействиям [11].

Исходя из вышеизложенного, *макрофакторы* социализации представляется возможным изложить следующим образом: планета, страна, общество, государство, в том числе объективные – место страны в политической и экономической системе мира, развитость общественных и государственных институтов, общественный статус семьи в государстве, уровень развития духовной культуры; субъективные – отношение к ценностям общественной и культурной жизни, система представлений о государстве как о регулятивном аппарате общественной жизни, гражданская позиция, осознание роли личности в развитии общества, отношение к Отечеству, проявление патриотизма. Ме-

зофакторы представлены этносом, типом поселения, средствами массовой информации (СМИ), в том числе объективные – статус места жительства, наличие СМИ, технические характеристики радио, телевидения, возможности использования интернет-ресурсов, соотношение представителей разных национальностей, место населенного пункта в промышленно-экономическом комплексе региона, субъективные – отношение к малой Родине, городу, к культуре своего народа, представителям других культур, а также состояние информационной культуры обучающихся. *Микрофакторы*: семья, группы сверстников, друзья, организации; объективные – пол, порядок рождения, состав семьи, нормы взаимоотношений в социуме, собственный опыт, опыт родителей; субъективные – отношение к семье как к ценности, отношение к микросоциуму; знание норм как регулятора поведения, индивидуально-психологические особенности, способности, отношение к социальной деятельности, навыки положительного межличностного общения. Целесообразно учитывать оттенки и комбинацию различных факторов в рамках единого вектора поведения обучающегося.

Формированию патриотизма посвящен ряд исследований, осуществленных в философии, социологии, педагогике, психологии и других науках. Научные исследования, проводимые в органах пограничной службы Республики Беларусь, представлены в работах В. П. Вишневской, В. Г. Моисеенко, Е. И. Сутович [12–14].

Целью данной научной работы явилась разработка и описание технологии развития патриотизма профессорско-преподавательским составом во время проведения учебных занятий.

Представлен общий алгоритм действий, заложенный в основу технологического процесса. По замыслу он направлен на обеспечение повторяемости технологии. Данный алгоритм был апробирован в целом в ходе проведения формирующего эксперимента, а также путем реализации отдельных частей. Связано это с тем, насколько исследователь знаком с образовательным процессом учреждения высшего образования (является сотрудником из числа профессорско-преподавательского состава, исследователем, совместителем и т. п.).

Общий алгоритм действий, заложенный в основу технологического процесса

Этап (шаг) 1. Оценка обстановки в учреждении высшего образования: выяснить транслируемые установки (миссия, стратегия и т. д.), степень их принятия сотрудниками, ознакомиться с работой, проводимой по формированию патриотизма, уяснить степень единства прилагаемых субъектами усилий по развитию патриотизма обучающихся в образовательном процессе, познакомиться с обучающимися (отношение к патриотизму). Организовать взаимодействие с субъектами формирования патриотизма на предмет пред-

стоящей работы с обучающимися. Уяснить свое место (во время проведения учебных занятий) в общей системе формирования патриотизма в учреждении высшего образования.

Этап (шаг) 2. Проведение диагностики (входной/выходной) контроль. Определить время, критерии и показатели, методы и методики диагностики. По возможности заблаговременно изучить социально-психологические характеристики учебной группы, индивидуально-психологические характеристики личности обучающихся.

Этап (шаг) 3. Разработать перечень форм, методов, способов, средств, содержание занятий, направленных на достижение обучающей, развивающей и воспитательной целей, в данном случае в части, касающейся формирования патриотизма. Поскольку вопрос о возможности формирования патриотизма в течение одного занятия остается открытым, целесообразно распределить элементы согласно ряду занятий, составляющих учебную дисциплину. Первоначально выделить элементы, затем распределить их согласно «ленте времени» изучения тем. Уяснить свою роль во взаимосвязи с другими субъектами учреждения высшего образования.

Этап (шаг) 4. Встреча с обучающимися, установление контакта, мотивация (в начале каждого занятия), анализ включаемости, проведение первичного воздействия через формирование идентичности с профессиональным сообществом, реализующим деятельность в интересах Отечества.

Этап (шаг) 5. «Погружение» в среду формирования патриотизма, переход от произвольного к непроизвольному вниманию с использованием контекстного обучения – отработка ситуационных задач путем развития идентичности и метаиндивидуальной подструктуры личности (В. А. Петровский) в ходе учебного занятия. Используются интерактивный и проблемный подходы, модульный принцип организации.

Этап (шаг) 6. Получение обратной связи, анализ результатов воздействия (взаимодействия). Интерпретация и рефлексия результативности: факторы, способствующие успеху. В случае непродуктивности – интерпретация и рефлексия: факторы, препятствующие достижению успеха, в том числе наличие и характер барьеров со стороны обучающегося (группы), определение способов их преодоления. Вывод о необходимости повторного воздействия (взаимодействия). Принятие решения о характере продолжающегося воздействия (взаимодействия).

Этап (шаг) 7. Контроль поведения, поступков, действий и деятельности обучающихся. В случае необходимости постановка задач и анализ исполнения. Заключение о результатах развития патриотизма: деятельности (поведения) и развития психических свойств, качеств. Снятие напряжения. Обсуждение результатов с заинтересованными субъектами формирования. Подведение итогов. Рефлексия.

Психолого-педагогическая модель развития патриотизма

Развитие патриотизма при проведении учебного занятия предполагает наличие соответствующей модели. В данном исследовании на основе анализа структуры обучения и воспитания предложена модель развития патриотизма обучающихся в рамках достижения воспитательной цели учебного занятия (рисунок 4.1). Она позволяет использовать психолого-педагогические знания по формированию патриотизма во взаимосвязи; реализовать не только воздействие преподавателя, но и осуществить взаимодействие; провести контроль достижения конкретного результата.

Основными компонентами модели развития патриотизма обучающихся учреждений высшего образования при проведении учебных занятий являются следующие: цель, задачи, организованное воздействие (взаимодействие), личность обучающегося и результат, проявляющийся в психологических аспектах патриотизма личности [15].

Рисунок 4.1. – Модель развития патриотизма обучающихся учреждений высшего образования при проведении учебных занятий

Основу представленной выше модели составили структурные компоненты процесса обучения и воспитания обучающихся: осуществляется взаимодействие и формируются знания, умения, навыки, компетенции, передается опыт деятельности [16]. Поскольку «...любое обучение имеет воспитывающий характер» [17], нами были включены структурные элементы воспитания [18]. Среди структурных компонентов воспитания – воздействие (взаимодействие), учет индивидуально-психологических характеристик личности, отношение субъекта к воздействию. Результат воспитания проявляется в поведе-

нии, качествах личности, позволяет получить обратную связь. Будучи показателем достижения цели, обратная связь при необходимости позволяет внести изменения в задачи обучения и воспитания обучающихся. Поэтапность формирования патриотизма в рамках достижения цели учебного занятия соответствует основным этапам образовательного процесса: подготовительный, формирующий, заключительный.

Содержание, реализуемое в ходе воздействия (взаимодействия), призвано оказывать влияние на когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты патриотизма, а также на субъект, субъективную и объективную сторону состава патриотизма. Оно осуществляется в ходе реализации следующих форм: лекция, семинар, практическое, групповое занятие. Используются традиционные и инновационные методы: рассказ, показ, объяснение, упражнение, активные и интерактивные методы. Сущность заключается в воспитании через обучение, то есть воспитываем реализуя содержание образовательных программ.

Основные структурные компоненты и уровни технологии развития патриотизма обучающихся учреждений высшего образования

Функция технологии заключается в построении образовательного процесса, обеспечивающего заданный результат, другими словами, в технологии конструируется и осуществляется такой образовательный процесс, который должен гарантировать достижение поставленных целей [19].

Характеризуется педагогическая технология следующими признаками: разработка целей обучения, воспитания; структурирование информации, подлежащей усвоению; применение средств обучения и контроля; гарантированность высокого уровня качества обучения [20]. Как правило, технология включает в себя целевую направленность, научные идеи, на которые опирается, систему действий субъекта и объекта обучения, критерии оценки результата, результаты, ограничения в использовании [21]. Другими словами, основными структурными компонентами педагогической технологии являются следующие: концептуальная основа, целевой компонент, содержательный компонент обучения (содержание учебного материала) и воспитания, процессуальная часть, то есть технологический процесс, который, в свою очередь, включает организацию учебного процесса, методы и формы учебной деятельности обучающихся, методы и формы работы преподавателя, деятельность преподавателя по управлению процессом усвоения материала, диагностика учебного процесса.

Особое внимание обратим на цель, алгоритм, результат технологии. Цель в педагогической технологии, представляя собой системообразующее звено, определяет все особенности учебно-воспитательного процесса, а также выбор содержания, форм, средств учебно-воспитательного процесса и конструирование конкретных методов педагогической деятельности. Она упоря-

дочивает деятельность, организует [22]. Алгоритм действий, составляя основу технологического процесса, обеспечивает повторяемость, тиражируемость технологии. К настоящему времени разработаны замкнутые циклы технологического процесса социально-педагогической и социальной деятельности, включающие определенные этапы и операции. Например, вариант, предложенный Л. В. Мардахаевой, предполагает пять взаимосвязанных этапов: диагностико-прогностический; этап выбора (разработки) оптимальной технологии; этап непосредственной подготовки к реализации выбранной технологии; реализационный; экспертно-оценочный [23]. Составляя программу эксперимента, мы четко представляли результат, к которому стремились. То есть, согласно С. И. Ожегову, то, что будет получено в завершение деятельности [7].

Конкретизируем представленные выше компоненты для проводимого исследования. Целевой компонент технологии формирования патриотизма, представленный на уровне личности – патриотизм в учебно-профессиональной деятельности, развитие индивидуально-психологических характеристик согласно системной модели субъекта патриотизма и действие как выражение патриотизма. На уровне учебной группы – благоприятный социально-психологический климат в сочетании с результативной (эффективной) деятельностью в интересах Отечества, в данном случае – учебно-профессиональной.

Содержательную часть технологии составили особым образом структурированные элементы (ситуации) профессиональной деятельности. Контекст стал предпосылкой восприятия обучающимся будущей профессиональной деятельности как цели профессионального и личностного развития в процессе обучения. Результат, общий для двух факторов – эффективная деятельность в интересах Отечества, а именно: учебно-профессиональная. На уровне личности результат может быть конкретизирован как самоотверженная учебно-профессиональная деятельность патриота; на уровне учебной группы – развитие социально-психологических характеристик субъекта патриотизма; безусловное эффективное выполнение деятельности в интересах Отечества (таблица 4.1).

Таблица 4.1. –Основные элементы технологии на уровне личности и учебной группы

	ЦЕЛЬ	АЛГОРИТМ (шаги деятельности)	РЕЗУЛЬТАТ
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ	Патриотизм в учебно-профессиональной деятельности	Диагностика (социально-демографические данные; индивидуально-психологические особенности); Определение содержания материала; Выбор методов, форм; Воздействие/взаимодействие; Обратная связь; Контроль. Результат. Рефлексия	Патриот. Самоотверженная учебно-профессиональная деятельность

	ЦЕЛЬ	АЛГОРИТМ (шаги деятельности)	РЕЗУЛЬТАТ
УЧЕБНАЯ ГРУППА	Патриотизм в учебно-профессиональной деятельности. Результативная (эффективная) деятельность в интересах Отечества	Диагностика: социально-психологическая характеристика группы; Определение содержания материала; Выбор методов, форм; Воздействие/взаимодействие; Обратная связь; Контроль. Результат. Рефлексия	Безусловное выполнение деятельности (эффективной) в интересах Отечества

Обратим внимание на тот факт, что осуществление технологии на индивидуальном уровне (уровне обучающегося) предполагает реализацию технологии малой (учебной) группы и работу с различными категориями обучающихся. То есть при проведении учебных занятий использовались элементы индивидуальной воспитательной работы, в том числе выделение типов обучающихся по ряду оснований. Наиболее значимое основание для классификации связано с добросовестностью и успеваемостью обучающихся (не исключалось использование типологий на основе индивидуально-психологических характеристик). По результатам исследования установлено, что преимущественное число обучающихся добросовестно относится к учебной дисциплине, осваивает материал в меру своих способностей, адекватно самооценивая их. Преимущественная оценка данной категории 7–8 баллов. В меньшей степени были представлены обучающиеся, демонстрирующие способность к освоению дисциплины на высоком уровне (преимущественная оценка 9–10 баллов). Немногочисленные обучающиеся демонстрировали феномен социальной лености, но использовали ухищрения для получения более высокой оценки. Обучающихся, проявляющих способности к освоению психологических дисциплин на уровне ниже 4 баллов, не выявлено. Как правило, оценка 6 баллов и ниже связана с недостаточно серьезным отношением к учебной дисциплине, в том числе переключением внимания и распределением усилий преимущественно на другие дисциплины или личные дела.

Таким образом, основные структурные компоненты технологии включают цель, контекст, содержание, результат. В контексте проводимого психолого-педагогического исследования технология формирования патриотизма подлежала рассмотрению на трех уровнях: уровень индивидуальный (обучающийся); уровень малой группы (учебная группа); уровень большой группы. Реализация технологии осуществлялась на уровнях индивидуальном и малой группы (учебная(-ые) группа(-ы), курса).

***Реализация технологии: контекстный подход, идентичность,
метаиндивидуальная сторона личности и модульный принцип организации***

Контекстное обучение предполагает постепенное насыщение образовательного процесса элементами профессиональной деятельности. Суть заключается в моделировании содержания будущей профессиональной деятельности в учебной деятельности обучающегося учреждения высшего образования. С этой целью используется научная основа и непосредственно содержание профессиональной деятельности. Базируется рассматриваемый подход на теории деятельности, активном обучении и понятии «контекст». Контекст является предпосылкой восприятия обучающимся будущей профессиональной деятельности как цели профессионального и личностного развития в процессе обучения [24]. Задаваемый контекст направлен на повышение активности и мотивации. Данный подход предполагает объединение предметной и методической подготовки, что весьма важно для будущего руководителя, поскольку ему предстоит работать с подчиненными.

Использование контекстного обучения не исключало использование традиционного подхода, при этом оно направлено на преодоление ряда его противоречий, среди которых следующие. В традиционном обучении считается, что чем больше усвоено знаковой учебной информации, тем выше уровень образованности. Культура, как правило, существует в общественной форме, но усваивается индивидуально, это связано с индивидуально-психологическими характеристиками обучающегося. Несмотря на представленность культуры как динамического явления, ее отражение в учебных пособиях относительно статично.

Вместе с тем в ходе учебно-профессиональной деятельности обучающихся, как правило, успешно преодолевается противоречие между учебной и профессиональной деятельностью, заключающееся в том, что предмет учебной деятельности абстрактный (тексты, программные действия), а предмет будущей профессиональной деятельности – реальный. Данное противоречие преодолевается в процессе повседневной жизнедеятельности при выполнении обязанностей, а также во время практики, когда обучающиеся не только осваивают содержание учебных дисциплин, но и выполняют профессиональные задачи. В свою очередь, в профессиональной деятельности происходит системное использование знаний, усваиваемых из различных учебных дисциплин. Высокую значимость приобретает инициатива специалиста в профессиональной деятельности, необходимость принимать решения и нести за них ответственность. Происходит вовлеченность на уровне мышления, социальной активности всей личности специалиста. В традиционном же обучении акцент смещается на процессы памяти, внимания, восприятия, действия, обучающийся отвечает на вопросы преподавателя, выполняет задания по его указаниям.

Базовыми формами деятельности в технологии контекстного обучения являются [25]:

учебная деятельность (лекции, семинары);

квазипрофессиональная деятельность (ситуационные задачи, сюжетные игры);

учебно-профессиональная деятельность (практика).

Данным формам деятельности сопоставимы имитационные и семиотические модели. Семиотические модели включают систему заданий, предполагающих работу с текстом. Единицей работы обучающегося является речевое действие – слушание, говорение, чтение, письмо. Средством работы выступает текст. Имитационные модели предполагают выход обучающегося за рамки знаковой информации посредством соотнесения с предстоящей профессиональной деятельностью, путем включения в ситуацию решения профессиональных задач происходит осмысление знаний. Средство работы – контекст. Единицей деятельности становятся действия, средство работы – подтекст.

Итак, исходя из концепции контекстного обучения, одним из направлений формирования патриотизма на учебном занятии является решение ситуационных задач профессиональной деятельности. В ходе исследования нами также формировалась идентичность и развивалась метаиндивидуальная сторона личности. Таким образом, направления формирования патриотизма могут быть представлены следующей схемой (рисунок 4.2).

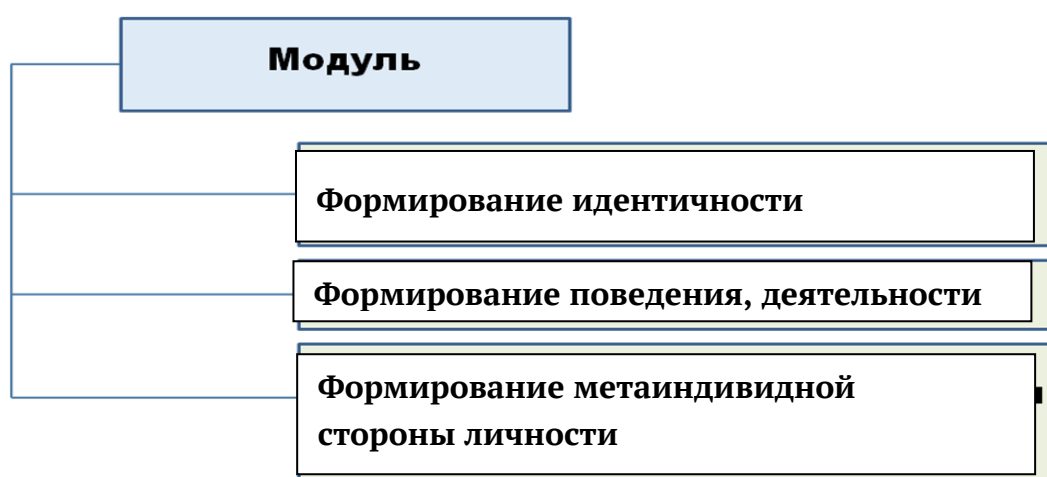

Рисунок 4.2. – Направления формирования патриотизма на учебном занятии

Социальная **идентичность** характеризуется отношением к Родине, Отечеству (своей стране, народу, государству). Сущность патриотизма, по мнению В. И. Лутовинова [26], может быть представлена в акте возвышения личности, обладающей нравственными и другими качествами, до идентичности с Отечеством, необходимостью служения ему, своему народу. Формированию профессиональной идентичности, в свою очередь, способствует контекстное обучение.

Для развития патриотизма была использована преимущественно метаиндивидуальная составляющая личности. Согласно концепции А. В. Петровского, структура личности включает три составляющие [27]:

интраиндивидуальная (темперамент, характер, способности);

интериндивидуальная (проявляется в области межличностного взаимодействия (самоопределение личности, внутригрупповая идентификация и др.);

метаиндивидуальная («вклады» в людей, которые человек осуществляет в ходе своей деятельности).

В соответствии с концепцией персонализации человек идеально представлен в других людях. То есть личность индивида рассматривается как присутствующая в жизнедеятельности других людей. Подобным присутствием она обуславливает специфику когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер обучающегося.

Целью развития выступила каждая из переменных из системной модели субъекта патриотизма [28], то есть конкретная индивидуально-психологическая и социально-психологическая характеристика субъекта патриотизма, для каждой из которых был разработан развивающий элемент. Его структура включала титульный лист, вводную информацию (цель, необходимые средства, взаимосвязи с другими развивающими элементами), содержание материала для формирования, описание контроля. С целью обобщения близких по тематике развивающих элементов и подготовки соответствующего содержания они были объединены в модули и модульные блоки (таблица 4.2).

Таблица 4.2. – Модульные блоки и распределение характеристик субъекта патриотизма

Модульный блок	Модуль	Характеристика субъекта патриотизма для развития (переменные системной модели субъекта патриотизма)	Условное обозначение (сокращенное название)
МБ 1	М 1	Интернальность в области профессиональной деятельности	Ип
		Интернальность в области неудач	Ин
	М 2	Анализ противоречий	Ан.П
		Прогнозирование	Пр
		Целеполагание	Ц
		Планирование	Пл
		Выработка критериев качества	Кр.оц.к
		Принятие решения	Пр.Р
		Самоконтроль	СамоК
		Коррекция	Корр
МБ 2		Эмоциональная устойчивость	ЭУ
		Самооценка (шкала теста)	С.оц
		Самооценка (результат теста)	Т.С.оц

Модульный блок	Модуль	Характеристика субъекта патриотизма для развития (переменные системной модели субъекта патриотизма)	Условное обозначение (сокращенное название)
МБ 3	М 3	Ориентация на процесс	Ор.пр
		Ориентация на результат	Ор.Р
	М 4	Академическая мотивация 7	АМ7
		Академическая мотивация 8	АМ8
		Академическая мотивация 16	АМ16
МБ 4	М 5	Напряженность отношений	Н
		Отчужденность отношений	О
		Конфликтность в отношениях	К
		Агрессия в отношениях	А
	М 6	Дружелюбие – враждебность	Др. В
		Согласие – несогласие	С. Нс
		Удовлетворенность – неудовлетворенность	Уд. Н
		Продуктивность – непродуктивность	П. Нп
		Успешность – безуспешность	Ус. Б
МБ 5	Друзья		Друзья
	Товарищи		Тов.
	Преподаватель		Преп.

Таким образом, модульная программа включала 5 модульных блоков:

МБ № 1 «Личность как субъект деятельности»;

МБ № 2 «Психические состояния и самооценка»;

МБ № 3 «Мотивационный блок»;

МБ № 4 «Социально-психологический климат»;

МБ № 5 «Референтные лица».

При разработке каждого модуля использовались указанные выше направления следующим образом:

1) формирование идентичности как соотечественника, белоруса: идентичности со славным историческим прошлым, современными достижениями и целями устойчивого развития белорусского народа. Как соотечественника Победителей в Великой Отечественной войне и Героев Беларуси. Идентичность с добросовестным исполнителем обязанностей (предпосылка эффективной деятельности группы и себя лично в интересах Отечества). С целью развития профессиональной идентичности целесообразно использование практических примеров;

2) формирование должного поведения, отдельных действий и целесообразной деятельности в конкретных ситуациях профессиональной деятельности;

3) формирование метаиндивидуальной подструктуры личности: обобщение передового опыта соотечественников, опора на положительное.

Последовательность реализации развивающих элементов была соотнесена с содержанием учебной программы по дисциплине, а именно: отработкой тем занятий, учебных вопросов, самостоятельной работой обучающихся в течение периода освоения дисциплины и распределена согласно «ленте времени» (рисунок 4.3).

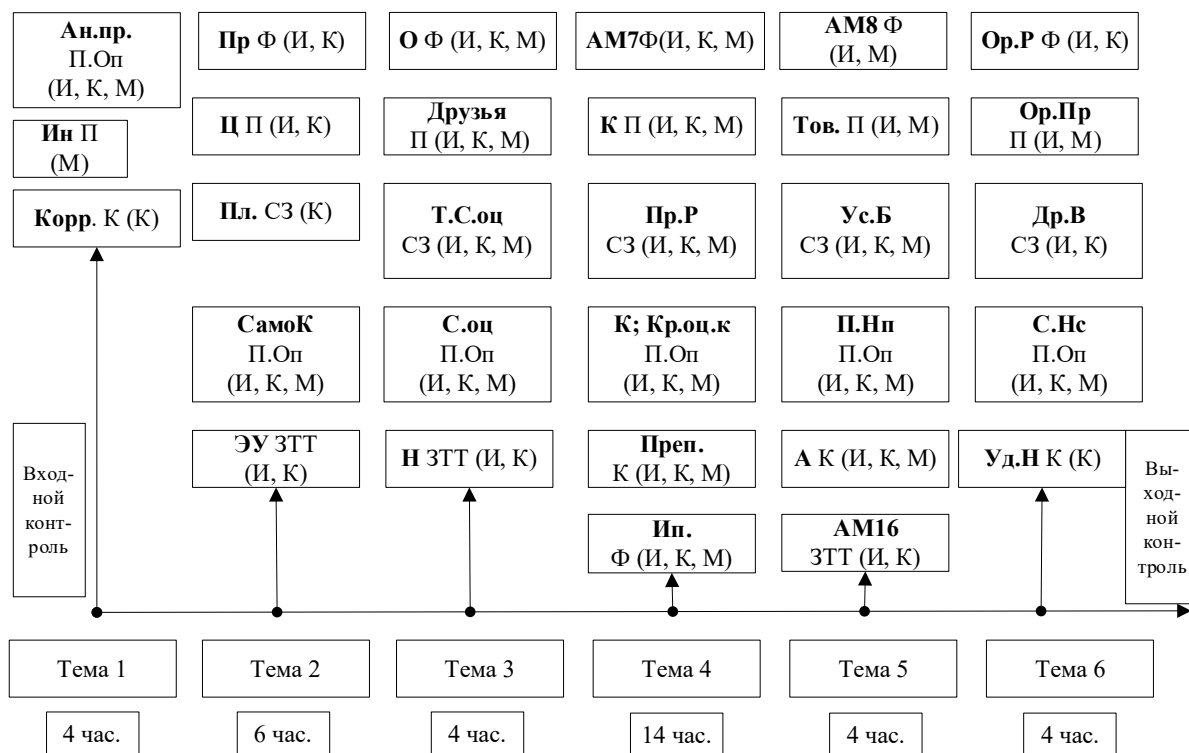

Рисунок 4.3. – Схема последовательности формирования характеристик субъекта патриотизма согласно ленте времени отработки тем учебных занятий:

Ин. и др. – сокращенное название характеристики субъекта патриотизма; *Ф* – демонстрация видеофрагмента; *П* – практический пример; *СЗ* – ситуационная задача; *П.Оп* – пример передового опыта выполнения задач профессиональной деятельности (материал из брошюры по обобщению передового опыта); *К* – отрывок из книги; *ЗТТ* – задания тестового типа, включающие теоретические вопросы, наглядный материал, видеофрагмент, предполагающие работу подгруппы (группы, разделенной на подгруппы), в контексте выполнения задач в интересах Отечества, осуществляемого в различных условиях обстановки; направления формирования: *И* – формирование идентичности; *К* – формирование профессиональной составляющей в ходе контекстного обучения; *М* – формирование метаиндивидуальной подсистемы личности

Подготовку к реализации технологии целесообразно начинать с анализа ресурса времени, форм занятий, представленных в учебной программе. Далее распределить развивающие элементы для каждой характеристики субъекта патриотизма согласно «ленте времени» изучения тем, с конкретизацией направлений формирования, приемов и способов. На рисунке 4.3 представлен пример на основе учебной дисциплины «Психология управления».

Условные обозначения рассмотрим на примере темы № 4: «АМ7 Ф (И, К, М)». Итак, «АМ7» – Академический мотив № 7, «Совесть заставляет меня учиться»; «Ф» – используем фрагмент фильма; «И» – осуществляем воздействие/взаимодействие по направлению формирования идентичности, «К» – компетентного выполнения обязанностей, «М» – метаиндивидуальной подструктуры личности.

В качестве примера формирования характеристики субъекта патриотизма представим развивающий элемент из темы № 4 с условным обозначением «Ип Ф (И, К, М)». Итак, «Ип» – интернальность в области профессиональной деятельности. Цель: формирование ответственности в области профессиональной деятельности. Исходя из анализа занятий темы № 4, принимаем решение о реализации во время проведения практического занятия 4.3 «Проблемы управленческого общения в деятельности руководителя» во время отработки второго учебного вопроса «Основные барьеры в общении и способы их преодоления».

Содержание: во время отработки учебного вопроса осуществляется демонстрация видеофрагмента из фильма «На рубеже». В нем показано общение руководителя с подчиненным, направленное на поддержание его бдительности, снижающейся в процессе выполнения задачи. В ходе просмотра возможна остановка фрагмента и обращение к обучающемуся, принявшему роль руководителя, с вопросом: «Ваши действия?». Следует его вариант и продолжение просмотра. Далее – анализ: был ли убежден обучающийся, выполняющий роль руководителя, в необходимости активизации подчиненного, степень обладания качествами, необходимыми руководителю, правильно ли использовал метод воздействия, достигнут ли результат. Для анализа используются три, указанные выше, направления развития патриотизма:

1) профессиональная идентичность – обеспечение безопасности в рамках деятельности в интересах Отечества;

2) формирование должного поведения в ситуации профессиональной деятельности – роль начальника в поддержании бдительности подчиненного, убедителен ли он был в общении с подчиненным;

3) метаиндивидуальная сторона личности – обучающемуся, как будущему руководителю, говорим о том, что о вас будут вести речь как об ответственном руководителе, обеспечивающем достижение цели деятельности организации.

Контроль: текущий (наблюдение за поведением во время занятия) – воздействовал ли на подчиненного, побудил ли к поддержанию бдительности; выходной (тестирование после изучения учебной дисциплины) – произошло ли развитие ответственности в области профессиональной деятельности.

Рассмотрим методы, применяемые во время проведения учебных занятий при реализации развивающих элементов. Преимущественно использовались интерактивные. В своей работе мы ориентировались на их использование без внесения корректив в учебные программы. В настоящее время известны различные интерактивные методы обучения. Например, С. С. Кашлев

описывает более 60 из них, положительно зарекомендовавших себя. Автор определяет их как способы целенаправленного усиленного междисциплинарного взаимодействия педагога и обучающихся по созданию наилучших условий своего развития [29].

В ходе занятий использовались такие интерактивные методы, как «Бумеранг» и «4 из 24». Одновременно был осуществлен поиск новых методов, соответствующих современным возможностям развития информационно-коммуникационных технологий, состоянию учебно-материальной базы (оборудование аудиторий) и контингенту обучающихся. В процессе реализации были предложены и апробированы интерактивные методы, реализуемые в практической работе [30].

Наиболее отражающим суть интерактивности между двумя обучающимися явился метод «*Взаимодействие*». То есть работа в составе малой группы. Задание заключалось в следующем: двум обучающимся предлагалось выполнить тест, размещенный на видеозэкране. Ответы вводились с пульта управления, за которым находился один из обучающихся. Второй располагался в другой части аудитории с планшетом, на котором представлен тот же тест без вывода на экран, но ошибочный ответ здесь не являлся основополагающим. Таким образом, организовав взаимодействие, обучающиеся имели возможность ответить вначале на вопрос теста, размещенный в планшете, проверить правильность ответа и сделать выбор за пультом управления (только этот ответ принимался в зачет). Одному из двух обучающихся предлагалась роль руководителя. В ходе выполнения задания осуществлялось взаимодействие в звене «руководитель – подчиненный». Обучающиеся учебной группы должны были анализировать деятельность и сопоставлять с теоретическими аспектами исходя из ранее изученных тем учебной дисциплины. Доложить результаты анализа после выполнения упражнения. Далее происходило обсуждение и смена участников теста.

Продолжением практической работы на учебном занятии стал интерактивный метод «*Ситуационная задача*». Из технических средств были востребованы экран и пульт управления (планшет не использовался). Двое обучающихся занимают места возле них, причем тот, который в роли руководителя, – возле пульта управления, подчиненный – возле экрана, где демонстрируется видеофрагмент, отражающий пример из профессиональной деятельности. В представленной ситуации оба обучающихся виртуально являются героями сюжета и должны действовать целесообразно и сообразуясь с обстановкой. Сюжет видео развивается согласно сценарию автора. Руководитель вправе его остановить, направить назад или вперед. Задача обучающихся – действовать результативно и эффективно, несмотря даже на различие с поведением героев реального сюжета. Обучающийся в роли руководителя принимает решение и управляет действиями подчиненного. Он следит за видеофрагментом на экране, оценивает обстановку и действия участников ситуации. Изначально, следуя общему ходу событий, осуществляет управление, сообразуясь с целью

деятельности руководимой группы. Таким образом, принимая решение и управляя поведением и деятельностью подчиненного, как правило, разрешает ситуацию с наибольшей эффективностью.

Вышеизложенные методы положительно зарекомендовали себя в работе двух-трех человек. Рассмотрим метод, позволивший организовать взаимодействие между подгруппами от 4 до 8 человек – «Тест для группы». Группа делится на несколько подгрупп, каждая из которых состоит, как правило, из 4–5 человек. Преподаватель предлагает общий тест по теме дисциплины на видеоэкране. Содержательное наполнение теста следующее: сначала представлены вопросы (4 или 5 вопросов) с вариантами ответов, направленные на проверку теоретических знаний; затем – описание ситуаций из практической деятельности с вложенными вариантами пропуска слов, вопросы на определение последовательности, например, стадий принятия решения. Каждая из подгрупп отвечает по порядку на вопросы теста (взаимодействие осуществляется в ходе принятия решения о варианте ответа). По окончании работы предлагается видеофрагмент, в обсуждении которого и для ответа на вопрос работает вся группа вместе. Таким образом, достигается взаимодействие внутри не только «пятерок», но и всей группы обучающихся.

При проведении занятий преподавателем использовались в том числе следующие приемы:

требуемый к изучению материал преподносить как постановку задачи – «усвоить», «выработать» и т. д.;

разъяснение обучающимся того, что изучаемые на занятии вопросы обусловлены запросом практики работы с подчиненными, то, чем им предстоит заниматься после окончания учреждения высшего образования;

использование положительных примеров из деятельности отечественных предприятий и организаций, раскрывающих профессиональную деятельность;

использование примеров и видеофрагментов, отражающих проявление патриотизма в годы Великой Отечественной войны;

осуществление контроля за выполнением заданий на семинарском и практическом занятии всеми обучающимися;

предложение обучающимся с оценками «восемь баллов» и выше принять участие в научно-практических конференциях с подготовкой и опубликованием тезисов доклада;

предоставление возможности принять участие в съемке учебного видеофрагмента;

оценка положительных результатов выполнения заданий всеми обучающимися во время занятия, в случае необходимости указать недостатки, преподносить их как направления совершенствования;

с обучающимися, отвлекающимися во время занятия от изучения материала, велась речь об упущенной возможности в достижении цели занятия и отработке учебных вопросов, что само по себе может стать предпосылкой

затруднений в решении практических вопросов в будущей профессиональной деятельности;

подведение промежуточных итогов работы на занятиях с похвалой наиболее успевающих обучающихся и подгрупп, а также, при необходимости, корректным указанием направлений развития.

Дополнительно к вышеизложенному обратим внимание на возможности использования инноваций, среди которых применение сети Интернет, электронных учебно-методических комплексов, систем дистанционного обучения [31]. В проведенной работе было взаимодополняющее применение инновационных и традиционных образовательных технологий в условиях компьютерной информационно-образовательной среды, что, по нашему мнению, обеспечивает наиболее эффективное педагогическое сопровождение образовательного процесса. Основополагающее нововведение в условиях применения инновационных образовательных технологий связано с возможностями использования информации, размещенной в Интернете. Особенность информации и возможность доступа были учтены путем акцента на использование электронных учебно-методических комплексов, которые направлены на обеспечение организации самостоятельной работы на протяжении изучения как отдельной темы, так и курса (ознакомление с теорией, тренировка, контроль, предоставление справочной информации). Роль самостоятельной работы в педагогическом процессе актуализируется в связи с использованием инновационных систем образования, что предполагает повышение роли учения обучающихся. По содержанию электронные учебно-методические комплексы имеют следующую классификацию: проблемно-ориентированные, практико-ориентированные, обзорные, компетентностные, понятийно-терминологические, междисциплинарные, интегративные, профильные [32]. Акцент был сделан на полноту использования практико-ориентированных, интегративных электронных учебно-методических комплексов. Интегративность позволяла напомнить знания по психологии за весь период обучения (4 года). Это было необходимо, поскольку дисциплины курса «Психология» изучались ранее и предполагалось использование имеющихся знаний в качестве основы усвоения новых, а также для формирования умений и навыков решения задач предстоящей деятельности [33]. В рамках использования электронных учебно-методических комплексов были разработаны траектории обучения, показывающие изученную и предстоящую к изучению тематику, а также уровень отработки материала (выражен в баллах). Психологически траектория обучения была направлена на компетентную ориентацию каждого обучающегося во время изучения отдельных тем и курса в целом, мотивацию и стимулирование, развитие навыков саморегуляции.

Относительно активизации внимания при использовании интерактивных методов представляется возможным заключить следующее. Внимание обучающихся активизировалось непроизвольно, то есть без приемов привлечения внимания – непосредственно просьбы обратить внимание, подчерки-

вания важности материала, а также использования приемов, основанных на механизме эмпатии, сопереживания и т. п. [34]. На занятиях проводили свободное наблюдение, в ходе которого установили, что внимание обучающихся при использовании интерактивных методов оставалось на высоком уровне в течение всего учебного занятия, а также повышалась активность учебной деятельности. Эмоционально насыщенные положительные реакции по окончании занятия свидетельствовали об субъективной удовлетворенности.

Итак, использование в образовательном процессе контекстного подхода приближает содержание учебной деятельности обучающихся учреждений высшего образования к будущей профессии. Контекстное обучение применимо в учреждении высшего образования, поскольку предполагает единство теории и практики, рассматривает представление знаний в контексте профессиональных процессов и ситуаций. Его использование осуществлялось в ходе реализации технологии формирования патриотизма на уровне личности и малой группы.

Вместе с традиционными методами (рассказ, показ, объяснение, аргументация) использовались методы мозгового штурма, проведения бесед, дискуссий. Применялись проблемный и интерактивный подходы. В рамках последнего положительно зарекомендовали себя методы «Бумеранг», «4 из 24». Также были предложены авторские – «Взаимодействие», «Ситуационная задача», «Тест для группы». Средствами выступали: мультимедийное сопровождение для демонстрации слайдов и патриотических видеофрагментов; брошюры с обобщением передового опыта выполнения задач профессиональной деятельности; практические примеры; ситуационные задачи; отрывки из книг с примерами проявления патриотизма; разработанные задания тестового типа (теоретические вопросы, наглядный материал, видеофрагменты предполагали работу подгрупп (группы, разделенной на подгруппы). Вышеизложенное осуществлялось в контексте выполнения профессиональных задач в различных моделируемых условиях жизнедеятельности (обычных, напряженных (условно), экстремальных (условно). В ходе занятий ориентировались также на взаимодополняющее применение инновационных и традиционных образовательных технологий в условиях компьютерной информационно-образовательной среды.

Реализация технологии на индивидуальном уровне предполагала дополнительное использование следующих форм взаимодействия с обучающимися: индивидуальная беседа (преимущественно воспитательного характера); индивидуальные консультации (в рамках внеаудиторных часов учебной работы); самостоятельная работа/кураторский час; поддержка в самовоспитании: устранение недостатков и развитие качеств. Таким образом, разработанная технология была реализована на уровнях индивидуальном и малой группы.

Ниже представлен алгоритм деятельности преподавателя на учебном занятии по достижению результатов технологии.

Таблица 4.3. – Алгоритм деятельности на учебном занятии по достижению результатов технологии

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
1	Приветствие обучающихся	Учебное занятие начинается, как правило, с встречи преподавателя с обучающимися и приветствия. Важно располагающее к дальнейшей работе взаимное поведение и общение	Для установления контакта, формирования симпатии (при помощи манеры поведения, располагающей к конструктивному общению). Чтобы показать обучающимся, что мы единое целое, прибыли в аудиторию для подготовки к деятельности на благо нашей страны в ролях обучающихся и преподавателя. Формирование установки поддерживать друг друга в освоении учебной дисциплины, атмосферу доброжелательности, отношения делового сотрудничества
2	Проверить наличие обучающихся, их готовность к занятию, состояние и готовность необходимой учебно-материальной базы	При отсутствии некоторых обучающихся целесообразно уточнить, кто сможет их поддержать в изучении материала путем предоставления конспекта, обсуждения отрабатываемого материала и т. д.	Для реализации руководителем занятия функции контроля посещения. Формирование коллективизма и забота о подготовке каждого обучающегося согласно учебной программе как будущего специалиста
3	Довести цели занятия. Мотивировать	Цель занятия (кроме воспитательной) доводить в умеренном темпе, после этого возможно обращение к одному из обучающихся с просьбой ее повторить. Мотивировать на усвоение материала	Для ориентации на цель учебной деятельности – овладение конкретным материалом, необходимым для выполнения задач в интересах Отечества. Осознание обучающимися того, чего они достигнут на занятии (формирование целеустремленности и настойчивости), какие профессиональные задачи это позволит решать. Формирование образа предполагаемого результата занятия, прочности запоминания. Заинтересовать
4	Довести учебные вопросы занятия	Учебные вопросы даются под запись (целесообразно представить на экране),	Ориентировать в порядке последовательности работы. Включение в деятель-

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		план отработки доводится преподавателем после записи каждого вопроса. В ходе доведения плана, если предусмотрен доклад (сообщение), преподаватель уточняет, подготовлен ли доклад, кто готовил и благодарит за подготовку	ность. Предсказуемость (обучающийся как субъект представляет ход занятия). Благодарность за подготовку доклада. Показать, что вместе движемся в освоении темы, целесообразно распределяем ресурс времени и силы. Формирование благоприятной атмосферы на занятии, предупреждение напряжения от внезапности
5	Довести актуальность	При доведении актуальности темы акцентировать внимание на практической составляющей. На том, что такие ситуации в практической деятельности будут. Представить положительный пример использования навыков, сформированных на занятии предшественниками, и успешного решения (выполнения) ими задачи	Заинтересовать, убедить в необходимости, подготовить к восприятию/отработке материала. Продемонстрировать успешное решение задачи в интересах Отечества сотрудником, усвоившим знания, выработавшим навыки по теме занятия
6	Показ междисциплинарных и внутридисциплинарных связей	Делать акцент на комплексную, системную работу с подчиненными, на примерах показать место и роль данной темы в рамках курса и учебного плана	Представить цель как подготовку к деятельности в интересах Отечества. Тема в рамках учебной программы имеет логическое продолжение и нацелена на решение конкретной задачи (указать какой)
7	Представить литературу	Ориентируем на то, что для выработки новых компетенций используем теоретические знания, представленные в литературных источниках, и знания, усвоенные на предыдущем занятии и самостоятельной работе	Для изучения и использования литературных источников обучающимися (подчеркиваем успешность отечественных наработок)
8	Проведение контрольного опроса	Доводится установка: «Актуализируем знания путем проведения контрольного опроса». То есть акцент с функции контроля смеща-	Показать необходимость контрольного опроса как этапа в освоении дисциплины. Формирование готовности переносить нагрузку.

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		ется на поэтапность усвоения, предполагающую увязать известное и новое. Контрольный опрос проводится, как правило, письменно. Идет речь о том, что в ходе занятия у обучающихся будет возможность повысить оценку, однако снижение активности и качества работы станут предпосылкой для ее снижения. Таким образом, каждый обучающийся имеет первоначальную оценку работы на данном занятии. Если следующее занятие проводится в рамках одной темы с данным занятием, возможно письменный опрос заменить устным в случае качественной подготовки всей группы, а также с учетом учебной программы. Возможно освобождение от контрольного опроса на следующее занятие обучающихся, подготовивших и качественно осуществивших доклад (сообщение), а также получивших оценку 9 или 10. Это выступает сильным мотивирующим фактором для подготовки к занятию. Вопросы к контрольному опросу выдаются преподавателем после проведения лекции. Они должны быть конкретны, немногочисленны (5–7 вопросов) и не меняться на самом опросе. Это направлено на формирование доверия в диаде «преподаватель – обучающийся». Целесообразно использовать заранее подготовленные бланки для ответов, кото-	Предсказуемость в подготовке к контрольному опросу (вопросы известны заранее). Уверенность обучающихся в преподавателе как субъекте образовательного процесса, поддерживающего их в освоении учебной дисциплины. Создание чувства коллективизма. Поддержание благоприятной атмосферы в группе. Учет положительной успешной работы по освоению материала, мотивация обучающегося и группы. Поощрение за достижение цели

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		рые раздает дежурный по аудитории после указания преподавателя, выраженного в форме вежливой просьбы. Вопросы изложить на слайде презентации с указанием номеров. Распределение обучающихся по вариантам провести непосредственно перед проведением опроса. Степень сложности вопросов между вариантами распределяется преподавателем равномерно. Во время проведения контрольного опроса преподавателем осуществляется строжайший контроль за чистотой опроса, то есть недопустимо списывание, подсказки и т. п. Обосновывается необходимость соблюдения чистоты опроса исходя из целесообразности вырабатывать академическую компетенцию умения работать самостоятельно. Требование убрать все книги, конспекты с парт нецелесообразно, поскольку это способствует возникновению барьера. Уместна просьба закрыть конспекты, учебные пособия. Создание ощущения уверенности, безопасности: вопросы Вам известны, будет возможность повысить оценки в течение всего занятия. Время опроса фиксировано, как правило, до 5 минут. Продолжительность опроса доводится обучающимся. За минуту до окончания опроса их целесообразно ориентировать об окончании, например: «Ориенти-	

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		рую по времени – остается одна минута». Функцию контроля за чистотой опроса выполняет преподаватель, делегирование не допускается. По истечении пяти минут идет речь о том, что время опроса подошло к завершению, просьба: «Отложите, пожалуйста ручки». Листы с ответами передаем по вариантам. Оценки за контрольный опрос доводятся сразу после его проведения. Обучающиеся, освобожденные от опроса во время его проведения, повторяют материал занятия, не отвлекая сокурсников. Общая установка: у нас одна цель – деятельность в интересах Отечества. Ваша задача подготовиться, моя – подготовить. Ваша роль предполагает прохождение контрольного опроса, моя – поддержать вас в его прохождении. Именно поддержим, не поможем, как без снисходительности, так и без чрезмерной требовательности, с формированием понимания, что учить нужно	
9	1-й учебный вопрос (вариант для практического/группового занятия)	В ходе отработки первого вопроса актуализируется теоретический материал (как правило, во время проведенного контрольного опроса). Далее представляется ситуация профессиональной деятельности (на основе контекстного подхода). Варианты представления ситуации: подгруппам (5 чел.), группе фронтально (около 25 чел.).	В целях анализа ситуаций профессиональной деятельности, осуществляемой в интересах страны, их успешного осуществления (в основе использование положительных примеров). Целесообразно представить информацию о достижениях, передовой опыт. Метод эксцесса использовать лишь для профилактики.

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		В первом случае положительно зарекомендовал себя метод «Бумеранг». Однако этот способ подходит в большей степени для обучающихся 3–4 курсов. Во втором случае (возможно использование обучающимися 1–4 курсов) осуществляется теоретический разбор с использованием психологического интерактивного полигона, на котором представлены компоненты психики человека, психологическая структура малой группы, ситуация (условия) деятельности. Под руководством преподавателя обучающиеся разбирают пример, насыщая психологическим содержанием. Анализируют в психологическом контексте и объясняют причинно-следственные связи. После этого вырабатывают решение или возможные варианты решения. По завершении работы подгруппы осуществляется доклад представителем от нее замысла. Преподаватель поощряет активность выступающих, качественные ответы оценивает в один балл, прибавляемый к оценке за контрольный опрос. Ответы не полные, но правильные, оцениваются в десятых, например 0,5 балла. Основные используемые при отработке вопроса методы: анализ, обсуждение, мозговой штурм, синтез, абстрагирование. Преподаватель задает вопрос о том, какой может	Формирование знаний об успешной профессиональной деятельности в интересах Отечества, о деятельности в интересах страны (когнитивная составляющая), развитие гордости за ее достижения. Оценка каждого обучающегося осуществляется для того, чтобы учесть его индивидуальный вклад в освоение дисциплины. Поскольку деятельность коллективная (субъекты патриотизма – личность и/или группа), целесообразно учесть то, как работала группа, представить обратную связь в виде качественной оценки. Для качественной проработки материала всей группой, успешности ее подготовки к деятельности в интересах Отечества. Сделать интересным для обучающихся проведение учебного занятия

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		быть сделан вывод. Выслушивает обучающихся, благодарит за ответ, доводит количественную и/или качественную оценку. Завершает выводом по учебному вопросу в рамках цели занятия. Показывает связь со вторым вопросом	
10	2-й учебный вопрос (вариант для практического/группового занятия). Демонстрация ситуации профессиональной деятельности согласно теме учебного занятия. Как правило, отработка второго вопроса предполагает использование видеофрагмента.	Ситуация, показанная с использованием мультимедиа, не только является наглядным примером профессиональной деятельности, но и активизирует внимание обучающихся, вносит новизну в занятие. Если исходить из времени занятия, то это примерно его середина. Обучающиеся в процессе просмотра видеофрагмента выявляют теоретические аспекты, рассмотренные ранее, и объясняют ход сюжета на основании психологических знаний. Делают вывод о разрешении ситуации: выполнении задачи, субъективной удовлетворенности участников и т. п. Метод – анализ, обобщение. Вывод по учебному вопросу делает преподаватель, объясняя и аргументируя его	Чтобы показать обучающимся, как ранее выполняли профессиональные задачи в интересах Отечества их предшественники и выполняют сейчас соотечественники (положительный пример). Ориентировать обучающихся на то, чтобы и они в подобных ситуациях поступали достойно, проявляя самоотверженность
11	3-й учебный вопрос (вариант для практического/группового занятия). Практическая работа в предполагаемой должностной роли, если рассматривать обобщенно, в ролях «субъект» – «объект» управления	Отработка третьего вопроса начинается с распределения ролей обучающихся в конкретной ситуации. Роли распределяет преподаватель с учетом индивидуально-психологических особенностей обучающихся. Возможна инициатива со стороны обучающихся на выполнение той или иной роли, которую, как правило,	Выработка у обучающихся умений, навыков конструктивного поведения и выполнения задач профессиональной деятельности в интересах Отечества. Обратить внимание обучающихся на принятие и реализацию конкретным участником предложенной роли, подчеркивая положительные аспекты

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		целесообразно поддерживать. После распределения ролей доводится ситуация профессиональной деятельности. С целью обозначения обучающимся роли и закрепления в роли положительно зарекомендовали себя бейджи, на которых указана конкретная роль. После распределения ролей и доведения ситуации профессиональной деятельности обучающиеся ориентируются (может быть использована мотивация) на качественное их исполнение. Предоставляется время на самостоятельную работу и работу подгруппой. Дается указание на соблюдение здравого смысла при отработке ситуаций. Время на подготовку около 10 минут. В ходе представления наработки перед учебной группой обучающиеся подгруппы напоминают ситуацию профессиональной деятельности перед аудиторией (озвучивают), кратко излагают план действий. Первоначально, перед распределением ситуаций и после заслушивания плана, целесообразно ориентировать обучающихся на ответственность за выполнение учебной задачи, положительное отношение к товарищам, недопущение панибратства, а также решение задачи в составе группы и в интересах Отечества. После одобрения плана преподавателем обучающиеся действуют. То есть выполняют роли и от-	

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		рабатывают реальную ситуацию взаимодействия. Действия оцениваются преподавателем по критериям ответственности, организованности, преобладающего типа мотивации. Весьма значимыми являются показатели самоотверженности, деятельности в интересах Отечества с ограничением личных интересов. Общий вывод делается на основе результата – достижения цели деятельности в конкретной роли, объективного решения задачи в интересах Отечества, а также субъективной удовлетворенности. Метод: практическая работа. Подход к обучающимся: индивидуальный, работа группы по подгруппам	
12	Заключительная часть. Обобщить материал по учебным вопросам, а также наиболее важным и существенным аспектам практического (группового) занятия. Целесообразно показать связь практической ситуации с теоретическими аспектами учебной дисциплины (психологии управления и т. п.)	При формулировании общих выводов относительно рассмотренных и отработанных вопросов акцентировать внимание на том, что обучающиеся сами к ним пришли в ходе отработки учебных вопросов (это направлено на повышение уверенности в своих силах). Озвучить, что выработанные навыки направлены на решение задач профессиональной деятельности в будущем, в ходе самореализации в интересах Отечества	В целях запоминания материала занятия и его эффективного использования в профессиональной деятельности, осуществляемой в интересах Отечества. Для формирования у обучающихся уверенности в своих силах (сами сделали выводы). Формирование у обучающихся убеждения в том, что они самореализуются, выполняя задачи в интересах Отечества
13	Довести оценки, выставить в журнал учета учебных занятий	После озвучивания оценки за работу на учебном занятии целесообразно выявить ее соответствие самооценке. Оценки целесообразно выставлять в журнал после «согласования» с	Демонстрация уважения к обучающемуся преподавателем как должностным лицом. Формирование обучающегося как субъекта будущей профессиональной деятельности

№ п/п	Действия (что делать?)	Как делать?	Для чего делать?
		обучающимся, аргументации обоснованности оценки	
14	Задание обучающимся на самостоятельную работу	Согласно учебной программе, мотивируя обучающихся на самостоятельное освоение учебной дисциплины. Используем опору на положительное: Вы получаете высшее образование, Вам предстоит самостоятельно, и используя силы организации (подчиненных), осуществлять профессиональную деятельность в интересах Отечества. Напомнить лицам, намеревающимся поддержать в изучении материала отсутствующих обучающихся, о целесообразности использования последними для восстановления материала электронного учебно-методического комплекса	Упрочивание у обучающихся умений, навыков самостоятельной работы и учебно-профессиональной деятельности в интересах Отечества. Напомнить о, как правило, коллективном характере профессиональной деятельности. Формирование коллективизма
15	Рефлексия	Акцент сместить на искренность	Обучающиеся увидят внимание к ним со стороны преподавателя, их мнению, чувствам. Развитие взаимодействия «обучающийся – группа – преподаватель»

Обратим внимание, что в ходе реализации вышеизложенного алгоритма необходимо следовать в первую очередь общей схеме проведения занятий, утвержденной в учреждении высшего образования.

Весьма важно учесть тот факт, что система формирования патриотизма обучающихся в период их социализации в учреждении высшего образования предполагает деятельность руководства, работу всех отделов и служб в едином образовательном процессе. Поэтому особое внимание обратим на необходимость рассмотрения учебного занятия в целостном образовательном процессе.

Воспитательное воздействие субъектов формирования патриотизма целесообразно учесть для согласования усилий и проводить мероприятия во взаимосвязи. Так, видеофрагмент из фильма, просмотренного обучающимися согласно плану воспитательной работы, представляется возможным использовать в качестве примера при изучении соответствующей темы на учебном

занятии. Например, «Государственная граница», фильм седьмой «Соленый ветер» [35], при изучении темы о выработке и принятии решения.

В таблице представлены возможные варианты взаимодействия субъектов образовательного процесса для использования преподавателем в рамках реализации содержания учебных программ (таблица 4.4). Примерная тематика представлена на основе учебной дисциплины «Психология управления».

Таблица 4.4. – Конкретизация взаимодействия субъектов образовательного процесса в ходе изучения учебной дисциплины «Психология управления»

Наименование темы учебного занятия, рассматриваемые вопросы	Использование материала преподавателем в экспериментальной группе	Субъект(ы) формирования патриотизма
Психология управления как наука и область профессиональной практики Форма: лекция, семинар Содержание: возникновение и развитие психологии управления. Объект и предмет психологии управления как науки. Психология управления в системе научных знаний. Научные подходы к управлению. Тенденции развития управленческой мысли. Теоретико-методологические основы «Психологии управления». Место психологии управления среди наук и научных дисциплин. Психологические основы управленческой деятельности. Законы психологии управления	Примеры действий руководящего состава Института, их утверждений, касающихся эффективного управления. Практические примеры действия законов психологии управления в деятельности руководителя	Профессорско-преподавательский состав. Руководящий состав учреждения высшего образования. Руководитель подразделения
Психологические аспекты реализации управленческих функций и психология стиля управления Форма: лекция, семинар, практическое занятие Содержание: стиль управления, деятельность руководителя и функциональный подход. Основные стили руководства, их сравнительная характеристика. Психологические аспекты реализации управленческих функций. Пути формирования и коррекции стиля управления руководителя. Использование опти-	Отработка типичных ситуаций, решение задач из повседневной профессиональной деятельности (ситуации предоставляет отдел воспитательной работы). Отработка нестандартных ситуаций профессиональной деятельности (ситуации предоставляет отдел воспитательной работы)	Профессорско-преподавательский состав. Отдел воспитательной работы

Наименование темы учебного занятия, рассматриваемые вопросы	Использование материала преподавателем в экспериментальной группе	Субъект(ы) формирования патриотизма
мального стиля управления в ходе решения ситуационных задач		
Организация как объект управленческого воздействия руководителя, специфика управления поведением и деятельностью сотрудников Форма: лекция, практическое занятие Содержание: современная организация с точки зрения психологии управления. Организация как система. Личность подчиненного как объект управления. Личность руководителя. Система регуляции поведения и деятельности подчиненных. Характеристика организационно-управленческих психотипов	Отработка типичных ситуаций, решение задач из повседневной профессиональной деятельности. Отработка частных задач профессиональной деятельности. Отработка задач профессиональной деятельности в напряженных условиях (ситуации предоставляет руководитель подразделения, представитель заказчика)	Профессорско-преподавательский состав. Руководитель подразделения. Представитель заказчика
Проблемы управленческого общения в деятельности руководителя Форма: лекция, семинар, практические занятия. Содержание: понятие общения как социального процесса. Структура общения. Учет социально-психологических закономерностей общения в деятельности офицера. Специфика управленческого общения в деятельности руководителя. Основные барьеры в общении и способы их преодоления. Деловая беседа как форма управленческого общения. Психологические особенности публичного выступления. Понятие конфликта. Причины, порождающие конфликты. Классификация конфликтов. Характеристика конструктивных и деструктивных конфликтов. Методика предупреждения и преодоления деструктивных конфликтов	Отработка типичных ситуаций, решение задач из повседневной профессиональной деятельности. Отработка задач профессиональной деятельности в напряженных условиях (ситуации предоставляет отдел воспитательной работы, куратор, руководитель подразделения, представитель заказчика). Рассмотрение примеров делового общения на основе фильмов, рекомендованных отделом воспитательной работы к просмотру. Рассмотрение системы мотивации на примере используемой в организации	Профессорско-преподавательский состав. Руководитель подразделения. Представитель заказчика. Отдел воспитательной работы. Куратор

Наименование темы учебного занятия, рассматриваемые вопросы	Использование материала преподавателем в экспериментальной группе	Субъект(ы) формирования патриотизма
Психология управления деятельностью подчиненных в напряженных ситуациях Форма: лекция, семинар Содержание: Психологические основы управления деятельностью подчиненных в напряженной ситуации. Влияние стресс-факторов на психику подчиненного. Мероприятия по предупреждению и преодолению негативных психических состояний. Управление психическими состояниями в напряженной обстановке	Рассмотрение задач профессиональной деятельности в напряженных условиях (ситуации предоставляет руководитель подразделения, представитель заказчика, отдел воспитательной работы. Примеры из просмотренных фильмов	Профессорско-преподавательский состав. Руководитель подразделения. Представитель заказчика. Отдел воспитательной работы. Куратор
Профессиональное долголетие и саморегуляция руководителя Форма: лекция, семинар Содержание: профессиональное здоровье руководителя. Психологические аспекты профессионального долголетия руководителя. Стресс в деятельности руководителя. Основные стрессоры управленческой деятельности Психогигиена. Технология преодоления стресса. Ресурсы руководителя	Отработка типичных ситуаций, решение задач из повседневной профессиональной деятельности. Отработка частных задач из профессиональной деятельности, в том числе в напряженных условиях. Ситуации предоставляет отдел воспитательной работы, психолог. Анализ сюжета из фильмов, просмотренных согласно плану воспитательной работы	Профессорско-преподавательский состав. Отдел воспитательной работы. Психолог

На основании изложенного выше следует, что развитие патриотизма осуществляется в том числе профессорско-преподавательским составом в рамках достижения воспитательной цели учебного занятия. Целью проведенного психолого-педагогического исследования явилась разработка соответствующей технологии. Внимание акцентировано на формировании патриотизма в единой системе образовательного процесса.

Алгоритм действий, заложенный в основу технологического процесса, включает следующие этапы (шаги): оценка обстановки в учреждении высшего образования в ракурсе формирования патриотизма; проведение диагностики (входной/выходной контроль) обучающихся; разработка перечня форм, методов, способов, средств воздействия/взаимодействия; распределение на «ленте времени» развивающих элементов в соответствии с содержанием занятий; работа с обучающимися, «погружение» в среду формирования патриотизма; получение обратной связи; контроль.

Модель формирования патриотизма профессорско-преподавательским составом у обучающихся учреждений высшего образования в рамках достижения воспитательной цели учебного занятия включает следующие компоненты: цель, задачи, организованное воздействие (взаимодействие), личность обучающегося и результат; в модели представлены психологические аспекты патриотизма: когнитивная, эмоциональная, поведенческая составляющие, а также связи между ними.

Формирование психологических аспектов патриотизма осуществлялось в ходе реализации технологии на уровне учебной группы и личности обучающегося. Преимущественно использовано контекстное обучение и модульный принцип организации. В ходе работы согласно плану эксперимента изучались индивидуально-психологические особенности обучающихся с целью повышения качества организации педагогического взаимодействия «педагог – обучающийся – учебная группа – педагог». В результате было достигнуто развитие ряда индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик субъекта патриотизма (выявленные различия находятся на уровне статистической значимости).

Развитие патриотизма во время проведения занятия, осуществляемое в рамках достижения воспитательной цели, осуществляется в едином образовательном процессе учреждения высшего образования.

Список цитируемых источников

1. Спурел, Х. Д. Ф. Патриотизм с биологической точки зрения / Х. Д. Ф. Спурел ; пер. с англ. И. А. Маевского. – Москва : И. А. Маевский, 1914. – 152 с.
2. Звездкин, Н. М. Патриотизм в измерении интересов личности, общества, государства: теоретико-методологический аспект / Н. М. Звездкин // Беларуская думка. – 2022. – № 11. – С. 90–97.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=|6125mxgzg826873728/> (дата обращения: 03.08.2023).
4. О программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 дек. 2021 г. № 773 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.05.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Идеологическая работа : СТИ СМК 7-2021. – Взамен СТИ СМК 7-2018. Введ. с 03.05.2018 № 293 (Редакция 2) / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь. – Ред. 3. – Минск : ИПС РБ, 2021. – 22 л. – (Системы менеджмента качества. Стандарт Института).
6. Устав Государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь : приказ Пред. Гос. погранич. ком. Респ. Беларусь 23.10.2023 № 528 : в ред. приказа Пред. Гос. погранич. ком. Респ. Беларусь от 19.12.2024 № 689. – Минск : ГПК РБ, 2024. – 16 с.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва : Оникс ; Мир и Образование, 2010. – 736 с.
8. Военный энциклопедический словарь / гл. ред. комис. Н. В. Огарков. – Москва : Воениздат, 1984. – 863 с.
9. Потемкин, А. В. Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / А. В. Потемкин ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2009. – 23 с.
10. Факторы социализации. – URL: psychologys.ru/faktori-sotsializatsii/ (дата обращения: 25.01.2025).
11. Бозина, И. Г. Социализация старших школьников в условиях образовательного учреждения. : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / И. Г. Бозина. – Кемерово, 2007. – 22 с.
12. Вишневская, В. П. Дискуссионные аспекты рассмотрения понятия «патриотизм» / В. П. Вишневская, В. Г. Моисеенко, Е. И. Сутович // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 апр. 2016 г. : в 3 ч. Ч. 1 / Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: В. А. Ксенофонтов [и др.]. – Минск : ВА РБ, 2017. – С. 86–90.
13. Вишневская, В. П. Формирование ценностных ориентаций у сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности : монография / В. П. Вишневская, В. Г. Моисеенко, Е. И. Сутович ; под общ. науч. ред. В. П. Вишневской. – Минск : ИПС РБ, 2015. – 273 с.
14. Моисеенко, В. Г. Формирование патриотических ценностей военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь: социологический аспект / В. Г. Моисеенко. – Минск : ИПС РБ, 2019. – 292 с.
15. Коломейцев, Ю. А. Психолого-педагогические аспекты формирования патриотизма в контексте эффективной деятельности обучающихся учреждений высшего образования / Ю. А. Коломейцев, А. А. Терехов // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Серия: Исторические и психолого-педагогические науки / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2020. – Вып. 20, ч. 3. – С. 136–142.
16. Сущность и структура процесса обучения. – URL: <https://studfile.net/preview/5021737/page:11> (дата обращения: 20.01.2020).
17. Сущность и структура обучения. – URL: <https://psyera.ru/4329/sushchnost-i-struktura-obucheniya> (дата обращения: 18.01.2020).
18. Андреев, В. И. Педагогика высшей военной школы : учеб.-метод. комплекс / В. И. Андреев. – Минск : ВА РБ, 2007. – 210 с.
19. Мезенцева, О. И. Современные педагогические технологии : учеб. пособие / О. И. Мезенцева. – URL: <https://www.ouartyn.mur.obr55.ru> (дата обращения: 20.02.2023).
20. Педагогические технологии: понятие, научные основы, основные качества. – URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/raznoe/2020/09/14/pedagogicheskie-tehnologii-ponyatie-nauchnye-osnovy-osnovnye-kachestva> (дата обращения: 20.02.2023).
21. Лекции по дисциплине «Педагогика: педагогические системы и технологии». – URL: <https://bspu.by/blog/mitrosh/article/lection/lekcii-po-discipline-pedagogika-pedagogicheskie-sistemy-i-tehnologii> (дата обращения: 20.02.2023).
22. Цель как системообразующее звено педагогической технологии. – URL: <https://paidagogos.com/tsel-kak-sistemoobrazuyushhee-zveno-ped.html> (дата обращения: 20.02.2023).
23. Социально-педагогические технологии в деятельности учреждений высшего и среднего образования. – URL: <https://stud.file.net> (дата обращения: 07.08.2023).
24. Основные принципы контекстного обучения. – URL: <https://forsy.ru> (дата обращения: 03.08.2023).
25. Густяхина, В. П. Контекстный подход в профессиональной подготовке будущих учителей / В. П. Густяхина // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 2. – URL: <https://science-education.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

26. Лутовинов, В. И. Патриотизм: проблемы формирования у молодежи в современных условиях: социально-философский анализ / В. И. Лутовинов. – Москва : Воен. ун-т, 1997. – 215 с.
27. Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив / А. В. Петровский. – Москва : Политиздат, 1982. – 256 с.
28. Терехов, А. А. О построении системной модели субъекта патриотизма / А. А. Терехов // Актуальные проблемы психологического знания. – 2023. – № 3. – С. 170–184.
29. Кашлев, С. С. Интерактивные методы обучения : учеб.-метод. пособие / С. С. Кашлев. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 222 с.
30. Бархатов, С. Ю. Эффективность использования интерактивных методов для обучения курсантов (психолого-методический аспект) / С. Ю. Бархатов, А. А. Терехов // Педагогическая наука и образование. – 2017. – № 4. – С. 72–76.
31. Терехов, А. А. Инновации в профессиональной деятельности преподавателя (психолого-педагогический аспект) / А. А. Терехов // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. ст. / Респ. ин-т проф. образования. – Минск, 2014. – Вып. 4, ч. 2. – С. 234–242.
32. Дмитриев, Е. И. Инновационный образовательный комплекс вуза: конспект лекций-презентаций : учеб.-метод. пособие / Е. И. Дмитриев. – Минск : РИВШ, 2009. – 194 с.
33. Терехов, А. А. Совершенствование поддержки обучения курсантов по курсу «Психология»: психолого-методический аспект / А. А. Терехов // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя: Псіхалага-педагагічныя навукі (педагогіка, псіхалогія, методыка). – 2016. – № 1. – С. 86–90.
34. Терехов, А. А. Психологические аспекты активизации внимания слушателей / А. А. Терехов // Инновационные образовательные технологии. – 2014. – № 3. – С. 41–46.
35. Государственная граница. Солёный ветер / режиссер Г. Иванов // Беларусьфильм. – 1988. – Фильм 7.

РАЗДЕЛ V

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ И МЕТОДЫ ЕЕ ДИАГНОСТИКИ

ГЛАВА 1

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИВЕРЖЕННОСТИ

Результаты исторического анализа проблемы профессиональной приверженности в психологической науке свидетельствуют о том, что изначально интерес ученых был направлен на изучение «организационной приверженности» в деятельности. В работах И. А. Германова и Е. Б. Плотниковой отмечается, что с середины 70-х годов прошлого века к проблеме организационной приверженности возрастает интерес представителей западной психологической школы. Авторами обращается внимание на появление в публикациях западных авторов нескольких концептуальных моделей «организационной приверженности» и психодиагностического инструментария определения уровня ее сформированности у специалистов.

В российской психологической науке, согласно мнению И. А. Германова, Е. Б. Плотниковой, проблема организационной приверженности начала разрабатываться сравнительно недавно. Авторы отмечают, что сложность изучения указанного феномена связана с неоднозначной интерпретацией понятия «приверженность», многовариативностью его переводов, рассмотрением в разных контекстах. Авторами указывается на широкое использование в психологической литературе, изданной на русском языке, наряду с понятием «приверженность» таких дефиниций, как «лояльность», «преданность», «верность» и др. [1].

Результаты проведенного теоретического анализа научных подходов к интерпретации понятия «приверженность», представленных в публикациях ученых постсоветского пространства, в полной мере согласуются с результатами исследований И. А. Германова и Е. Б. Плотниковой. Например, в публикациях А. И. Калашникова «лояльность» и «приверженность», англоязычные “loyalty” и “commitment”, рассматриваются как взаимопересекаемые понятия, имеющие сходное содержание [2]. Указанный подход согласуется с мнением М. А. Сигитовой. Проведенный автором анализ обозначенной проблемы свидетельствует о том, что термину «лояльность» посвящены многочисленные публикации, систематизировав которые, М. А. Сигитовой были выделены три доминирующие подхода:

- поведенческий (основоположник Г. Беккер), рассматривающий лояльность в качестве определенного результата деятельности по оптимизации работы организации;

- установочный, согласно которому лояльность определяется как эмоциональная привязанность, чувство присоединения, ответственность и забота личности об организации и коллегах;

- интегрированный, интерпретирующий лояльность как поведение, характеризующееся позитивным отношением персонала к организации на основе удовлетворенности трудом, согласованности интересов и целей.

На основании обобщения подходов к рассмотрению понятия «лояльность» вышеуказанным автором были выделены его доминирующие характеристики: социально-психологическая связь, эмоциональная привязанность сотрудника к организации, желание оставаться ее частью; принятие сотрудником ценностей и целей организации, положительной модели поведения; добровольное соблюдение обязательств, соответствующих целям и интересам организации [3].

Иной взгляд на соотношение понятий «лояльность» и «приверженность» излагается в работах В. В. Агейкиной. В соответствии с мнением автора, «лояльность персонала может означать доброжелательность, приверженность в отношении организации и работы в ней; честность, верность, соблюдение правил, законов, отказ от предосудительных и недоброжелательных действий» [4, с. 19].

Согласно мнению С. А. Маничева и О. А. Кузнецовой, термин «приверженность» – эмоциональное отношение субъекта профессиональной деятельности к целям и ценностям организации, привязанность к группе. «Приверженность» может: выражаться в терминах теории инвестиций и рассматривается как правильное и ожидаемое поведение, которое сотрудник выбирает из чувства долга; связываться с удовлетворенностью профессиональной деятельностью; определяться как нравственная позиция, побуждающая сотрудника длительное время оставаться в организации [5].

Широта интерпретаций понятия «приверженность» как в английской, так и русской психологической литературе повлекла за собой неоднозначное понимание феномена «организационная приверженность». В качестве подтверждения данного факта В. В. Агейкиной приводятся результаты сравнительного анализа определений понятия «организационная приверженность», представленных в публикациях R. T. Mowday, L. W. Porter, R. M. Steers (таблица 5.1).

В результате теоретического анализа научных подходов к интерпретации понятия «организационная приверженность» и в дополнение данных излагаемых в работах В. В. Агейкиной [4, с. 21] получен следующий перечень определений вышеуказанного понятия (таблица 5.2).

Таблица 5.1. – Научные подходы зарубежных авторов
к определению понятия «организационная приверженность» [4, с. 20]

Автор	Определение
Backer (1960)	Связь внешних интересов с поведением и индивидуальными интересами человека
Kanter (1968)	Присоединение к социальным связям в организации, присоединение к нормам организации
Brown (1969)	Намерение сохранять членство в организации. Позиция личности, отражающая мотивацию к работе, добровольный вклад в общий результат
Sheldon (1971)	Установка и ориентация, которая связывает или присоединяет личность человека к организации
Buchanan (1974)	Привязанность к целям и ценностям организации
Salancik (1997)	Состояние бытия, действия человека, через которые он себя убеждает в собственной вовлеченности
Etzioni (1961)	Согласие членов с организационными директивами
O'Reilly (1981)	Психологическая связь с организацией, чувство вовлеченности в работу, лояльность и вера в ценностные ориентации
Mowday, Porter и Steers (1979)	Установки, процессы, посредством которых люди задумываются относительно их отношений с организацией

Таблица 5.2. – Научные подходы авторов стран СНГ
к определению понятия «организационная приверженность»

Автор	Определение
Л. Г. Почебут (2001)	Установка человека работать на пользу организации, отстаивать ее интересы в различных сферах бизнеса. Добросовестное выполнение должностных обязанностей
Т. Григорьева (2003)	Порядочность, надежность, невозможность предать, нарушить обязательства. Эти качества являются наиболее глубокими слоями личности, неким стержнем, который связан с моралью и нравственностью
М. Кузьмина (2003)	Психическое образование, включающее положительную оценку работником своего пребывания в организации, намерение действовать на благо этой организации ради ее целей и сохранять свое членство в ней
О. С. Виханский (1999)	Работник разделяет и делает своими цели организации, ее ценности. Стремится оставаться в организации и сохранить членство даже в ситуациях, не выгодных для него. Готов принести в жертву организационным интересам личные интересы
Экономический и финансовый словарь	Такое отношение работника к организации, когда он: 1) разделяет и делает своими собственными цели организации, ее ценности; 2) стремится остаться в организации; 3) готов принести в жертву организационным интересам личные интересы

Автор	Определение
В. В. Агейкина (2007)	Установочная система человека, в которой отражается относительная сила индивидуальной идентификации и вовлеченности человека в отдельную организацию. Концептуально приверженность характеризуется тремя факторами: 1) сила убеждения и принятия организационных целей и ценностей; 2) готовность прикладывать значительные усилия в интересах организации; 3) сильное желание поддержать членство в организации
М. И. Магура (1998, 1999)	Эмоционально положительное отношение работника к организации, предполагающее готовность разделять ее цели, ценности, а также напряженно трудиться в ее интересах. Организационная приверженность – это психологическое образование, включающее позитивную оценку работником своего пребывания в организации, намерение действовать на благо этой организации ради ее целей и сохранять свое членство в ней. Отсутствие приверженности выражается в отчуждении работника от организации

Содержание таблиц 5.1 и 5.2 свидетельствует о том, что представителями разных психологических школ понятие «организационная приверженность» рассматривается как отношение в системе «специалист – организация». В то же время ряд авторов – С. А. Минюрова, А. И. Калашников, С. А. Маничев, О. А. Кузнецова и др. в качестве «близкого» к «организационной приверженности» выделяют понятие «профессиональная приверженность».

Итоги теоретического анализа научных подходов к определению понятия «профессиональная приверженность», представленных в психологической литературе, свидетельствуют о том, что в настоящее время имеет место тенденция активного изучения данного феномена в рамках конкретных профессий. Например, медицинских профессий (Ю. И. Гринштейн, Н. Н. Николаева, Н. Г. Грищенко, В. А. Шестовицкий, О. А. Байкова и др. (2012), менеджмента (А. С. Свиридова (2008) и др.

В качестве специального вопроса, требующего рассмотрения в контексте обозначенной проблемы, необходимо выделить конвергенцию понятий «организационная приверженность» и «профессиональная приверженность». Ярким примером конвергенции указанных понятий являются результаты сравнительного анализа, представленные в публикациях С. А. Маничева и О. А. Кузнецовой. В соответствии с мнением авторов, в понимании организационной и профессиональной приверженности правомерно применение теории конфликта, «при эмоциональной привязанности к одному объекту (профессии или организации) отношение к другому переходит в категорию долженствования» [5, с. 178]. Авторы указывают на наличие взаимосвязи между: а) организационной нормативной и профессиональной аффективной составляющими; б) организационной аффективной и профессиональной норматив-

ной составляющими; а также между названными составляющими и уровнем удовлетворенности работой в целом [5]. Разделяя мнение С. А. Маничева и О. А. Кузнецовой относительно наличия у сотрудников, работающих в организации по полученной ранее специальности, взаимосвязи между понятиями «профессия», «организация», «работа», целесообразно в процессе изучения «приверженности» к конкретной профессии обратить внимание на ее специфические доминирующие структурные компоненты.

Научный интерес в рамках рассмотрения обозначенной проблемы представляет подход, разработанный учеными С. А. Минюровой и А. И. Калашниковым, в аспекте которого профессиональная приверженность излагается как «состояние преданности, верности, возникшее на основе идентификации себя с профессией; оно отражает стойкое, неизменное и правдивое отношение, включающее готовность принимать обязательства и полностью (эмоционально и интеллектуально) отдавать себя профессии и профессиональному делу» [6, с. 39; 7, с. 162]. На основании теоретического анализа и экспертной оценки смысловых единиц данного понятия вышеуказанными авторами была определена структура рассматриваемого феномена, включающая следующие компоненты: «аффективность», «устойчивость», «активность», «нормативность», «идентификация» (рисунок 5.1).

Рисунок 5.1. – Конструкт профессиональной приверженности [6, с. 39]

В целях более детального изучения профессиональной приверженности и разработки валидного и надежного инструментария его психодиагностики С. А. Минюровой и А. И. Калашниковым был проведен анализ научных исследований, посвященных изучению проблемы организационной и профессиональной приверженности в России и за рубежом. В соответствии с мнением авторов, ссылки на трехкомпонентную модель организационной приверженности, разработанную Дж. Мейером и Н. Алленом, даны в публикациях представителей разных стран.

Научный подход, близкий по смысловому содержанию к вышеуказанному, представлен в публикациях А. В. Ловакова, в которых указывается на различие в соотношениях понятий «приверженность профессии» и «приверженность организации». Согласно результатам проведенного автором теоретического анализа указанного вопроса ряд исследователей описывают соотношение между вышеназванными понятиями как конфликт или как игру с нулевой суммой между организацией и профессией. В качестве примера автором приводятся сведения, которые были опубликованы еще в 1957, 1958 гг. (Э. Гоулднер (Gouldner)). В соответствии с представленными данными сотрудники организаций были разделены на две группы: «космополитов» (cosmopolitans), для которых свойственны низкая лояльность по отношению к организации и высокая приверженность профессии, и «местных» (locals), характеризующихся более высокой лояльностью к организации и менее выраженной к профессии.

В то же время в публикациях А. В. Ловакова приводятся результаты иных исследований, в которых отмечается идентичность степени выраженности у специалистов приверженности как к профессии, так и к организации (Aranya, Ferris, 1983; 1984; Gunz, 1994).

Проведенный А. В. Ловаковым более глубокий анализ рассматриваемого вопроса, включающий сравнение результатов 15 различного рода исследований по обозначенной проблеме, позволил выявить, с одной стороны, наличие взаимосвязи между приверженностью профессии и организации при достаточно широком диапазоне значений коэффициентов корреляции у представителей различных профессиональных групп. С другой стороны, А. В. Ловаковым была установлена следующая особенность: приверженность организации и приверженность профессии по-разному связаны с рядом трудовых установок и форм организационного поведения специалистов. В этой связи автором предлагается понятия «приверженность организации» и «приверженность профессии» рассматривать как отражающие взаимопересекаемые по своей сути, но разные по содержанию феномены [8].

Иной подход к рассмотрению обозначенной проблемы представлен в публикациях С. С. Баранской. Основываясь на результатах этимологического анализа понятия «лояльность», автором выделяется нормативный (благожелательное отношение, соблюдение установленных правил и норм) и, неразрывно связанный с ним, эмоциональный аспект данного феномена. В то же

время в контексте рассмотрения сотрудника автором предлагается типологизация его лояльности:

- организационная лояльность, рассматриваемая как основной залог благонадежности и безопасности сотрудников для организации и как эмоциональная связь, доброжелательное отношение и привязанность сотрудников к своей организации.

- профессиональная лояльность, понимаемая как осознание возможностей профессиональной самореализации внутри организации, построение карьеры в рамках своей специализации. Основой выступает идентификация сотрудника со своей профессиональной деятельностью, вовлеченность в нее, стремление к профессиональному самосовершенствованию, достижение уровня профессионального мастерства. Место работы (организация) имеет для личности второстепенное значение по отношению к характеру, специализации работы в ней.

Лояльность труду определяется особенностью восприятия трудовой деятельности, активности в целом как центрального аспекта в жизни, имеющего особую ценность для сотрудника. Лояльность труду может выступать в качестве мотивации и вовлеченности в трудовую деятельность.

Особое внимание в публикациях С. С. Баранской уделяется рассмотрению широты дефиниций, используемых при анализе вышеуказанных типов лояльности. Так, автором обращается внимание на то, что в качестве синонимов «профессиональная лояльность» могут выступать «приверженность сфере занятости», «профессиональная приверженность», «карьерная значимость», «лояльность профессии». Вместе с тем в русскоязычном варианте лояльность труду соответствует понятию трудолюбия [9].

Значимым при рассмотрении проблемы профессиональной приверженности специалиста является подход, представленный в учебно-методическом пособии «Методы организационной диагностики в управлении персоналом», разработанном группой авторов (Е. В. Киселева, М. Н. Крутцова, Л. Г. Приятелева, А. М. Рудко, Л. И. Скворцова, С. Г. Старцева). В соответствии с мнением ученых, анализируя профессиональное становление личности, целесообразно акцентировать внимание на трех видах лояльности (приверженности):

- организационной, отражающей идентификацию сотрудника с организацией, привязанность к ней;

- профессиональной, связанной с идентификацией личности со своей профессией, вовлеченностью в профессиональную деятельность, стремлением к профессиональному развитию, достижению уровня мастерства;

- лояльности труду, проявляющейся в трудолюбии субъекта, рассмотрении им труда как ценности, способной оказывать влияние на отношение как к организации (месту трудовой активности), так и к профессии (специализации труда) [10].

Результаты проведенного теоретического анализа проблемы типологии приверженности сотрудников свидетельствуют о том, что кроме организационной, профессиональной и приверженности труду как таковому в научной литературе выделяются и иные ее виды. Например, в публикациях Е. Ю. Чернякевич в процессе профессионального становления специалиста особого внимания заслуживает анализ его приверженности карьере, руководителю, коллективу, клиентам и т. д. [11].

Значимыми в аспекте исследования обозначенной проблемы представляются публикации И. О. Сидоренко, посвященные анализу детерминант приверженности профессии, то есть исходных причин, движущих сил, «которые характеризуют динамику предрасположенности человека к изучению и совершенствованию методов личного и профессионального позиционирования в социальной жизни (работа, семья, досуг)» [12, с. 165]. В основу проведенного автором исследования были положены работы С. П. Беспалова, в которых отмечается, что приверженность профессии представляет собой деструктивные изменения, оказывающие влияние на эффективность и результативность профессионального труда, а также поведение личности [13], и Э. Ф. Зеера, посвященные классификации факторов, детерминирующих приверженность профессии [14]:

- объективные, обусловленные социальной, в том числе и профессиональной, средой, спецификой, имиджем и статусом профессии;
- субъективные, определяемые индивидуально-типологическими особенностями личности;
- объективно-субъективные, зависящие от процесса профессиональной деятельности, специфики менеджмента, экспертности руководителя.

В соответствии с результатами проведенного И. О. Сидоренко в рамках социокультурного подхода опроса в Алтайском государственном аграрном университете и Алтайском государственном педагогическом университете с использованием метода глубинного полуструктурированного интервью по вопросу приверженности профессии преподавателя, были выделены три уровня групп детерминант усовершенствования приверженности профессии:

- микроуровень (индивидуальные социально-психологические особенности сотрудника: установки, мотивация, степень квалификации, образование, инициативность и т. д.), включает в себя условия, которые определяют реализацию карьерных устремлений сотрудника в организации;
- мезоуровень (свойства организационной, социальной и культурной среды) определяется тем, как организации могут создавать эффективные системы для корректировки усовершенствования приверженности профессии своих сотрудников с учетом социальных и культурных явлений: организационной культуры, особенностей взаимоотношений между сотрудниками;
- макроуровень (социальные и культурные свойства макросреды) предполагает анализ социально-экономической ситуации в стране, ее стабильность, структуры народно-хозяйственного комплекса регионов, региональ-

ные факторы и особенности его функционирования (преобладающие и падающие отрасли, услуги, др.), инвестиционная привлекательность сферы, в которой проходит профессиональная самореализация сотрудника, и др. [12].

Анализируя проблему детерминации приверженности профессии, в соответствии с мнением И. О. Сидоренко, особое внимание целесообразно уделять индетерминантам. Так, согласно проведенному О. И. Пилипенко исследованию, к индетерминантам возникновения приверженности профессии следует отнести неготовность сотрудника к переменам и нововведениям, к выполнению профессиональной деятельности в новой социально-экономической реальности, а также отсутствие стимулов и возможностей для самореализации в профессии [15]. Результаты проведенного И. О. Сидоренко социально-психологического исследования позволили дополнить указанный список уровнем общей и профессиональной культуры, сферы реализуемой активности и др. [12].

В ракурсе изучаемой проблемы представляют интерес публикации С. В. Горностаева, в которых «служебная лояльность» рассматривается как: «1) характеристика служебного поведения, отражающая фактическое исполнение служащим правовых и моральных обязательств, связанных с его статусом (госслужащий, сотрудник правоохранительных органов, сотрудник ФСИН России, лицо, занимающее конкретную должность), то есть исполнение служебного долга; 2) комплексная личностная характеристика, детерминирующая исполнение этих обязательств, включающая знание и понимание содержания служебного долга и способов его исполнения, а также эмоциональное отношение к служебному долгу в целом и отдельным обязательствам в частности и мотивационно-волевою готовность к их практической реализации» [16, с. 67]. Процесс формирования служебной лояльности у сотрудников, по мнению С. В. Горностаева, должен включать:

1) усвоение и принятие при вступлении в должность знаний о служебном статусе и правовом положении, системе обязательств, способах их реализации в конкретных ситуациях, соотношении служебных и иных социальных и личных обязательств, их приоритетности в различных ситуациях;

2) осознание и внутреннее согласие с необходимостью и целесообразностью исполнения служебных обязательств, позитивное отношение к исполнению отдельных обязательств и служебного долга в целом;

3) выработку умений и навыков практического исполнения служебного долга, адекватного оценивания ситуации и принятия решения, соответствующего требованиям служебного долга, преодоления психологического давления и противодействия ему несмотря на возможные риски и текущие неудачи [16]. Особое внимание обращается на факторы, детерминирующие формирование низкого уровня служебной лояльности. В качестве одного из них автором выделен фактор недостаточного развития служебной лояльности как личностной характеристики. Указывается на то, что в структуре мотивации сотрудника могут доминировать мотивы и ценности, не совместимые с каче-

ственным исполнением служебного долга. Данный факт априори препятствует формированию у сотрудника высокого уровня служебной лояльности. Согласно мнению С. В. Горностаева, существенное влияние на формирование служебной лояльности оказывает отсутствие в нормативных правовых и иных актах, регламентирующих статус и деятельность сотрудников, системного, четкого, однозначного описания содержания служебного долга, соотношения его отдельных компонентов, условий выполнения в противоречивых ситуациях служебной деятельности. Автором обращается внимание на специфику служебной деятельности рассматриваемой категории специалистов, для которых не представляется возможным осуществить учет всего разнообразия жизненных ситуаций и разработать алгоритмы принятия решений в них [16].

В контексте изучения вопроса профессионального становления военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь представляют интерес публикации О. А. Кузнецовой и С. В. Лычагиной, в которых анализируются некоторые аспекты формирования профессиональной приверженности военных специалистов. Под профессиональной приверженностью авторами понимается «отождествление человека со своей профессией, выражается в стремлении работать в ней и повышать её значимость» [17, с. 70]. Специфика рассмотрения профессиональной приверженности в военной среде, согласно мнению авторов, заключается в высоких требованиях к профессионализму и длительной подготовке специалиста. В этой связи профессиональный отбор в военной сфере, согласно точке зрения О. А. Кузнецовой и С. В. Лычагиной, есть процесс, при организации которого необходимо учитывать два аспекта: профессиональную пригодность кандидата (возможность овладения профессиональным мастерством и необходимыми для эффективной служебной деятельности навыками) и возможность взаимосоответствия личности и профессии [17]. Разделяя мнение О. А. Кузнецовой и С. В. Лычагиной, однако, есть основание полагать, что дискуссионным вопросом изучаемой проблемы является выделение «профессиональной приверженности» в качестве прогностического критерия успешности профессионализации личности военнослужащего на ранних ее стадиях в силу частичной сформированности «эталонного образа офицера-профессионала». В то же время целесообразно выделение «профессиональной приверженности» в качестве прогностического критерия профессионализации личности военнослужащего на более поздних стадиях профессионального становления, а именно: адаптанта, интернала, мастера и авторитета (стадии рассмотрены в соответствии с концепцией профессионального самоопределения Е. А. Климова [18]). Следовательно, вопрос о включении «профессиональной приверженности» в качестве одного из элементов профессионально-психологического отбора военнослужащих требует дальнейшего углубленного изучения.

ГЛАВА 2

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИВЕРЖЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Анализируя проблему формирования профессиональной приверженности специалиста, нельзя не уделить внимание вопросу психологической диагностики уровня ее сформированности. Результаты теоретического анализа изучаемого вопроса свидетельствуют об активизации интереса представителей различных отраслей психологической науки, прежде всего организационной психологии, к разработке методик психодиагностики различных видов приверженности личности. В то же время необходимо отметить факт наличия определенного перечня методик, которые нашли наиболее широкое применение в практике анализа различных видов приверженности (лояльности) сотрудников. К такого рода психодиагностическому инструментарию необходимо отнести Методику оценки уровня лояльности сотрудника к организации Л. Г. Почебут и О. Е. Королевой (приложение 1) и Опросник организационной лояльности Л. Портера (в приложении 2 представлен вариант, адаптированный В. И. Доминяком). При выполнении указанных методик респондентам предлагается оценить суждения исходя из определенной системы. Так, согласно инструкции к Методике оценки уровня лояльности сотрудника к организации Л. Г. Почебут и О. Е. Королевой, сотрудники по шкале от 1 до 11 оценивают отраженные на 36 карточках суждения, свидетельствующие об их отношении к объекту оценки. В результате у сотрудника может быть выявлен высокий, средний, низкий уровень или уровень нелояльного отношения к организации. В свою очередь, в соответствии с инструкцией к Опроснику организационной лояльности Л. Портера, респондентам рекомендуется по 7-балльной шкале оценить представленные в бланке 15 утверждений. По результатам психологической диагностики у сотрудника может быть выявлен высокий, средний или низкий уровень организационной лояльности.

В рамках анализа практики использования вышеуказанных методик психологической диагностики организационной лояльности интерес представляют публикации группы авторов (Е. В. Киселева, М. Н. Крутцова, Л. Г. Приятелева, А. М. Рудко, Л. И. Скворцова, С. Г. Старцева), в которых акцентируется внимание на целесообразности анонимного проведения тестирования. По мнению вышеуказанных авторов, анонимность способствует обеспечению искренности ответов респондентов, а обработка полученных данных может включать как расчет индивидуальных показателей, так и определение процентного соотношения сотрудников с различными уровнями лояльности. Вышеуказанными авторами отмечается, что предлагаемый подход позволяет описать общую «картину» по организации (отделу, подразделению и т. д.) и выявить «проблемные зоны», а при осуществлении мониторинга – опреде-

лить динамику показателей лояльности. В качестве недостатка описываемого психодиагностического инструментария авторами выделяется отсутствие понимания причин сформированных уровней и видов лояльности, что требует проведения дополнительных исследований [10].

В целях выявления степени сформированности у специалиста компонентов (когнитивного, эмоционального и поведенческого) лояльности в настоящий период времени широкое применение получила методика «Шкала организационной лояльности» Дж. Мейера и Н. Аллена (приложение 3). В соответствии с инструкцией к данной методике, сотрудникам предлагается оценить 14 утверждений по 7-балльной шкале. Анализ полученных данных осуществляется по трем субшкалам:

1. Аффективной (эмоциональной) (Affective Commitment Scale – ACS), позволяющей выявить степень идентификации, вовлеченности и эмоциональной привязанности сотрудника к объекту оценки;
2. Продолженной (Continuous Commitment Scale – CCS), отражающей степень осознания сотрудником того, как затраты, ассоциирующиеся с уходом из организации, связывают его с объектом оценки;
3. Нормативной (Normative Commitment Scale – NCS), свидетельствующей о степени «ощущения» сотрудником обязательств перед организацией.

Целесообразно отметить, что, в соответствии с мнением Дж. Мейера и Н. Аллена, вышеописываемый психодиагностический инструментарий позволяет определить и интегративный показатель организационной лояльности как среднее арифметическое от показателей по субшкалам.

В контексте рассмотрения проблемы психологической диагностики профессиональной приверженности сотрудников особого внимания заслуживает Методика измерения лояльности С. С. Баранской (приложение 4), направленная на выявление уровней сформированности трех видов лояльности (организационной, профессиональной и труда), а также трех компонентов организационной лояльности (гордость за организацию, вовлеченность в дела организации, нелояльное поведение). Данные, полученные с помощью указанной методики, позволяют также сравнить показатели реального и ожидаемого (лояльности по отношению к реальной и идеальной организации) и выявить количество сотрудников с разным уровнем лояльности.

Обобщенные результаты, полученные с помощью Методики измерения лояльности, могут быть представлены в виде таблиц, примеры которых приведены ниже (таблицы 5.3 и 5.4).

Как видно из таблицы 5.3, уровень профессиональной лояльности (приверженности) сотрудников целесообразно оценивать как высокий, средний или низкий. В то же время исследования, проведенные группой авторов (Е. В. Киселева, М. Н. Крутцова, Л. Г. Приятелева, А. М. Рудко, Л. И. Скворцова, С. Г. Старцева), свидетельствуют о разнообразии подходов к оценке степени сформированности рассматриваемого феномена.

Таблица 5.3. – Средние показатели организационной, профессиональной лояльности и лояльности труду [10, с. 144–145]

Шкалы	Подшкалы	Реальная организация		Идеальная организация	
		Показатель, баллы	Уровень	Показатель, баллы	Уровень
Организационная лояльность	Интегративные показатели	53	средний	70	высокий
	Гордость за организацию	16	низкий	25	высокий
	Вовлеченность в дела организации	17	высокий	23	высокий
	Нелояльное поведение	20	высокий	22	высокий
Профессиональная лояльность	–	60	средний	65	высокий
Лояльность труду	–	50	средний	59	высокий

Таблица 5.4. – Количество сотрудников в организации с разным уровнем лояльности [10, с. 145]

Шкалы	Подшкалы	Реальная организация			Идеальная организация		
		Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Организационная лояльность	Интегративные показатели	40	50	10	0	80	20
	Гордость за организацию		70	0	0	50	50
	Вовлеченность в дела организации			10	0	67	33
	Нелояльное поведение				0	76	24
Профессиональная лояльность	–	35	65	0			
Лояльность труду	–	33	62	5			

В качестве наиболее удобной системы оценки вышеуказанными авторами выделяется модель, основанная на концепции К. В. Харского (рисунок 5.2).

Согласно представленной модели (см. рисунок 5.2), система оценки лояльности характеризуется двухполярностью (лояльность/нелояльность). Нулевой уровень (нулевая лояльность) характеризуется несформированностью отношения к объекту оценки, например, при первом знакомстве с ним. Самому низкому уровню (лояльность на уровне внешних атрибутов) характерна готовность личности носить отличительные символы и знаки (например, униформу, бейджи и т. д.), свойственные объекту лояльности.

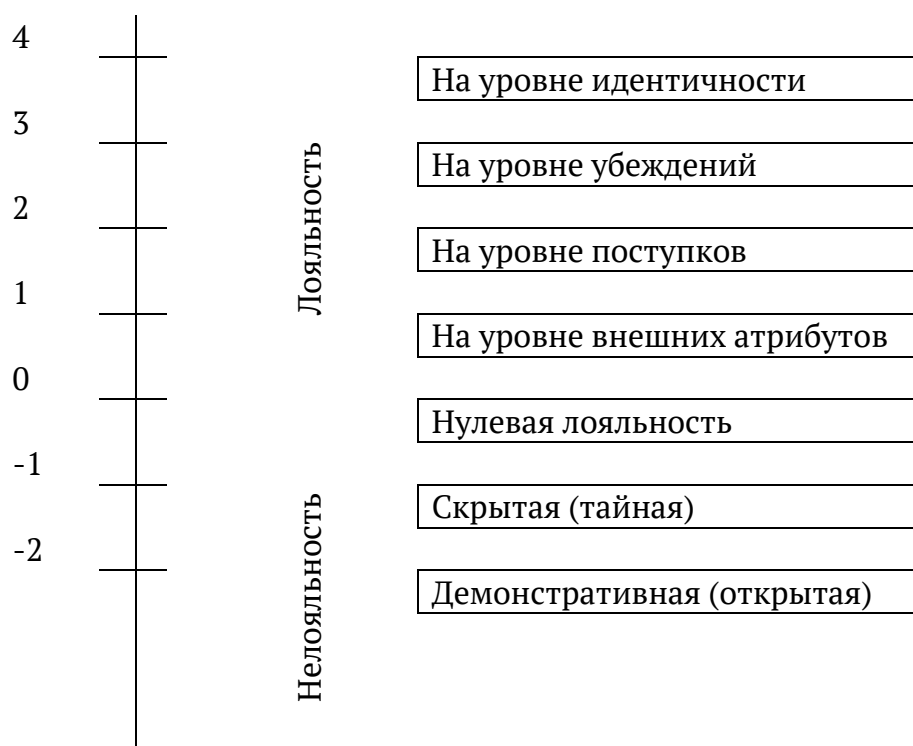

Рисунок 5.2. – Уровни лояльности [10, с. 139]

Второй уровень (лояльность на уровне поступков, поведения) определяется высокой степенью соблюдения личностью ритуалов, традиций, обычаев, свойственных для объекта лояльности, а также высоким уровнем дисциплинированности (сотрудник выполняет требования дисциплины не столько из-за опасности наказания, сколько в силу своего преданного отношения объекту лояльности). Третий уровень (лояльность на уровне убеждений) свидетельствует о сформированности у личности определенных ценностей, что может проявляться в ее нетерпимости к нарушениям правил со стороны других людей, ответственном поведении. Четвертый, самый высокий, уровень (лояльность на уровне идентичности) характерен для личности, отождествляющей себя с объектом лояльности, связывающей свою жизнь с ним.

У нелояльности, согласно концепции К. В. Харского, выделяются два уровня):

- нижний (скрытая нелояльность), проявляющийся в том, что сотрудник выполняет предписываемые объектом лояльности правила и требования только «находясь на виду», по причине боязни наказания или ожидания вознаграждения, в ряде случаев скрыто распространяя негативные слухи в отношении объекта лояльности, провоцируя других на критику и возмущение в его адрес.

- высший (демонстративная (открытая) нелояльность) наблюдается в ситуации обмана, сарказма, высмеивания, демонстративного пренебрежения к ценностям, которые важны для объекта оценки; потребительского отношения, приоритета иных интересов; нарушения достигнутых договоренностей и т. д.

В рамках рассмотрения обозначенной проблемы интерес представляет разработанная К. В. Харским модель (карта) лояльности сотрудника. В ее основу положены два показателя (локус контроля и время), которые могут быть выявлены на основе использования методик психодиагностики (рисунок 5.3).

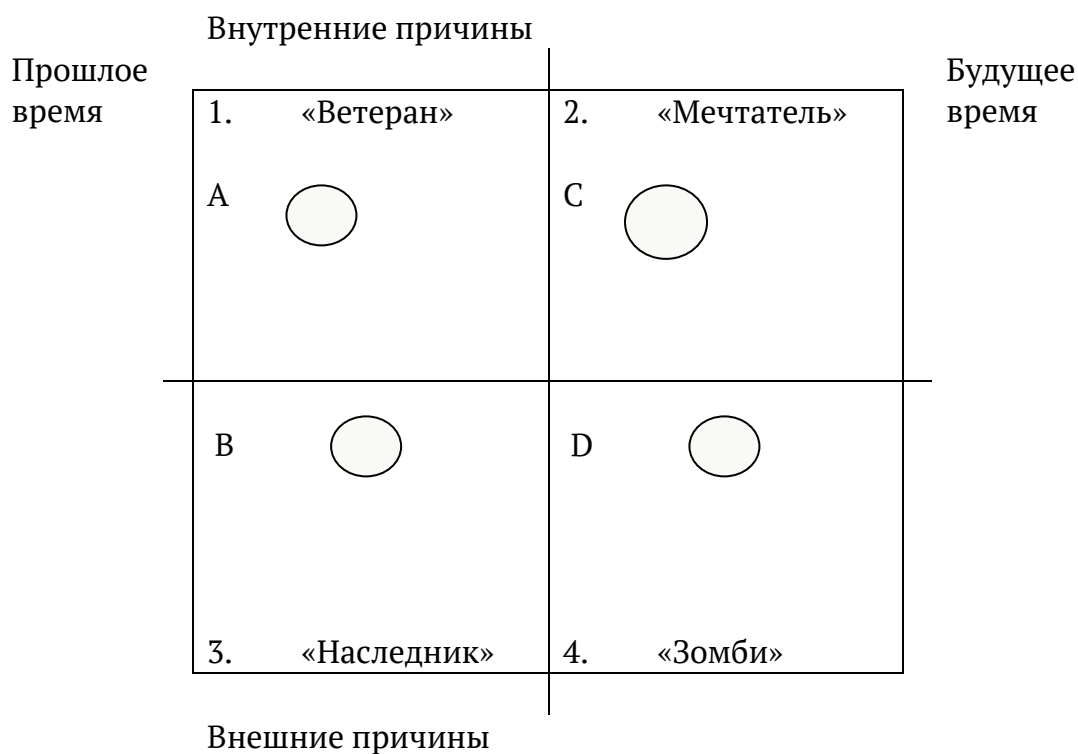

Рисунок 5.3. – Крайние типы лояльности [19]

Квадрант 1. «Ветеран». Лояльность данного типа сотрудника определяется его прошлым опытом и локусом контроля. Сотрудник способен противостоять предложениям конкурентов, его поведение и деятельность детерминированы событиями, происходящими в настоящий период времени. Перспектива оказывает незначительное воздействие, а прошлое воспринимается как данность, которую изменить невозможно.

Проявляется лояльность «Ветерана» в учении «молодых» жизненной мудрости, передаче им опыта, традиций и норм поведения. В качестве достоинства данного типа специалиста выделяется его способность оказывать положительное воздействие на уровень лояльности (приверженности) иных сотрудников. Организациям, в которых имеются «Ветераны», характерна более долгосрочная перспектива, чем для тех, в которых указанная категория специалистов отсутствует.

Квадрант 2. «Мечтатель». В качестве основы указанной категории сотрудников выступают ожидания. Часто данный тип лояльности характерен для отцов-основателей организации, а также наемных сотрудников, которые вместе с ними стояли у истоков ее формирования. В качестве доминирующего мотива профессиональной самореализации у «Мечтателя» может выступать совместное с иными сотрудниками планирование, а также возможность

взять на себя ответственность за реализацию намеченного. Достоинством «Мечтателя» является его целеустремленность, активная жизненная позиция, самоконтроль и т. д.

Квадрант 3. «Наследник». Указанной категории сотрудников свойственен низкий уровень самостоятельности, а в ряде случаев – инфантилизм. В качестве доминирующей основы планирования для них выступает опыт прошлых лет или мнение иных людей. Данная категория сотрудников обладает высоким уровнем внушаемости. Лозунги, беседы и собрания, а также различного рода агитация способствуют формированию у них высокого уровня лояльности и не требуют ежедневного ее поддержания. При этом необходимо отметить, что сотрудник может быть «Наследником» предыдущих выпусков оконченного им профессионального учебного заведения, заслуженных представителей избранной профессии, героев прошлых лет и т. д. Алгоритм формирования сотрудника как «Наследника» предполагает выделение определенного класса людей, (например: герой-пограничник, любимый преподаватель и т. д.), которые должны создать некую ценность и ему передать (напрямую или опосредованно) ее.

Квадрант 4. «Зомби». В основе формирования лояльности сотрудника данного типа лежит внешняя мотивация (стимулирование) и перспективы (будущее время). Указанная категория сотрудников лабильна, уязвима и при определенных обстоятельствах может стать нелояльной.

В контексте рассмотрения проблемы психологической диагностики уровня сформированности профессиональной приверженности сотрудника представляется необходимым акцентировать внимание на разработанной и формализованной К. В. Харским методике «Лист наблюдения проявления лояльности» (приложение 5). Автором подчеркивается высокий уровень надежности данного психодиагностического инструментария, так как в нем руководителем фиксируется и оценивается реальное поведение сотрудника. В качестве достоинства указанного подхода К. В. Харским выделяется возможность переработки (адаптации) перечня признаков лояльного поведения сотрудника в соответствии с особенностями его профессиональной деятельности, специфики организации и/или иных условий проведения социально-психологического исследования [19]. Несомненно, подобного рода подход расширяет возможности использования методики «Лист наблюдения проявления лояльности», позволяя применить ее для представителей любых профессий, сотрудников различных организаций и т. д.

В качестве еще одного подхода, который нашел широкое применение в оценке профессиональной приверженности представителей разнотипных профессий, целесообразно выделить Методику расчета индекса чистой лояльности работников – eNPS (employee Net Promoter Score), разработанную Г. К. Сигитовой [20]. Необходимо отметить, что данная методика представляет собой адаптированный вариант Методики NPS, автором которой является Ф. Райхельд [21].

Результаты проведенного теоретического анализа факторов, детерминирующих возрастающую широту использования указанного психодиагностического инструментария, свидетельствуют о том, что достоинством указанной выше методики является разнообразие объектов оценки. В качестве таковых могут выступать не только организация, профессия специалиста, но и товар, услуга и т. д.

Процедура проведения Методики расчета индекса чистой лояльности предполагает реализацию следующего алгоритма:

1) анкетирование, предоставляющее сотрудникам возможность ответить на два вопроса:

1. О доли вероятности (от 0 до 10) рекомендации объекта оценки друзьям, знакомым («0» – никогда бы не стал рекомендовать; «10» – с полной уверенностью стал бы рекомендовать; промежуточные значения соответствуют степени желания дать положительную рекомендацию);

2. Причина оценки.

2) на основании ответов на первый вопрос осуществляется распределение сотрудников по группам и расчет индекса чистой лояльности eNPS (таблица 5.5).

Таблица 5.5. – Распределение респондентов на группы для расчета eNPS

Класс	Оценка	Общая характеристика
Промоутеры	9–10	Респонденты действуют в интересах объекта оценки с энергией и энтузиазмом
Пассивные	7–8	Респонденты являются пассивными сотрудниками, если поступит более выгодное предложение, то они покинут объект (организацию, профессию и т. д.)
Критики	0–6	Оценка является индикатором того, что объект (например, выбор определенной профессии) изменил жизнь респондентов к худшему. Они разочарованы

Расчет индекса чистой лояльности работника осуществляется по формуле: $eNPS = \% \text{ промоутеров} - \% \text{ критиков}$.

Пример расчета индекса чистой лояльности eNPS офицеров-пограничников к избранной ими профессии пограничника приведен в приложении 5.

В публикациях Г. К. Сигитовой акцентируется внимание на том, что индекс чистой лояльности может относиться как к положительным (+), так и к отрицательным (–) значениям. Отрицательный индекс чистой лояльности, по мнению автора, свидетельствует о том, что большая часть респондентов относится к категории «критиков». В этой связи автором указывается на то, что негативное и крайне негативное отношение к объекту анализа требует реализации специально разработанной коррекционной программы.

Особый интерес в контексте рассмотрения обозначенной проблемы представляет мнение Г. К. Сигитовой о возможности возникновения сложнос-

тей в обеспечении достоверности полученных с помощью методики eNPS данных. Автором отмечается тот факт, что в небольших коллективах, несмотря на обеспечение анонимности, респонденты неохотно отвечают на поставленные вопросы. Причина данного явления, в соответствии с мнением автора, кроется в предположении сотрудников о возможности определения руководством авторов высказываний. В этой связи в публикациях Г. К. Сигитовой рекомендуется в ряде случаев использование Методики индекса чистой лояльности независимыми психологами при обеспечении гарантий добропорядочного отношения руководства к подчиненным [20].

В то же время результаты теоретического анализа обозначенной проблемы свидетельствуют о том, что, несмотря на сложности использования, Методика расчета eNPS нашла широкое применение прежде всего в организационной психологии. Так, согласно мнению С. М. Куяченковой, систематическое ее применение в отношении сотрудников позволяет руководителю своевременно реагировать на негативные изменения в организации [22].

Изложенные выше подходы со всей определенностью свидетельствуют о том, что в настоящий период времени разработано достаточно большое количество методик, позволяющих определить уровень сформированности организационной и профессиональной приверженности (лояльности) сотрудника. В качестве дискуссионного вопроса целесообразно выделить их применение при проведении конкретного социально-психологического исследования. В этой связи интерес представляют работы М. А. Сигитовой, в которых представлен анализ преимуществ и недостатков вышеописанных методик (таблица 5.6), определяющих их использование в процессе проведения социально-психологических исследований [3, с. 268].

Таблица 5.6. – Преимущества и недостатки отдельных методик оценки организационной и профессиональной приверженности (лояльности)

Преимущества	Недостатки
Методика К. В. Харского	
Заполнение наблюдателем снижает искажение информации; Простота обработки и интерпретации; Возможность модификации листа	Значительные затраты времени наблюдателя; Сложность внешнего выявления отдельных признаков; Не определяются причины поведения
Методика Дж. Мейера и Н. Аллена	
Выявление психологических установок работников; Относительная простота заполнения; Надежность и валидность	Возможность недобросовестного заполнения, нет общей оценки лояльности; Модификации, сопоставления между уровнем образования отдельных утверждений

Преимущества	Недостатки
Методика Л. Г. Почебут и О. Е. Королевой	
Надежность, валидность; Позволяет изучить отношение работников к разным аспектам деятельности организации; Широта применения; Простота обработки	Трудоемкость разработки и заполнения; Низкая согласованность (по оценке Доминьяка); Абстрактность формулировок усложняет понимание и заполнение респондентами; Сложность применения в малых компаниях
Индекс eNPS	
Простота; Краткость; Непредвзятость; Возможность выяснить причины (открытый вопрос); Непредвзятость ответов	Сложность обработки открытых вопросов; Равенство значений индекса при разной структуре групп; Иногда требуются дополнительные вопросы

Анализируя подходы к выявлению уровня организационной и профессиональной приверженности (лояльности) сотрудника, в публикациях М. А. Сигитовой было обращено внимание на наличие не только количественных, но и качественных методов. Автором отмечается тот факт, что к наиболее широко используемому методу в данном проблемном поле следует отнести прежде всего метод интервью. Применение указанного метода, по мнению автора, с чем нельзя не согласиться, позволяет получить дополнительную информацию о сотрудниках, подразделениях, организациях с наиболее высоким и низким уровнем приверженности, а также выявить скрытые факторы низкой приверженности, определить наиболее эффективные инструменты нивелирования данной ситуации. Автором указывается на то, что разделение в процессе проведения психологической диагностики сотрудников на группы (вновь принятые; со стажем выше трех лет; увольняющиеся и т. д.), позволяет выявлять «проблемные зоны» профессионального становления субъектов профессиональной деятельности и в дальнейшем определить направления психологического сопровождения данного процесса [3].

ГЛАВА 3

РАЗРАБОТКА НАУЧНОГО ПОДХОДА К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

С целью изучения «приверженности» специалистов к избранной профессии «пограничник» в органах пограничной службы Республики Беларусь было проведено социально-психологическое исследование. Одной из задач исследования явилось определение психодиагностического комплекса «профессиональной приверженности» и его адаптация с учетом изучаемой категории специалистов и их деятельности.

В качестве методологической основы социально-психологического исследования был использован научный подход к проблеме профессиональной приверженности, разработанный С. А. Минюровой и А. И. Калашниковым [6, 7].

Процесс адаптации методики С. А. Минюровой и А. И. Калашникова с целью психологической диагностики «профессиональной приверженности» специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь включал пять этапов.

Первый этап – лингвистический, предполагал корректировку имеющегося в методике перечня утверждений в соответствии с особенностями понятийного аппарата, используемого в профессиональной деятельности специалистов. Опросник предлагался несколько раз небольшим группам респондентов с последующим обсуждением и уточнением формулировок. Итоговый вариант опросника представлен в таблице 5.7.

Таблица 5.7. – Итоговый вариант опросника
«Профессиональная приверженность специалистов
органов пограничной службы Республики Беларусь»

Утверждения	Абсолютно не согласен				Абсолютно согласен		
	1	2	3	4	5	6	7
1. Даже если бы я хотел, и мое желание не противоречило законодательству, мне бы было трудно уйти из профессии «пограничник» в настоящий период времени							
2. Я готов выполнять любые виды военной деятельности (в рамках своей компетентности), невзирая на временные затраты							
3. Мне нравится говорить о своей профессии «пограничник» с другими людьми							
4. Я чувствую, что для меня профессия «пограничник» наиболее подходящая							

Утверждения	Абсолютно не согласен				Абсолютно согласен		
	1	2	3	4	5	6	7
5. В настоящий период времени я не чувствую себя вправе покинуть профессию «пограничник», даже если бы мне это было выгодно	1	2	3	4	5	6	7
6. Я готов посвящать свое личное время профессии «пограничник»	1	2	3	4	5	6	7
7. Несмотря на большой объем выполняемых служебных задач, я готов посвятить себя профессии «пограничник»	1	2	3	4	5	6	7
8. Для меня важно быть пограничником	1	2	3	4	5	6	7
9. Я чувствую, что полностью отдаю себя профессии «пограничник»	1	2	3	4	5	6	7
10. В основном я чувствую неудовлетворенность от военной службы	1	2	3	4	5	6	7
11. Я считаю, что мои профессиональные цели и ценности очень схожи с личными	1	2	3	4	5	6	7
12. Я много чем обязан профессии «пограничник»	1	2	3	4	5	6	7
13. Я чувствую привязанность к профессии «пограничник»	1	2	3	4	5	6	7
14. Я очень многое отдал профессии пограничника, чтобы менять ее сейчас	1	2	3	4	5	6	7
15. Я горжусь тем, что являюсь пограничником	1	2	3	4	5	6	7

Второй этап включал оценку понятности, корректности, целесообразности использования скорректированного содержания опросника «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь».

В социально-психологическом исследовании приняли участие 230 респондентов, из них 200 мужского пола и 30 женского пола. Наибольшее количество замечаний было отмечено по 1-му вопросу. Однако, процент респондентов, указавших на наличие затруднений при ответе на данный вопрос, не превышал 10 % от всей выборки респондентов. С учетом данного факта коррекция содержания первого вопроса не проводилась.

Третий этап – проверка внутренней согласованности пунктов шкал опросника «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь». В шкале «профессиональная аффективность» анализировались 3, 4, 8, 10 (обратный пункт), 11, 13, 15 пункты опросника, в шкале «профессиональная стабильность» – 1, 5, 12, 14, в шкале «профессиональная активность» – 2, 6, 7, 9 (таблица 5.8).

Таблица 5.8. – Внутренняя согласованность пунктов опросника «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь»

Наименование шкал	Коэффициент α Кронбаха		
	Респонденты мужского и женского пола (n = 230)	Респонденты мужского пола (n = 200)	Респонденты женского пола (n = 30)
Профессиональная аффективность	0,881	0,870	0,933
Профессиональная стабильность	0,788	0,766	0,812
Профессиональная активность	0,806	0,824	0,666

Результаты анализа данных, представленных в таблице 5.8, свидетельствуют о внутренней согласованности пунктов трех шкал опросника «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь» (коэффициент α Кронбаха для шкалы «профессиональная аффективность» составил 0,881, для шкалы «профессиональная стабильность» – 0,788, для шкалы «профессиональная активность» – 0,806). Указанные коэффициенты превышают показатель 0,7, что свидетельствует о высоком уровне внутренней согласованности шкал опросника.

В связи с неоднородностью выборки отдельно был рассчитан коэффициент α Кронбаха для респондентов мужского и женского пола. Полученные данные свидетельствуют о том, что для респондентов мужского пола α Кронбаха по выделенным шкалам равняется 0,870, 0,766, 0,824, в то время как для респондентов женского пола – 0,933, 0,812, 0,666. В этой связи есть основания полагать, что для респондентов мужского пола скорректированный вариант опросника психодиагностики профессиональной приверженности имеет достаточно высокий уровень внутренней согласованности, в то время как для респондентов женского пола требует уточнения. Низкие значения α Кронбаха по шкале «профессиональная активность» для респондентов женского пола могут быть детерминированы как фактором недостаточного количества респондентов женского пола (n = 30), принявших участие в социально-психологическом исследовании, так и особенностями психодиагностического инструментария.

Четвертый этап – проверка устойчивости методики «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь» к повторному тестированию, рассмотрение возможной инвариантности во времени (ретестовая надежность).

В исследовании приняли участие 130 специалистов (из разных подразделений), из них 100 респондентов мужского пола и 30 – женского пола (таблица 5.9).

Таблица 5.9. – Ретестовая надежность шкал опросника
«Профессиональная приверженность специалистов
органов пограничной службы Республики Беларусь»

Наименование шкал	Коэффициенты корреляции Пирсона		
	Респонденты мужского и женского пола (n = 130)	Респонденты мужского пола (n = 100)	Респонденты женского пола (n = 30)
Профессиональная аффективность	0,911	0,912	0,911
Профессиональная стабильность	0,884	0,901	0,823
Профессиональная активность	0,821	0,850	0,713

Результаты анализа ретестовой надежности, представленные в таблице 5.9, свидетельствуют о высокой устойчивости результатов психодиагностики, полученной с помощью методики «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь», к повторному тестированию. Все коэффициенты значимы при $p \leq 0,01$.

Пятый этап – проверка конструктивной валидности шкал опросника «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь». Для решения поставленной задачи был подобран перечень психодиагностических методик. Предполагалось наличие взаимосвязи между результатами психодиагностики, полученными с помощью перечня методик и адаптируемого опросника. В целях определения конструктивной валидности шкал опросника «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь» использовались:

Методика экспресс-диагностики склонности к аффективному поведению (В. В. Бойко) (проверка шкалы «профессиональная аффективность»);

Шкала «стабильность» опросника карьерных ориентаций (методика «Якоря карьеры» (Э.Шейн) (проверки шкалы «профессиональная стабильность»);

Методика психодиагностики типа поведенческой активности (Л. И. Вас-серман и Н. В. Гаманик) (проверка шкалы «профессиональная активность»).

ГЛАВА 4

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МЕТОДИКИ ПРОЕКТИВНОГО РИСУНКА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИВЕРЖЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Интерес психологов к широкому диапазону возможностей проективных методик наблюдается уже более ста лет. Указанные методики применяются как в практике исследования индивидуально-психологических особенностей личности, так и специфики межличностных взаимоотношений в группе. Особое внимание представители психологического сообщества уделяют проективным методикам в процессе психологической коррекции, а также научно-исследовательской работы, применяя их в качестве «рабочего инструмента» для подтверждения выдвинутых гипотез, проверки теоретических положений.

Необходимо отметить, что интерес представителей психологической науки к возможностям использования методики проективного рисунка закономерно обусловлен тем, что полученные с помощью традиционных формализованных методов исследования данные охватывают далеко не все аспекты познания и конструирования личностью окружающего мира. Методика проективного рисунка, будучи качественной, способствует уменьшению степени влияния социальной желательности на получаемые данные, и, соответственно, может выступать инструментом как изучения, так и формирования широкого спектра социально-психологических явлений и феноменов, в том числе и профессиональной приверженности.

Рассматривая возможности применения методики проективного рисунка в процессе формирования профессиональной приверженности сотрудников целесообразно обратиться к публикациям О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина. Результаты исторического анализа подходов к интерпретации проективных рисунков в психологической науке, проведенного вышеуказанными авторами, свидетельствуют о том, что начало данного процесса датируется первой четвертью XX в. Авторами отмечается тот факт, что еще в 1913 г. Э. Торндайком была проделана работа по классификации и качественной оценке рисунков. Яркими событиями, в контексте анализа истории использования методики проективного рисунка, по мнению О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина, ознаменовался 1921 г. В частности, К. Бартом была разработана шкала оценки изображенной детьми 3–14 лет мужской фигуры, в работах Ф. Гудинафа начал использоваться тест «Нарисуй человека». В работах О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина подчеркивается тот факт, что, рассматривая рисунок с точки зрения представленной в нем психологической информации, необходимо учитывать ее разноплановость: с одной стороны, отражается окружающий мир рисующего, с другой – его психическое состояние, с третьей – уровень развития образной сферы, с четвертой – графической культуры.

В целях решения прикладных проблем, согласно мнению О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина, представляется весьма значимым подход Г. Рида, в публикациях которого был поднят вопрос о типологизации проективных рисунков независимо от возраста, пола, квалификации и рода занятий людей, а также выделены основные признаки каждого из типов:

1. Эмфатический – передается атмосфера (импрессионистская, экспрессивная), выражающая ощущения, впечатления личности;
2. Гаптический – отражает внутренние ощущения, часто физически болезненные, например, боль в животе;
3. Ритмический – в графике доминирует изображение движения;
4. Структурный – акцент делается на передаче структуры целого;
5. Органический – предпочтение отдается органически естественным формам (деревьям, птицам и т. д.);
6. Перечисляющий – изображаются объекты, которые трудно объединить каким-либо признаком, определить связь между ними;
7. Декоративный – основа подчиняется передаче цвета;
8. Имажинарный – представляется сюжет, заимствованный из книги или созданный на основе собственной фантазии [23].

Признавая значимость и научную ценность предложенной Г. Ридом типологизации проективных рисунков, целесообразно отметить, что в аспекте анализа проблемы профессионального становления специалиста она может претерпевать существенные изменения, детерминированные спецификой его профессиональной деятельности.

Особое внимание в публикациях О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина при анализе возможностей использования методики проективного рисунка уделяется метафоре и так называемым «метафорическим рисункам». Как объект исследования метафора, согласно мнению авторов, представляет интерес для ученых с глубокой древности. Вышеуказанными авторами подчеркивается тот факт, что «За несколько последних десятилетий интерес к изучению метафоры чрезвычайно возрос среди представителей таких наук, как философия, лингвистика, искусствоведение. В психологии, в частности отечественной, пока еще не наступил этап значительного интереса к этой чрезвычайно важной проблеме» [23, с. 77]. Признавая правомерность и отдавая должное указанной в публикациях О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина закономерности, в качестве доминирующей причины данного явления можно выделить сложившееся на протяжении десятилетий отношение к феноменологическому подходу представителей отечественной психологической науки. Указанный подход, предоставляющий широкие возможности в описании внутреннего мира личности, сложен при качественно-количественном и, тем более, статистическом анализе, а также предъявляет высокие требования к исследователю. Так, «опорой в исследовании любого феномена в рамках описания его феноменологии выступает понимание этого феномена самим респондентом» [24, с. 87–88]. Однако имеются основания полагать, что количественное опи-

сание метафорического в ряде случаев не представляется возможным, так как базируется на неповторимом индивидуальном опыте личности.

В контексте рассмотрения проблемы профессиональной приверженности сотрудников значимым является подход О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина к интерпретации «метафорического» рисунка, тесно переплетающейся с феноменом «образ». По мнению авторов, анализируя рисунок, целесообразно учитывать тот факт, что «метафорическая структура надстраивается над образной» [23, с. 78]. Соответственно, «анализируя рисунки и тексты, можно понять, почему именно тот или иной образ или слова влияют на нас так сильно, доминируя в нашем сознании» [23, с. 40]. В целях осуществления психологического анализа рисунка авторами была разработана общая схема (рисунок 5.4).

Рисунок 5.4. – Общая схема анализа рисунка [23, с. 94]

Наряду с вышеизложенным, в работах О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина указывается на то, что метафору с психологической точки зрения необходимо рассматривать как механизм инсайта (озарения), который может наблюдаться в процессе решения поставленных перед рисующим задач. Поиск рисующим решения авторами выделяется в качестве подготовительного этапа перехода личности к определенному уровню напряжения в целях нахождения необходимой метафоры [23]. В этой связи представляется целесообразным исполь-

зование указанного подхода в практике формирования профессиональной приверженности сотрудников как позволяющего выявить причинно-следственные связи тех или иных представлений военнослужащих.

Значимым в контексте анализа обозначенной проблемы выступает также мнение О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина о возможности применения методики проективного рисунка в решении широкого перечня практических задач (диагностических, учебных, коррекционных), а также в различных отраслях психологической науки, в частности психологии труда [23]. Необходимо отметить, что в современных условиях развития общества, выдвигающего на передний план конкурентную борьбу различного рода организаций, концернов, корпораций и т. д., внимание к психике ее сотрудников резко возрастает. Применение проективных методов в практике психологического сопровождения профессионального становления специалистов, несомненно, существенно расширяет возможности и повышает результативность деятельности психологов в организации.

Близким к вышеописанному является подход, представленный в публикациях Ю. А. Шайдуллиной. Автором указывается на то, что методика психологического (проективного) рисунка нашла широкое использование практически во всех сферах как академической, так и прикладной психологии. Вышеуказанным автором подчеркивается тот факт, что полученные с помощью методики психологического рисунка данные существенно повышают продуктивность комплексного исследования и играют важную роль в анализе и интерпретации результатов других методик.

Вместе с тем результаты проведенного Ю. А. Шайдуллиной социально-психологического исследования свидетельствуют о том, что включение методики психологического рисунка в групповой анкетный опрос может приводить к значительным затруднениям при сборе дополнительной информации, необходимой исследователю на стадиях обработки результатов и их интерпретации. Наиболее эффективным, по мнению автора, является применение методики психологического рисунка в рамках глубинного интервью и фокус-группы.

Решающее значение в процессе применения методики проективного рисунка, в соответствии с мнением Ю. А. Шайдуллиной, имеет добровольность выполнения респондентами поставленных задач. Автором отмечается тот факт, что в ситуации «обязательного» участия респондентов в исследовании может наблюдаться появление достаточно большого количества стереотипных рисунков-клише. Данное явление автором интерпретируется как отказ от содержательного рисования.

Интересным представляется мнение Ю. А. Шайдуллиной о том, что анализ результатов использования методики психологического рисунка должен дополняться приемами, способствующими повышению объективности получаемых данных. В качестве примера автором приводится техника триангуля-

ции, один из вариантов которой предполагает сопоставление различных точек зрения на интерпретацию полученных результатов [25].

Анализируя возможности использования методики проективного рисунка, необходимо отметить широту перечня представленных на нем объектов, в качестве которых могут выступать явления (процессы), группа или личность. В этой связи целесообразно обратиться к конкретной задаче, поставленной перед рисующим, например, изображению образа человека.

В контексте рассмотрения проективных рисунков, на которых представлен образ человека, существенное значение приобретает подход, изложенный в публикациях К. Махвер. Согласно мнению автора, богатые и концентрированные переживания личности, возникающие в период рисования, целесообразно интерпретировать как тесноту связи между изображаемой фигурой человека и личностью рисующего, то есть отражение особенностей его самопроекции. При этом автором указывается на то, что в определенный момент указанного процесса у изображающего начинается отбор информации, включающий идентификацию посредством проекции и интроекции. Акцентируя внимание на феномене проекции, автором проективные методики рассматриваются как предоставляющие исследователю возможность последовательного раскрытия глубинных, в ряде случаев неосознаваемых, детерминант самовыражения субъекта, которые не могут открыто проявляться в прямой коммуникации.

Прогрессивным является мнение К. Махвер о том, что процессы отбора и организации информации могут протекать на разных уровнях осознания и направленности. В соответствии с мнением автора, «Большинство рисунков включают элементы самооценки как в прямой, так и в компенсированной формах проекции, как на сознательном, так и бессознательном уровнях самораскрытия» [26, с. 9].

Существенным аспектом в рассмотрении возможностей методики проективного рисунка, по мнению К. Махвер, выступает итоговое изображение. Результаты анализа широкого перечня рисунков, проведенного автором, свидетельствуют о высокой степени их различия по телесным, содержательным и иным характеристикам. В этой связи автором делается предположение о том, что содержание изображений может предоставлять психологу объективные сведения о индивидуально-психологических особенностях личности.

Вместе с тем в работах К. Махвер отмечается, что в качестве источника психических сведений могут выступать проецирующиеся в рисунках символические ценности. К объектам, символическое значение которых необходимо учитывать при анализе рисунков, автором относятся: «сигареты, оружие, трубка, трость, пуговицы, карманы, шляпа, волосы, нос, ступни» [26, с. 9]. Значимость для личности отраженного элемента, в соответствии с мнением автора, вытекает из факта активизации процессов отбора из опыта и представлений индивида, потенциально обнаруживаемых элементов [26].

Принимая во внимание вариативность интерпретации изображаемого на рисунке человека, следующим логическим шагом является более весомое сужение (конкретизация) инструкции, то есть постановка перед рисующим задачи изображения конкретного человека.

Результаты теоретического анализа использования методики проективного рисунка конкретного человека свидетельствуют о том, что в современной психологической науке она широкое распространение получила в рамках исследования разных групп людей, поведение и деятельность которых как социально одобряемые, так и не одобряемые. В этой связи интерес представляет социально-психологическое исследование, проведенное В. Н. Буриком и посвященное охране природы, в частности, представлениям жителей районов активного природопользования о причинах неэкологических поступков граждан. В целях описания образа браконьера (визуальных представлений о браконьере) автором была специально разработана графическая проективная методика «Нарисуй браконьера». Выбор данного подхода, согласно мнению В. Н. Бурика, определялся тем, что использование проективных методик, в частности рисуночных, является примером опосредованного изучения индивидуально-психологических особенностей человека, образ которого анализируется, а также способствует проявлению разнообразия индивидуальных реакций респондентов. В качестве основы рисуночной проективной методики «Нарисуй браконьера» автором было определено создание пластичной (слабо структурированной) стимульной ситуации, способствующей актуализации в восприятии испытуемых установок, идеалов, ценностных ориентаций и т. д. [27].

Необходимо отметить, что методика проективного рисунка конкретного человека приобрела широкую популярность в исследовании и коррекции межличностных отношений, в частности, семейных. Например, в исследованиях С. В. Липпо для описания образа отца была разработана рисуночная проба «Я и мой отец». Рассматривая образ отца как системное образование, автором акцентировалось внимание на том, что данный феномен характеризуется многомерностью и многоуровневостью, включает актуальные и потенциальные, осознаваемые и неосознаваемые компоненты. Использование методики проективного рисунка позволяет, согласно мнению С. В. Липпо, детально проанализировать в образе отца проявление опыта респондента, сложившиеся у него установки, мотивы поведения и т. д. исходя из двух показателей: «Позитивный контакт с отцом» и «Барьеры в отношениях с отцом» [28].

Близкими к вышеописанным являются результаты исследования С. А. Осинской, посвященного анализу образа отца у созависимой личности. В целях детального анализа обозначенной проблемы автором была разработана методика проективного рисунка «Мой отец», а также специальная таблица обработки результатов, позволяющая определить как качественные, так и количественные показатели изображения. Указанный подход, согласно мнению автора, предоставляет исследователю возможность выявления опре-

деленных параметров рисунков и частоты их встречаемости, что, в свою очередь, дает возможность описать образ отца у созависимой личности [29]. Логично предположить, что методика проективного рисунка конкретного члена семьи позволяет выявить те особенности семейных взаимоотношений, которые респондент в силу определенных обстоятельств запрещает себе озвучивать.

При всем многообразии подходов к использованию методики проективного рисунка конкретного человека особое место среди них занимает подход, в соответствии с которым в инструкции указан представитель той или иной профессии. В логике изучения обозначенной проблемы изначально целесообразно обратиться к анализу возможностей использования указанного подхода в профориентационной деятельности. Так, рассматривая профориентацию как многоплановый процесс, М. В. Прохоровой, Л. Н. Пономаревой была разработана проективная методика «Рисунок идеальной работы», предназначенная для оперативного выявления наличия/отсутствия, а также содержания профессиональных планов оптанта.

В соответствии с инструкцией оптанта помещается в ситуацию профессионального выбора, а идеальная работа становится для него неопределенным и неоднозначным стимулом, который предстоит отобразить на листе бумаги. Существенное значение, по мнению авторов, имеют ответы на задаваемые по результатам выполнения работы вопросы психолога, на основании которых в отчете указывается наличие и степень четкости представлений оптанта о будущей работе, осознание роли в ней, представлений о склонностях и психологической готовности к определенным видам деятельности. В профессиональной характеристике также отмечается, с кем и каким образом стремится выстраивать межличностное взаимодействие оптанта в профессиональной деятельности, насколько он связывает свою карьеру с работой в конкретной организации [30].

Важным в решении проблемы формирования профессиональной приверженности сотрудников является то, что, анализируя процесс развития личности как профессионала, оптимизацию психологического сопровождения профессионального становления специалиста рядом авторов (Е. А. Панько [31], М. Макарушкиной [32], Е. Ю. Чернякевич [11] и др.) рекомендуется использование методики проективного рисунка представителя конкретной профессии. В этой связи прежде всего значение имеет подход, отраженный в публикациях представителя белорусской психологической школы Е. А. Панько. Анализируя процесс формирования у дошкольников образа педагога и воспитателя, автором на основе использования рисуночной пробы «Моя воспитательница» была разработана методика цветового фона. Данная методика, согласно мнению автора, позволяет глазами детей «взглянуть» на представителей рассматриваемой профессии и в последующем разработать практические рекомендации и коррекционно-развивающие программы по их формированию как профессионалов [31].

Вышеописанный подход в различных вариациях нашел широкое использование в деятельности психологов-практиков. В этой связи в сети Интернет обсуждаются вопросы применения подобного рода методик. Например, в Интернете опубликована работа М. Макарушкиной, посвященная описанию опыта использования методики проективного рисунка «Я на работе». Автором указывается, с одной стороны, на широту возможностей интерпретации полученных изображений, с другой – необходимость проверки выдвинутых гипотез. Подчеркивается автором также факт необходимости анализа физического и эмоционального состояния изображенного на рисунке сотрудника (если изображение такового имеется на листе), а также присутствия/отсутствия на рисунке других людей. В соответствии с мнением М. Макарушкиной, то, как выглядит изображенный сотрудник (бодрый и позитивный или усталый; грустный, агрессивный и/или недовольный; безликий и скучный или яркий), отражает эмоциональное его отношение к себе, своей профессиональной деятельности, выполняемой в организации роли. В свою очередь, отсутствие на картинке других людей автором интерпретируется как индивидуализм, замкнутость и одиночество [32].

Существенное значение в рамках рассмотрения обозначенной проблемы представляют публикации Е. Ю. Чернякевич, в которых методика проективного рисунка (приложение 7) используется в контексте исследования приверженности сотрудника организации. Исходя из инструкции, специалисту предлагается в свободной форме с помощью цветных карандашей на листе бумаги изобразить рисунок на тему «Я в организации». При анализе рисунка автором рекомендуется использование следующих показателей: осмысленность деятельности (наличие элементов, отражающих выполняемые профессиональные обязанности); самоидентификация (отождествление связи себя с организацией); диапазон включенности в организацию (количество изображенных людей и предметов, относящихся к деятельности организации); ролевая идентификация (идентификация субъекта с выполняемой в организации ролью); эмоциональная насыщенность (цветовая гамма); рационализация (количество надписей на рисунке); приверженность конкретной организации (сохранение членства в организации в ситуации неопределенности) [11].

Доминирующие позиции в использовании методики проективного рисунка человека психологи отдают психологической диагностике. В то же время возможности ее применения в коррекционно-развивающих программах неоспоримы. В этой связи представляется целесообразным активизация внимания к ее потенциалу в процессе формирования специалиста (коррекционно-развивающему аспекту). Так, согласно мнению А. А. Осиповой, «Рисование – творческий акт, позволяющий клиенту ощутить и понять самого себя, выразить свободно свои мысли и чувства, освободиться от конфликтов и сильных переживаний, развить эмпатию, быть самим собой, свободно выражать мечты и надежды. Это не только отражение в сознании клиентов окружающей социальной действительности, но и ее моделирование, выражение отноше-

ния к ней. Некоторые ученые склонны рассматривать рисование как один из путей выполнения программы совершенствования организма... Рисуя, клиент дает выход своим чувствам, желаниям, мечтам, перестраивает свои отношения в различных ситуациях и безболезненно соприкасается с некоторыми пугающими, неприятными, травмирующими образами. Таким образом, рисование выступает как способ постижения своих возможностей и окружающей действительности, как способ моделирования взаимоотношений и выражения различного рода эмоций, в том числе и отрицательных, негативных» [33, с. 191]. Основная задача методики проективного рисунка, в соответствии с мнением А. А. Осиповой, заключается в выявлении и осознании рисуящим трудновербализуемых проблем. Одновременно с этим теоретический анализ возможностей использования указанной методики в психологической науке, проведенный автором, свидетельствует о результативном его применении как в индивидуальной, так и в групповой работе. При этом автором подчеркивается тот факт, что рядом исследователей методика проективного рисунка рассматривается как вспомогательный метод групповой работы [33]. Несомненно, такой подход может найти отражение и в практике формирования высокого уровня профессиональной приверженности сотрудников.

Однако целесообразно отметить, что далеко не все психологические школы и направления приветствуют использование методики проективного рисунка. Результаты проведенного теоретического анализа данного вопроса свидетельствуют о наиболее частом ее применении в психоаналитическом, гештальт- и арт-направлениях. Например, в публикациях Я. Г. Залевской, О. Н. Усатенко указывается на то, что история проективного метода берет свое начало с теста словесных ассоциаций основоположника аналитической психологии К. Г. Юнга, в основу которого был положен тезис о доступности объективной диагностики бессознательных переживаний личности. Активное развитие концепция психологического рисунка, по мнению Я. Г. Залевской, О. Н. Усатенко, получила в процессе разработки психодинамического подхода Т. С. Яценко, включающего авторские методы работы с психорисунками (психоанализ комплекса тематических психорисунков, психоанализ неавторского рисунка, психокоррекционная работа с использованием татуировки). Вышеуказанными авторами отмечается, что в рассматриваемом подходе диагностико-коррекционная работа с изображениями выступает в качестве самостоятельного метода, направленного на познание бессознательных тенденций психики, а также позволяющего исследовать проекции, переносящиеся на межличностные взаимодействия [34].

В преломлении к изучаемой проблеме формирования профессиональной приверженности сотрудников интерес представляют работы В. В. Мининой, посвященные использованию методики проективного рисунка в гештальт-психологии. Автором акцентируется внимание на необходимости соблюдения основных принципов указанного направления, а именно: актуальность, осознанность, ответственность, фигура/фон. В то же время автором

отмечается, что в рамках реализации принципа осознанности «рисунок является хорошим подспорьем для работы с расширением зоны осознания клиента. Через рисунок клиенту проще «взглянуть» на себя со стороны, проанализировать сложившуюся ситуацию и свои отношения с окружающими, понять, что же именно заставляет его повторять одну и ту же модель (паттерны)» [35, с. 19].

Рассматривая возможности применения методики проективного рисунка в гештальт-направлении, в публикациях В. В. Мининой выделяются три подхода: клинический (выявление патологии личности и работа с акцентом на ее проблемных зонах), исследовательский (исследование индивидуально-психологических особенностей индивида), психологический (формирование перспективных задач психологической работы и составление плана проведения психологического консультирования и/или психологической коррекции). Вместе с тем, согласно мнению автора, исходя из целевых установок психолога можно выделить диагностический (сбор психологической информации для дальнейшего ее использования в целях расширения зоны сознания рисующего, приобретения им новых знаний о себе, отношения с окружающими, своих актуальных чувств) и терапевтический (прохождение рисующим цикла, где через рисунок индивид не только определяет свою потребность, но и пытается обнаружить в среде объект, с помощью которого он может эту потребность удовлетворить, вступив с ним во взаимодействие, в конечном итоге присвоить (ассимилировать полученный опыт) подходы. Существенным, исходя из рассматриваемой проблемы, является мнение В. В. Мининой о том, что в большинстве случаев выделенные подходы используются параллельно [36].

Кардинально иной взгляд на потенциал методики проективного рисунка отражен в арт-терапевтическом процессе, где центральная фигура – личность, стремящаяся к творческому самораскрытию, укреплению психологического здоровья, гармонизации эмоционального самочувствия, расширению диапазона возможностей и т. д. В этой связи представляют интерес работы Л. Д. Лебедевой, Ю. В. Никоноровой, Н. А. Таракановой. Авторами обращается внимание на то, что, создавая рисунок в процессе арт-терапевтической сессии, каждый участник сначала пребывает в роли «художника», а затем – «зрителя», наблюдая свою работу со стороны. Указанный этап, по мнению авторов, предполагает рефлексивный анализ работы непосредственно рисующего, обсуждение в группе и (если это уместно) обратную связь со стороны арт-терапевта. Упрощенная схема сущностного механизма арт-терапевтического процесса авторами представлена в следующем виде:

«Создание художественного продукта (спонтанное творчество) → наблюдение со стороны (отстранение, отчуждение) → рефлексия → трансформация образа (внесение изменений в продукт изобразительной деятельности) → осознание → изменение отношения → новый образ «Я» → самопринятие» [36, с. 17].

Значимым является мнение Л. Д. Лебедевой, Ю. В. Никоноровой, Н. А. Таракановой о том, что «материализованные» на бумаге негативные эмоцио-

нальные состояния и переживания лишаются своей «драматической» составляющей, тем самым предоставляя личности возможность посмотреть на ситуацию по-новому. Авторами указывается на то, что придуманное счастливое завершение историй, изначально понимаемых как неуспешных, способствует освобождению от разрушительной психической энергии. В качестве отличительной особенности терапевтического рисования вышеуказанными авторами выделяется то, что ситуация диагностики менее заметна и, как правило, не определяется таковой рисующим и, соответственно, не провоцирует защитных реакций.

В аспекте рассмотрения специфики развития специалистов определенного профиля деятельности, формирования корпоративной культуры и т. д. интерес представляет мнение Л. Д. Лебедевой, Ю. В. Никоноровой, Н. А. Таракановой о возможном отражении в художественном продукте определенных культурных установок [36]. Можно предположить, что через визуальные образы представители конкретной профессии могут передавать некоторые данные о себе (об установках, ценностях, мотивах и т. д.) как специалисты.

Разумеется, каждый из перечисленных выше подходов правомерен и определяет ценность использования методики проективного рисунка, а именно как процесса, в котором у рисующего наблюдается запуск механизмов самоанализа и анализа своего опыта, а также антиципации событий. В контексте рассмотрения проблемы, формирования профессиональной приверженности специалистов наибольшую значимость представляет процесс рисования, запускающий механизмы сопоставления профессиональных образов (образа «Я – реальный специалист», образа «Я – идеальный специалист» и т. д.). В этой связи в практику подготовки специалистов для ОПС и в рамках проведения занятий по учебным дисциплинам социально-гуманитарного цикла [37] была внедрена методика проективного рисунка. Перед обучающимися ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» ставилась задача изобразить на листе бумаги с помощью цветных карандашей «эталонный образ офицера-пограничника».

Необходимо отметить, что изначально в качестве дискуссионных были выдвинуты вопросы о форме (индивидуальная/групповая) и способе работы с готовыми рисунками (демонстрация всех рисунков одновременно/разбор каждого индивидуально). Однако временные рамки образовательного процесса детерминировали определение целесообразности выполнения респондентами методики проективного рисунка «эталонный образ офицера-пограничника» в групповой форме. При этом разбор работы каждой группы обучающихся в большей степени способствовал активизации выделения и обсуждения будущими специалистами вопросов профессионального становления.

Первоначально результаты анализа использования указанной методики позволили условно разделить рисунки обучающихся на три категории:

- «реалистические» – изображение офицеров-пограничников с указанием перечня профессионально значимых качеств, которыми они, в соответствии с мнением обучающихся, должны обладать (рисунок 5.5);

- «схематические» – отражение составляющих «эталонного образа офицера-пограничника», к которым, по мнению обучающихся, необходимо отнести как профессионально значимые качества, знания, умения, навыки, так и роли, реализуемые специалистом ОПС в обществе (рисунок 5.6);

- «метафорические» – изображение объектов, которые по каким-либо признакам у обучающихся ассоциируются с заданным объектом («эталонным образом офицера-пограничника»), а также указание индивидуально-психологических особенностей личности, выделяемых в качестве эталонных (рисунок 5.7).

Более детальный анализ рисунков «эталонный образ офицера-пограничника» позволил выделить еще одну категорию, условно обозначенную как «атрибутивные», то есть включающую атрибуты профессиональной деятельности, которые в профессиональном самосознании респондентов неотделимы от указанного образа (рисунок 5.8).

Рисунок 5.5. – «Реалистическое» изображение «эталонного образа офицера-пограничника»

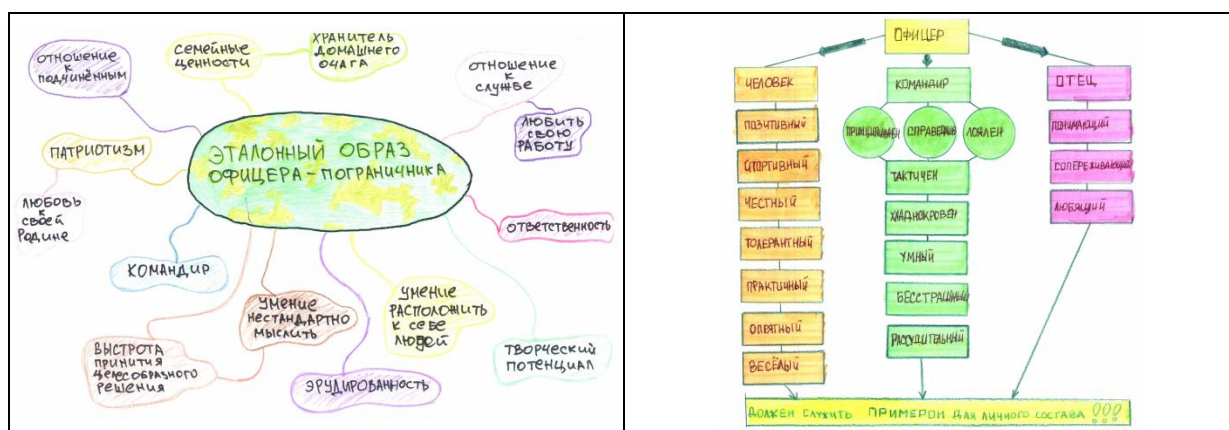

Рисунок 5.6. – «Схематическое» изображение «эталонного образа офицера-пограничника»

Рисунок 5.7. – «Метафорическое» изображение «эталонного образа офицера-пограничника»

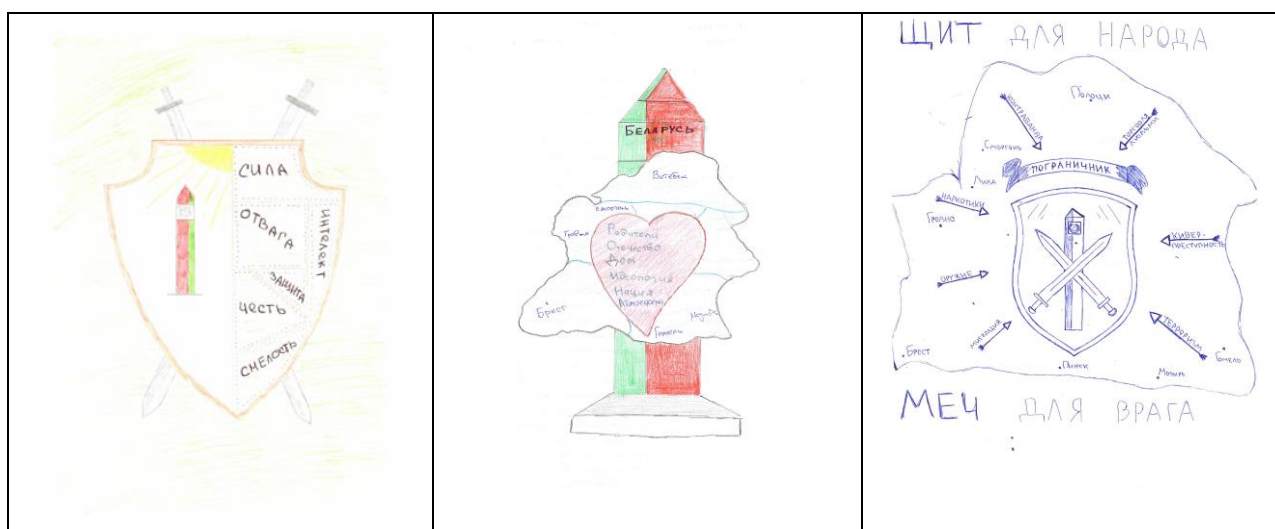

Рисунок 5.8. – «Атрибутивное» изображение «эталонного образа офицера-пограничника»

Не вызывает сомнения тот факт, что наиболее интересными в аспекте рассмотрения проблемы формирования профессиональной приверженности специалистов, смыслового наполнения процесса профессионального становления, психологии карьеры личности специалиста являются рисунки, отнесенные к категории «метафорических» и «атрибутивных». Например, изображая «эталонный образ офицера-пограничника» в качестве горящей свечи с подписью «Пограничник – это свеча, которая тает, чтобы дать свет», обучающиеся поясняли следующее: «Офицер-пограничник – это человек, жизнь которого должна быть полностью посвящена охране государственной границы. Даже когда офицер, отслужив, уходит в запас, а затем в отставку, он остается на службе. Бывших офицеров не бывает. От присяги до последнего своего вздоха человек остается офицером. Он как свеча сгорает полностью».

Рассматривая «эталонный образ офицера-пограничника» в контексте формирования профессиональной приверженности специалиста, особое значение приобретает его «атрибутивное» изображение (см. рисунок 5.8). На такого рода рисунках обучающиеся размещают щит и мечи, контрольно-следовую полосу, зеленую фуражку, пограничный столб и т. д. Рассматривая содержание «атрибутивных» рисунков, целесообразно обратиться не только к качественному, но и количественному анализу, выделив атрибуты, которые в профессиональном сознании будущих специалистов занимают доминирующие позиции. Подобного рода постановка вопроса интересна в аспекте изучения взаимосвязи тех или иных изображаемых на рисунке атрибутов и индивидуально-психологических особенностей личности специалиста, специфики профессионального пути специалиста. Решение указанного вопроса имеет существенное значение в целях совершенствования психологического сопровождения специалиста на начальных этапах профессионального становления.

Из вышеизложенного следует:

Рассмотрение проблемы организационной и профессиональной приверженности в психологической науке имеет более чем полувековую историю. Вместе с тем интерес к указанным психологическим феноменам в силу высокого уровня их прогностических возможностей непрерывно возрастает.

В Республике Беларусь феномен «профессиональная приверженность» впервые начал рассматриваться в прошлом десятилетии авторами данной работы (В. П. Вишневской и Е. И. Сутович (2017)). Указанное понятие анализировалось в контексте проблемы профессионального становления сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности, а именно сотрудников органов пограничной службы.

В процессе анализа понятия «приверженность» особое внимание целесообразно уделить широте используемых при его описании дефиниций: организационная приверженность, профессиональная приверженность, приверженность труду и т. д. В то же время каждая из указанных дефиниций в основе своей интерпретации имеет определенные особенности.

В современной психологической науке имеется несколько концептуальных моделей профессиональной приверженности.

Разделяя мнение авторов, изучающих обозначенную выше проблему, необходимо заметить, что одним из ключевых аспектов профессионального становления личности целесообразно рассматривать систему отношений «специалист – профессия».

Имеющиеся в психологической науке методики психодиагностики в большей степени ориентированы на выявление особенностей организационной, нежели профессиональной приверженности. Есть основания полагать, что причина данного явления кроется в широте специфики профессиональной деятельности представителей разных профессий, которую необходимо учитывать при разработке психодиагностического инструментария.

Изучая организационную приверженность, исследователи описывают особенности отношений «сотрудник – организация». В то же время в психологической науке имеются подходы, согласно которым профессиональная приверженность выступает как часть организационной приверженности, что отражается в психодиагностическом инструментарии.

В качестве отдельного аспекта обозначенной проблемы целесообразно выделить систему оценки степени сформированности профессиональной приверженности. Наиболее распространенным в современной психологической науке является подход трехуровневый (высокий, средний, низкий) и семиуровневый (очень высокий, высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий, очень низкий) оценки степени сформированности рассматриваемого феномена. Ряд авторов предлагают осуществлять оценку профессиональной приверженности исходя из биполярной системы координат «профнепринятие (профессиональная неприверженность) – профессиональная приверженность». Однако анализ специфики деятельности сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности позволил расширить указанный подход, интерпретировав его как трехполярный (рисунок 5.9).

Рисунок 5.9. – Трехполярная система оценки профессиональной приверженности

Представленная на рисунке трехполярная система оценки степени сформированности профессиональной приверженности позволит рассматривать указанный феномен как динамичный во времени, то есть имеющий особенности на разных этапах профессионального становления сотрудника. При этом если оценка по шкале «профнепринятие – профессиональная приверженность» актуальна на этапах оптант, адепт, адаптант, интернал, то по шкале «профессиональная приверженность – профотторжение» – приобретает значимость на таких этапах, как мастер, авторитет, наставник (этапы профессионального самоопределения по Е. А. Климову). Указанный подход позволяет

не только оптимизировать условия формирования профессиональной приверженности у абитуриентов, обучающихся, молодых офицеров, но и выявить факторы, детерминирующие уход военнослужащих в запас ранее установленного срока [38].

Подтверждена внутренняя согласованность пунктов шкал методики «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь» и возможная ее инвариантность во времени. Методика психодиагностики «Профессиональная приверженность специалистов органов пограничной службы Республики Беларусь» требует статистической апробации и дальнейшего широкого использования [39].

В современной психологической науке активно обсуждается вопрос использования и интерпретации результатов методики проективного рисунка. Устойчивый интерес исследователей продиктован широтой возможностей методики проективного рисунка как в психологической диагностике, так и коррекции индивидуально-психологических особенностей личности. В то же время отмечается потребность в разработке научно обоснованных рекомендаций по применению методики проективного рисунка при организации психологического сопровождения профессионального становления специалистов.

К дискуссионным в публикациях относится вопрос интерпретации отраженной в проективных рисунках информации, ее количественного и качественного анализа. В качестве одного из решений данного вопроса в контексте рассмотрения диагностики профессиональной приверженности специалистов целесообразно выделить смещение вектора использования методики проективного рисунка в сторону коррекционно-развивающих программ. Указанный подход позволит, с одной стороны, осуществить более глубокое познание «скрытых» сторон личности, с другой – будет способствовать (на основе разрешения имеющихся у специалиста противоречий, обходя защитные механизмы) эффективности ее самореализации в профессии, формирования преданности выбранной сфере профессиональной деятельности.

Анализ использования методики проективного рисунка «Эталонный образ специалиста-пограничника» на практических занятиях обучающихся позволил выделить, кроме широко описываемых в психологической литературе типов рисунков («реалистический», «структурный», «метафорический»), еще такой, как «атрибутивный». Указанный тип предполагает изображение объектов, которые на различных исторических этапах развития пограничного ведомства соотносились с деятельностью по охране государственной границы. В этой связи нуждается в уточнении вопрос типологизация рисунков в рамках рассмотрения процесса профессионализации специалиста, формирования у него высокого уровня профессиональной приверженности. Данное предположение может касаться не только рассматриваемых в исследовании специалистов органов пограничной службы, но и представителей иных профессий.

В рамках исследования феномена «профессиональная приверженность», его сущности и содержания целесообразно отметить широкие возможности методики проективного рисунка в целях расширения представлений специалистов об избранной профессиональной деятельности.

В качестве требующего особого внимания аспекта целесообразно выделить также выявление взаимосвязи между типом проективного рисунка и индивидуально-психологическими особенностями личности рисующего, то есть его уровнем профессиональной приверженности, профессиональной надежности, карьерных ориентаций и т. д. Однако такого рода анализ предполагает индивидуальное выполнение задания и, соответственно, существенное расширение временных границ социально-психологического исследования [40].

Список цитируемых источников

1. Германов, И. А. Измерение организационной лояльности персонала (опыт апробации методики Мейер-Аллена) / И. А. Германов, Е. Б. Плотникова // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. – 2011. – Вып. 3 (7). – С. 106–111.
2. Калашников, А. И. О проблеме диагностики профессиональной приверженности / А. И. Калашников // Ученые записки ЗабГУ. – 2015. – № 5 (64). – С. 145–153.
3. Сигитова, М. А. Анализ методов оценки лояльности персонала / М. А. Сигитова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6. – С. 266–269.
4. Агейкина, В. В. Смысловые детерминанты организационной приверженности персонала : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.07 / В. В. Агейкина. – Москва, 2007. – 170 л.
5. Маничев, С. А. Соотношение организационной и профессиональной приверженности у врачей анестезиологов-реаниматологов / С. А. Маничев, О. А. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12, Социология. – 2010. – Вып. 4. – С. 173–178.
6. Минюрова, С. А. Разработка методики диагностики профессиональной приверженности: определение конструкта / С. А. Минюрова, А. И. Калашников // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2015. – № 5. – С. 35–41.
7. Минюрова, С. А. Опросник профессиональной приверженности / С. А. Минюрова, А. И. Калашников // Вопросы психологии. – 2017. – № 1. – С. 159–167.
8. Ловаков, А. В. Приверженность вузу и приверженность профессии у преподавателей российских вузов / А. В. Ловаков // Вопросы образования. – 2015. – № 2. – С. 109–128.
9. Баранская, С. С. Методика измерения лояльности / С. С. Баранская // Психологические исследования. – 2011. – № 1 (15). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.05.2024).
10. Методы организационной диагностики в управлении персоналом : учеб.-метод. пособие / Е. В. Киселева [и др.] ; под ред. Е. В. Киселевой. – Вологда : Вологод. Филиал РАН-ХиГС, 2016. – 422 с.
11. Чернякевич, Е. Ю. Исследование особенностей приверженности организации и профессии у будущих инженеров / Е. Ю. Чернякевич // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 1 (55). – С. 508–522.
12. Сидоренко, И. О. Социально-профессиональные детерминанты в установлении приверженности профессии / И. О. Сидоренко // Сибирский фронт как пространство интеграции: этнокультурные коды и практики : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. – 2023. – Т. 2, № 12. – С. 163–169.
13. Беспалов, С. П. Приверженность профессии / С. П. Беспалов. – Санкт-Петербург : Просвещение, 2015. – 272 с.

14. Зеер, Э. Ф. Психология профессий / Э. Ф. Зеер. – Москва : Акад. проект ; Мир, 2015. – 429 с.
15. Пилипенко, О. И. Инновационный университет будущее развития региона / О. И. Пилипенко // Образование цели и перспективы. – 2019. – № 31. – С. 53–60.
16. Горностаев, С. В. Проблемы формирования служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы / С. В. Горностаев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 3 (31). – С. 69–72.
17. Кузнецова, О. А. Профессиональный отбор военных психологов как фактор формирования профессиональной приверженности / О. А. Кузнецова, С. В. Лычагина // Наука и образование в жизни современного общества : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 30 апр. 2015 г. : в 2 ч. – Ч. 2. – Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2015. – С. 70–72.
18. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие / Е. А. Климов. – Москва : Академия, 2004. – 304 с.
19. Харский, К. В. Благонадежность и лояльность персонала / К. В. Харский. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 496 с.
20. Сигитова, Г. К. Оценка удовлетворенности работников: индекс чистой лояльности / Г. К. Сигитова // Методы менеджмента качества. – 2019. – № 12. – С. 44–48.
21. Райхельд, Ф. Искренняя лояльность. Ключ к завоеванию клиентов на всю жизнь / Ф. Райхельд, Р. Марки. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с.
22. Куяченкова, С. М. Практическое применение индекса чистой лояльности для оценки персонала / С. М. Куяченкова // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 2. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2013/02/22515> (дата обращения: 25.12.2025).
23. Потемкина, О. Ф. Психологический анализ рисунка и текста / О. Ф. Потемкина, Е. В. Потемкина. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 524 с.
24. Сутович, Е. И. Феноменологический подход к исследованию «эталонного образа офицера-пограничника» / Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2023. – № 1. – С. 81–89.
25. Шайдуллина, Ю. А. Методика психологического рисунка в качественном социально-психологическом исследовании : автореф. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Ю. А. Шайдуллина ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 24 с.
26. Маховер, К. Проективный рисунок человека / К. Маховер ; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Москва : Смысл, 2000. – 154 с.
27. Бурик, В. Н. Образ браконьера и причины незаконных поступков в семантике различных групп населения : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / В. Н. Бурик. – Владивосток, 2005. – 210 л.
28. Липпо, С. В. Образ отца как фактор самоактуализации личности : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / С. В. Липпо. – Санкт-Петербург, 2006. – 188 л.
29. Осинская, С. А. Структурно-содержательные особенности образа отца у созависимой личности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / С. А. Осинская. – Томск, 2015. – 209 л.
30. Прохорова, М. В. Проективная методика «Рисунок идеальной работы» как инструмент оценки профессиональных планов оптанта / М. В. Прохорова, Л. Н. Пономарева // Психология и психотехника. – 2016. – № 11 (98). – С. 960–964.
31. Панько, Е. А. Воспитатель дошкольного учреждения: психология : пособие / Е. А. Панько. – 2-е изд. – Минск : Зорны верасень, 2006. – 264 с.
32. Макарушкина, М. Заставь менеджера изобразить самого себя на работе – узнаешь всю его подноготную / М. Макарушкина. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/blogs/2015/05/14/zastav-menedzhera-izobrazit-na-bumage-samogo-sebya-na-rabote-uznaesh-vsyu-ego-podnogotnuyu> (дата обращения: 25.11.2023).
33. Осипова, А. А. Общая психокоррекция : учеб. пособие / А. А. Осипова. – Москва : Сфера, 200. – 512 с.

34. Залевская, Я. Г. Способы применения психорисунка в практической деятельности психолога: анализ проблемы и современное состояние / Я. Г. Залевская, О. Н. Усатенко // Мир науки. Педагогика и психология. – Москва : Мир науки, 2019. – №3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN319.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).
35. Минина, В. В. Проективный рисунок в гештальте (в метафоре живого) / В. В. Минина. – Санкт-Петербург : Речь, 2020. – 95 с.
36. Лебедева, Л. Д. Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии / Л. Д. Лебедева, Ю. В. Никонорова, Н. А. Тараканова. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 336 с.
37. Сутович, Е. И. Психология эталонного образа офицера-пограничника : учеб. пособие / Е. И. Сутович. – Минск : ИПС РБ, 2018. – 112 с.
38. Вишневская, В. П. Некоторые теоретические и практические аспекты проблемы изучения профессиональной приверженности офицеров-пограничников / В. П. Вишневская, Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2018. – №1. – С. 47–53.
39. Вишневская, В. П. Дискуссионные аспекты феномена «профессиональная приверженность» / В. П. Вишневская, Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2024. – № 1. – С. 80–87.
40. Сутович, Е. И. Научные подходы к использованию методики проективного рисунка в оценке формирования у курсантов «эталонного образа офицера-пограничника» / Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2024. – № 2. – С. 105–114.

РАЗДЕЛ VI

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ГЛАВА 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИИ

Глобальные изменения в обществе, его технологизация детерминировали переход процесса подготовки кадров на новый уровень, существенно видоизменив подходы к обучению и воспитанию будущих специалистов. Современный преподаватель высшей школы, еще недавно использовавший при подготовке к лекции книги, ручку и бумагу, имеет кардинально новое видение методики преподавания той или иной дисциплины. В этой связи рядом исследователей (В. П. Давыдовым, А. П. Камышниковым, В. Г. Михайловским, В. А. Пестовым, А. С. Яковлевым, О. Г. Федоровым и др.) отмечается, что «средства обучения, например созданные на базе ЭВМ, вызывают необходимость использования новых методов обучения. Они имеют возможность показывать развитие явлений, их динамику, предоставлять учебную информацию определенными дозами и управлять индивидуальным процессом усвоения знаний. Такие средства обучения в отличие от печатных пособий по-новому организуют и направляют восприятие обучающихся, объективируют содержание; выполняют функции источника и меры учебной информации в их единстве; стимулируют познавательные интересы обучающихся; создают при определенных условиях повышенное эмоциональное отношение обучающихся к учебной работе; позволяют производить контроль и самоконтроль знаний» [1, с. 162].

Психологическая наука, развиваясь параллельно с развитием общества, непрерывно изучает влияние произошедших изменений в нем на психические явления. В то же время компьютерная техника, основательно вошедшая в жизнедеятельность личности на рубеже нового столетия, присоединяет к себе разнообразные технологии в сфере психологического просвещения, диагностики, коррекции и т. д., расширяя перечень возможностей проведения психологических исследований. В этой связи одной из актуальных проблем преподавания психологии в настоящее время становятся выбор и использо-

вание конкретных средств обучения с учетом профессиональной деятельности будущих специалистов.

Возрастание перечня угроз национальной безопасности страны, изменение особенностей транснациональной преступности, нестабильность социально-политической и социально-экономической обстановки в ряде государств и т. д. определяют требования, предъявляемые деятельностью по охране государственной границы к уровню подготовки пограничников как динамические, увеличивающиеся в плане разносторонности и глубины осведомленности по ряду вопросов. Использование в процессе преподавания психологии технических средств обучения, способствующих развитию психических познавательных процессов, формированию навыков саморегуляции и т. д., несомненно, будет способствовать повышению качества подготовки указанных выше специалистов. Однако принятие решения о внедрении новых средств обучения в практику преподавания психологии должно иметь методологическое основание.

В педагогической науке понятие «средства обучения» не имеет однозначного толкования. Анализ обозначенного вопроса [2–4 и т. д.] свидетельствует о том, что многие исследователи предлагали противоречащие друг другу подходы к интерпретации данного понятия. Новый этап в развитии средств обучения, связанный с появлением компьютерной техники, способствовал тому, что процесс приобретения обучающимися знаний начал осуществляться с высокой степенью интенсивности, позволяя достичь более высокого педагогического эффекта. Однако в результате появления столь разнообразных нововведений в образовательном процессе понятие «средства обучения» приобрело еще более широкую интерпретацию. Например, согласно современной военной дидактике, «под средствами обучения понимаются материальные и природные объекты, используемые в образовательном процессе в качестве носителя учебной информации, организации познавательной деятельности обучающихся и управления этой деятельностью.

В роли средств обучения выступают: речь и действия преподавателя; текстовая и символическая информация на доске, плакатах, экранах, в книгах и документах; реальные объекты и их макеты; схемы, рисунки, фотографии, звукозаписи, таблицы, модели; видео- и кинофильмы; учебники и учебные пособия; учебно-технические средства, учебно-лабораторное оборудование, оборудование учебного класса и т. д.» [1, с. 162].

Рассматривая проблему использования средств обучения в практике подготовки современных офицеров органов пограничной службы Республики Беларусь, следует обратить внимание на цель и специфику преподавания конкретной дисциплины.

Согласно мнению Б. Ц. Бадмаева, общей целью изучения психологической науки является формирование у обучающихся «умения психологически мыслить, применяя свои психологические знания для научного объяснения фактов и явлений психики, а также для преобразования психики человека в

интересах развития его личности (обучения и воспитания, формирования коллектива, психологической коррекции отклоняющегося поведения или психотерапевтического лечения нервно-психических расстройств и т. п.)» [5, с. 145]. Автором акцентируется внимание на том, что, определяя цель изучения психологической науки, следует придерживаться принципа профессиональной ориентации, предполагающего применение полученных знаний обучающимися в дальнейшем в профессиональной деятельности [5]. Соглашаясь с мнением автора в аспекте наличия специфики в организации образовательного процесса представителей разных профессий, следует остановиться прежде всего на отличительных особенностях средств обучения, используемых в преподавании психологии, и средств, применяемых в преподавании иных учебных дисциплин. В этой связи целесообразно уделить внимание помещениям (кабинетам, классам, аудиториям), в которых обучающимися осуществляется познание психологической науки.

В контексте рассмотрения обозначенного вопроса особый интерес представляют публикации Л. А. Кандыбовича и А. Н. Сизанова, в которых отражены результаты анализа существовавших в прошедшем столетии идей относительно материально-технического и методического обеспечения деятельности психолога. Авторами было обращено внимание на то, что первая попытка в данном направлении принадлежала Л. С. Выготскому (1923) и заключалась в создании при педагогическом техникуме кабинета экспериментальной психологии. Предложения по реализации данного проекта Л. С. Выготским были озвучены в докладе по теме «Об организации психологического школьного кабинета при педтехникуме». В то же время в публикациях Л. А. Кандыбовича и А. Н. Сизанова отмечается тот факт, что, несмотря на экспериментальную направленность, целевое назначение кабинета предполагало прежде всего психологическое обеспечение образовательного процесса. Функционирование кабинета предусматривало методическое обеспечение лекционных, практических и лабораторных занятий со студентами педтехникумов, школ и курсов города; психологическую диагностику обучающихся; консультирование субъектов образовательного процесса; проведение научных исследований. По мнению авторов, выдающийся ученый Л. С. Выготский основную задачу вышеописанного подхода определял как развитие у обучающихся интереса к психологической науке.

Анализируя дальнейшую историю развития подходов к решению указанной проблемы, Л. А. Кандыбович и А. Н. Сизанов обратили внимание на публикации Р. В. Овчаровой, в которых указывалось на то, что направления деятельности психолога (консультационное, коррекционное и т. д.) требуют специальных условий, а именно: оптимального размера помещения для проведения как тренинга, так и психологической разгрузки и консультирования; светового и цветового оформления рабочего пространства; специального материально-технического оснащения (пишущая машинка, шкаф для хранения психодиагностических методик и т. д.).

В аспекте анализа обозначенной проблемы, согласно мнению Л. А. Кандыбовича и А. Н. Сизанова, интерес представляет также проект кабинета психолога, разработанный группой архитекторов и психологов под руководством О. Н. Усовой. Авторами подчеркивается доминирующая идея проекта, т. е. организация пространства, имеющего нетрадиционную форму (вогнутые линии и плоскости, исключение углов) с использованием образов природы, способствующих развитию чувственного восприятия.

Систематизировав разные идеи в области оснащения кабинетов, в которых осуществляется деятельность психолога учебного заведения, Л. А. Кандыбовичем и А. Н. Сизановым был предложен проект, согласно которому такого рода помещение территориально должно быть разделено на несколько зон: ожидания, первичного приема и беседы, консультационной работы, игровой терапии, релаксации и снятия напряжения. В то же время авторами отмечалось, что «методическое обеспечение во многом определяется уровнем подготовленности психолога, его профессиональным мастерством, спецификой учреждения, развитостью психологической службы в регионе, требованиями руководителя учреждения и инспекции» [6, с. 13].

Представляется целесообразным рассмотреть подходы к оснащению лабораторий и классов, в которых осуществлялось преподавание психологии. В вузах БССР активизация создания такого рода помещений отмечалась с начала 80-х гг. В публикациях В. П. Вишневской, И. А. Фурманова [7] и других указывается на эффективное использование технических средств обучения, а также кабинета психофизиологической разгрузки в образовательном процессе высших учебных заведений.

Следует отметить, что доктор психологических наук, профессор Вишневская Валентина Петровна входит в число первых ученых Республики Беларусь, научная деятельность которых была направлена на создание специальных психофизиологических кабинетов, лабораторий по обеспечению образовательного процесса в высшей школе. Так, ученый участвовала в создании на базе Белорусского государственного экономического университета (ранее Белорусского государственного института народного хозяйства им. В. В. Куйбышева) кабинета психофизиологической разгрузки. Полученные результаты проведенных В. П. Вишневской исследований в 1987 г. были представлены на ВДНХ СССР в павильоне ВЦСПС «Труд и отдых» (свидетельство № 105 участника ВДНХ СССР) (рисунок 6.1) и внедрены на промышленных предприятиях страны в рамках проекта «Взаимодействие науки и практики».

В соответствии с мнением В. П. Вишневской, квалифицированный специалист – это человек, владеющий современными данными науки, способный к эффективному применению на практике полученных знаний по специальности и психолого-педагогическим дисциплинам, обладающий высоким мастерством и творческим потенциалом, чувством нового. Подготовка такого специалиста в учреждениях высшего образования, по мнению автора, требует новых подходов и дальнейшего углубления содержания образования, совер-

шенствования методов обучения. В решении данной задачи важное место автором отводится компьютеризации образовательного процесса, изучению оптимальных условий усвоения материала обучающимися, а также разработке психолого-педагогических вопросов дифференциации обучения. Большие возможности индивидуализации процесса обучения в учреждениях высшего образования, по мнению автора, раскрываются при психолого-педагогическом правильном использовании компьютерной техники [8, 9].

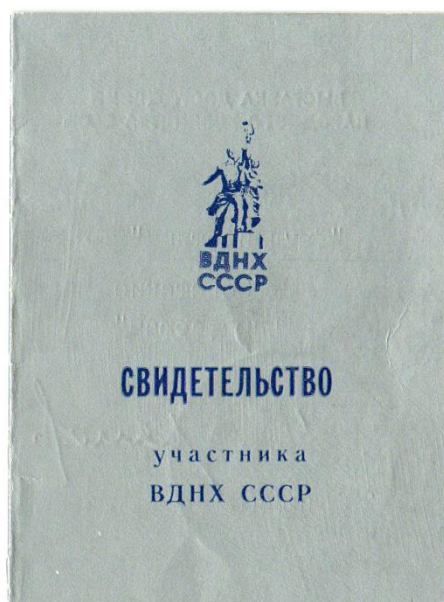

Рисунок 6.1. – Свидетельство участника ВДНХ СССР

В рамках анализа взглядов на проблему средств обучения, применяемых в преподавании психологии, представляет интерес деятельность Центра здоровьесберегающих технологий «ВИТАТОН», созданного в филиале «Профессионально-технический колледж» учреждения образования «Республиканский институт профессионального образования». В структуру центра входило две лаборатории:

- лаборатория «ЛАВР» (лаборатория активизации и восстановления работоспособности), задачами которой выступали диагностика и активизация восстановления работоспособности, определение функционального состояния жизнеобеспечивающих систем индивида, практическое освоение методов здоровьесбережения субъектов образовательного процесса;
- лаборатория «Релактон» (релаксация – активизация – тонизация), предназначенная для практического освоения программ по оздоровлению, снятию стресса, саморегуляции, преодолению конфликтных ситуаций и факторов риска для здоровья.

Следует отметить, что методическое и программное обеспечение «ЛАВР» позволяло осуществлять:

- интенсификацию образовательного процесса с учетом индивидуальной когнитивной нагрузки;

- прием зачетов и экзаменов, а также оперативную проверку уровня усвоения материала во время занятий;
- диагностику индивидуально-психологических особенностей обучающихся;
- экспресс-диагностику подверженности влиянию стрессов;
- оценку уровня работоспособности, утомления и хронической усталости;
- активизацию восстановления работоспособности;
- саморегуляцию психофизиологического состояния;
- профессиональный психологический отбор;
- проведение комплексных исследований психологического микроклимата коллектива и т. д.

В свою очередь, методическое и программное обеспечение лаборатории «Релактон» предоставляло возможность реализовать:

- научные и оргметодические исследования по проблемам профессионального обучения и основам успешности освоения производственных профессий;
- освоение методов и упражнений для проведения регламентированного функционального отдыха, ускоренного снятия зрительного напряжения и утомления;
- разработку индивидуально-дифференцированных рекомендаций по использованию эмоционально-волевых тренингов и другие программы;
- оценку резервных возможностей организма субъекта и обучение методам их повышения: самомассажу; искусству обретения положительных эмоций (музыка-, цвето-, свето-, арома-, фитотерапия); активизации восстановления работоспособности (с экспресс-оценкой) и т. д. [10].

С течением времени лаборатории и центры, аналогичные описанным выше, начали появляться и при иных учебных заведениях Беларуси. Используемое в них материально-техническое и методическое оснащение совершенствовалось в соответствии с технологизацией общества и развитием психологической науки, однако публикации, в которых отражено влияние тех или иных средств обучения на формирование у обучающихся психологического мышления, применение психологических знаний для анализа психических явлений и т. д., носят разовый и разрозненный характер. Вместе с тем теоретическое и практическое значение такого рода социально-психологических исследований неоспоримо и определяется возрастающей сложностью задач, решение которых требуется от будущих специалистов.

Результаты проведенного анализа современных подходов к оборудованию сенсорных комнат, кабинетов психологической разгрузки, психофизиологических лабораторий, а также аппаратуры по развитию психических познавательных процессов и т. д. [11, 12 и т. д.], информацией о которых пестрит Интернет, свидетельствуют о том, что перечень средств, используемых в практике работы психолога по различным направлениям деятельности, неуклонно растет и включает компьютерное, вибромusыкальное,

фиброоптическое или фиброоптическое (тренажеры, используемые для развития тактильных ощущений, моторики, снятия напряжения и т. д.), цвето- и светооборудование и т. д.

Разнообразие средств, используемых в деятельности психологов, и возрастающая динамика внедрения в образовательный процесс новых образовательных технологий поставили перед психологами органов пограничной службы Республики Беларусь задачу обобщения опыта, существующего не только в Республике Беларусь (в Университете гражданской защиты МЧС Беларуси, учреждении образования «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь» и т. д.), но и в иных странах в области преподавания психологии. Результаты проделанной работы нашли свое отражение как в ряде публикаций (например, в учебном пособии «Коммуникативная компетентность сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности (теоретические и практические аспекты)» [10]), так и в практике преподавания психологии для военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь. Например, на базе государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» был создан класс практической психологии, который начал функционировать с января 2016 г. В оформлении данного класса прослеживается новый и уникальный для нашей страны подход, заключающийся, с одной стороны, в соединении в одном учебном помещении широкого перечня средств обучения, позволяющих проводить занятия с использованием разных форм и методов, с другой – в создании условий для ознакомления обучающихся с современными тенденциями в практике психологической подготовки офицерских кадров.

Целевое назначение класса практической психологии включает проведение:

- учебных занятий (практических, семинарских, лабораторных занятий, тренингов, круглых столов) по вопросам психологии и применения психологических знаний на практике;
- учебных занятий по различным дисциплинам образовательного процесса с использованием психотехнологий;
- психологических консультаций с курсантами и слушателями, офицерами органов пограничной службы Республики Беларусь;
- психопрофилактической работы с курсантами и слушателями, офицерами органов пограничной службы Республики Беларусь;
- развивающих и психокоррекционных мероприятий с курсантами;
- занятий с офицерами территориальных органов пограничной службы Республики Беларусь, отделов (отделений) психологической работы и т. д.

Класс практической психологии включает в себя две зоны, условно обозначенные как «тренинговая» и «консультационная». Указанные зоны разделены раздвижной перегородкой, которая в собранном состоянии позволяет их объединить, создав единое рабочее пространство (рисунки 6.2, 6.3).

Рисунок 6.2. – «Тренинговая» зона класса практической психологии

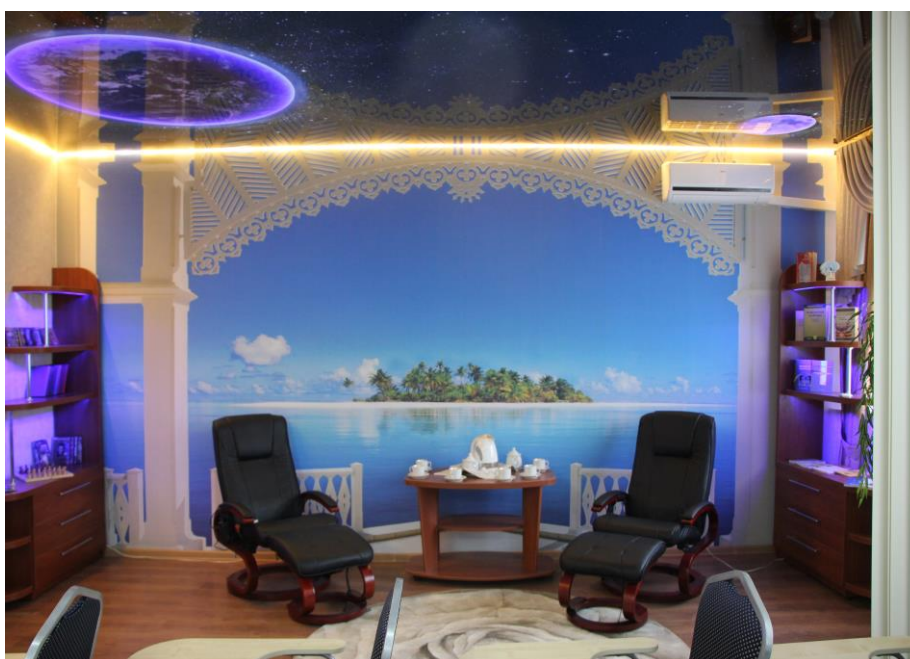

Рисунок 6.3. – «Консультационная» зона класса практической психологии

В «тренинговой» зоне располагаются подвижные посадочные места для обучающихся (стулья с откидными столешницами), что предоставляет профессорско-преподавательскому составу возможность планировать занятия с использованием широкого перечня форм групповой работы. Так, курсантам, обучающимся по разным специальностям, предлагается факультативная дисциплина «Психология эталонного образа офицера-пограничника», практические занятия по которой включают элементы тренинга.

Неотъемлемой составляющей любой современной аудитории является ее компьютерное оснащение, которое дает возможность использовать на занятиях видеофильмы, презентации, обучающие тестовые программы, Smart-

технологии и т. д. В планировании класса практической психологии был учтен данный аспект. Стационарный компьютер на столе преподавателя и телевизор на одной из стен класса позволяют в процессе демонстрации видеоматериалов создавать для обучающихся эффект погружения в анализируемый сюжет.

Значимым элементом «тренинговой» зоны является наличие в ней флипчарта. Замена стационарной учебной доски на легко транспортируемую в аудитории магнитно-маркерную позволила минимизировать время, необходимое обучающимся на подготовку к представлению наработанного в процессе индивидуальной или групповой работы материала, рационально использовать пространство учебной аудитории.

Оснащение «консультационной» зоны включает в себя следующие элементы: два кресла STILISTA с функциями массажа, применяемые (в частично собранном виде) для проведения психологического консультирования; журнальный столик; шкафы для хранения средств обучения, востребованных в процессе проведения психологического консультирования, психопрофилактической и психокоррекционной работы (см. рисунок 6.3).

Следует отметить, что с позиции оснащения «консультационная» зона представляет собой элемент комнаты (уголка) психологической разгрузки подразделения воинской части органов пограничной службы Республики Беларусь. Указанный подход в оформлении класса практической психологии позволяет сформировать у курсантов адекватные представления о деятельности психолога воинской части, психологическом сопровождении служебной деятельности пограничников.

В качестве отдельного аспекта в оформлении класса практической психологии следует выделить световой дизайн рассматриваемого помещения (звездное и голубое небо, цветковые аквапанели и т. д.), который на основе разноцветового и разнояркостного наполнения рабочего пространства, создаваемого за счет использования световых и цветковых источников, предоставляет обучающимся возможность на практике ознакомиться с воздействием на зрительные анализаторы, соответственно, на психику человека, что способствует осознанию ими особенности выполнения поставленных задач в разных условиях обстановки.

Неотъемлемым компонентом класса практической психологии является наличие видеокамер, позволяющих осуществлять видеозапись и последующий анализ (самоанализ) действий обучающихся, происходящих как в «тренинговой», так и в «консультационной» зонах.

Одной из задач следует отметить формирование у обучающихся представления о широком использовании различных программно-аппаратурных средств в практике подготовки сотрудников силовых министерств и ведомств. В этой связи обучающимся предоставляется возможность ознакомиться с разработками, которые широко применяются в психологической коррекции как эмоционального состояния сотрудника, так и психических по-

знавательных процессов. В качестве примера целесообразно привести знакомство обучающихся с майнд-машиной.

Согласно инструкции по использованию данного оборудования, состоящая из четырех блоков (основной блок, наушники, очки, аудиопроигрыватель) майнд-машина (англ. *mind machine* – в переводе «машина для ума» или «тренажер мозга») предназначена для отдыха, творчества и саморазвития. В то же время, обладая рядом встроенных сессий, которые обеспечивают согласованные во времени изменения различных параметров стимуляции для достижения какого-либо выбранного обучающимся состояния, майнд-машина имеет функцию программирования, то есть пользователю предоставляется возможность создания индивидуальных сессий или воспроизводства сессий с компакт-дисков. Необходимо отметить, что по целевому назначению сессии подразделяются на широкий перечень групп: для отдыха и глубокого расслабления (Relaxation), быстрого засыпания и борьбы с бессонницей (Sleep), повышения уровня творческих способностей (Creativity) и т. д. [11, 14 и т. д.].

На протяжении нескольких лет в государственном учреждении образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» осуществляется анализ учебных занятий, проводимых в классе практической психологии. Результаты указанной работы свидетельствуют о том, что материально-техническое оснащение класса практической психологии расширяет возможности профессорско-преподавательского состава в разработке сценариев проведения различного рода занятий. В свою очередь, рефлексия, проведенная с обучающимися по завершении занятий, позволяет сделать вывод о переосмыслении ими подходов к современной психологической науке и ее роли в формировании личности специалиста.

ГЛАВА 2

МОДЕЛЬ «ПЕРЕВЕРНУТОГО ОБУЧЕНИЯ» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ

Учет современной геополитической ситуации, взаимоотношений с государствами, в том числе с теми, с которыми граничит наша республика, появление новых вызовов и угроз национальной безопасности требуют постоянного совершенствования уровня организации процесса подготовки офицерских кадров органов пограничной службы. В этой связи использование в образовательном процессе курсантов инновационных образовательных технологий (технологий XXI в., соединяющих в себе образовательные технологии индустриального и постиндустриального общества и получивших название технологий смешанного обучения) может выступать в качестве одного из доминирующих факторов, детерминирующих формирование высокого уровня профессионализма рассматриваемой категории специалистов.

Каждая эпоха предполагает наличие определенной концепции образования, обусловленной уровнем развития и потребностями общества в конкретной модели специалиста. В качестве одной из актуальных проблем современной дидактики выделяется поиск технологий обучения, соответствующих и опережающих изменения в науке и технике. В то же время, исходя из специфики преподавания конкретной дисциплины, использование такого рода образовательных технологий требует анализа не только с позиции их инновационности, затрат при внедрении и результативности, но обратной связи, отражающей восприятие обучающимися учебного материала. По этой причине одним из актуальных вопросов подготовки офицерских кадров в современных условиях является апробация технологий XXI в. в практике преподавания той или иной дисциплины.

Вопросы внедрения инновационных технологий в процесс подготовки современных специалистов нашли широкое обсуждение в работах представителей разных отраслей научного знания нашей страны. Например, в публикациях Г. Л. Гаевской отмечается факт наличия в современной практике преподавания учебных дисциплин широкого перечня моделей смешанного обучения (перевернутый класс, индивидуальная траектория, автономная группа и др.). На основании результатов теоретического анализа специфики использования указанных моделей в практике подготовки специалистов в учреждениях высшего образования автором в качестве наиболее перспективной была выделена модель перевернутого обучения. Внедрение указанной модели в Витебском государственном медицинском университете, согласно результатам эмпирического исследования, проведенного автором, способствует активизации у обучающихся интереса к учебным дисциплинам, повышению результатов текущей аттестации и т. д. [14].

Близкие к вышеуказанным результаты исследования были получены в процессе внедрения технологий смешанного обучения в практику подготовки

специалистов в иных белорусских учреждениях высшего образования (Белорусском педагогическом университете им. М. Танка [15], Белорусском национальном техническом университете [16] и др.).

В работах отечественных авторов [14–17 и др.] отмечается, что в современной науке под перевернутым обучением, являющимся одним из видов технологии смешанного обучения, понимается такая организация образовательного процесса, при которой традиционная лекция и самостоятельная подготовка обучающихся меняются местами. Обучающиеся в процессе самостоятельной подготовки знакомятся с короткими видеолекциями (от 5–7 минут и более), а на учебных занятиях выполняют упражнения, решают практические задачи, участвуют в обсуждении проектов, результатов диагностики и спорных вопросов. Видеолекции (технология водкаст (vodcast от video-on-demand, т. е. видео по запросу или папка с видеофайлами) выступают в качестве значимого компонента перевернутого подхода и создаются в настоящий период времени преподавателями дисциплины. На практических занятиях часть учебного времени (до 25–30 %) посвящается разбору вопросов, возникших у обучающихся в период самостоятельной подготовки [14–17 и др.].

В контексте рассмотрения процесса внедрения модели перевернутого обучения в практику подготовки офицерских кадров следует отметить, что методика преподавания тех или иных дисциплин имеет определенную специфику. Анализируя особенности преподавания дисциплин психологической направленности авторами (Б. Ц. Бадмаев [18], Е. В. Самаль [19], В. М. Карандышев [20]), акцентируется внимание на необходимости научного объяснения психических явлений в соответствии со следующими положениями:

- психические явления рассматриваются как отражение действительности; психика понимается как свойство особым образом организованной материи – мозга;

- психическая деятельность индивида носит причинно обусловленный характер;

- психические явления исследуются в их развитии;

- психика субъекта проявляется и формируется в его деятельности;

- каждое психическое явление анализируется с позиции его целостности;

- теоретические психологические знания связываются с практической деятельностью личности [18].

В работах вышеуказанных авторов [18–20] в процессе анализа методики преподавания дисциплин психологической направленности также особое внимание уделяется традиционно используемым формам проведения занятий (лекциям, семинарским и практическим занятиям). Однако в связи с публикацией данных работ в первом десятилетии XXI в. освещение вопросов использования в практике преподавания дисциплин психологической направленности инновационных образовательных технологий (технологий смешанного обучения), включающих подходы к подготовке кадров индустриального и постиндустриального общества, в них отсутствует.

Результаты более детального анализа обозначенной проблемы свидетельствуют о том, что в последние годы отмечается появление разовых публикаций представителей белорусской психологической школы, в которых отражены вопросы использования технологий смешанного обучения в практике преподавания дисциплин психологической направленности. Например, в работах Т. В. Шершневой акцентируется внимание на следующем противоречии: «потребности студента как заказчика образовательных услуг в получении достоверной научной психологической информации возрастают, а соответствующие дисциплины в учебных планах исчезают» [16, с. 96–97]. Разрешению указанного противоречия, по мнению автора, будет способствовать внедрение в практику преподавания дисциплин психологической направленности технологий смешанного обучения, использование которых позволят оптимизировать обмен информацией, закрепление и контроль знаний, получение обратной связи о результатах обучения, переход от монолога к полноценному диалогу и обеспечить приоритет мониторинга над контролем [16].

Иной взгляд на проблему совершенствования методики преподавания дисциплин психологической направленности в соответствии с новыми реалиями представлен в публикациях А. П. Лобанова и Н. В. Дроздовой. В качестве доминирующего принципа эффективной подготовки по дисциплинам психологической направленности на основе инновационных образовательных технологий авторами выделяется следующее: «развивать интеллект, основываясь на информационном подходе, при мотивационно-эмоциональном подкреплении в процессе коммуникации» [21, с. 5]. При определении целесообразности внедрения тех или иных инновационных образовательных технологий в практику подготовки кадров авторы рекомендуют обратиться к результатам исследования Э. Дейла (рисунок 6.4).

Рисунок 6.4. – Пирамида обучения (Dale's cone of learning) [по 21, с. 15]

Согласно результатам исследования Э. Дейла (см. рисунок 6.4), 90 % информации обучающимися усваивается в процессе обучения других и/или в процессе непосредственного применения полученных знаний на практике, 75 % – в процессе конкретной практической работы, 50 % – посредством использования в образовательном процессе дискуссии, 30 % – в процессе демонстрации, 20 % – аудиовизуализации. В свою очередь, наименьший процент усвоения учебного материала, в соответствии с результатами исследования автора, отмечается в процессе чтения (10 %) и прослушивания традиционной лекции (до 5 %). Указанный факт, по мнению А. П. Лобанова и Н. В. Дроздовой, необходимо выделить в качестве основополагающего при принятии решения о целесообразности использования образовательной технологии для совершенствования методики преподавания дисциплин психологической направленности в современных условиях [21]. Разделяя мнение авторов, можно сделать предположение о том, что использование в практике преподавания дисциплин психологической направленности модели перевернутого обучения, включающей просмотр обучающимися во время самостоятельной подготовки видеоматериалов, использование на практических занятиях метода групповой дискуссии и т. д., будут способствовать повышению эффективности процесса подготовки будущих специалистов.

В качестве отдельного вопроса совершенствования методики преподавания дисциплин психологической направленности А. П. Лобановым и Н. В. Дроздовой выделяется необходимость изменения отношения преподавателя к организации самостоятельной работы обучающихся. Результаты исторического анализа указанного вопроса, проведенного авторами, свидетельствует о том, что с 60-х г. XX в. в связи со сменой образовательных парадигм (переходом от обучения к учению на основе теории педагогического менеджмента (П. Друкер, М. М. Поташник, Ю. А. Конаржевский) и концепции адаптивного и рефлексивного управления педагогической системой (Е. А. Ямбург, А. С. Границкая, Т. М. Давыденко, П. И. Третьяков) начали разрабатываться модели управляемой самостоятельной работы. Анализируя современное состояние обозначенной проблемы, А. П. Лобановым и Н. В. Дроздовой отмечается активизация интереса исследователей к организации указанной формы работы. В рамках внедрения в образовательный процесс инновационных образовательных технологий авторами была разработана топологическая модель самостоятельной работы обучающихся учреждения высшего образования, которая включает разные ее виды (контролируемую, управляемую самостоятельную работу и самообразование). Данная модель предполагает последовательную реализацию в образовательном процессе принципов активности и осознанности, которые могут быть развернуты в системе координат «детерминизм – индетерминизм», «условие – цель» [21]. Указанный подход имеет особую значимость в аспекте рассмотрения проблемы совершенствования методики преподавания дисциплин психологической направленности посредством внедрения модели перевернутого обучения в связи с тем, что осо-

бое внимание в процессе ее реализации уделяется организации самостоятельной работы обучающихся, формированию у них мотивации саморазвития.

В перечне вопросов, требующих научного рассмотрения в аспекте определения целесообразности использования технологий смешанного обучения в практике преподавания дисциплин психологической направленности, особое внимание следует уделить специфике образовательного процесса конкретных специалистов. В этой связи на базе государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» в 2018 г. было организовано внедрение модели перевернутого обучения в практику подготовки офицерских кадров. В качестве экспериментальной была выбрана одна из дисциплин психологической направленности – факультативная дисциплина «Психология эталонного образа офицера-пограничника».

В образовательном процессе курсантов-пограничников факультативной дисциплине «Психология эталонного образа офицера-пограничника» отводится особое место, что продиктовано ее взаимосвязью в той или иной степени с широким перечнем учебных дисциплин как психологической («Общая психология и педагогика», «Психология управления» и т. д.), так и иной направленности.

Целью факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника» является осознание процесса формирования и принятие курсантами эталонного образа офицера-пограничника как образа-цели профессионального развития.

Задачи факультативной дисциплины:

ознакомить курсантов с основными подходами к рассмотрению психического образа в психологической науке;

сформировать у обучающихся первичные навыки анализа внешнего информационного поля, выступающего в качестве информационного основания процесса формирования эталонного образа офицера-пограничника;

ознакомить курсантов с психологическим содержанием внутреннего информационного поля, оказывающего влияние на формирование эталонного образа офицера-пограничника;

сформировать представления об исторически сложившихся и современных требованиях, предъявляемых деятельностью по охране государственной границы к личности офицера органов пограничной службы, а также о существующих в психологической науке подходах к рассмотрению понятия «профессионализм»;

сформировать представления о факторах и условиях формирования эталонного образа офицера-пограничника и т. д. [17].

В целях изучения особенностей использования модели перевернутого обучения в процессе подготовки будущих офицеров-пограничников было проведено эмпирическое исследование восприятия курсантами вышеуказанного подхода. Эмпирической базой исследования выступили результаты анкетирования 50 курсантов 1-го курса государственного учреждения образова-

ния «Институт пограничной службы Республики Беларусь», обучающихся по различным специальностям.

Изначально в процессе анкетирования, носившего исследовательский характер, курсантам было предложено оценить степень отличия модели перевернутого обучения от технологий, традиционно используемых в практике подготовки будущих офицеров-пограничников (рисунок 6.5).

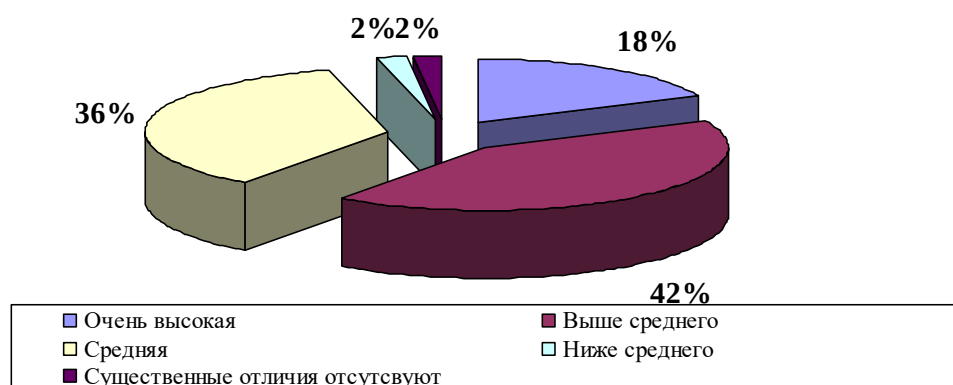

Рисунок 6.5. – Оценка курсантами степени отличия модели перевернутого обучения от технологий, традиционно используемых в практике подготовки офицера-пограничника

Как видно из рисунка 6.5, большинство курсантов (42 %) степень отличия модели перевернутого обучения от традиционно используемых в практике подготовки будущих офицеров-пограничников образовательных технологий оценили как выше среднего. В то же время 2 % курсантов оценили степень отличия как ниже среднего, а 2 % – указали на отсутствие каких-либо отличий. Можно предположить, что ранее (в школе, училище) обучение данных курсантов осуществлялось с использованием разнообразных образовательных технологий, в том числе информационно-коммуникационных и/или технологий смешанного обучения.

В рамках проведения исследования курсантам было предложено выделить достоинства и сложности, возникающие у них в процессе изучения факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника», в основу преподавания которой была положена модель перевернутого обучения (рисунки 6.6, 6.7).

В соответствии с данными, представленными на рисунке 6.6, к доминирующим достоинствам использования модели перевернутого обучения курсантами были отнесены: возможность пересмотра (остановки и перемотки) видеоматериалов (14 %); экономия времени в процессе усвоения материала (12 %); легкость в восприятии и усвоении материала (12 %).

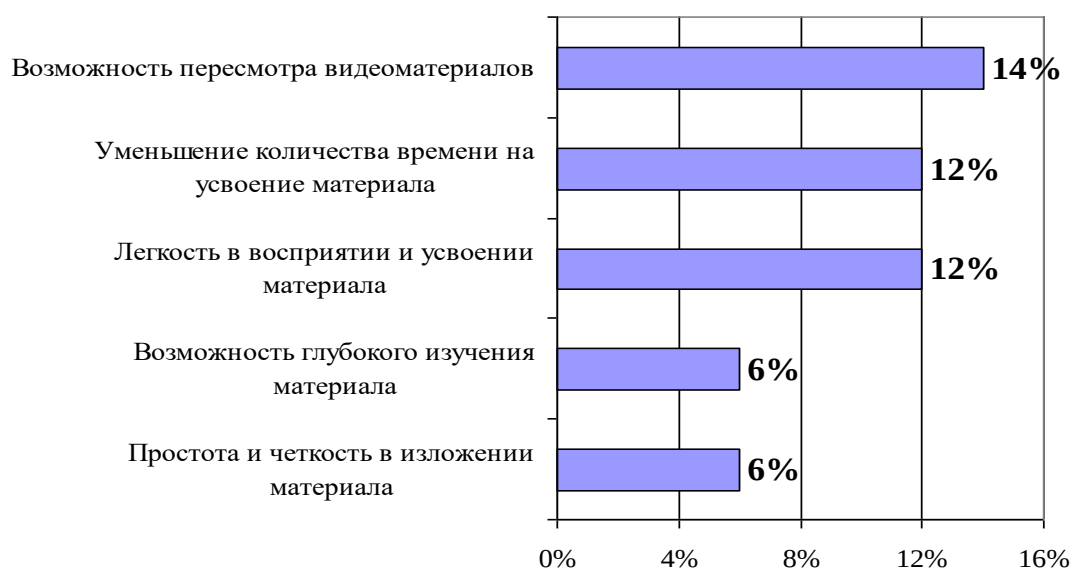

Рисунок 6.6. – Выделенные курсантами достоинства модели перевернутого обучения

Рисунок 6.7. – Выделенные курсантами сложности изучения дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника», преподавание которой осуществляется на основе модели перевернутого обучения

Согласно данным, представленным на рисунке 6.7, к доминирующим сложностям, возникающим в процессе изучения факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника», преподавание которой осуществляется на основе модели перевернутого обучения, курсантами были отнесены: отсутствие возможности задать уточняющие вопросы преподавателю в процессе просмотра видеоматериалов (28 %); недостаточное

количество времени на самостоятельной подготовке для качественной подготовки к предстоящим практическим занятиям (22 %); нестандартная ситуация восприятия информации, необходимость перестроиться (привычка к традиционным формам обучения) (12 %). Однако вышеуказанные сложности, возникшие у курсантов в процессе подготовки к занятиям, проводимым на основе модели перевернутого обучения, в большей степени определяются индивидуально-психологическими особенностями рассматриваемой группы респондентов и в дальнейшем могут быть нивелированы. В этой связи курсантам было предложено указать перечень качеств, формированию которых способствует использование в процессе изучения факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника» модели перевернутого обучения и которые могут быть отнесены к профессионально важным качествам офицера-пограничника (рисунок 6.8).

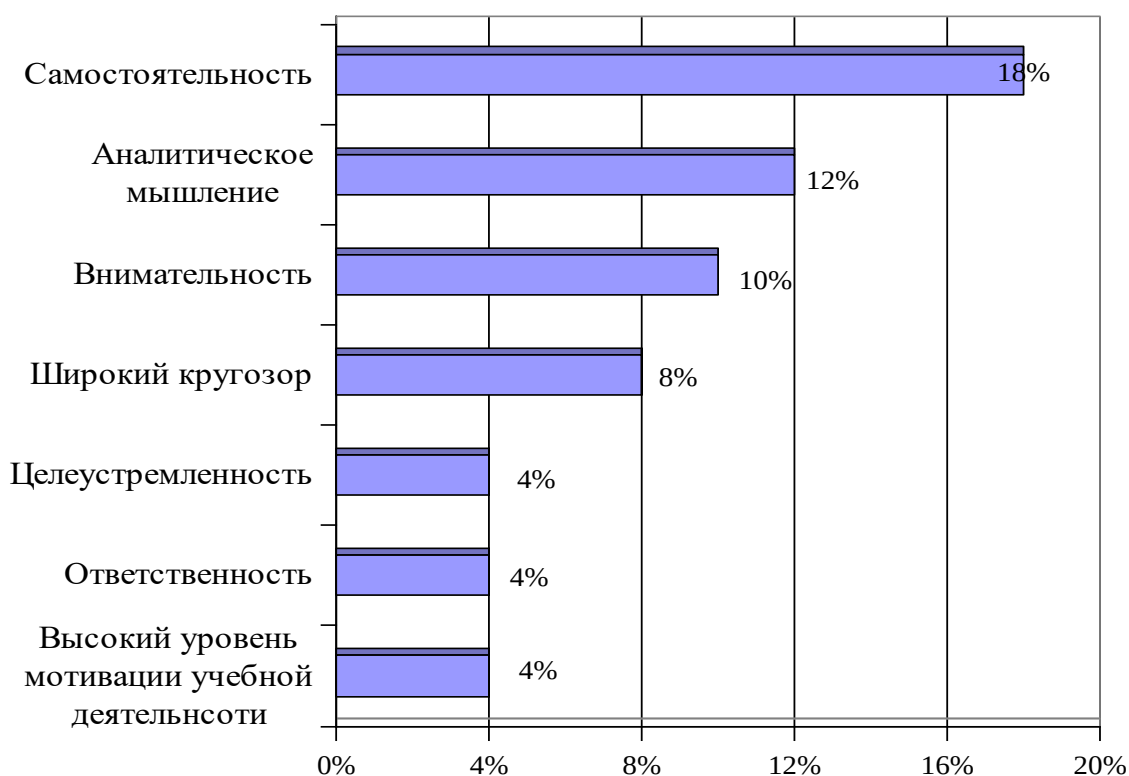

Рисунок 6.8. – Профессионально важные качества, формированию которых, согласно мнению курсантов, способствует использование модели перевернутого обучения в процессе преподавания факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника»

Как видно из рисунка 6.8, курсантами выделяются следующие качества, активно формирующиеся посредством использования в практике подготовки офицеров-пограничников модели перевернутого обучения: самостоятельность (18 %); аналитическое мышление, умение анализировать информацию (12 %), внимательность (10 %); широкий кругозор (8 %).

В процессе анализа целесообразности расширения перечня дисциплин, в практике преподавания которых возможно было бы использование модели перевернутого обучения, мнение курсантов разделилось (рисунок 6.9).

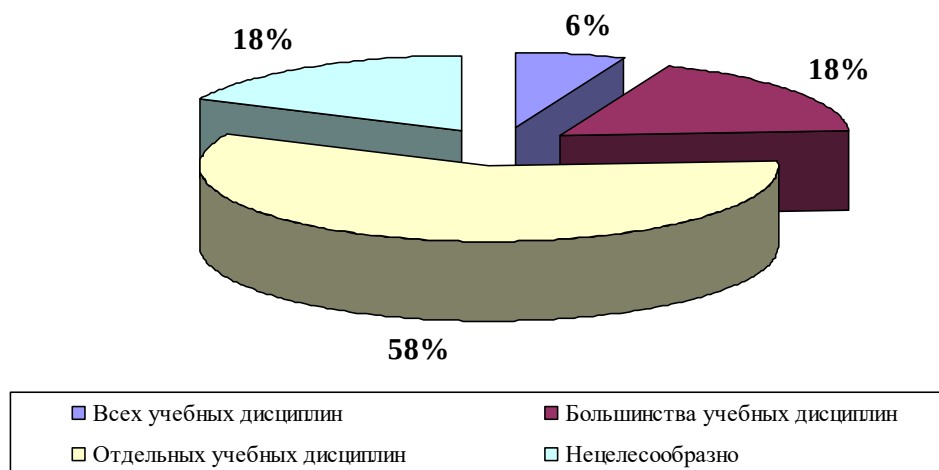

Рисунок 6.9. – Мнение курсантов относительно целесообразности внедрения модели перевернутого обучения в практику преподавания разнообразных учебных дисциплин

Согласно данным, представленным на рисунке 6.9, более половины курсантов (58 %) указали на целесообразность внедрения модели перевернутого обучения в практику преподавания только отдельных учебных дисциплин. Можно предположить, что такая точка зрения возникла у рассматриваемой категории респондентов на основе выделения сложностей (рисунок 6.7), возникших в процессе знакомства с указанным подходом. Более глубокий анализ обозначенного вопроса показал, что, по мнению курсантов, внедрение в образовательный процесс инновационных образовательных технологий не всегда уместно (рисунок 6.10).

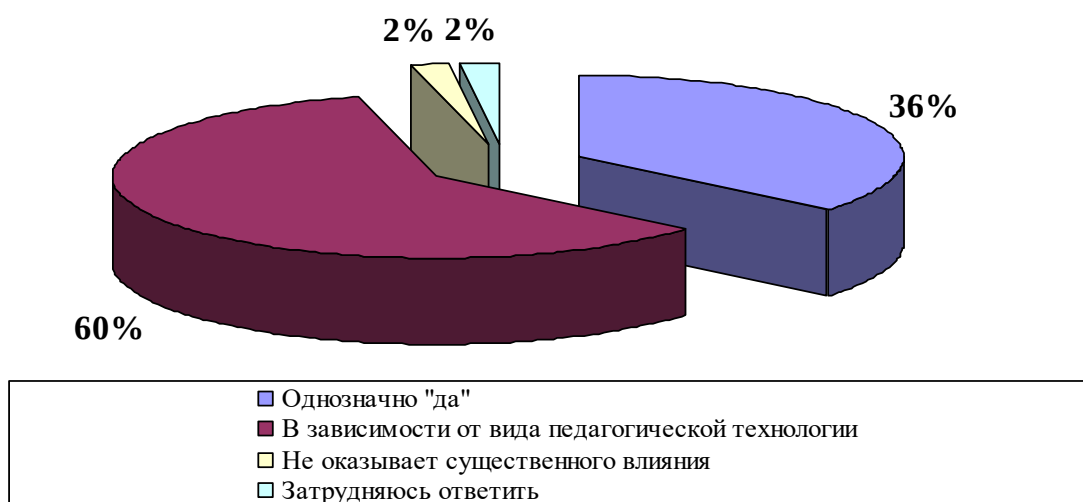

Рисунок 6.10. – Мнение курсантов относительно целесообразности внедрения в процесс подготовки будущих офицеров-пограничников инновационных образовательных технологий

Как видно из рисунка 6.10, согласно мнению большинства курсантов (60 %), целесообразность внедрения в процесс подготовки будущих офицеров-пограничников инновационных образовательных технологий определяется содержанием данных технологий. Имеются основания полагать, что рассматриваемая категория обучающихся анализирует, с одной стороны, требования, предъявляемые деятельностью по охране государственной границы личности современного офицера, с другой – факторы, детерминирующие необходимость совершенствования процесса подготовки кадров. У респондентов также отмечается осознание возрастающих требований не только к образовательному процессу, но и обучающимся, прежде всего в аспекте изменения их отношения к самостоятельной подготовке и своей роли в ее организации.

ГЛАВА 3

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ

В ПРАКТИКЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Начиная с начала нового тысячелетия проблема разработки и реализации профессиональных тренингов для разных категорий специалистов приобрела актуальность в связи с расширяющимся перечнем требований, предъявляемых профессиональной деятельностью к субъекту труда, а также возрастающей динамикой трансформации профессий, появлением новых и исчезновением уже изживших себя сфер профессиональной деятельности. Значимым фактором популярности указанной формы подготовки кадров явилась ее эффективность, детерминируемая высоким уровнем мотивации, активности и личной ответственности каждого обучающегося за повышение своего уровня профессионализма. В то же время, выполняя разнообразные функции (преобразующую, корректирующую, профилактическую), тренинг привлекает участников конфиденциальностью, внутренней открытостью, комфортной психологической атмосферой в группе и т. д.

Исторический анализ подходов к организации и проведению профессиональных тренингов свидетельствует о том, что первые тренинговые группы были организованы учениками Курта Левина и названы Т-группами. В отечественной психологической науке тренинг получил распространение в начале 80-х гг. XX в., открывая качественно новый этап развития практической деятельности психологов. В советской психологической науке указанный этап был ознаменован выходом фундаментальной работы Л. А. Петровской (1982), посвященной теоретическим и методическим аспектам проведения социально-психологического тренинга [22]. В дальнейшем вопросы профессиональной подготовки будущих специалистов с использованием тренинга нашли отражение в публикациях ряда авторов: А. И. Аверина, Н. М. Дьячковой, А. Р. Ерментаевой, Е. В. Ибрагимовой, Ю. В. Макаровой, И. В. Орловой, И. А. Рудаковой, Н. М. Сараевой, Ю. В. Ушачевой, Т. Н. Черняевой, А. В. Щербакова и др.

В то же время первым ученым советской эпохи, который наиболее глубоко раскрыл возможности использования тренинга как формы подготовки кадров, по праву можно считать С. И. Макшанова [23]. На основании результатов проведенного докторского диссертационного исследования (1993) [24] автором было отмечено, что психологический тренинг целесообразно рассматривать как многофункциональный метод, направленный на преднамеренное изменение психологических и социально-психологических особенностей личности, группы и коллектива в целях гармонизации профессионального и личностного бытия субъекта, а также повышения эффективности функционирования организации. Определив принципы системной детерминации, реалистичности и избыточности в качестве методологических основ профессионального тренинга, автором было акцентировано внимание на

возможностях его применения в области психологического обеспечения профессиональной деятельности на всех стадиях профессиогенеза личности.

Значимым, в контексте рассмотрения обозначенной проблемы, выступает выделение С. И. Макшановым различных видов профессиональных тренингов: функционального (оптимизация функций психических процессов личности в соответствии с требованиями профессиональной деятельности); перцептивно-ориентированного (повышение у индивида адекватности и полимодальности в процессе восприятия образов профессиональных объектов, операций, самого себя, других людей); интеллектуального (формирование у субъекта навыков мыслительных операций с образами профессиональных объектов); специальных умений (развитие у специалистов умений и навыков самоуправления, самоуверенности, разрешений конфликтов и т. д.); построения успешной карьеры [23]. Не вызывает сомнения факт того, что разнообразие профессиональных тренингов может способствовать решению широкого круга задач подготовки специалистов. В качестве основополагающих автором были определены:

1. Психопрофилактика возникновения социально и профессионально нежелательных качеств, профессиональных стагнаций и деструктивных трансформаций личности специалиста;

2. Повышение уровня социально-профессиональной и психологической компетентности сотрудника;

3. Развитие социально и профессионально важных умений, качеств, способностей субъекта профессиональной деятельности;

4. Психологическая коррекция профессионально-психологического профиля личности;

5. Актуализация профессионально-психологического потенциала члена тренинговой группы [23].

Соглашаясь, в своем большинстве, с подходами к анализу возможностей профессионального тренинга, представленными в публикациях С. И. Макшанова, А. К. Марковой, вышеуказанный список был расширен. В соответствии с мнением автора, профессиональный тренинг целесообразно рассматривать как систему воздействий, направленных на развитие, формирование, коррекцию у специалиста требуемых профессией качеств. В методическом плане автором была отмечена необходимость четкого разграничения профессионального и, получившего широкое распространение в коррекционной деятельности психологов, общеличного тренинга. Отличительной особенностью последнего, по мнению автора, является его направленность на повышение уровня коммуникативной компетентности, самовыражения личности и т. д., а также отсутствие высокого уровня требований к знаниям психолога-тренера в области специфики профессии, профессионального становления личности, психологии профессионализма.

В качестве задач профессионального тренинга в публикациях А. К. Марковой выделяются:

- формирование у субъекта труда целостных представлений о профессиональной деятельности с учетом новых запросов общества и государства в области экономики, инноваций, технологий и т. д. (тренинг субъекта труда);
- формирование отдельных видов профессиональной деятельности или навыков профессионального общения (тренинг исследовательской деятельности, тренинг коммуникативной компетентности и т. д.);
- развитие мотивационной сферы личности в целях поиска мотивов, смыслов, построения системы «видения» профессиональной деятельности (мотивационный тренинг);
- формирование более высокого уровня компонентов эмоциональной сферы специалиста (эмоциональный тренинг);
- формирование определенного уровня владения новыми профессиональными техниками, технологиями («технологический» тренинг).

В свою очередь, в рамках реализации «технологического» тренинга, в соответствии с мнением А. К. Марковой, целесообразно определить его подвиды:

- тренинг профессионального сотрудничества, направленный на формирование у представителей организации навыков межличностного взаимодействия с различными категориями граждан в ходе выполнения функциональных обязанностей;
- тренинг статуса, ориентированный на повышение профессионального и социального статуса сотрудника в коллективе и обществе;
- тренинг профессионального творчества, заключающийся в повышении уровня готовности личности к внедрению инноваций;
- психотерапевтический и психогигиенический профессиональный тренинг, предполагающий построение субъектом позитивной профессиональной Я-концепции, самопринятия в профессии и др.

В процессе рассмотрения широты перечня задач профессионального тренинга А. К. Марковой также отмечается их зависимость от различного рода факторов, а именно: от исходного уровня, этапа, ступени профессионализма, на которой находятся члены группы; имеющихся и требуемых от них уровней профессиональных знаний, умений, способностей; общей модели профессионализма, выбранной в качестве эталонной и, соответственно, от профессиограммы специалиста, выступающей в качестве основы рассматриваемой формы проведения занятий. В этой связи профессиональный тренинг автором рассматривается не только как отработка внешних приемов, «техник», умений, но и как тренинг психики профессионала.

Большое практическое значение имеет выделение А. К. Марковой в качестве результатов профессионального тренинга и критериев оценки его эффективности следующих изменений: переход субъектов на новый уровень, этап, ступень профессионализма; повышение результативности профессиональной деятельности и «перенос» приобретенного в процессе тренинговых занятий в реальную профессиональную деятельность; позитивные «сдвиги»

в профессионально-важных качествах; рост уровня притязаний, удовлетворенности специалиста избранным профессиональным путем [25].

Иная точка зрения на выделение критериев оценки эффективности профессионального тренинга представлена в публикациях Л. Р. Ахмадиевой. Согласно мнению автора, профессиональный тренинг следует понимать как метод приобретения знаний, на основе которых формируются новые модели поведения, способствующие повышению эффективности профессиональной деятельности специалиста. Цель профессионального тренинга автором определяется как оказание влияния на регуляцию поведения и деятельности субъекта профессиональной деятельности, его профессиональное самосознание. Особое значение в работах автора придается необходимости формирования у участников наряду с умениями, отражающимися в изменении собственного поведения (поведенческие умения), умений видеть и понимать в поведении других людей те индивидуально-психологические особенности, которые впоследствии будут подвергаться изменениям в их собственном поведении (когнитивные умения).

Выявление степени результативности профессионального тренинга, по мнению Л. Р. Ахмадиевой, возможно только путем комплексной оценки, включающей оценку уровня знаний, когнитивных и поведенческих умений. Автором указывается на то, что субъективное восприятие желаний, знаний, когнитивных и поведенческих умений, а также сведения, полученные с использованием анкетирования, отражающие эмоциональные реакции участников, не могут выступать в качестве достоверных показателей, позволяющих диагностировать уровень поведенческих изменений.

Результаты проведенного Л. Р. Ахмадиевой теоретического анализа обозначенной проблемы свидетельствовали о том, что наиболее популярным в психологической науке подходом в оценке степени эффективности профессионального тренинга по праву можно считать предложенную еще в 1959 г. модель Дональда Кирпатрика (Donald Kirkpatrick), включающую 4 уровня анализа:

1. Реакция: эмоциональное отношение участников к тренингу (положительное/отрицательное).

2. Обучение: оценка степени усвоения членами группы учебного материала (характеристики: знания, отношения, умения и навыки, способности, установки).

3. Поведение: оценка изменений в поведении и деятельности специалистов на рабочих местах, осуществляемая с помощью метода интервью, которое проводится как непосредственно с ними, так и с их окружением и руководством до и после работы тренинговой группы.

4. Результаты: оценка того, чему способствовало обучение конкретных сотрудников организации в целом.

К достоинствам описанной модели Л. Р. Ахмадиевой были отнесены комплексность подхода и многосторонность в выборе критериев анализа ре-

зультатов. В то же время модель Д. Кирпатрика, по мнению автора, не лишена недостатков, что мешает принять ее в качестве единственно возможного эталона оценки эффективности тренинга. В этой связи автором была разработана модель, включающая измерение психологических показателей на трех уровнях:

1-й уровень – оценка эмоциональных реакций участников на профессиональный тренинг в целом и на отдельные его компоненты в частности;

2-й уровень – оценка членами группы их собственного прогресса в освоении нового материала;

3-й уровень – объективные оценки знаний, когнитивных и поведенческих умений, демонстрируемых субъектами после участия в профессиональном тренинге.

Необходимо отметить, что Л. Р. Ахмадиевой были разработаны и проведены 5 видов профессиональных тренингов, анализ эффективности которых осуществлялся исходя из вышеописанной модели. В соответствии с мнением автора, проделанная работа позволяет рассматривать предложенную схему оценки в качестве универсальной, т. к. структура взаимосвязей психологических показателей эффективности в разных видах проведенных профессиональных тренингах оставалась неизменной [26].

Вместе с тем можно предположить, что указанный выше подход целесообразно использовать при рассмотрении профессионального тренинга как обучающего, позволяющего в качестве объективного показателя эффективности выделить четко диагностируемые знания, умения и навыки. В условиях, когда задачей профессионального тренинга выступает формирование профессионального самосознания, а также различного рода профессиональных образов (например, образа будущего выбранной профессии), применение объективных показателей оценки проделанной работы затруднено. Целесообразно также подчеркнуть, что в настоящий период времени отмечается активизация интереса представителей психологической науки к использованию в процессе проведения социально-психологических исследований феноменологического подхода, выделяющего в качестве зависимой переменной переживания личности [27].

Анализируя методические аспекты проведения профессиональных тренингов, особое внимание следует уделить подходам, представленным в публикациях белорусских психологов (Е. Л. Касьяник [28], Л. И. Зубилевич [29] и др.). Так, профессиональный тренинг, согласно мнению Л. И. Зубилевич, предполагает усвоение обучающимися некоторых специфических знаний, умений и навыков через интериоризацию особенностей профессиональной среды. В качестве приоритетной задачи данного вида тренинга автором выделяется процесс осознания личностью профессиональной среды и себя в ней, протекающий на уровне регулятивных структур психики [29].

Процесс подготовки кадров для государственных органов системы обеспечения национальной безопасности имеет широкий перечень особен-

ностей, определяемых спецификой деятельности данной категории специалистов.

Одним из первых авторов, представителей советской психологической школы, публикации которого были представлены в открытой печати (1990) и освещали вопросы применения психотехнологий в процессе подготовки сотрудников силовых министерств и ведомств, является В. В. Девятко. Анализируя вопросы повышения компетентности в общении молодых офицеров (офицеров Вооруженных Сил, имеющих стаж службы на офицерских должностях от 1 до 3 лет), автором социально-психологический тренинг (СПТ) рассматривался как «форма обучения, представляющая собой особым образом организованное взаимодействие членов малой группы, в которой осуществляется взаимодействие, направленное на развитие у личности компетентности в общении. Отличительными чертами деятельностно-ориентированного СПТ являются: 1) обязательный психологический анализ профессиональной деятельности участников СПТ; 2) определение места обучения в структуре профессиональной деятельности участников СПТ; 3) реализация названных элементов программы СПТ на начальных фазах тренинга» [30, с. 20].

Прогрессивными для рассматриваемого периода времени представляются выделенные В. В. Девятко факторы (социоперцептивные искажения, неадекватно выработанные средства коммуникативного воздействия и средства организации совместной деятельности) и предпосылки (противоречивые представления о протекании процесса социальной адаптации и принятия новой социальной роли, искаженное понимание процесса «ввода в должность» в условиях службы, интерпретация и переживания этих процессов офицером, определяемые его индивидуально-психологическими особенностями) возникновения у молодых офицеров трудностей коммуникативного характера. Указанные выше факторы и предпосылки затруднительного профессионального общения были положены автором в основу программы деятельностно-ориентированного социально-психологического тренинга для молодых офицеров. Оценка эффективности указанного вида тренинга определялась исходя из критериев компетентностного общения: точности межличностного восприятия, адекватности использования средств межличностной коммуникации и степени взаимопонимания, уровня развития навыков и умений организации совместной деятельности [30].

Результаты исторического анализа использования профессионального тренинга как одной из форм подготовки офицерских кадров свидетельствуют о том, что представленные в работах В. В. Девятко подходы нашли дальнейшее применение в практике организации образовательного процесса сотрудников разных силовых министерств и ведомств. В то же время обращает на себя внимание факт многоплановости и многовариативности рассмотрения профессионального тренинга как одной из форм подготовки будущих специалистов. В этой связи интерес представляют результаты исследования Е. В. Черепковой. В целях формирования психологической готовности респондентов

к будущей служебной деятельности по охране государственной границы автором бала разработана программа «Тренинг позитивного прогнозирования успешности профессиональной деятельности». Процесс подготовки офицеров-пограничников, согласно мнению автора, ориентирован на приобретение ими специальных знаний, умений и навыков, при недостаточном внимании к вопросам развития профессиональной направленности, мотивации служебной деятельности и т. д. Основу разработанного автором тренинга составляет «шестишаговая формула успеха», которая направлена на позитивное «восприятие» обучающимися предстоящей профессиональной деятельности и включает следующие этапы: 1. Мечтание; 2. Постановка цели; 3. Планирование; 4. Определение приоритетов; 5. Выполнение работы (реализация поставленных целей); 6. Поощрение.

Значимым в процессе анализа возможностей профессионального тренинга является мнение Е. В. Черепковой о том, что в рамках реализации тренинговой работы могут использоваться различные психотехнические приемы: визуализация, концентрация и др. Автором указывается на то, что неотъемлемой составляющей тренинга должно выступать формирование образов профессиональной деятельности, закладывающих основу развития профессионально важных качеств и формирования специальных навыков сотрудников [31].

Иной подход к использованию профессионального тренинга в практике подготовки офицеров-пограничников представлен в работах О. В. Маторы. Особенности процесса обучения будущих офицеров-пограничников, по мнению автора, являются:

- замкнутость организационной среды, что формирует специфику коммуникативной компетентности будущих специалистов;
- проживание в непосредственной близости друг от друга, которое порождает постоянную необходимость контролировать и в случае необходимости подавлять свои эмоции, чувства и т. д., что способствует возникновению коммуникативных барьеров.

В соответствии с выделенными особенностями автором подчеркивается необходимость в процессе подготовки будущих офицеров-пограничников проведение тренинга общения [32].

Активному внедрению социально-психологических методов в практику обучения пограничников способствовало то, что данные методы позволяют осуществлять подготовку рассматриваемой категории специалистов к решению достаточно широкого перечня служебных задач. Обобщив имеющийся опыт организации образовательного процесса офицерских кадров, Е. В. Губченко, представитель Пограничного научно-исследовательского центра ФСБ России, указал на возможность использования разнообразия профессиональных тренингов для формирования профессионально важных качеств (тренинг познавательных качеств, коммуникативный тренинг, ролевой тренинг, психорегулирующий тренинг и др.). В то же время автором отмечалась широта

применяемых в процессе проведения тренинга методов. Так, согласно мнению автора, «перспективным методом социально-психологического тренинга является психологическое моделирование условий и причин экстремальных обстоятельств оперативно-служебной деятельности. Он представляет комплекс приемов, способов и средств, позволяющих создать внешние и внутренние (психологические) условия, близкие к реальным результатам действий кризисных и экстремальных факторов» [33, с. 396]. Автором подчеркивается значимость использования в процессе проведения социально-психологического тренинга метода психологического анализа и решения практических задач, в качестве достоинства которого выделяется проверка в ситуации «здесь и сейчас» уровня профессионально-психологической подготовленности сотрудников [33].

В настоящий период времени в учреждениях образования Республики Беларусь, осуществляющих подготовку сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности, отмечается активизация внедрения практических занятий с использованием профессионального тренинга или его элементов (В. П. Вишневская, Е. И. Сутович [34], Ж. И. Казаченок [35]). Например, в публикациях Ж. И. Казаченок описываются результаты апробации комплексного профессионального тренинга, реализуемого в рамках образовательного процесса слушателей учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь». В качестве основной цели комплексного профессионального тренинга автором выделяется интеграция личностных свойств специалистов для формирования готовности к профессиональной деятельности, а отличительной особенностью – методика реализации, а именно, проведение его с участием максимального количества участников образовательного процесса и отражение в игровых ситуациях реальной профессиональной деятельности.

Интересным представляется мнение Ж. И. Казаченок о том, что практическое занятие как форма комплексного профессионального тренинга позволяет учитывать детерминанты развития профессионала на этапе обучения в системе «личность – деятельность – социум» и предполагает тесное взаимодействие преподавателя и психолога. Одновременно автором отмечается яркая направленность указанной формы практического занятия на формирование у специалистов как отдельных компетенций, так и общей профессиональной готовности к выполнению служебных задач. Ж. И. Казаченок также указывается на широкие возможности обучаемых: максимальное «приближение» к реальным ситуациям профессиональной деятельности; осуществление под руководством как преподавателя, так и психолога самоанализа индивидуальной активности, поведения, эффективности решения поставленных задач и т. д. Значимым, в соответствии с мнением автора, выступает то, что в процессе комплексного профессионального тренинга формирование профессиональных компетенций специалиста осуществляется во взаимосвязи с системообразующими качествами личности (зрелостью, ответственностью,

умением распределять время и достигать результатов в условиях дефицита средств и т. д.).

К числу весомых характеристик комплексного профессионального тренинга, по мнению Ж. И. Казаченок, относятся критерии его оценки, которыми являются не отдельные знания, умения и навыки, а качество решения поставленных задач (успешность профессиональной деятельности), где личность специалиста проявляется целостно. Автором подчеркивается, что выполнение служебных задач предполагает активизацию умений и навыков обучающихся по нескольким дисциплинам, изучаемым в учреждении образования, а также широкого спектра профессионально важных качеств. В этой связи в качестве руководителей описываемых практических занятий автором выделяются не только представители кафедр, несущих ответственность за формирование определенных профессиональных компетенций обучающихся, психологов учреждения образования, но и успешно действующие специалисты [35]. Несомненно, указанный подход обеспечивает тесную связь образовательного процесса и профессиональной деятельности специалистов.

В последнее десятилетие в образовательном процессе обучающихся в государственном учреждении образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» наблюдается активное внедрение профессионального тренинга (элементов профессионального тренинга) в практику проведения учебных занятий. Так, в рамках формирования межкультурной коммуникативной компетентности специалистов, практические занятия проводились в форме профессионального тренинга.

На практических занятиях рассматривались такие феномены, как «культурная толерантность», «культурная эмпатия», «культурный шок» и т. д., а также вопросы классификации культур. В процессе тренинга специалисты анализировали особенности ролевого поведения, ведения диалога этнокультур, прогнозирования и рефлексии межличностного взаимодействия с представителями иных культур. Высоко оценивая эффективность практических занятий с элементами профессионального тренинга, специалисты отмечали следующую специфику его проведения: групповой анализ и оценка выполненных упражнений; соотнесение с рассматриваемыми ситуациями собственных действий и их корректировка; обсуждение возникших трудностей и т. д.

Особое внимание применению элементов профессионального тренинга уделялось и в практике подготовки будущих специалистов. Так, в целях активизации процесса формирования профессионального самосознания будущих специалистов, формирования у них мотивации профессионального и личностного самопознания и самоанализа, более глубокого познания различных сторон предстоящей профессиональной деятельности в рамках факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника», а затем и на занятиях по иным психологическим дисциплинам были внедрены практические занятия с элементами профессионального тренинга.

Первостепенной задачей указанных занятий выступало формирование у обучающихся «эталонного образа офицера-пограничника». Выполняя регулятивную функцию, данный образ мотивирует будущих специалистов, определяя цели их личностного, социального и профессионального развития. «Эталонный образ офицера-пограничника», с одной стороны, выступает как образец, ориентир в саморазвитии обучающихся, с другой – является основой для выработки ими критериев и показателей оценки собственного уровня профессионального становления. Необходимо отметить, что в современных условиях развития нашего общества «эталонный образ профессионала» характеризуется нарастающей динамичностью. В этой связи типичной чертой практических занятий с элементами профессионального тренинга явилось расширение представлений будущих специалистов о способах решения служебных задач в условиях дефицита информации и времени, проигрывание и анализ ситуаций, реально возникающих или возможных при задержании нарушителей государственной границы, прогнозирование и сопоставление реального и эталонного, моделирование результативного поведения в процессе выполнения профессиональных задач.

В целях оценки эффективности указанных практических занятий была применена вышеописанная модель, разработанная Л. А. Ахмадиевой. Оценка эмоциональных реакций (положительные/отрицательные) на использование в процессе проведения практических занятий элементов профессионального тренинга (1-й уровень), а также самооценка обучающимися прогресса в освоении учебного материала (2-й уровень) осуществлялись с помощью метода анкетирования. Оценка знаний, когнитивных и поведенческих умений, демонстрируемых будущими специалистами по результатам учебных занятий (3-й уровень), выставлялась в соответствии с установленной в Республике Беларусь 10-балльной системой оценки знаний обучающихся. В опросе приняли участие 146 респондентов.

Анализ эмоциональных реакций обучающихся на проведение практических занятий с элементами профессионального тренинга (1-й уровень) свидетельствует о возникновении у 81,51 % респондентов положительных (позитивных) эмоций. При этом респонденты отмечали, что при выполнении ряда упражнений они испытывали чувство гордости, осознавая значимость для народа и страны результатов своей профессиональной деятельности. В то же время оставшиеся (18,49 %) респонденты отметили разнообразие эмоций, вызванных высокими требованиями, которые деятельность по охране государственной границы предъявляет к личности военнослужащего.

Результаты анализа мнения обучающихся об эффективности практических занятий, проводимых с элементами профессионального тренинга (2-й уровень), представлены на рисунке 6.11.

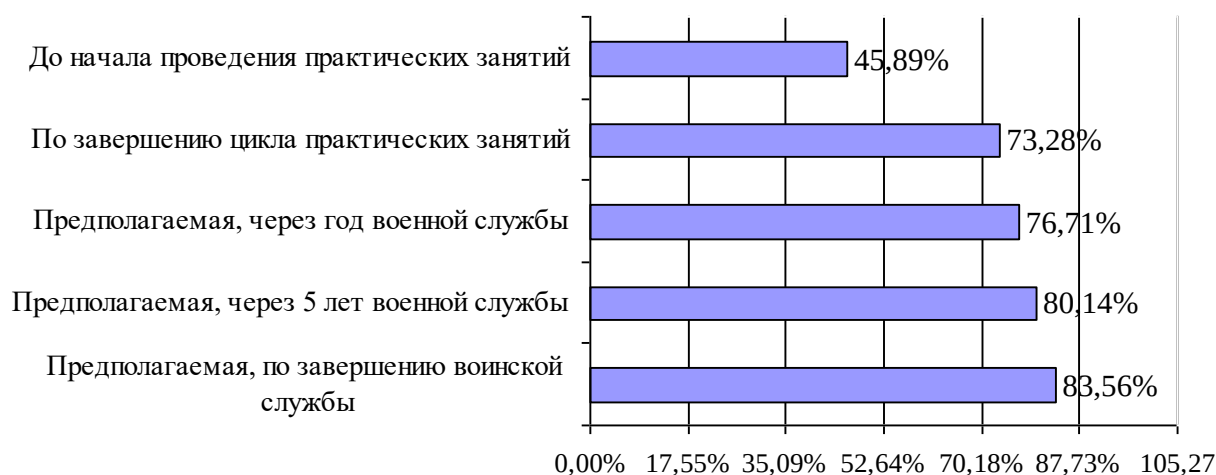

Рисунок 6.11. – Самооценка обучающимися степени сформированности «эталонного образа офицера-пограничника» на разных этапах профессионального становления (n = 146) по завершении

В соответствии с данными, представленными на рисунке 6.11, до проведения практических занятий с элемента профессионального тренинга респондентами оценивалась степень сформированности у них «эталонного образа офицера-пограничника» на 45,89 %, в то время как по завершении описываемого цикла практических занятий данная оценка составила 73,28 %. Необходимо отметить, что среди обучающихся имелись те, кто степень сформированности у себя «эталонного образа офицера-пограничника» как до практических занятий, так и по их завершении оценивали на 100 %. В этой связи было сделано предположение о целесообразности в рамках процесса подготовки будущих специалистов проведения индивидуальной коррекционной работы с выделенной категорией обучающихся.

В то же время, как видно из рисунка 6.11, респонденты, анализируя путь своего профессионального становления, предполагают постепенное увеличение степени сформированности у себя «эталонного образа офицера-пограничника».

В контексте рассмотрения обозначенной проблемы значимыми являются представления обучающихся об уровне сформированности по результатам прохождения цикла практических занятий с элементами профессионального тренинга «эталонного образа офицера-пограничника» у большинства одногруппников. Указанная цифра составила 67,81 %, что значительно ниже, чем самооценка респондентами степени сформированности «эталонного образа офицера-пограничника» (73,28 %). В этой связи представляется целесообразным диагностика самооценки обучающихся, а также анализ взаимосвязи уровня ее сформированности с оценкой степени сформированности «эталонного образа офицера-пограничника». Полученные данные позволят более детально рассмотреть проблему формирования и функционирования «эталонного образа офицера-пограничника» у обучающихся на начальных этапах профессионального становления.

Средний балл при оценке знаний, когнитивных и поведенческих умений, демонстрируемых респондентами по результатам проведенных практических занятий (3-й уровень), выставляемой исходя из 10-балльной системы оценки знаний обучающихся, составил 8,77.

В рамках анализа эффективности проведения практических занятий с элементами тренинга представляет интерес обсуждение обучающимися полученной учебной информации со значимыми другими (рисунок 6.12).

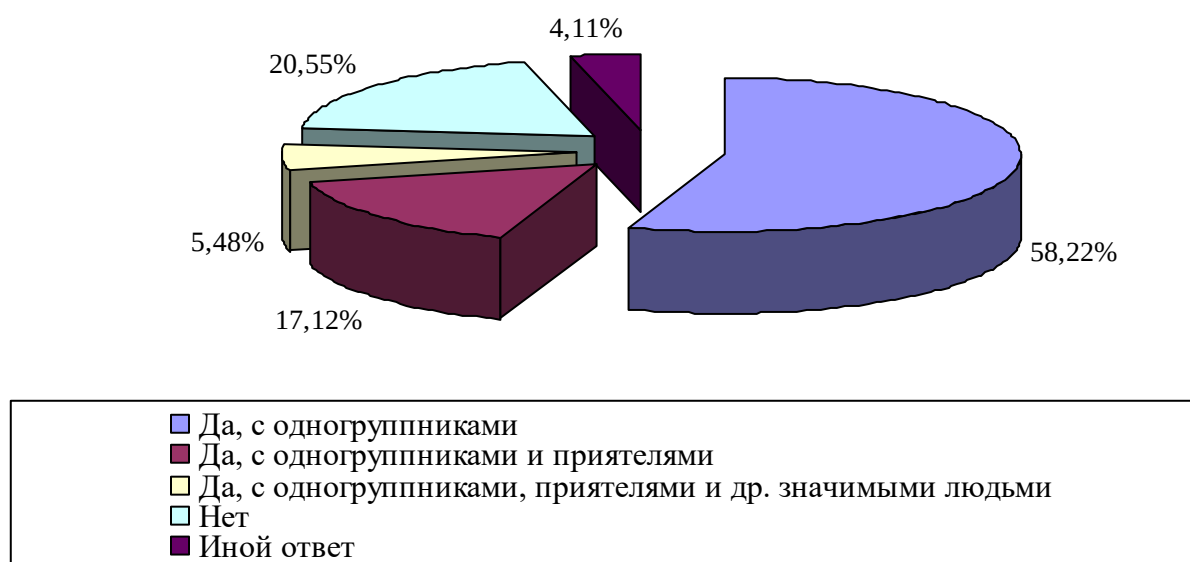

Рисунок 6.12. – Обсуждение обучающимися учебной информации, полученной на практических занятиях, проведенных с элементами профессионального тренинга, со значимыми другими (n = 146)

Как следует из рисунка 6.12, большинство обучающихся (58,22 %) по завершении практических занятий, проводимых с элементами профессионального тренинга, обсуждали полученную информацию с одноклассниками. При этом в качестве наиболее значимого элемента практических занятий по формированию «эталонного образа офицера-пограничника» почти четверть опрошенных (24,66 %) выделили необычную форму их проведения, особенности межличностного взаимодействия («работу в круге», непринужденность обстановки и т. д.). Особое внимание 21,92 % обучающихся обратили на проведение после каждого упражнения, а также в начале и конце практических занятий оценки эффективности решения поставленных задач, группового анализа затруднений, возникающих при выполнении заданий. В процессе дискуссии, состоявшейся по завершении цикла практических занятий с элементами профессионального тренинга, респонденты отметили, что указанная форма проведения учебных занятий способствует формированию критического мышления, предоставляя возможность «взглянуть» на себя с иных позиций, с разных сторон «рассмотреть» специфику профессиональной деятельности и требования, которые она предъявляет к личности специалиста ОПС.

Вместе с тем в качестве вопроса, требующего более детального анализа и самоанализа, 6,85 % респондентов выделили внешний облик специалиста, как правило, его поведение в различных жизненных ситуациях, нравственные аспекты жизнедеятельности. Данный факт имеет наиболее преимущественное значение в плане организации воспитательной работы. Можно также предположить, что повышенный интерес будущих специалистов к внешнему облику продиктован их возрастом, для которого характерны активизация формирования самосознания, повышенный интерес к процессу межличностного взаимодействия и т. д.

На вопрос о том, что необходимо изменить в практике проведения рассматриваемых учебных занятий, 4,48 % респондентов ответили о целесообразности использования более широкого перечня видеоматериалов. Имеются основания полагать, что указанный факт детерминирован активным развитием цифровых технологий и был сформирован как запрос молодого поколения (поколения Z) к образовательному процессу.

Из вышеизложенного следует:

Проблема использования различного рода средств обучения в практике преподавания психологии, имея почти вековую историю, демонстрирует взаимосвязь науки и практики. Первая попытка активизации интереса исследователей к указанной проблеме принадлежала Л. С. Выготскому.

На протяжении столетия наблюдалось возрастание интереса исследователей к совершенствованию материально-технической и методической базы реализации психологических теорий и практик, что находило отражение в выборе средств преподавания психологии.

В силу методологической сложности обозначенной проблемы, с одной стороны, и непрерывного появления новых средств обучения, с другой, на современном этапе развития системы образования отмечается факт того, что имеет место недостаточное внимание к проведению фундаментальных исследований, посвященных использованию технических средств обучения в практике подготовки кадров.

Проведение социально-психологических исследований, аргументированное объяснение выявленных закономерностей и научных фактов, дополнение и уточнение сложившихся взглядов на роль различного рода средств обучения в развитии личности как представителя конкретной профессии будет способствовать формированию новых подходов к организации подготовки специалиста.

В более глубоком анализе нуждается вопрос выбора технических средств обучения в преподавании практической психологии. Формирование научных подходов к рассмотрению обозначенного вопроса создаст ту платформу, которая позволит обнаружить возможности подготовки будущих специалистов в аспекте формирования конкретных знаний и умений, а также развития, коррекции определенных индивидуально-психологических осо-

бенностей личности специалистов в целях повышения результативности решаемых ими профессиональных задач.

В то же время необходимо отметить, что расширение перечня средств, использование которых возможно в практике преподавания психологии, предъявляет повышенные требования к знаниям, умениям и навыкам преподавателей указанной дисциплины, ориентируя их на самостоятельное изучение данного вопроса. В этой связи представляется перспективным создание специализированных лабораторий (классов, кабинетов), а также проведение на их базе научно-методических семинаров, позволяющих психологам ознакомиться с техническими разработками в области раскрытия резервов психики человека. Потребность в проведении такого рода мероприятий определяется необходимостью разработки научно обоснованных рекомендаций по использованию конкретных технических средств в практике преподавания психологии для подготовки специалистов, профессиональная деятельность которых осуществляется в особых условиях. Значимым в процессе проведения научно-методических семинаров, посвященных использованию технических средств обучения в преподавании психологии, является исключение дискуссий абстрактного характера; аргументаций, основанных на результатах анализа рекламного описания технических средств и их возможностей; изложения сложившихся бытийных представлений, а не сформированных на основе конкретно-научных данных.

В качестве отдельного вопроса по обозначенной выше проблеме целесообразно выделить расширение перечня технических средств, которые могут быть использованы обучающимися в процессе самоподготовки. Всесторонний анализ данного вопроса будет способствовать повышению качества подготовки специалистов по разным критериям: скорость, наглядность, глубина и широта формируемых представлений о конкретном психическом явлении [36].

В современной практике организации образовательного процесса в учреждениях высшего образования отмечается активизация интереса исследователей к проблеме внедрения инновационных образовательных технологий, характеризующихся как технологии «смешанного обучения». Указанные технологии предполагают дополнение подходов к подготовке кадров, существовавших на индустриальном этапе развития общества, новыми технологиями, появление которых было детерминировано широким использованием и совершенствованием компьютерной техники.

Преподавание дисциплин психологической направленности имеет специфические особенности, которые прежде всего определяются необходимостью рассмотрения различных психических явлений как отражения действительности.

Публикации по совершенствованию методики преподавания дисциплин психологической направленности на основе внедрения технологий «смешанного обучения» носят разовый характер.

В государственном учреждении образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» в качестве эксперимента в процессе преподавания факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника» начато использование одной из моделей «смешанного обучения» – модели «перевернутого обучения».

В целях анализа эффективности использования вышеуказанной образовательной модели было проведено эмпирическое исследование мнения обучающихся о целесообразности дальнейшего более широкого применения «перевернутого подхода» в практике преподавания учебных дисциплин психологической направленности.

В качестве достоинств использования модели «перевернутого обучения» в процессе преподавания дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника» будущими специалистами были выделены: возможность пересмотра (остановки и перемотки) видеоматериалов, экономия времени, легкость в восприятии и усвоении учебного материала, а также формирование широкого перечня профессионально важных качеств (самостоятельности; аналитического мышления, умения анализировать информацию; высокого уровня внимательности и т. д.).

Респондентами также были выделены сложности, возникающие в процессе изучения факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника», преподавание которой осуществляется на основе модели «перевернутого обучения». Указанные сложности (невозможность задать уточняющие вопросы преподавателю в процессе просмотра видеоматериалов, недостаточное количества времени на самостоятельной подготовке, необходимость «перестройки» восприятия информации («привычка к традиционным формам обучения») в большей степени носят субъективный характер и в дальнейшем могут быть скорректированы.

Выделение респондентами в качестве достоинства и одновременно сложности в изучении факультативной дисциплины «Психология эталонного образа офицера-пограничника», преподавание которой осуществляется на основе модели «перевернутого обучения», «особенность восприятия информации» позволяет отнести к вопросам, требующим более детального научного анализа, специфику восприятия учебной информации в процессе организации образовательного процесса с использованием инновационных технологий.

В качестве перспективного направления совершенствования методики преподавания психологии необходимо выделить использование иных моделей «смешанного обучения» с учетом специфики подготовки тех или иных специалистов. В то же время целесообразно заметить, что принятие адекватного решения о целесообразности использования той или иной модели в практике преподавания дисциплин психологической направленности должно основываться на данных, полученных эмпирическим путем [37].

Пройдя длительный путь, профессиональный тренинг получил широкое признание в практике подготовки различных категорий специалистов, что

детерминировало появление широкого перечня его видов и подвидов. На протяжении десятилетий в рамках психологической теории и практики нарабатывался арсенал методик (игр, упражнений, дискуссий и т. д.), способствующий повышению уровня профессионализма представителей различных профессий. В то же время в качестве дискуссионного в научной литературе выделяется вопрос критериев и показателей оценки эффективности рассматриваемой формы подготовки кадров. Сложность решения данного вопроса заключается в том, что одной из задач профессионального тренинга выступает изменение профессионального самосознания личности, формирование у нее профессиональных образов, диагностика которых в своем большинстве носит субъективный характер.

В настоящий период времени в системе подготовки специалиста в процессе проведения учебных занятий используется широкий перечень различного рода форм и методов. Особое место в указанном перечне отводится профессиональному тренингу, предполагающему усвоение будущими специалистами не только профессиональных знаний, но и приобретение умений и навыков взаимодействия в различных ситуациях, возникающих в процессе выполнения профессиональных задач.

В то же время внедрение профессионального тренинга в процессе проведения учебных занятий в классическом его понимании, при полном соблюдении принципов и правил работы членов группы, не всегда представляется возможным. В этой связи на базе ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» в ряде случаев применяется подход, согласно которому в процессе проведения учебных занятий по психологическим дисциплинам используются элементы профессионального тренинга. Данная форма подготовки позволяет активизировать процесс формирования профессионального самосознания будущих специалистов, процессы профессионального и личностного самопознания и самоанализа, более глубокого рассмотрения различных сторон профессиональной деятельности, ориентирует обучающихся на самосовершенствование в целях формирования профессиональных качеств и дальнейшего профессионального развития (роста).

Практика применения элементов профессионального тренинга в процессе проведения занятий по психологическим дисциплинам показала их эффективность и целесообразность в формировании обучающихся как будущих специалистов. Использование указанной формы подготовки способствовало созданию оптимальных условий для структурирования и содержательного переосмысления будущими специалистами особенностей профессионального становления, формированию адекватных представлений о себе как о субъектах профессиональной деятельности, переосмыслению взглядов на профессиональный путь, усвоению и принятию новых форм поведения в динамично развивающемся обществе.

Результаты анализа мнения обучающихся о возможностях использования элементов профессионального тренинга позволяют выделить в качестве

достоинства указанной формы практического занятия прежде всего специфику межличностного взаимодействия членов учебной группы, а также возможность самоанализа поведения в разыгрываемых ситуациях, анализ группового решения поставленных задач.

Перспективным в практике организации образовательного процесса обучающихся представляется расширение перечня занятий (учебных дисциплин), с использованием элементов профессионального тренинга. Однако открытым остается вопрос широты применения в процессе проведения практических занятий с элементами профессионального тренинга различного рода технических средств. Например, присутствие на занятиях в системе видеосвязи специалистов, выполняющих профессиональные задачи (в системе «здесь и сейчас»), несомненно, будет способствовать развитию познавательной активности обучающихся.

В то же время естественно ожидать появления новых видов профессиональных тренингов, детерминируемое бурным внедрением в нашу повседневную жизнь технических средств. Наблюдающиеся в настоящий период времени цифровизация и роботизация, а также использование искусственного интеллекта и виртуальной реальности влекут стремительные изменения во всех сферах жизни, включая и охрану государственной границы. Указанные изменения требуют особого внимания в системе подготовке кадров. В этой связи проведение профессионального тренинга представляется как системная практика, каждый элемент которой направлен на формирование у будущих специалистов конкретных профессионально значимых качеств, особенностей профессионального самосознания и может быть преобразован в соответствии с требованиями динамической реальности [38].

Список цитируемых источников

1. Военная дидактика : учебник / под общ. ред. В. Г. Михайловского. – 2-е изд., перераб. – Москва : Изд. дом Куприянова, 2010. – 503 с.
2. Лернер, И. Я. Дидактические основы методов обучения : монография / И. Я. Лернер. – Москва : Педагогика, 1981. – 186 с.
3. Сластенин, В. А. Педагогика : учеб. пособие / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – Москва : Академия, 2014. – 576 с.
4. Талызина, Н. Ф. Педагогическая психология : учебник / Н. Ф. Талызина. – 3-е изд. – Москва : Академия, 2015. – 288 с.
5. Бадмаев, Б. Ц. Методика преподавания психологии : учеб. пособие / Б. Ц. Бадмаев. – Москва : ВЛАДОС, 2001. – 304 с.
6. Кандыбович, Л. А. Материально-техническое и методическое обеспечение работы кабинета психолога / Л. А. Кандыбович, А. Н. Сизанов // Психологія. – 2011. – № 2. – С. 13–16.
7. Вишневская, В. П. Психологические и психофизиологические основы повышения эффективности использования технических средств обучения / В. П. Вишневская, И. А. Фурманов // Технические средства обучения-88 : тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф.; 23–25 нояб. 1988. – Москва, 1988. – С. 159.

8. Вишневская, В. П. Изучение влияния технических средств обучения на умственную активность студентов / В. П. Вишневская // Педагогические и психологические аспекты компьютеризации образования : тез. докл. Всесоюз. науч.-метод. конф. – Рига, 1988. – С. 25–27.
9. Вишневская, В. П. Влияние применения электронных тренажер-экзаменаторов на активизацию умственной деятельности студентов / В. П. Вишневская // Опыт применения технических средств в учебном процессе : тез. докл. VI зональной науч.-метод. конф. преподавателей вузов Прибалтики, БССР и Калининград. обл. РСФСР, 22–24 окт. 1986 г. : в 2 т. – Т. 2. – Вильнюс : ВГУ, 1986. – С. 63–54.
10. Сутович, Е. И. Требования к организации и психологическому обеспечению работы кабинетов психологической разгрузки / Е. И. Сутович // Организация работы по формированию здорового образа жизни учащихся учреждений, обеспечивающих получение профессионально-технического и среднего специального образования : сб. метод. материалов / И. В. Багнюк [и др.]. – Минск : РИПО, 2006. – С. 114–119.
11. Майнд-машины в сенсорной комнате. – URL: <http://roompr.ru/majjnd-mashiny-v-sensornojj-komnate/> (дата обращения: 20.05.2020).
12. Мягкая среда в комнате психологической разгрузки. – URL: <http://roompr.ru/myagkaya-sreda-v-komnate-psikhologichesk/> (дата обращения: 20.05.2020).
13. Майнд-машина. Аудиовизуальная стимуляция мозга. – URL: <https://mindmachine.ru/catalog/shop/category/maynd-mashiny-i-aksessuary/mindmachine/> (дата обращения: 20.05.2020).
14. Гаевская, Г. Л. Из опыта внедрения смешанного обучения на этапе довузовской подготовки / Г. Л. Гаевская. – URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/31777/Iz_opyta_vnedreniya_smeshannogo_obucheniya_na_ehtape_dovuzovskoj_podgotovki.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 20.11.2018).
15. Быковская, Н. И. Особенности преподавания дисциплины «Информационные технологии в образовании» для студентов заочного отделения : блоги преподавателей БГПУ / Н. И. Быковская, И. Н. Демченко. – URL: <https://bspu.by/blog/demchenko/article/publish/osobennosti-prepodavaniya-discipliny-informacionnye-tehnologii-v-obrazovanii-dlya-studentov-zaochnogo-otdeleniya> (дата обращения: 20.11.2018).
16. Шершнева, Т. В. Переход к модели смешанного обучения как способ решения проблемы минимизации гуманитарного компонента профессиональной подготовки специалиста / Т. В. Шершнева. – URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/45818/Perekhod_k_modeli_smeshannogo_obucheniya_kak_sposob_resheniya_problemy_minimizacii_gumanitarnogo_komponenta.pdf?sequence (дата обращения: 20.11.2018).
17. Сутович, Е. И. Психология эталонного образа офицера-пограничника : учеб. пособие / Е. И. Сутович. – Минск : ИПС РБ, 2018. – 112 с.
18. Бадмаев, Б. Ц. Методика преподавания психологии : учеб. пособие / Б. Ц. Бадмаев. – Москва : ВЛАДОС, 2001. – 304 с.
19. Самаль, Е. В. Методика преподавания психологии : учеб. пособие / Е. В. Самаль. – Минск : МГЭИ, 2005. – 220 с.
20. Карандышев, В. М. Методика преподавания психологии : учеб. пособие / В. М. Карандышев. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 250 с.
21. Лобанов, А. П. Образовательные инновации в 4-D формате : учеб.-метод. пособие / А. П. Лобанов, Н. В. Дроздова. – Минск : РИВШ, 2016. – 109 с.
22. Петровская, Л. А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга / Л. А. Петровская. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1982. – 168 с.
23. Макшанов, С. И. Методологические аспекты профессионального тренинга / С. И. Макшанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 6, Психология. – 1992. – № 3. – С. 80–88
24. Макшанов, С. И. Психология тренинга в профессиональной деятельности : дис. ... д-ра псих. наук : 19.00.03 / С. И. Макшанов. – Санкт-Петербург, 1998. – 322 л.

25. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – Москва : Знание, 1996. – 309 с.
26. Ахмадиева, Л. Р. Оценка психологических показателей эффективности профессионального тренинга : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.03 / Л. Р. Ахмадиева ; МГУ им. М. В. Ломоносов. – Москва, 2007. – 22 с.
27. Сутович, Е. И. Феноменологический подход в исследовании «эталонного образа офицера» / Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2023. – № 1. – С. 81–89.
28. Касьяник, Е. Л. Социально-психологические основы планирования карьеры / Е. Л. Касьяник // Социально-психологический тренинг учащихся учреждений профессионального образования. – Минск : РИПО, 2008. – С. 106–142.
29. Зубелевич, Л. И. Профессиональный тренинг : учеб.-метод. пособие / Л. И. Зубелевич. – Минск : АПО, 2003. – 36 с.
30. Девятко, В. В. Социально-психологический тренинг как средство повышения компетентности молодых офицеров в общении с подчиненными : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.05 / В. В. Девятко ; Воен.-полит. орденов Ленина и Октябрь. Революции, Краснознамен. акад. им. В. И. Ленина. – Ярославль, 1990. – 22 с.
31. Черепкова, Е. В. Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности у курсантов военных вузов : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.13 / Е. В. Черепкова. – Москва, 2002. – 197 л.
32. Матора, О. В. Коммуникативные барьеры в межличностном общении курсантов вузов пограничного профиля : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.05 / О. В. Матора ; Голлицын. погранич. ин-т ФСБ РФ. – Москва, 2009. – 23 с.
33. Губченко, Е. В. Формирование деловых качеств будущего офицера посредством социально-психологического тренинга / Е. В. Губченко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2020. – Т. 3. – № 33 (2). – С. 394–396.
34. Вишневская, В. П. Коммуникативная компетентность сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности (теоретические и практические аспекты) / В. П. Вишневская, Е. И. Сутович. – Минск : ИПС РБ, 2014. – 201 с.
35. Казаченок, Ж. И. Комплексный профессиональный тренинг в системе образования взрослых / Ж. И. Казаченок // Современные тенденции в дополнительном образовании взрослых : материалы II Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 27–28 нояб. 2014 г. – Минск : РИВШ, 2014. – С. 61–65.
36. Сутович, Е. И. Исторические аспекты использования средств обучения в преподавании психологии / Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2020. – № 2. – С. 95–102.
37. Сутович, Е. И. Модель перевернутого обучения в практике преподавания дисциплин психологической направленности / Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2019. – № 1. – С. 63–70.
38. Сутович, Е. И. Профессиональный тренинг в практике подготовки офицерских кадров / Е. И. Сутович // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2023. – № 2. – С. 73–81.

РАЗДЕЛ VII

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

ГЛАВА 1

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Актуальность проблемы профессионализма, роли личности, общества и государства в его формировании послужила основанием радикальной переоценки ценностей. Возросли требования к уровню подготовки специалистов всех профессиональных сообществ, кардинальные изменения происходят в организации образовательного процесса учебных заведений, включая вузы военного профиля. Уделяется внимание вопросам совершенствования адаптации обучаемых, использованию в учебном процессе современных инновационных технологий, способствующих профессионализации личности.

Невзирая на то, что подготовке сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности уделяется достаточное внимание, актуальными, с учетом современных реалий, остаются вопросы ее совершенствования.

В условиях информационно-психологической войны, развязанной в отношении России и Беларуси, спецслужбами США и коллективного Запада методично и целенаправленно используются информационно-психологические технологии деструктивного толка, направленные:

- на «переформатирование» национального самосознания, межэтнических отношений;

- изменение национальных стереотипов и символов;

- разрушение этнической «я-концепции»;

- деструктивную реконструкцию этнического «я-образа», акцентируя внимание на идентификацию;

- деструктивную реконструкцию этнического «мы-образа» у группы представителей того или иного государства и др.;

- замену традиционных этнических ценностей на недопустимо чуждые ценностные ориентации и т. д.;

разрушение этноконфессиональных отношений;
«возрождение» нацизма, герольдизацию фашизма и др.

Ярким примером деструктивной реконструкции этнической «я-концепции», этнического «я-образа», этнического «мы-образа» выступает ряд «цветных революций» («Революция роз» в Грузии, 2003 г.; «Сиреневая революция» в Молдавии, 2009 г.; «Революция розеток», «Абрикосовая революция» в Армении, 2015, 2018 гг., и др.) и события в Украине.

В этой связи и с учетом возникновения новых рисков, вызовов и угроз актуализируются вопросы решения ряда прикладных задач в аспекте профессионально-практической психологии. Одной из значимых задач, на решение которой целесообразно обратить внимание, является совершенствование специальной психологической подготовки специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности, в частности, повышение уровня их этнокультурной компетенции как значимой составляющей профессиональной компетенции, обеспечивающей успешное решение задач по предназначению.

Феномен «этнокультурная компетенция» имеет междисциплинарный характер, в научной литературе представлен ряд определений данного понятия.

«Этнокультурная компетенция – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [1, с. 11].

«Этнокультурная компетенция – это степень проявления человеком знаний, навыков и умений, позволяющих ему правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия (Энциклопедический словарь). Этнокультурная компетенция реализуется прежде всего в высокой степени понимания, правильного учета своеобразия функционирования национально-психологических особенностей представителей тех или иных наций, выражающихся в тщательной фиксации и учете:

а) потребностей, мотивов и ценностных ориентаций представителей конкретных национальных регионов, этническая специфика проявления которых существенно влияет на общение с ними;

б) фактов, свидетельствующих о наличии несоответствия между потребностями и мотивами представителей конкретных национальных общностей и функционирующими в общественном сознании населения традиционными нормами делового, политического и межнационального взаимодействия между людьми;

в) своеобразия проявления национального самосознания представителями конкретных национальностей;

г) специфики форм защиты политического самосознания представителей конкретных этнических общностей от элементов национализма, шовинизма в ходе межнациональных отношений» [2, с. 16–17].

«Этнокультурно-компетентная личность (как результат функционирования системы образования) – владеет не только этнокультурными знаниями, профессионализмом, высокими моральными качествами, но и способна адекватно действовать в соответствующих ситуациях, используя эти знания, способна взять ответственность за собственную этнокультурную деятельность» [2, с. 17].

В связи с междисциплинарным характером изучаемого феномена, о чем указывалось выше, в научной литературе излагается несколько подходов к его изучению, например: этнопедагогический, этнопсихологический, аксиологический, компетентностный, культурологический, гуманистический, синергический и др.

В аспекте этнопедагогического подхода обращается внимание на определение компонентов содержания изучаемого феномена. В соответствии с мнением А. В. Канышевой, когнитивный и поведенческий компоненты составляют основу этнокультурной компетенции. В то же время автор указывает на то, что индикатором сформированности этнокультурной компетенции является способность и готовность личности к совершению конкретных действий. Например, таких как: придерживаться этнокультурных традиций; владеть этноспецифическими умениями своего народа; изучать различные этнокультуры с целью существования в полиэтнической среде и др. [3].

Формированию этнотолерантности будущих сотрудников правоохранительных органов как значимой составляющей этнокультурной компетенции посвящены публикации Х. Г. Шургучиева, в которых представлена организационно-педагогическая модель формирования этнотолерантности у будущего сотрудника правоохранительных органов. Автором определены следующие критерии этнокультурной компетентности:

когнитивный, направленный на получение знаний о культурном и этническом разнообразии;

эмотивно-коммуникативный, который отражает наличие факта принятия представителя другой культуры как равноправного;

мотивационно-рефлексивный, проявляющийся в готовности к диалогу между людьми разных национальностей, уважительном отношении к представителям другой этнокультуры, другой национальности, а также умении находить конструктивные способы решения конфликтных ситуаций;

деятельностный, обеспечивающий этнотолерантное поведение личности, проявляющееся в готовности к диалогу, к поиску конструктивных, бесконфликтных решений; к компромиссам в спорах и конфликтах;

готовность в будущей профессиональной деятельности применять основные механизмы профилактики конфликтов, нацеленность на позитивное взаимодействие в своем полиэтническом коллективе и в обществе [4].

В публикациях С. И. Наумова, И. А. Савченко рассматриваются теоретические аспекты проблемы деятельности сотрудников полиции в условиях этнической гетерогенности. Авторы отмечают, что в отечественной социальной науке этнокультурные аспекты правоохранительной деятельности изучаются достаточно активно и многоаспектно. Например, в работах М. Д. Давитадзе представлены теоретико-методологические, организационные и правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях межнациональных конфликтов. Обоснование модели формирования профессиональной межкультурной компетентности сотрудников ОВД излагается в работах Б. Н. Селин, Е. В. Скворцовой.

Изучению феномена так называемой «этнической преступности», теоретико-методологическим основам этнической девиантологии посвящены работы Н. В. Кузьминой. Криминологические аспекты этнической преступности в России представлены в публикациях И. Х. Касаева [5]. В соответствии с мнением С. И. Наумова, И. А. Савченко, в образовательных заведениях МВД России этнокультурной и этнопсихологической подготовке сотрудников органов внутренних дел придается особое значение. В образовательные программы включены курсы этнопсихологии с изучением социокультурных и психологических характеристик представителей различных этносов. Авторы обращают внимание на то, что при взаимодействии с представителями разных этнических общностей сотруднику правоохранительных органов «целесообразно придерживаться следующих профессиональных ориентиров:

- уважительного отношения к представителям всех без исключения этнических групп;
- развития межкультурной компетенции, изучения особенностей быта, поведения, специфики мировосприятия и национального характера различных этнокультурных групп населения, что особенно актуально для территориальных ОВД и участкового уполномоченного, в районе обслуживания которых могут быть места компактного проживания определенных этнических групп;
- недопустимость нанесения оскорблений по национальному и религиозному признаку: подобные оскорбления очень болезненны для граждан и ведут к ухудшению имиджа сотрудника и системы МВД в целом;
- пресечение попыток разжигания конфликтов на межнациональной почве, даже на бытовом уровне;
- развитие межэтнических связей между сотрудниками полиции и представителями разных этногрупп с целью нахождения точек взаимопонимания в таких смыслообразующих социальных концептах, как общественный порядок, противодействие преступности и общественная безопасность» [5, с. 73–74].

Согласно С. И. Наумову, И. А. Савченко, следование указанным выше ориентирам обеспечивает реализацию положительного потенциала работы полиции в условиях поликультурности и повышение доверия представителей

всех этнических групп и сообществ к органам государственной власти. Нельзя не согласиться с мнением вышеуказанных авторов на обозначенную проблему.

В рамках психологической науки к изучению феномена «этнокультурная компетенция», в зависимости от направления психологической научной школы, в литературе представлен ряд концептуальных подходов.

Различным аспектам этнокультурной компетенции, и в частности этнокультурной коммуникативной компетентности, посвящены публикации следующих авторов: Е. Н. Резникова (1998–2012); Н. П. Рапохина (2004–2007); Н. М. Лебедева (1998–2005); В. Г. Крысько (1987, 2002); А. И. Егоровой (2003); В. А. Сухарева (2000); А. А. Налчджян (2004); Т. Г. Стефаненко (2004); Е. В. Мельник (2007); В. Г. Сызмас, И. В. Морозникова (2011) и др.

Актуальные и дискуссионные аспекты межкультурной коммуникации представлены в многочисленных работах: А. П. Садохина (2001–2009); М. В. Авдеевой (2007); Н. А. Авсеенко (2005); Е. Л. Головлевой (2008); В. Г. Крысько (2002); Л. Д. Червяковой, Е. Э. Сопожниковой (2006); М. А. Царевой (2006); В. Г. Зинченко (2007); Т. Г. Грушевицкой (2002); Н. В. Янкиной (2006) и мн. др.

В контексте обозначенной проблемы представляют интерес исследования М. В. Авдеевой. На основании сравнительного анализа подходов к подготовке специалистов в области межкультурной коммуникативной компетентности в разных странах автором сделан акцент на том, что в отечественной психологии указанная проблема не нашла должного внимания, хотя в зарубежной практике обучению профессиональной коммуникации с представителями других культур уделяется достаточно большое внимание. В соответствии с мнением автора, целесообразно обратить внимание на то, что овладение умениями межкультурного коммуникативного взаимодействия считается показателем высокого уровня профессионального развития специалиста, сфера деятельности которого связана с общением [6]. Данная точка зрения автора подтверждается результатами проведенных исследований.

Согласно М. В. Авдеевой, значительный научный и особенно практический интерес представляют исследования межкультурной коммуникативной компетентности у специалистов правоохранительных органов.

В аспекте борьбы с транснациональной преступностью целесообразно, отмечает автор, к приоритетным направлениям исследований отнести:

- межгосударственный взаимообмен оперативной информацией в целях пресечения противоправной деятельности;
- использование международных следственных поручений, запросов в рамках оказания правовой помощи;
- проведение совместных межгосударственных специальных операций;
- проведение экспедиций;
- обмен опытом в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров и т. д. [6].

Разделяя мнение М. В. Авдеевой относительно изучаемой проблемы, целесообразно, с учетом современных условий, обратить внимание на зна-

чимость высокого уровня профессионального общения у указанной выше категории специалистов.

В ракурсе рассматриваемого вопроса представляют интерес работы ученых: И. И. Аминова, И. А. Беленько, А. И. Бородича, А. В. Верещака, М. А. Горячевой, Г. В. Грачева, А. Г. Караяни, В. В. Мицкевича, А. М. Столяренко, В. Л. Цветкова, Н. Е. Шаматовой, В. М. Шевченко, А. А. Шибеева и др., в которых рассматриваются различные аспекты профессионального общения сотрудников правоохранительных органов.

В связи с многогранностью и междисциплинарным характером феномена «профессиональное общение» в научной литературе имеется ряд определений данного понятия.

Профессиональное общение представляет собой «процесс взаимодействия между сотрудником и другими людьми, порождаемый потребностями в обмене информацией, восприятию и пониманию другого человека, приводящий к установлению психологического контакта и доверительных отношений» [7, с. 145].

Профессиональное общение – «один из видов межличностного общения, который представляет собой сложный многоплановый процесс развития контактов между людьми в служебной сфере, участники которого выступают в официальных статусах и ориентированы на достижение конкретных задач в профессиональной деятельности» [8, с. 10].

«Профессиональное общение сотрудника правоохранительных органов – это межличностное взаимодействие в условиях правоприменительной и правоохранительной деятельности, имеющее своей целью намеренное вербальное воздействие на партнера, его поведение, психическое состояние, установку для реализации правовых норм и для утверждения общественной нравственности и социальной справедливости» [9, с. 13].

В оперативной деятельности профессиональное общение – конвергенция делового, межкультурного, межличностного, доверительного, ролевого, рефлексивного, манипулятивного, вербального и невербального видов общения.

В этом же аспекте необходимо отметить, что феномен общения с точки зрения этнопсихологии рассматривается как многогранное психологическое явление, включающее систему специфических детерминант национальных моделей (вербального, невербального) общения, отличающих представителей одной нации от другой. Основу межнациональных различий составляют специфические особенности:

а) национального характера, национальных чувств, национального склада ума, национального самосознания, национальных стереотипов и автостереотипов, чувства юмора;

б) отношения к: религии, традициям, обычаям, культурным и материальным ценностям, этикету, своему внешнему облику, семье, труду, отдыху, территории и пространству, другим народам и т. д.

Использование специалистами на практике знаний этнопсихологических особенностей лиц и/или группы лиц, моделей их преступного поведения будет способствовать успешному решению профессиональных задач в рамках оперативно-розыскной деятельности, расследования преступлений.

В этом же контексте необходимо отметить, что психологическому обеспечению расследования преступлений уделяется достаточно внимания, учитывая динамику современных вызовов и угроз, которая включает, в частности, диффузию:

моделей преступного поведения как группы лиц, так и представителей различных субкультур деструктивного толка;

специфических моделей преступного поведения лиц и/или группы лиц, имеющих деструктивную реконструкцию «я-образа» и/или «мы-образа»;

специфических моделей преступного поведения лиц и/или группы лиц, имеющих деструктивную реконструкцию этнического «я-образа» и/или этнического «мы-образа»;

специфических моделей преступного поведения лиц и/или группы лиц, приверженных нацистской идеологии;

специфических, этнопсихологических моделей преступного поведения лиц и/или группы лиц в зависимости от их специальной подготовки представителями недружественных государств и т. д.

Одним из путей решения обозначенной проблемы может выступать коррекция организационно-правовых и методических аспектов профессиональной деятельности специалистов.

В аспекте рассматриваемого вопроса необходимо подчеркнуть тот факт, что высокий уровень профессионализма (включая высокий уровень этнокультурной компетенции в рамках профессионального общения) указанной выше категории специалистов обеспечивает успех раскрываемости различного рода преступлений, тем самым способствует сохранению суверенитета и территориальной целостности государства [10].

Некоторые аспекты этнокультурной компетентности сотрудников полиции излагаются в работах Е. В. Скворцовой. По мнению автора, этнокультурная компетентность сотрудников полиции является неотъемлемой частью их профессиональной компетентности и представляет собой систему внутренних ресурсов личности (интерес к постижению различных культур; осознание своей принадлежности к определенной этнической группе, принятие правил и норм поведения своей этнической группы; этнической идентичности; установки на контакты с представителями других этнических общностей в целях реализации адекватных форм сотрудничества, достижения взаимопонимания, поддержания взаимного доверия, снижения собственного этноцентризма) [11]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения Е. В. Скворцовой.

Раскрытию сущности понятий межкультурной коммуникации и межкультурной компетенции в контексте американских исследований, а также выявлению особенностей формирования межкультурной компетенции и

определению барьеров, препятствующих ее формированию, посвящены публикации М. В. Пантелеевой, Р. А. Валеевой [12].

В публикациях А. И. Белкина, Е. Л. Чернышовой указывается на необходимость учета этноконфессиональной и этнокультурной специфики при анализе видеоматериалов подэкспертных, позволяющей более точно верифицировать результаты судебно-психологической экспертизы. Авторами обращается внимание на то, что любой наблюдательный видеообраз лица, фигуры, движений, перемещений человека и т. д., отраженный в сознании наблюдателя, обязательно дополняется смысловыми «коннотациями», которые для представителей своей и чужой этнической или национальной общности могут существенно различаться.

Вышеуказанными авторами отмечается, что острота учета этноконфессиональной, этнокультурной специфики существенно возросла не только в Европе, США, Канаде и других зарубежных странах в связи с миграционными потоками из инокультурных стран, но и в Российской Федерации [13]. Разделяя мнение авторов на обозначенную проблему, необходимо отметить ее актуальность и для специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

На целесообразность учета в процессе делового общения основных элементов национальной психологии в своих работах указывает Н. П. Рапохин. Автор на практических примерах раскрывает особенности национальных моделей делового общения, делает акцент на специфических особенностях следующих стилей делового общения: восточный (китайский, японский, арабский); с представителями стран Западной Европы (немецкий, английский, французский); американский [14]. Невзирая на то, что представленные национальные модели и стили делового общения не являются исчерпывающими, безусловно, они вносят существенный вклад в понимание феномена межкультурной коммуникации. Вместе с тем необходимо подчеркнуть актуальность изучаемой проблемы в связи с указанными выше событиями. Обратить особое внимание на тот факт, что в настоящее время наблюдаются тенденции деструктивной реконструкции этнического образа недружественных государств, демонстрации неконструктивных национальных моделей и стилей делового общения их представителей, которые не способствуют укреплению стабильных и безопасных международных отношений.

В публикациях Е. Н. Резникова излагаются результаты теоретико-методологических исследований психологии этносов. Автором предлагается новый теоретический конструкт «этнопсихологический облик народа», который выступает предметом изучения как социологической, так и психологической науки. Его структура представлена 3 уровнями. Первый – аксиологический (ценностный) включает ценностные ориентации и имеет две составляющие: ценности-цели, ценности-средства [15]. В соответствии с мнением Е. Н. Резникова, для большинства представителей этноса этнические ценности выступают в качестве регуляторов в общении и поведении. Второй – уровень от-

ношения представителей этноса к различным аспектам окружающей реальности. Он представлен 15 компонентами. Третий – уровень общепсихологический, характеризующий особенности проявления психических процессов, состояний и свойств. Автор обращает внимание на то, что волевые процессы у представителей различных этнических групп проявляются в особенностях саморегуляции, этических норм, а национальный характер, его специфические особенности – в процессе общения, интеллектуальной и деловой сферах [15]. Разделяя мнение автора, необходимо отметить, что феномен общения с точки зрения этнопсихологии рассматривается как многогранное психологическое явление, включающее систему специфических детерминант национальных моделей (вербального, невербального) общения, отличающих представителей одной нации от другой. В этой связи целесообразно обратить внимание, на что указывают и другие ученые [14, 16, 17 и др.], на широкий диапазон различий, проявляющихся в мимике, жестах, телодвижении, контакте глаз у представителей разных государств. В частности, такие как: жесты и мимика – угрозы; запрещающие и оскорбительные жесты; мимика и жесты, выражающие недоверие при восприятии информации; мимика, жесты, телодвижения, контакт глаз, выражающие психические процессы и состояния (пренебрежение, самовыражение, радость, гнев; передающие активное слушание, игнорирование информации и т. д.).

Так как основу межнациональных различий составляют специфические особенности: а) национального характера, национальных чувств, национального склада ума, национального самосознания, национальных стереотипов и автостереотипов, чувства юмора; б) отношения к: религии, традициям, обычаям, культурным и материальным ценностям, этикету, своему внешнему облику, семье, труду, отдыху, территории и пространству, другим народам и т. д. специалистам государственных органов системы обеспечения национальной безопасности необходимо их учитывать в профессионально-служебной деятельности. Игнорирование специалистами учета национальных особенностей общения, стереотипное восприятие представителей других государств могут послужить основанием для создания в процессе делового общения непреднамеренной конфликтной ситуации или иных сложностей.

В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что проблема формирования толерантного общественного сознания и толерантных (межэтнических, межгосударственных) отношений является одной из значимых в политической сфере обеспечения стабильности и безопасности [18, 19].

В контексте изучаемой проблемы заслуживают внимания исследования А. А. Налчаджян, в которых автором сделан акцент на некоторых аспектах национального самосознания и его структуры, межэтнических отношений, национальных стереотипов и символов, этнозащитных механизмов, этноцентризма. В работах А. А. Налчаджян широко представлены: этническая «я-концепция», этнический «я-образ», этнический «мы-образ» – для всего этноса; введено понятие этнических ролей личности [20].

Этническая «я-концепция» отдельного человека есть целая система представлений человека о себе и тесно связана со сформированным образом этноса, представителем которого он является.

«Этнический «я-образ» человека является одной из подструктур его общей «я-концепции». Он состоит из следующего:

- представлений о том, что он (данный индивид, его носитель) является одним из представителей этого этноса среди многих тысяч и миллионов;

- представлений о каких-то физических и психических чертах, которые являются общими для него и многих других представителей этого этноса (например, имеется в виду определенные физические, антропологические признаки: цвет и форма глаз, форма носа, силуэт, рост, выражение глаз, цвет кожи и др.);

- представлений о некоторых культурных общностях (имеется в виду национальный язык, история, происхождение, определенные привычки и ценности, общенациональные символы и т. п.);

- и, главное из чувства общности и положительной психической идентификации с этой общностью, при которой возникает особая сильная эмпатия к ее членам, чувство родства и общей судьбы с ними. Всего два слова: «Я – русский» или «Я – армянин», но под ними скрывается огромное психологическое содержание» [20, с. 287–288].

Разделяя мнение автора, по изучаемой проблеме, целесообразно подчеркнуть, что наличие знаний о степени сформированности (частичной или полной, а также адекватной или неадекватной, деформированной, деструктивной) этнического «я-образа» у представителя или этнического «мы-образа» у группы представителей того или иного государства позволит сотрудникам государственных органов системы обеспечения национальной безопасности избежать в процессе делового общения ряда ошибок и будет способствовать конструктивному взаимодействию, а также успешному решению профессионально-служебных задач.

В целях совершенствования этнокультурной компетенции как значимой составляющей профессиональной компетенции сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности и с учетом указанных выше условий целесообразно, включая тренинговые психотехнологии, разработать стройную систему их этнопсихологической подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Таким образом, будут созданы условия, способствующие:

- развитию этнокультурной коммуникативной компетентности как профессионально значимого качества специалиста;

- совершенствованию уровня профессионального развития специалиста;

- повышению уровня профессионализма специалистов, профессионально-служебная деятельность которых осуществляется в особых, экстремальных и сверхэкстремальных условиях с учетом современных реалий;

- формированию эталонного образа профессионала.

Указанное выше будет содействовать повышению успешности профессионально-служебной деятельности данной категории специалистов.

Высокий уровень профессионализма (включая высокий уровень этнокультурной компетенции, в частности, в рамках профессионального общения) сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности обеспечивает успех раскрываемости различного рода преступлений, тем самым способствует сохранению суверенитета и территориальной целостности государства.

Высокий уровень этнокультурной компетенции как значимой составляющей профессиональной компетенции специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности будет способствовать укреплению конструктивных, стабильных и безопасных международных отношений, формированию позитивного образа Республики Беларусь.

ГЛАВА 2

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Актуальность проблемы профессионализма специалистов силового блока имеет международный масштаб, так как национальная безопасность развития и эффективного функционирования государств в определенной степени обеспечивается высоким уровнем профессионализма указанной категории сотрудников. В этой связи в большинстве стран мира уделяется большое внимание профессиональной подготовке специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности.

Процессы профессиональной подготовки, включая специальную психологическую подготовку специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности, как за рубежом, так и в нашей стране, характеризуются не только различием, но и существенной общностью целей, методов, форм и организации, которые имеют «закрытый характер». В этой связи представляет безусловный интерес тот опыт, который накоплен в зарубежных странах по подготовке специалистов указанного выше профиля.

Изучению международного опыта профессиональной подготовки специалистов силового блока посвящены многочисленные публикации. Например, зарубежный опыт подготовки сотрудников правоохранительных органов излагается в работах ряда авторов: С. В. Асямова, Ю. Н. Афанасьева, Н. Г. Бабилуровой, В. Э. Бауэр, А. А. Волкова, А. В. Губанова, А. И. Галаган, И. Ю. Дергалева, И. В. Золотаренко, А. Э. Ивковой, В. П. Илларионова, Т. В. Кажарской, Т. О. Катербарг, И. Ф. Колонтаевской, Л. С. Кравчук, А. А. Крылова, М. Маклин, В. Д. Малкова, В. В. Мельник, В. Мюллер, А. Я. Петрова, С. А. Полежаева, А. М. Столяренко, М. Сэдлер, М. Т. Чарлз, М. В. Щелкунова, И. Ч. Шушкевича, Н. В. Юровой, Е. А. Ходова, Б. Хэбентона, Дж. Х. Намара, К. Х. Шефер и др.

Согласно данным научной литературы [21–30] в настоящее время преобладают три (децентрализованная, централизованная, интегрированная) национальные системы, обеспечивающие профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов. *Децентрализованная* модель профессиональной подготовки полицейских используется в США, Канаде, Швейцарии, *централизованная* модель – КНР, Франции, Венгрии и др., *интегрированная* модель – ФРГ, Австрии, Великобритании и др. Указанные выше национальные системы имеют свою специфику, включая и особенности психологической подготовки полицейских зарубежных стран [31].

В аспекте изучаемой проблемы заслуживают внимания дискуссионные вопросы профессиональной подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран.

Теоретические основы профессиональной подготовки указанной выше категории специалистов закладывались с начала XX в. в Европе и США одновременно, это было обусловлено необходимостью разработки концепций под-

готовки собственных руководителей-профессионалов полицейскими аппаратами, службами и подразделениями. Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствуют единые концептуальные и методологические подходы, принципы и теории относительно профессиональной подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран, вместе с тем наблюдается тенденция к сближению взглядов в этой сфере деятельности.

Отсутствие единства взглядов на обозначенную выше проблему обусловливается рядом факторов, например: особенностями социально-экономического и политического устройства, уровнем социального, культурного и научного развития зарубежных стран, а также их национально-этническими, территориально-географическими и культурно-историческими традициями, менталитетом; господствующими идеологическими воззрениями; уровнем развития образования в стране; религией; законодательной системой; концепцией деятельности полиции в обществе; влиянием систем и опыта подготовки в вооруженных силах; развитием информационных, педагогических, управленческих и иных технологий. В то же время в организационно-правовых аспектах профессиональной подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран имеется и сходство, которое определяется как общим характером, принципами, целями и содержанием правоохранительной и управленческой деятельности, так и общими проблемами охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Следовательно, это отражается на сходстве целей, задач, организации, содержания, форм и методов, технологий, средств обеспечения профессиональной подготовки указанной выше категории сотрудников полиции.

В рамках рассматриваемого вопроса необходимо обратить внимание на публикации И. Ф. Колонтаевской, в которых излагаются организационно-правовые основы профессиональной подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран. В соответствии с мнением автора, на формирование и развитие концептуальных основ профессиональной подготовки руководящих кадров полиции существенное влияние оказывают такие факторы, как:

«1) государственная политика, идеология и социальные воззрения в той или иной стране;

2) национально-исторические традиции;

3) военная сфера деятельности государства;

4) образовательные концепции, идеи и принципы;

5) национальная правовая система;

6) назначение, организация и нормативное регулирование деятельности правоохранительных органов;

7) сложившиеся в каждой стране модели ведомственной системы профессиональной подготовки сотрудников полиции;

8) развитие таких наук, как философия полицейской деятельности, различные отрасли права, полицейстика, управление, политология, социология,

этика правоохранительной деятельности, психология (политическая, социальная, юридическая, педагогическая), педагогика;

9) социально-экономические и управленческие теории из сферы государственного управления и бизнеса (предпринимательской деятельности)» [32, с. 13].

Европейский и американский концептуальные подходы к организации и осуществлению профессиональной подготовки управленческих кадров полиции имеют различия.

В странах Европы сложились *ведомственные трехуровневые системы профессиональной подготовки*, которые включают:

1-й уровень – первоначальное обучение поступающих на службу в полицию;

2-й уровень – многопрофильная подготовка полицейских разных специальностей, среднего руководящего состава полиции;

3-й уровень – подготовка управленческих кадров полиции, старших и высших офицеров [32].

Параллельно сотрудники полиции могут получить образование в гражданских вузах. Намечилась тенденция приема на работу в полицию лиц с одним и более высшим образованием, а также имеющих кандидатские и докторские ученые степени.

Система профессиональной подготовки – многомерная структура, определяемая, с одной стороны, уровнями полицейской иерархии, с другой – уровнями профессионального образования. Система профессиональной подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран предоставляет широкие возможности для дополнительного образования, имеются комплексы курсов повышения квалификации и усовершенствования управленческой деятельности.

В аспекте рассматриваемого вопроса представляет интерес университет полиции Германии, который осуществляет базовую управленческую подготовку кадров на руководящие должности полиции всех федеральных земель, начальствующие посты федерального уровня и Международной полиции – Интерпола, а также обеспечивающий повышение квалификации действующего руководящего состава.

Обучение осуществляется по магистерской программе «Государственное управление – полицейский менеджмент», организуется в два этапа, каждый из которых длится один год.

Целью образовательной программы является формирование у обучающихся совокупности знаний, навыков и умений, которые позволят им в будущем:

«а) управлять более крупными службами, подразделениями и частями полиции;

б) управлять деятельностью полиции на руководящих должностях;

в) выполнять особые задачи в высших органах центральных федеральных учреждений и федеральных земель;

г) вести преподавательскую деятельность в специализированных профессиональных образовательных учреждениях федераций и земель» [22, с. 348–349].

Учебные программы формируются по модульной системе – 10 модулей в год. Модульное обучение имеет междисциплинарную основу.

Сотрудниками кафедры социальной, профессиональной и организационной психологии осуществляется специальная психологическая подготовка управленческих кадров полиции.

Один из модулей – «Управление комплексными и межкультурными коммуникативными процессами». Содержание указанного модуля включает:

а) ситуационный тренинг (в форме деловых игр) – решение конфликтов, различных управленческих ситуаций и др.;

б) межкультурный тренинг – анализ миграционных проблем, межкультурное общение, международное сотрудничество.

В ходе проведения тренинга, деловых игр используется ситуационный метод. В рамках указанного метода обучающимся ставится тактическая задача, которая решается в группе. Группа распределена по два человека, выполняющих ролевую деятельность в составе: «Штаба», «Рабочей группы», «Экспертов». Необходимо отметить, что ситуационный метод аналогичен методике «мозгового штурма», однако есть некоторые отличия, в частности, преподаватель не вмешивается в ход занятий, а наблюдает за активностью в «Рабочей группе», выделяет самых успешных (генерирующих идеи) участников тренинга, определяя их «экспертами», затем они оцениваются «Штабом».

В аспекте рассматриваемой проблемы целесообразно констатировать факт того, что трехуровневая система профессиональной подготовки кадров в Германии считается одной из эффективных в мире. В Германии также накоплен значительный опыт: разработки стандартов полицейской деятельности; правовой и социальной защищенности сотрудников полиции; формирования полицейской корпоративной культуры; стимулирования мотивации полицейских к повышению профессионализма.

В Европе, наряду с указанными выше системами образования, созданы международные центры по подготовке управленческих кадров полиции.

Согласно И. Ф. Колонтаевской, наибольший по сравнению с другими странами опыт в области организации и осуществления профессиональной подготовки руководящих кадров полиции накоплен в США. Необходимо отметить тот факт, что и до настоящего времени США занимают лидирующие позиции в этой области и являются монополистами в мировом масштабе.

«В США первые полицейские школы профессиональной подготовки возникли внутри гражданских образовательных институтов. Затем начали образовываться самостоятельные полицейские школы, которые стали заниматься исключительно *профессиональной подготовкой* служащих полиции,

в том числе управленческих кадров. Функция же осуществления *профессионального образования*, дающего право на получение руководящей должности, по сей день остается за общегражданскими университетами, колледжами, факультетами, предлагающими специальные программы по полицейской проблематике» [32, с. 20].

Подготовка управленческого звена полиции США включает: развитие умений руководить и решать более сложные проблемы с пониманием социально-психологических зависимостей и влияний; координировать действия сотрудников; организовывать, при необходимости, население в целях решения правовых проблем и раскрытия преступлений. В целях совершенствования взаимоотношений указанной категории специалистов с различными категориями граждан (представителями общественности, государственных органов, силового блока и СМИ; коллегами зарубежных стран и др.) в рамках психологической подготовки уделяется большое внимание развитию навыков: установления психологического контакта, формирования доверительных отношений; бесконфликтного профессионального, делового, управленческого общения; межкультурной коммуникации.

В целях совершенствования управленческой деятельности руководителей высшего «эшелона» полицейской иерархии используются программы специальной психологической подготовки, в основу которых положен дифференцированный подход.

Принято считать, что человековедческие знания и умения составляют менталитетную основу: деловых успехов, признания граждан, устойчивого профессионального рейтинга руководителей полиции США [32–35].

В настоящее время получила широкое распространение тенденция подготовки указанной категории сотрудников полиции США в престижных общенациональных и международных центрах управления, бизнес-школах, успешных коммерческих структурах, фирмах, банках и т. п.

В интеграционных процессах в сфере профессиональной подготовки управленческих кадров полиции США занимают активную, а в ряде случаев – доминирующую позицию. Во время профессиональной подготовки управленческих кадров полиции США делается акцент на формирование у них американских ценностных ориентаций и установление личных контактов между иностранными руководителями полиции и их американскими коллегами.

В ракурсе рассматриваемого вопроса обращает на себя внимание ***институт развития лидерства***.

Цель образовательной программы указанного выше института в США – совершенствование управленческой подготовки сотрудников ФБР и партнерских учреждений, развитие системы эффективного менеджмента.

Институт имеет ряд обучающих программ по вопросам управления деятельностью национальных и международных правовых органов, органов разведки и борьбы с терроризмом.

Обучение построено на обсуждении реальных примеров из практики, уделяется внимание следующим вопросам: принятия управленческих решений; управления стратегическими изменениями; координации внутри агентства; стратегического мышления. Участники программы учатся понимать своего противника и предсказывать его действия.

Особенностями содержания профессиональной подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран, наряду с различиями, является наличие общих составляющих, таких как: «национальное и международное законодательство в области правоохранительной деятельности; управление персоналом; управленческие технологии; борьба с организованной преступностью, терроризмом, коррупцией, наркобизнесом, отмыванием денег, нелегальной иммиграцией, компьютерными преступлениями; личная безопасность руководителя; психологическая подготовка, а также обучение риторике, выполнению представительских функций, принятию решений, иностранным языкам, информатике» [32, с. 28]. В этой связи актуальными являются вопросы совершенствования системы взаимодействия с Интерполом, разработки совместных проектов (программ) в целях борьбы с терроризмом, транснациональной преступностью, торговлей людьми, преступлениями в информационной сфере.

В контексте профессиональной подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран представляет интерес опыт использования деонтологического подхода.

Деонтология (греч. *deon* – должное и *logos* – учение, слово) – концепция, раздел этической теории, в котором рассматриваются вопросы, связанные с понятием долга. Термин введен Бенхамом в своей работе «Деонтология, или наука о морали» для обозначения теории нравственности как науки о морали.

Полицейская деонтология – система знаний о полицейской деятельности и профессиональном поведении полицейского, оптимальный свод правил дозволяющего, обязывающего, запрещающего и рекомендательного характера, которыми должен овладеть и руководствоваться полицейский в отношениях, возникающих при выполнении служебных полномочий [36].

Полицейская деонтология за рубежом – междисциплинарная наука о социальных нормах и профессиональных стандартах должного поведения сотрудников полиции. **Полицейская деонтология** воплощается в присягах, кодексах этики, чести, в особой профессионально-деонтологической системе подготовки сотрудников, в судах чести, в комиссиях по этике при полицейских органах и др. [37].

Деонтология полицейского – целостность, в которой нельзя механически отделить психологическое, политическое, этическое и эстетическое от юридического, возможно лишь выделить психологическую, политическую, эстетическую, информационную подсистемы культуры личности полицейского, которые находятся в развитии, связи и гармонии. Профессиональный

долг полицейского, ответственность за выполнение профессиональных обязанностей – основные морально-правовые ценности профессии, ее каноны.

Нормы деонтологии строгие и обеспечиваются административными санкциями, т. е. отступление от требований профессиональной деонтологии является также нарушением юридических норм.

Во время осуществления профессиональных полномочий полицейский постоянно сталкивается с необходимостью решать (а порой в считанные минуты) сложные проблемы, за которыми стоит жизнь и честь людей. Принятие решений требует от профессионала-полицейского большого напряжения моральных сил, мобилизации опыта и знаний, глубокого понимания степени ответственности перед обществом, коллективом, в котором он работает. В этой связи к личности полицейского предъявляются следующие нравственные требования: отношение к человеку как к высшей ценности; разумное и гуманное использование методов принуждения; безупречность личного поведения; сознательная дисциплина, исполнительность и смелость; совершенствование профессионального мастерства, повышение общей культуры [36].

Концепция деонтологического подхода в деятельности полиции США, Германии имеет религиозную направленность. Например, в Германии преподавание учебной дисциплины «Профессиональная этика сотрудника полиции» осуществляется штатными полицейскими священниками.

Изучая опыт профессиональной подготовки сотрудников полиции зарубежных стран, нельзя не отметить применение *поведенческой науки* в ФБР США.

Подразделение поведенческой науки (The Behavioral Science Unit – BSU) – структурная часть Отделения подготовки (Training Division) в составе Федерального бюро расследований (Federal Bureau Investigation) США. В деятельности BSU выделены два главных направления: *научно-исследовательское и практическое*.

Сотрудниками, работающими по первому направлению, осуществляется систематизация и анализ тяжких и особо тяжких преступлений как по отдельным видам преступлений, так и в целом по преступности в стране, а также подготовка прогнозов их развития на перспективу, рекомендаций по профилактике преступности и борьбе с ней.

В то же время сотрудниками указанного выше направления постоянно осуществляются научные исследования по ряду отраслей психологической науки и актуальным темам, в частности:

- прикладная криминальная психология (Applied Criminal Psychology);
- клиническая судебная психология (Clinical Forensic Psychology);
- политика решения общинных проблем (Community Policing and Problem-Solving Strategies);
- анализ преступности (Crime Analysis);
- исследования неясной смерти (Death Investigation);
- банды и бандитизм (Gangs and Gang Behavior);

- межличностное насилие (Interpersonal Violence);
- убийства сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими служебных обязанностей (Law Enforcement Officers Killed and Assaulted in the Line of Duty) и др.

В рамках практического направления сотрудники BSU осуществляют:

- непосредственное участие в расследовании преступлений;
- оказывают помощь ФБР в обучении и тренировке новых агентов;
- реализуют специальную программу в Академии ФБР для американских и зарубежных офицеров полиции (FBI National Academy Program);
- проводят консультации для организаций, имеющих отношение к реализации уголовного законодательства (criminal justice-related organizations);
- проводят конференции и симпозиумы, на которые приглашаются и психологи, формально не связанные со структурами ФБР или американской полиции.

В связи с особой сложностью и секретностью своей деятельности подразделение предъявляет повышенные требования к своим сотрудникам. Ими могут стать только граждане США нескольких категорий:

а) специальные агенты ФБР с правами супервизорства (Supervisory Special Agents);

б) бывшие сотрудники полиции, прошедшие дополнительное обучение и получившие высокую научную квалификацию (advanced degrees) в психологии, криминологии или социологии;

в) судебные психологи (forensic psychologists) с не менее чем 5-летним стажем практической деятельности, проявившие склонность и способности к работе в интересующих ФБР сферах активности [38].

Опыт применения **поведенческой науки** в ФБР США не может не вызывать интереса в контексте изучаемой проблемы.

На основании анализа данных научной литературы по обозначенной выше проблеме следует, что, изучая опыт профессиональной подготовки, включая и специальную психологическую подготовку сотрудников полиции зарубежных стран, ученые не пришли к единому мнению относительно его экстраполяции в целях практической реализации в наших условиях. Например, в соответствии с мнением А. М. Столяренко, изучение и использование опыта решения юридико-психологических проблем за рубежом требует особой методологической и методической компетентности, в частности, использования специальных научных принципов:

- **принцип объективности** обязывает стремиться к отражению и описанию того, что есть, без всяких предубеждений, штампов, крайностей, субъективизма, волюнтаризма, симпатий и антипатий. Изучение должно строиться не на догадках, внешних впечатлениях, здравом смысле, а на научном знании, научном методе, зрелой теории, доказательном истолковании и всесторонне обоснованных оценках;

- **принцип комплексности** отражает объективную зависимость особенностей правовых систем и образования в каждой стране от социальных, политических, экономических, историко-культурных, национально-этнических, социально-психологических и иных особенностей общества и его граждан. Согласно А. М. Столяренко, опыт, как правило, представляет собой единство интернационального и национального, что обеспечивает его механистическое копирование;

- **принцип конкретно-исторического подхода** заключается в том, что опыт всегда находится в развитии, связан с определенными временными рамками, обусловлен историческими общественными факторами в стране, т. е. какой-то зарубежный опыт может быть устаревшим, а другой – преждевременный для его внедрения в наших условиях;

- **принцип юридико-психологической системности** состоит в том, что любой изучаемый юридико-психологический феномен (часть опыта, способ действий и пр.) в любой стране является лишь частью системы юридико-психологической реальности. Он включен в системы правовой психологии населения, психологии групп и персонала ПОО, психологии личности полицейских и других сотрудников, психологии правоохранительной деятельности и др. Следовательно, внедрение зарубежного опыта целесообразно при его адаптации к специфике наших юридико-психологических связей, отношений и зависимостей;

- **принцип противоречивости** опыта отражает факт диалектической неоднозначности его. В нем, с позиции наших реальностей, всегда есть плюсы и минусы, «за» и «против». Правовой и юридико-психологический опыт каждой страны сочетает общее и особенное, интернациональное и национальное, типичное и единичное.

Автор отмечает, что важно: научиться бережно относиться к отечественному опыту и внимательно, вдумчиво – к зарубежному; использовать зарубежный опыт, но не менее значимо – не злоупотреблять им [39].

Зарубежный опыт профессиональной подготовки сотрудников полиции необходимо использовать в процессе модернизации и оптимизации системы образования МВД России, так как он, по мнению И. Ф. Колонтаевской, позволяет генерировать новые идеи и развивать их на практике с учетом реальной действительности. Автором акцентируется внимание на том, что внедрение зарубежного опыта предполагает длительную, поэтапную работу, так как недопустим механический перенос опыта какой-либо страны в отечественные условия из-за различия ряда факторов, определяющих особенности законодательных и правовых систем, правоохранительных органов и др.

В соответствии с мнением И. Ф. Колонтаевской, целесообразно соблюдать *определенные условия* изучения, оценки и использования зарубежного опыта в целях минимизации риска негативных последствий, необоснованного его внедрения в практику [40].

Согласно А. В. Губанову, зарубежный опыт не может служить эталоном, так как он порожден иной ментальностью и обстановкой, не лишен недостатков. Автор отмечает, что опыт профессиональной подготовки сотрудников полиции зарубежных стран имеет отдельные интересные элементы, которые при их адаптации могут использоваться на практике.

В то же время А. В. Губановым указывается на целесообразность изучения таких кардинальных проблем, как:

а) обеспечение общесоциального характера деятельности полиции, ее де бюрократизации;

б) создание системы расстановки кадров в строгом соответствии с их моральными и профессиональными качествами;

в) выработка оптимальных стратегических вариантов реагирования на изменения оперативной обстановки прежде всего при определении сочетания упреждающих и ответных, оперативно-розыскных и силовых действий в антикриминальной борьбе [41].

По мнению С. В. Асямова, изучение зарубежного опыта профессиональной подготовки сотрудников полиции целесообразно в связи с концепцией современной деятельности ОВД Узбекистана, которая предполагает интегрирование в мировую правовую систему и деятельность на основе принятых в мировой практике форм и методов борьбы с преступностью. Вместе с тем автор отмечает, что к зарубежному опыту необходимо относиться вдумчиво и осмотрительно, так как не всегда существующая модель или ее элементы одного государства могут быть интегрированы в другую национальную систему. Указывается также на то, что практическая ценность научно-обоснованного анализа функционирования иностранных государственных институтов заключается в том, что зарубежный опыт позволяет лучше понять и увидеть сильные и слабые стороны отечественных аналогов [22].

Полностью разделяя мнение вышеуказанных авторов относительно изучения и использования на практике опыта профессиональной подготовки, включая психологическую подготовку сотрудников полиции зарубежных стран, полагаем целесообразным постановку ряда взаимосвязанных теоретических и практических задач, требующих научного рассмотрения, в частности,

А:

- изучение опыта сотрудничества правоохранительных органов и Интерпола, разработка перспективных международных программ взаимодействия (в целях борьбы с терроризмом, транснациональной преступностью, торговлей людьми, преступностью в информационной сфере и др.);

- изучение опыта международного сотрудничества в сфере профессиональной подготовки, включая психологическую подготовку сотрудников правоохранительных органов;

- разработка подхода (теоретико-методологического) к формированию специальных компетенций специалистов правоохранительных органов с учетом современной специфики преступности в информационном пространстве;

- разработка подхода (теоретико-методологического) к исследованиям опыта использования (выявления специфических особенностей) деонтологического подхода в деятельности правоохранительных органов;

- изучение опыта использования специальных зарубежных информационных, психологических, тренинговых технологий в процессе подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов;

- изучение опыта сотрудников полиции иностранных государств в борьбе с криминальным манипулированием;

- изучение опыта использования в учебном процессе подготовки сотрудников правоохранительных органов банка современных данных (включая данные сотрудников полиции зарубежных государств) о транснациональной преступности; экстремальных ситуаций в оперативно-розыскной деятельности и др.;

- разработка подхода (теоретико-методологического) к формированию устойчивости профессионального сообщества к многообразию приемов и методов целенаправленного информационно-психологического воздействия, включая манипулирование, которые могут быть использованы против него в информационном пространстве.

Б:

- разработка подхода (теоретико-методологического) к исследованиям феномена формирования и функционирования «эталонного образа руководителя-профессионала правоохранительных органов»;

- определение роли уровня развития политической культуры, политического, государственного, патриотического, профессионального, нравственного самосознания, правосознания и правовой культуры указанной выше категории специалистов как детерминанты успешности их управленческой деятельности;

- определение роли уровня развития управленческого общения в формировании образа руководителя-профессионала правоохранительных органов;

- изучение нравственного потенциала личности руководителя как одной из детерминант эффективности управленческой деятельности правоохранительных органов;

- разработка интегративного (теоретико-методологического) подхода к исследованию феномена управленческого общения (в частности – диалогического) в современных условиях профессионально-служебной деятельности руководителей правоохранительных органов;

- изучение аксиологических аспектов формирования и функционирования коммуникативной компетентности указанной выше категории руководителей;

- совершенствование системы этнопсихологической подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководителей разного уровня управления, правоохранительных органов;

- определение критериев оценки высокого уровня управленческого общения указанной выше категории руководителей как детерминанты успешности их управленческой деятельности;

- выявление специфических особенностей функционирования профессионального сообщества, корпоративной культуры сотрудников правоохранительных органов в зависимости от степени развития управленческого общения руководителей разного уровня управления в современных условиях информатизации общества.

В:

- разработка интегративного (теоретико-методологического) подхода к структуризации, рефлексии психологического моделирования, психологической интерпретации при составлении психологического портрета личности, группы;

- изучение валидации, релевантности психологического, социально-психологического портрета описываемой личности, группы и т. д.;

- изучение опыта использования современных эффективных ситуативно-образных психологических технологий (ситуативно-образного психорегулирующего тренинга и др.), широкого перечня манипулятивных и антиманипулятивных психотехник, в основу которых заложены разнообразные стратегии профессионального общения, в целях совершенствования коммуникативной компетентности специалистов для осуществления оперативно-розыскной деятельности;

- изучение диапазона адаптационного потенциала сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающего эффективное выполнение служебных задач в особых и экстремальных условиях с сохранением их психического и физического здоровья.

Есть основание полагать, что зарубежный опыт будет положительно воспринят и в адаптированном виде имплементирован в систему подготовки кадров правоохранительных органов [42].

Список цитируемых источников

1. Поштарева, Т. В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Т. В. Поштарева. – Ставрополь, 2007. – 41 с.

2. Заркенова, Ж. Т. Содержание и структура этнокультурной компетенции будущих педагогов / Ж. Т. Заркенова // Научное обозрение. Серия: Педагогические науки. – 2017. – № 3. – С. 14–17.

3. Канышева, А. В. Проблема формирования этнокультурной компетенции в поликультурном социуме / А. В. Канышева // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения : сб. науч. ст. / сост.: Г. А. Качан, С. Д. Матюшкова ; под науч. ред. А. П. Орловой ; отв. за вып. С. А. Моторов. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – С. 31–33.

4. Шургучиев, Х. Г. Формирование этнотолерантности у будущего сотрудника правоохранительных органов как фактора обеспечения социальной безопасности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 5.8.1 / Х. Г. Шургучиев. – Элиста, 2021.
5. Наумов, С. И. Этнокультурные аспекты социального взаимодействия в правоохранительной сфере / С. И. Наумов, И. А. Савченко // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 8, 9. – С. 58–81. – URL: <http://ej.soc-journal.ru>.
6. Авдеева, М. В. Межкультурная коммуникативная компетентность сотрудников органов внутренних дел в сфере международного сотрудничества : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.05 / М. В. Авдеева. – Москва, 2007. – 276 л.
7. Цветков, В. Л. Психология оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / В. Л. Цветков, В. М. Шевченко, Н. Е. Шаматова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 255 с.
8. Верещак, А. В. Формирование готовности к профессиональному общению у курсантов вуза МВД РФ : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / А. В. Верещак. – Йошкар-Ола : Чувашский гос. пед. ун-т, 2010. – 22 с.
9. Беленько, И. А. Формирование умений профессионального общения у курсантов юридических вузов МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / И. А. Беленько. – Челябинск, 2005. – 26 с.
10. Вишневская, В. П. Некоторые актуальные аспекты совершенствования психологического обеспечения расследования преступлений / В. П. Вишневская // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с междунар. участием, Минск, 25–26 окт. 2024 г. / БГУ, юрид. фак., каф. криминалистики ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 64–70.
11. Скворцова, Е. В. Этнокультурная компетентность сотрудников полиции / Е. В. Скворцова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 3 (66). – С. 15–19.
12. Пантелеева, М. В. Формирование межкультурной компетенции в условиях поликультурного взаимодействия (на материале американских исследований) / М. В. Пантелеева, Р. А. Валеева // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 5–4. – С. 854–859.
13. Белкин, А. И. Этноконфессиональная специфика видеообраза в судебно-психологической экспертизе / А. И. Белкин, Е. Л. Чернышова // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 30–31 мая 2019 г. В 2 ч. Ч. 1. – Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2019. – С. 24–25.
14. Рапохин, Н. П. Прикладная психология : учеб. пособие / Н. П. Рапохин. – Москва : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2007. – 432 с.
15. Резников, Е. Н. Теоретические и методологические проблемы этнической психологии : монография / Е. Н. Резников. – Минск : Изд. центр БГУ, 2006. – 440 с.
16. Психология XXI века : учеб. для вузов / под ред. В. Н. Дружинина. – Москва : ПЕР СЭ, 2003. – С. 736–746.
17. Крысько, В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения : курс лекций / В. Г. Крысько. – Москва : Экзамен, 2002. – 448 с.
18. Право Всемирной торговой организации: влияние на экономику организации и законодательство государств Европейско-Азиатского региона : монография / В. Н. Архангельский [и др.] ; отв. ред. В. Д. Перевалов. – Москва : СТАТУТ, 2014. – 158 с.
19. Вишневская, В. П. Актуальные вопросы коммуникативной компетентности / В. П. Вишневская // Вестник Академии военных наук. – 2016. – № 2 (55). – С. 128–133.
20. Налчаджян, А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 381 с. : ил.
21. Shafer, K. H. High-Performance Policing for the 21st Century / K. H. Shafer // The Police Chief. – 1997. – N. V. – P. 23–25.

22. Асямов, С. В. Полиция зарубежных стран: система организации и опыт профессиональной подготовки кадров : учеб. пособие / С. В. Асямов, Д. М. Миразов, А. А. Таджиев, А. С. Якубов. – Ташкент : Fanvatechnologiya, 2010. – 452 с.
23. Катербарг, Т. О. Профессиональный потенциал педагогов как педагогическая категория и функциональный компонент образовательного пространства школы / Т. О. Катербарг // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 4. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/04/23281>.
24. Шушкевич, И. Ч. Профессиональная подготовка полицейских в европейских странах / И. Ч. Шушкевич. – Санкт-Петербург, 1997. – 186 с.
25. Дергалева, И. Ю. Мониторинг профессионального потенциала менеджера / И. Ю. Дергалева, И. В. Резанович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2008. – № 30 (130). – С. 92–96.
26. Марков, В. Н. Профессиональный потенциал и зона ближайшего профессионального развития / В. Н. Марков // Акмеологическое исследование потенциала, резервов и ресурсов человека. – Москва, 2005. – С. 75–88.
27. Heberton, B. Policing in Central and Eastern Europe / B. Heberton. – N. Y., 1995.
28. Антонов, И. П. Полиция Германии: история и современность / И. П. Антонов. – Москва, 2000. – 144 с.
29. Юрова, Н. В. Развитие профессионального потенциала человека в условиях интернационализации экономики / Н. В. Юрова // Беларусь в современном мире : материалы VII Междунар. науч. конф., Минск, 30 окт. 2008 г. – Минск, 2008. – С. 188–190.
30. Ивкова, Л. Э. Сравнительный анализ профессиональной полицейской подготовки в России, Великобритании и США / Л. Э. Ивкова // Вестник Калининградского юридического института Министерства внутренних дел России. – Калининград, 2012. – № 4. – С. 53–60.
31. Метлицкий, И. Е. Системно-структурный подход к развитию профессионального потенциала сотрудников правоохранительных органов / И. Е. Метлицкий // Философия. Психология. – 2017. – № 1. – С. 103–107.
32. Колонтаевская, И. Ф. Организационно-правовые основы профессиональной подготовки управленческих кадров полиции за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / И. Ф. Колонтаевская. – Москва, 2005. – 30 с.
33. Психология. Педагогика. Этика : учеб. для вузов / О. В. Афанасьева, В. Ю. Кузнецов, И. П. Левченко [и др.] ; под ред. проф. Ю. В. Наумкина. – Москва, 1999. – 349 с.
34. Лури, В. С. Анализ современного опыта психологической подготовки сотрудников полиции США : автореф. дис. ... канд. псих. наук / В. С. Лури. – Москва, 1991. – 24 с.
35. Chete, A. Communication Training / A. Chete // The Police Chief. – 1980. – XLVII (10). – P. 29-31; Zlotnick, J. Victimology & Crisis Intervention Training with Police / J. Zlotnick // Crisis Intervention. – 1979. – № 10. – P. 2–17.
36. URL: https://studopedia.ru/7_172090_deontologiya-kak-nauka-o-dolznom-politseyskaya-deontologiya.html.
37. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/9/069.htm>.
38. Енгальчев, В. Ф. – URL: <https://determiner.ru/termin/povedenchskaya-nauka-v-fbr-sha.html>.
39. Столяренко, А. М. – URL: <https://studfile.net/preview4240588; yurpsy.com/files/xrest/9/069.htm>.
40. Колонтаевская, И. Ф. Педагогика профессионального образования кадров полиции зарубежных стран : монография / И. Ф. Колонтаевская. – Москва : Акад. упр. МВД России, Щит-М, 2002. – 178 с.
41. Губанов, А. В. Основы организации и функционирования полиции зарубежных государств и использование их опыта для совершенствования деятельности органов внутренних дел России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Губанов. – Москва, 1997. – 49 с.

42. Вишневская, В. П. Из опыта подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран / В. П. Вишневская // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук : спец. вып. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч., Вольск, 12–13 нояб. 2020 г. – Ч. 2 / гл. ред. А. В. Немчинов ; ред. С. А. Мокроусов [и др.]. – Вольск : Тип. ВВИМО, 2020. – С. 102–110.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной коллективной монографии излагаются авторские подходы к решению некоторых вопросов обеспечения национальной (включая информационно-психологическую, политическую, пограничную) безопасности Республики Беларусь.

Например, в аспекте пограничной безопасности:

1. Разработан и предложен перечень методологических средств, являющийся *инструментарием* исследования пограничной безопасности Республики Беларусь и ее обеспечения, позволяющий осуществить комплексный подход к изучению рассматриваемого объекта, провести анализ происходящих процессов и явлений, связанных с общественно-государственными отношениями, возникающими при осуществлении деятельности уполномоченных ГиРОГУ в пограничном пространстве по реализации государственной пограничной политики, направленной на обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь. Предложенный инструментарий дает возможность определить проблемы и противоречия в осуществлении деятельности всех заинтересованных структур, выработать и обосновать основные компоненты пограничной безопасности, а также компоненты, ее обеспечивающие.

Наиболее значимыми методами-подходами в предложенном инструментарии являются: исторический; институциональный; системный и его практическая составляющая метод-прием моделирование; сравнительный и структурно-функциональный анализы; количественный; метод изучения служебных (законодательных и нормативно-правовых актов), архивных документов и др. Кроме того, в последнее время начал выделяться и принимать довольно весомое значение геополитический подход при исследовании одного из основных направлений обеспечения пограничной безопасности – пограничной политики государства.

2. Установлено, что при рассмотрении пограничной безопасности, явлений и процессов, связанных с ее обеспечением, не менее ценным является уточнение наиболее общих и вместе с тем важных для осмысления теоретических положений. В то же время практическое отсутствие в Республике Беларусь диссертационных (специальных) исследований в рассматриваемой области порождает неточные толкования тех или иных основных понятий и приводит к затруднениям в выполнении уполномоченными ГиРОГУ задач по предназначению.

Так, основываясь на методе *системного подхода* и его основополагающих системных признаках (*атрибутах*) организационных систем, выявлены некоторые противоречия и неточности в суждениях относительно значимости, роли и места пограничной безопасности, ее обеспечения в общей системе

национальной безопасности, а также предоставилась возможность уточнить категориально-понятийный аппарат теоретических основ пограничной безопасности – такие основные теоретические основания исследования, как *обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь, ее цель, система обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь, пограничная сфера, функции и задачи системы обеспечения пограничной безопасности*.

Вышеизложенные уточненные понятия категориально-понятийного аппарата теоретических основ обеспечения пограничной безопасности в перспективе позволят осуществить подготовку новой редакции Концепции обеспечения пограничной безопасности Беларуси, а также выработать единый научный подход к формированию стратегических и концептуально значимых документов в области осуществления государственной пограничной политики, направленных на обеспечение пограничной безопасности страны.

3. В ходе моделирования пограничной безопасности, а также ее обеспечения разработана *структурно-функциональная модель*, отвечающая общим свойствам сложных и динамических систем, всем требованиям, предъявляемым к моделям такого уровня и типа. При этом установлен перечень основных ее *компонентов* (подсистем) (правовая подсистема; институциональная подсистема; подсистема сил и средств; подсистема управления и координации и подсистема всестороннего обеспечения), охватывающих все структурные элементы и взаимосвязи между ними, составляющие которых присутствуют на каждом из предложенных для изучения *иерархических уровней* и практически в каждой из ее функций.

Вышеуказанный подход моделирования дает возможность наметить и предложить основные направления дальнейшего развития системы ее обеспечения посредством *совершенствования состава, структуры и функций* основных ее компонентов (подсистем), реализация которых приведет к более целенаправленному и рациональному осуществлению ГиРОГУ, ВНС и субъектами гражданского общества Республики Беларусь деятельности в области государственной пограничной политики по обеспечению пограничной безопасности и, в конечном итоге, даст возможность сформировать адекватную современным реалиям систему обеспечения, позволяющую достигнуть требуемого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проявляющихся в пограничной сфере.

В аспекте информационно-психологической безопасности предлагается авторский подход к изучению феномена формирования и функционирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства как значимой составляющей политики государства.

Образ государства рассматривается как многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение политического руководства страны к национальной идентичности, динамике статуса и роли страны на мировой арене, причинам их изменения, выступает в роли фактора, опреде-

ляющего: особенности формирования, развития и укрепления международных отношений; прогнозирования перспектив развития и эффективного функционирования государства на всех уровнях (внутриполитическом, внешнеполитическом, мировом); особенности поведения и деятельность руководителя государства.

Сущность указанного подхода заключается в целесообразности учета сбалансированности конвергенции образов: «образ государства у руководства страны», «образ государства у личности», «образ государства у профессионального сообщества», «образ государства у общества», составляющей базис национального единства и обеспечивающей в определенной степени национальную безопасность.

В аспекте практического использования концепции образа государства предлагается различать такие важные компоненты, как: основа (ядро) образа государства, «опорная точка образа государства», уровень сформированности и адекватности образа государства.

Основу (ядро) образа государства составляют: «Я-концепция государства», национальный образ, Конституция, национальные интересы, национальная безопасность (военно-политический, экономический, научный, ресурсный и др. потенциал страны).

Опорная точка образа государства представляет собой совокупность объективных данных, отражающих историю государства, реальные достижения в области политики, экономики, науки, культуры, спорта и т. д. на внутриполитическом, внешнеполитическом и мировом уровне.

Авторский подход формирования и функционирования позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства может быть учтен в качестве составляющей «Я-концепции государства». Образ государства может рассматриваться в интересах безопасности личности, общества, профессионального сообщества, государства.

Образ государства может выступать в качестве источника мотивации ролевого поведения (руководства страны, социума, личности). В этом же контексте целесообразно подчеркнуть значимость сформированности позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства на всех уровнях. Неадекватно сформированный (включающий деструктивные компоненты) образ государства может представлять угрозу, в частности, экономической безопасности (например, как инвестиционно непривлекательный) и национальной безопасности в целом.

В этом же аспекте целесообразно обратить внимание на правовое, организационное и информационное обеспечение формирования и закрепления позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства на внутриполитическом, внешнеполитическом и мировом уровне.

Формирование позитивного образа прошлого, настоящего и будущего государства имеет исключительное значение для национального единства.

Позитивный образ государства выступает в качестве значимого фактора обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны.

В сфере подготовки специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности предлагаются следующие приоритетные направления деятельности:

формирование «эталонного образа офицера-профессионала»;

формирование политической культуры, политического, государственного, патриотического, профессионального, нравственного самосознания; правосознания и правовой культуры специалистов;

воспитание гражданственности и патриотизма;

формирование профессиональной и организационной приверженности как значимой составляющей надежности специалиста;

совершенствование коммуникативной компетентности, в частности, профессионального общения, управленческого общения, этнокультурной, межкультурной, коммуникативной компетентности сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности;

совершенствование форм и методов психологической, специальной психологической подготовки специалистов, обеспечивающих эффективное выполнение профессионально-служебных задач в особых и экстремальных и сверхэкстремальных условиях;

использование современных тренинговых психотехнологий, направленных на обеспечение эффективности ролевой, этнокультурной, межкультурной коммуникативной компетентности сотрудников в целях повышения борьбы с транснациональной преступностью, торговлей людьми и др.;

повышение уровня профессионализма специалистов, выражающегося, в частности, в умении:

систематизировать и осуществлять качественный анализ информационных потоков разной степени интенсивности и насыщенности, включая использование информационных, информационно-психологических технологий деструктивного характера;

выявлять использование манипулятивных технологий, например, в политической, военно-политической, экономической и других сферах;

выявлять использование манипулятивных технологий, направленных на конкретное профессиональное сообщество (например, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, политиков, ученых, спортсменов, медицинских работников и др.);

противостоять любого рода манипуляциям в информационном пространстве;

эффективно использовать (при необходимости) антиманипулятивные техники в информационной сфере. Необходимо обратить внимание на развитие политического, военно-политического мышления (включая его критичность), политического иммунитета.

В рамках ОРД совершенствование у вышеуказанной категории специалистов умений выявлять:

модели преступного поведения как группы лиц, так и представителей различных субкультур деструктивного толка;

специфические модели преступного поведения лиц и/или группы лиц, имеющих деструктивную реконструкцию «я-образа» и/или «мы-образа»;

специфические модели преступного поведения лиц и/или группы лиц, имеющих деструктивную реконструкцию этнического «я-образа» и/или этнического «мы-образа»;

специфические модели преступного поведения лиц и/или группы лиц, приверженных нацистской идеологии;

специфические, этнопсихологические модели преступного поведения лиц, и/или группы лиц в зависимости от их специальной подготовки представителями недружественных государств и т. д. в целях обеспечения раскрываемости различного рода преступлений в интересах сохранения суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь.

В этом же контексте целесообразно:

совершенствование антиманипулятивной стратегии и тактики профессионального общения специалистов для осуществления оперативно-розыскной деятельности;

использование современных технологий составления психологического портрета личности, группы;

использование современных эффективных ситуативно-образных психотехнологий, например, ситуативно-образного психорегулирующего тренинга и др.;

использование банка описанных экстремальных ситуаций в оперативно-розыскной деятельности, включая современные данные;

формирование стрессоустойчивости у вышеуказанной категории специалистов.

ГЛОССАРИЙ

Приведенный ниже перечень терминов и их понятий в своем большинстве не является авторским, а составлен на основе анализируемой научной литературы.

Автоидентификация, аутоидентификация (англ. *Self-identification*) – самоопределение, идентификация (отождествление) себя с другим или другими (группой). В последнем случае синонимически используется термин «групповая идентификация» (или «социальная идентификация»). В этнографии и этнопсихологии широко используется термин «этническая А. (или самоидентификация)». Психологи аналогично говорят о половой, возрастной, конфессиональной, профессиональной, социальной А. (самоидентификации) личности. Следует различать процессы формирования А., сформированные процессы (и механизмы) А. и их результаты в самосознании и Я-концепции; для результатов А. можно рекомендовать использование термина «идентичность». В более узком смысле А. означает лишь те процессы личностной идентификации, которые являются продуктом сознательных стремлений и усилий личности, а не побочным продуктом стихийных процессов подражания, заражения, психологической защиты или результатом внешнего внушения и воспитания.

Авторитарные группы – группы, объединенные вокруг одного какого-то авторитета. Они довольно распространены в преступном мире, бывают различной степени прочности и могут обладать особенностями номинальной, связанной, консолидированной и гомфотерной групп.

Авторитет личности – добровольное признание частью людей (группой) достоинств какого-то одного человека (или другой группы), что приводит к его повышенному влиянию на них.

Агрессивное поведение – одна из форм реагирования на различные неблагоприятные в физическом и психическом отношении жизненные ситуации, вызывающие *стресс*, *фрустрацию* и т. п. состояния. Психологически А. выступает одним из основных способов решения проблем, связанных с сохранением индивидуальности и тождественности, с защитой и ростом чувства собственной ценности, *самооценки*, *уровня притязаний*, а также сохранением и усилением контроля над существенным для субъекта окружением. Агрессивные действия выступают в качестве: 1) средства достижения к.-л. значимой цели; 2) способа психологической разрядки; 3) способа удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении. По своему социальному содержанию – индивидуальное или коллективное поведение, действия, направленные на несение материального ущерба, физического и психологического вреда, либо даже на уничтожение другого человека или группы людей.

Агрессивность (враждебность) – поведение человека в отношении других людей, которое отличается стремлением причинить им неприятности, вред.

Агрессия – любые действия, которые причиняют или намерены причинить ущерб (физический, психический дискомфорт) другому человеку, группе людей или животному.

Агрессия (от лат. *aggressio* – нападение) – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицат. переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.). Выделяются след. виды А.: 1) **физическая А.** (нападение) – использование физической силы против др. лица или объекта;

2) **вербальная А.** – выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание вербальных реакций (угроза, проклятья, ругань); 3) **прямая А.** – непосредственно направленная против к.-л. объекта или субъекта; 4) **косвенная А.** – действия, которые окольным путем направлены на др. лицо (злые сплетни, шутки и т. п.), и действия, характеризующиеся ненаправленностью и неупорядоченностью (взрывы ярости, проявляющиеся в крике, топанье ногами, битье кулаками по столу и т. п.); 5) **инструментальная А.**, являющаяся средством достижения к.-л. цели; 6) **враждебная А.** – выражается в действиях имеющих целью причинение вреда объекту агрессии; 7) **аутоагрессия** – А., проявляющаяся в самообвинении, самоунижении, нанесении себе телесных повреждений вплоть до самоубийства; 8) **альтруистическая А.**, имеющая цель защиты др. от чужих-то агрессивных действий.

Адаптация (от лат. *adaptare* – приспособлять) – в широком смысле – приспособление к изменяющимся внешним и внутренним условиям. Различают адаптацию: физиологическую; медицинскую; анализаторов (как изменение их чувствительности); социально-психологическую (как взаимодействие личности или социальной группы с социальной средой при включении в новую группу); профессиональную (при включении в новые условия труда). **Психологический аспект А.** (частично перекрывается понятием *Адаптации социальной*) – приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными *потребностями, мотивами и интересами*.

Адаптация (от лат. *приспособлять*) – приспособление организма, личности, их систем к характеру отдельных воздействий или к изменившимся условиям жизни в целом. Понятие А. возникло в XIX в. и использовалось вначале главным образом в биологии. Затем это понятие стали применять не только к различным сторонам жизнедеятельности организмов, но и к личности человека и даже к коллективному поведению. А. компенсирует недостаточность привычного поведения в новых условиях. Благодаря А. создаются возможности ускорения оптимального функционирования организма, личности в необычной обстановке. Если А. не наступает, возникают дополнительные затруднения в освоении предмета деятельности, вплоть до нарушений ее регуляции. А. связана с перестройкой функционирования тех или иных органов, свойств, механизмов, с выработкой новых навыков, привычек, качеств, что приводит в соответствие организм, личность со средой. Регуляторами адаптации человека выступают мотивы, мышление, воля, способности, знания, опыт. В процессе адаптации не столько приобретаются новые свойства, качества, сколько перестраиваются уже имеющиеся, а сохранение эффективности деятельности происходит главным образом благодаря готовности, привыканию к новым условиям и их освоению. А. выражается не только в приспособлении организма к новым условиям, но главным образом в выработке фиксированных способов поведения, позволяющих справляться с трудностями. А. состоит из равновесия процессов ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция – это процесс включения нового объекта, новой проблемной ситуации в уже существующие схемы действия. Аккомодация – это изменение таких схем в соответствии с требованиями, предъявляемыми новыми задачами. Единство этих процессов приводит к установлению равновесия между ними и в отношениях организма со средой, нарушение которого каждый раз в силу биологического закона вызывает тенденцию к его восстановлению. В зависимости от того, в каких условиях и на основе каких механизмов осуществляется приспособление человека к среде, выделяют различные виды адаптации: физиологическая (взаимодействие различных систем организма), биологическая (изменение в обмене веществ и функциях органов соответственно жизненному значению воздействий), психологическая (приспособление человека к условиям, задачам на уровне психических процессов, свойств, состояний; например, повышение чувствительности глаз в темноте), социально-психологическая (приспособление к взаимоотношениям в новом коллективе). Эти виды адаптации могут взаимодействовать и проявляться одновременно. Процесс А. к новой обстановке ускоряется, если человек

предварительно ознакомлен с возможными ситуациями предстоящей деятельности, получил знания и сведения, необходимые для правильной ориентировки. Для успешной А. необходимо учиться управлять своим поведением, уметь вырабатывать готовность к целесообразным действиям в новых обстоятельствах жизни.

Адаптация социальная (англ. *social adaptation*) – процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды. Осуществляется путем усвоения представлений о *нормах* и ценностях данного общества (как в широком смысле, так и применительно к ближайшему социальному окружению – общественной *группе*, трудовому коллективу, семье). Основные проявления социальной А. – взаимодействие (в т. ч. общение) человека с окружающими людьми и его активная деятельность. Важнейшим средством достижения успешной социальной А. являются общее образование и воспитание, а также трудовая и профессиональная подготовка. Интегративный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные биосоциальные функции: адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма; адекватная система отношений и общения с окружающими; способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха; способность к самообслуживанию и взаимобслуживанию в семье и коллективе, изменчивость (адаптивность) поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других.

Адаптация социально-психологическая – результат взаимодействия личности и социальной среды, который приводит к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и группы.

Активность социальная – поведение социальных субъектов (общества, классов, групп, личностей), воспроизводящее или изменяющее условия их жизнедеятельности и развивающее их собственную организационную структуру и психику.

Аниме – это японская анимация с характерной манерой отрисовки персонажей и фонов. Сюжеты могут описывать множество персонажей, отличаться разнообразием мест и эпох, жанров и стилей и предназначено, в большей части, на подростковую и взрослую аудитории. Издаётся в форме телевизионных сериалов и фильмов. Во многом за счет этого оно имеет высокую популярность в мире.

Асоциальное поведение – поведение, противоречащее нормам, принятым в обществе.

Ассертивность – социальное качество личности, проявляющееся в ориентации на компромисс и сотрудничество как ведущие стратегии взаимодействия и характеризующее личностно зрелого человека, который точно знает, что он хочет и чего не желает, и может это выразить без агрессивных реакций по отношению к другим людям.

Астенические эмоции – эмоции, приводящие к снижению жизненной активности, дезорганизации деятельности человека в результате переживания, страха, гнева, тревоги и т. п. Различают также стенические эмоции, повышающие жизненную активность человека.

Атрибуция (англ. *attribution*) – приписывание человеком причин и мотивов поведения, личностных качеств и характеристик другим людям на основе обыденного, житейского анализа их действий и поступков. В социальной психологии – «реальный» когнитивный процесс понимания и объяснения поведения др. людей и своего собственного. Суть А. заключается в наделении людей качествами, которые не м. б. результатом социальной перцепции, поскольку не присутствуют в явном виде во внешнем, доступном наблюдателю поведении, а атрибутируются (приписываются) им. Т. о., А. – попытка интерпретировать социальный объект, понять его поведение в условиях дефицита информации путем домысливания. При этом А. отличается от абстрактного объяснения абстрактного поведения, которое дает профессионал-психолог, и представляет собой те когнитивные процессы, которые протекают в самой жизни в миллионах человеческих голов и которые изучаются в когнитивной социальной психологии.

Атрибуция каузальная (от лат. *causa* – причина и *attribuo* – придаю, наделяю) – интерпретация субъектом межличностного восприятия причин и мотивов поведения других людей.

Аттракция – особая форма восприятия и познания другого человека, основанная на формировании по отношению к нему устойчивого позитивного чувства.

Аттракция (от лат. *attrahere* – привлекать, притягивать) – понятие, обозначающее возникновение при восприятии человека человеком привлекательности одного из них для другого. Процесс взаимного тяготения людей друг к другу, формирование привлекательности одного человека для других, механизм формирования привязанностей, дружеских чувств, симпатий и любви.

Аффект (англ. *affect*, нем. *affect*, лат. – душевное волнение) – бурно протекающая кратковременная эмоция взрывного характера, неподконтрольная сознанию и сопровождающаяся интенсивными двигательными реакциями. Возникает, как правило, в ответ на сильный раздражитель.

Аффилиация – потребность в общении, в эмоциональных контактах.

Безопасность – 1. Отсутствие опасности, сохранность, надежность. 2. Положение (состояние), при котором кому-либо, чему-либо не угрожает опасность.

Биологическая безопасность – состояние защищенности населения, животных и растений, окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска.

Вера – безоговорочное (порой необоснованное) принятие чего-то (утверждения, решения, прогноза будущего и др.) за истину, правду, полная убежденность в них.

Верность – морально-этическое и нравственное понятие, стойкость и неизменность в чувствах и отношениях, в исполнении своих обязанностей. Нарушение верности является изменой.

Верование – информационная компонента или фрагмент модельного мира, относящийся к сфере миропонимания, не подвергаемый сомнению и логическому анализу. Верования являются следствием неполноты, противоречивости или избыточности системы аксиом мировоззрения и миропонимания, эмоциональной заразительности и/или близости этическим и моральным принципам субъекта. Они не противоречат мироощущению и индивидуальному опыту субъекта. Будучи подкреплены сильными эмоциональными стимулами, верования могут блокировать распознавание конфликтов с аксиомами мировоззрения и индивидуальным опытом субъекта, либо переведены на уровень аксиоматики.

Взаимодействие – процесс воздействия объектов друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь; универсальная форма изменения состояний объектов. В социальной психологии понятие взаимодействия используется для характеристики действительных межличностных контактов людей в процессе совместной работы и для описания взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в ходе совместной работы. Взаимодействие межличностное может носить случайные или преднамеренные, частные или публичные, длительные или кратковременные, вербальные или невербальные личные контакты двух или более человек, имеющие следствием взаимные изменения их поведения, деятельности, отношений, установок, психических состояний. Взаимодействие как форма контактов и взаимовлияния людей в процессе совместной работы может быть проходящим и устойчивым, личным и общественным. Межличностное взаимодействие может быть проявлением как осознанных, так и недостаточно осознанных субъективных намерений, установок, эмоций. Различают два вида межличностного взаимодействия – сотрудничество, когда успех одного из партнеров способствует или препятствует реализации целей остальных, и соперничество, когда достижение цели одним из взаимодействующих индивидов затрудняет или помогает осуществлению целей других участников совместной деятельности.

Взаимоотношения – субъективные связи и отношения, существующие между людьми в социальных группах. Взаимоотношения обязательно предполагают взаимность, наличие ответного отношения. Они бывают деловыми, дружескими, официальными, личными. Взаимоотношения основываются на определенных побуждениях (интерес, понимание необходимости взаимодействия, сотрудничества, общения и т. д.) и включают то или

иное поведение (речь, действия, мимика, жесты и т. п.), эмоции и чувства (удовлетворенность общением, симпатии, антипатии, взаимное притяжение, положительные или отрицательные состояния), познание (восприятие другого, мышление, воображение, представление), волю (выдержка при отсутствии взаимопонимания, владение собой в случае конфликта, оказание помощи в трудной ситуации).

Внушаемость (англ. *suggestibility*) – качество личности, которое состоит в легком принятии информации, адресованной человеку, на веру, без критического анализа, индивидуальная некритическая податливость, готовность подчиниться внушающим воздействиям окружающих, книг, рекламы и пр., принять их идеи как свои собственные. Внушаемые люди относительно легко подчиняются указаниям и советам, даже если эти советы противоречат их собственным убеждениям и интересам, легко заражаются чужими настроениями и привычками.

Внушение – сознательное или неосознанное неаргументированное воздействие на другого человека или группу людей, имеющее целью изменение их состояния, отношения к чему-либо и предрасположенности к определенным действиям.

Внушение (англ. *suggestion* – суггестия) – процесс целенаправленного, неаргументированного воздействия на личность или группу, основанный на некритическом восприятии информации. В более узком смысле внушением называют метод словесного и образного психологического воздействия, вызывающего некритическое восприятие и усвоение какой-либо информации. Прямое внушение следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, в виде внушающих наставлений, которые влияют на эмоции, установки, неосознаваемые мотивы, и, во-вторых, в виде приказов и команд, направленных на автоматические акты поведения. Косвенное внушение реализуется в виде следующих эффективных приемов: косвенное одобрение или осуждение поступка в виде совета, дружеской просьбы, намека и т. д.

Военная безопасность – состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от существующих и зарождающихся военных угроз.

Воля (англ. *volition, will*) – внутренняя регуляция и организация деятельности человека, проявляющаяся в преодолении трудностей на пути достижения поставленной цели. Волевое поведение предполагает наличие таких психических процессов, посредством которых человек усиливает мотивационные тенденции, идущие от сознательно поставленной цели, и подавляет др. Решающая роль в этом процессе принадлежит мысленному построению будущей ситуации. Структура волевого процесса (в отличие от произвольных действий) предполагает:

- осознание и постановку цели;
- преодоление борьбы мотивов и принятие твердого решения к действию;
- выбор способов и средств достижения цели;
- исполнительные действия с преодолением внутренних и внешних затруднений и препятствий.

Восприятие (англ. *perception*) – психический познавательный процесс, результатом которого являются субъективные образы непосредственно воздействующих на органы чувств предметов и явлений в совокупности их свойств и признаков. Восприятие, по сравнению с ощущением, – это более сложный процесс. Будучи формами непосредственного познания реального мира и состояний организма восприятие и ощущение различаются тем, что в процессе восприятия формируются образы предметов, явлений в целом, а в ощущениях – образы отдельных их признаков и свойств. Свойства восприятия: целостность (объект познается как отдельное целое), осмысленность (включенность в восприятие знаний и опыта), избирательность (выделение объектов из ряда других), константность (относительное постоянство образов), апперцепция (зависимость восприятия от психического состояния, опыта и качеств личности). Восприятия различаются по скорости, полноте, осмысленности, точности, ясности, четкости, содержательности. Развитие восприятия обуславлива-

ется совершенствованием работы органов чувств, расширением опыта, знаний, усилением его связей с памятью, воображением, мышлением, вниманием, чувствами и волей.

Восприятие человека человеком, межличностное восприятие (англ. *interpersonal perception*) – процесс психологического познания людьми друг друга в условиях непосредственного общения, включающий все уровни психического отражения, начиная от ощущения и заканчивая мышлением. Особая социальная значимость человека как объекта восприятия выводит его на 1-е место в процессе узнавания среди других объектов. При восприятии нового для себя человека главное внимание субъект уделяет таким особенностям внешности, которые наиболее информативны в отношении психических свойств личности: экспрессии лица и выразительным движениям тела. Доминирующими элементами человеческого лица являются волосы (прическа) и глаза. При опознании людей в качестве отличительного признака может выступить любой из компонентов внешности, который наиболее ярко выделяет конкретного человека из ряда других, т. е. подчеркивает его индивидуальность. В процессе восприятия человека человеком формируются представления людей друг о друге, умение определять черты характера, способности, интересы, эмоционально-динамические особенности, профессии людей и т. д. Первое место среди этих особенностей занимает профессиональная характеристика личности как наиболее значимая в социальном отношении. Осознание этой характеристики формирует более устойчивое отношение к личности по сравнению с первым впечатлением, которое складывается на основе оценки привлекательности внешнего облика. Связь внешности и личностных характеристик – одна из главных проблем в изучении восприятия человека человеком.

Вред – порча, ущерб, убыток.

Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Вызов пограничной безопасности (пограничный вызов) – промежуточный уровень нарастания пограничной опасности в стадии насыщения, характеризующий ее переход от потенциального к реальному состоянию, предполагающий повышение вероятности нанесения ущерба или нанесение незначительного ущерба национальным интересам в пограничном пространстве.

Государственная граница Республики Беларусь – линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы территории Республики Беларусь (суши, вод, недр, воздушного пространства).

Государственная пограничная политика – составная часть внутренней и внешней политики Республики Беларусь, представляющая собой деятельность уполномоченных государственных органов (должностных лиц), направленную на обеспечение пограничной безопасности.

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь – республиканский орган государственного управления, проводящий государственную пограничную политику, обеспечивающий пограничную безопасность, осуществляющий регулирование и управление в этой сфере, координирующий деятельность государственных органов и иных организаций в области проведения государственной пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности.

Гражданское общество – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь (далее – граждане), выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством.

Девияция (социальная) – поведение, которое рассматривается как отклонение от групповых норм и приводит к изоляции, необходимости лечения человека, исправления или наказания нарушителя.

Дезадаптация – нарушение процессов и состояний людей, отвечающих требованиям обстановки и осуществляемой деятельности.

Дезадаптация – обратимые, временные нарушения эффективности процесса взаимодействия личности со средой. Дезадаптация военнослужащего может сопровождаться снижением тонуса его настроения, усилением конфликтности в отношениях с сослуживцами, суицидальными проявлениями.

Действие – относительно самостоятельная единица деятельности, подчиненная представлению о результате (цели), который должен быть достигнут. **Действие (в психологии)** (англ. *action, performance*) – произвольный акт, акция, процесс, подчиненный представлению о результате, образу будущего, т. е. процесс, подчиненный осознаваемой (сознательной) цели. В терминологии А. А. Ухтомского Д. есть прижизненно построенный *функциональный орган*, обладающий собственной биодинамической, чувственной и аффективной тканью. Как и др. функциональные органы индивида, Д. есть виртуальный механизм, данный внешнему наблюдателю лишь в исполнении. Носитель Д. способен проигрывать его во внутреннем плане, мысленно совершать Д. до Д., что в сложных ситуациях полезно, т. к. минимизирует возможные ошибки. Формированию Д. предшествует или происходит наряду с ним формирование образа ситуации и образа Д., которые должны быть в ней выполнены. Макроанализ выделяет в нем 3 основных компонента: а) *принятие решения* (формирование или активацию программы); б) реализацию; в) контроль и коррекцию. Микроструктурный и микродинамический анализ позволил выделить в 1-м компоненте образ ситуации (*оперативный образ*), образ Д., интегральную и дифференциальную программы, которые подпитываются памятью о прошлых Д. В психологической науке создается классификация Д. К выделенным классам относятся управляющие, исполнительные, утилитарно-приспособительные, перцептивные, мнемические, умственные, коммуникативные (в т. ч. речевые). Имеются и др. основания для классификации. Д. разделяют на: импульсивные, реактивные и осмысленные, разумные; регулярные и экстренные и т. п. Наконец, важно разделение Д. на игровые, учебные, трудовые, сценические, спортивные.

Действие социальное – форма или способ разрешения социальных проблем и противоречий.

Деловое общение – это вид общения, который является нормативно одобренным, жестко регламентированным и функционирующим в какой-либо сфере деятельности для решения определенных задач. Деловому общению присущ ряд *признаков*, в частности, оно:

- строго целенаправленно;
- регламентировано нормативными документами (положениями, приказами, уставами);
- носит функционально-ролевой характер, обусловленный необходимостью соблюдения этикета, церемоний, процедур, что выражается в определенных правилах «игры», официальной одежде, профессиональной лексике, кастовости, замкнутости, общении в рамках определенных кругов и других элементов;
- позиционно оформлено, иерархично, предполагает субординацию, что отражается в эффекте «над» и «под», т. е. в отношениях между начальником и подчиненным;
- проявляется в определенных формах общения, стиле;
- атрибутивно (проходит в специальных помещениях, пространственно оформлено, предполагает соответствующую среду, мебель, оргтехнику, освещение), что создает оптимальную с точки зрения психологии обстановку.

В конкретной профессиональной области деловое общение имеет свою специфику и называется *профессиональным*, а иногда *служебным*, *должностным*, *уставным*.

Демографическая безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия демографических угроз, обеспечивающее стабилизацию численности населения, развитие человеческого потенциала страны, сохранение семейных и межпоколенческих связей.

Деонтологический подход к деятельности полиции предполагает нормативное регулирование деятельности и служебного поведения сотрудников правоохранительных органов, определяют характер и целесообразность применения профессиональных знаний с учетом факторов, оказывающих непосредственное влияние на этот процесс.

Деонтология (греч. *deon* – должное и *logos* – учение, слово) – концепция, раздел этической теории, в котором рассматриваются вопросы, связанные с понятием долга. Термин введен Бентамом в своей работе «Деонтология, или наука о морали» для обозначения теории нравственности как науки о морали.

Деонтология полицейского – целостность, в которой нельзя механически отделить психологическое, политическое, этическое и эстетическое от юридического, возможно лишь выделить психологическую, политическую, эстетическую, информационную подсистемы культуры личности полицейского, которые находятся в развитии, связи и гармонии. Профессиональный долг полицейского, ответственность за выполнение профессиональных обязанностей – основные морально-правовые ценности профессии, ее каноны.

Депривация (от англ. *deprivation* – лишение, отнятие) – ощущение острого дефицита, отсутствия материальных и духовных ресурсов, необходимых для полноценного развития индивида. Состояние человека, вызванное недостатком собственной активности (движений, занятий любимым делом), привычных внешних контактов и удовлетворения потребностей.

Деструктивное информационное воздействие – осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности.

Деятельностный подход (в психологии) (англ. *activity approach*) – совокупность теоретико-методологических и конкретно-эмпирических исследований, в которых психика и сознание, их формирование и развитие изучаются в различных формах предметной деятельности субъекта, а у некоторых представителей Д. п. психика и сознание рассматриваются как особые формы (виды) этой деятельности, производные от внешне-практических ее форм. В 1930-е гг. складываются 2 наиболее проработанных варианта Д. п., представленных исследованиями психологических школ С. Л. Рубинштейна, с одной стороны, и А. Н. Леонтьева – с др. В настоящее время оба варианта Д. п. развиваются их последователями не только в нашей стране, но и в странах Западной Европы, а также в США, Японии и странах Латинской Америки.

Деятельность – специфический вид человеческой активности, направленной на творческое преобразование, совершенствование действительности и самого себя. Динамическая система взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных отношений субъекта в предметной деятельности. Первое и необходимое условие формирования и развития положительных, социально ценных волевых качеств личности и прежде всего таких, как сила и стойкость воли. Сила воли – это степень волевого усилия, необходимого для достижения цели. Стойкость воли – длительность усилия без его ослабления, необходимая для достижения поставленной цели.

Деятельность в особых и экстремальных условиях – специфический вид деятельности человека, осуществляемый в усложненных, отличных от обычных, условий. Среди особых и экстремальных ситуаций, наиболее травмирующих психику, являются экстремальные события социогенного происхождения. Они не только дезорганизуют поведение

человека, но и «взрывают» базовые структуры всей его личностной организации – образа мира и представления о себе самом. В результате чего разрушается привычная картина мира, система жизненных координат личности, человек становится социально неэффективным, а иногда деструктивным.

Диагностика социально-психологическая – теория и практика выявления социально-психологических характеристик групп людей.

Динамический стереотип – устойчивая, но постепенно изменяющаяся система временных нервных связей, вырабатываемая в процессе жизнедеятельности человека и обеспечивающая его приспособление к повторяющимся условиям существования.

Дискуссионное мышление – рассудочное, обоснованное суждениями и опосредованное прошлым опытом мышление. Этим оно отличается, например, от интуитивного мышления. Дискуссионное мышление развивается у человека на основе овладения речью, знаниями и основными логическими операциями. При творческом решении проблем в Д. м. могут включаться интуитивные процессы. Д. м. выступает как процесс связного логического рассуждения, в котором каждая последующая мысль обусловлена предшествующей.

Дискуссия (лат. *discussio*) – обсуждение какого-либо спорного вопроса или проблемы с использованием каждой стороной аргументирования высказываемых точек зрения. Отличительной чертой дискуссии выступает отсутствие тезиса и наличие темы как объединяющего начала.

Дискуссия (от лат. *discussio* – рассмотрение, исследование) – 1) спор, обсуждение какого-либо вопроса в беседе, на собрании, в печати и т. п.; 2) способ организации совместной деятельности, помогающий выработать общее решение проблемы; 3) метод обучения, повышающий эффективность учебного процесса за счет включения учащихся в коллективный поиск истины.

Дискуссия групповая – метод, применяемый в практике руководства коллективами и групповой психологической работы, имеющий целью интенсивное обсуждение и продуктивное решение групповой задачи или выработку групповой нормы оценки, отношения, поведения.

Диспозиция – готовность, предрасположенность субъекта к поведенческому акту, действию, поступку, их последовательности.

Дифференциальная психология (англ. *differential psychology*) – раздел психологии, изучающий индивидуально-психологические различия между людьми. Термин Д. п. введен нем. психологом В. Штерном (1900). Д. п. изучает как психологические различия конкретных индивидов, так и типологические различия психологических проявлений у представителей разных социальных, классовых, этнических, возрастных и др. групп. Сравнительному исследованию чаще всего подвергаются личностные и интеллектуальные особенности индивида, изучаемые в эксперименте, определяемые с помощью наблюдения, тестов или анализа результатов самонаблюдения. Одна из важных задач современной Д. п., ранее часто ограничивавшейся описанием характера и диапазона индивидуально-психологических проявлений, заключается в выделении наиболее существенных параметров организации психической деятельности (измерений, факторов), от которых зависит индивидуально-типологическая характеристика субъекта. Для понимания причин и условий возникновения индивидуально-психологических различий важно изучение их нейрофизиологических факторов в виде основных свойств н. с.; это изучение ведется ныне в рамках дифференциальной психофизиологии, возникшей благодаря работам Б. М. Теплова и его сотрудников.

Диффузия – «импорт и распространение инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации».

Диффузные геоинформационные системы – это системы, в которых нельзя «установить непроницаемые перегородки», разграничивающие действия или явления пе-

реноса влияния переменных различной природы. Этими принципиальными особенностями диффузные системы выделены в класс сложных систем...».

Диффундировать – проникать, смешиваться путем *диффузии*; самопроизвольно распространяться во все стороны.

Доверительные отношения – межличностные отношения, основу которых составляет доверие как уверенность (включаящая в себя и безотчетную веру) в искренности, правильности и добросовестности партнера. Д. о. представляют собой, по сути, пролонгированный во временных и качественных параметрах психологический контакт и могут выступать, по мере развития, основой дружбы и, даже, любви.

Задача – 1. То, что требует исполнения, разрешения. *Боевая З. Поставить З. Выполнить З. Очередные З. строительства*. 2. Упражнение, которое выполняется, решается посредством умозаключения, вычисления и т. п. *Решать З. Алгебраическая З. Шахматная З.*

Заражение – 1) процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида (человека или животного) другому на психофизиологическом уровне контакта помимо или дополнительно к собственно смысловому воздействию; 2) способ влияния, основывающийся на общем переживании большой массы людей одних и тех же эмоций. Заражение основано на передаче психического настроя, обладающего большим эмоциональным зарядом через накал чувств и страстей. Заражение психическое – распространение переживаемых чувств и настроений одного человека на чувства и настроения других людей. Под психическим заражением понимают во многом бессознательную, невольную подверженность индивида определенным психическим состояниям. Механизм социально-психологического заражения в основном сводится к эффекту многократного усиления эмоциональных воздействий общающихся между собой людей по типу циркулярной реакции (этому вопросу будет посвящена отдельная лекция).

Зрелость коллектива – высокий уровень коллективного сознания, гражданственная позиция членов группы. Основные особенности зрелого коллектива: 1) ценности и цели коллектива и личности совпадают, жизнь коллектива насыщена социально полезной, совершенствующейся деятельностью; 2) товарищеское равноправие его членов, каждый член коллектива участвует в организации отдельных сторон его жизнедеятельности; 3) каждый член коллектива видит перспективы движения и проявляет личную заинтересованность в его развитии; 4) положительный опыт социального взаимодействия постоянно накапливается и превращается в традиции; 5) личность защищена коллективом и ответственна перед ним.

Идеал (греч. *Idea* – образец, норма) – идеальный образ, имеющий нормативный характер и определяющий способ и характер поведения, а также деятельности человека или социальной группы. В мировоззрении людей регулирующая функция и в отношении поведения раскрывается в форме нравственного, правового кодекса правил, законов, примеров в отношении деятельности – в выборе цели. Наличие и в мировоззрении связано с особым состоянием эталонности сознания, предлагающим не только принятие идеи или чьего-то поведения, но, деятельности, творчества как образца, а наличие убеждений, абсолютной веры в правоту избранных идей. У одного и того же человека может быть несколько идеалов.

Идеал (от греч. – идея, понятие) – устойчивый образ или представление о высшем совершенстве, выступающий конечной целью деятельности. Образ желаемого будущего, обладающего для данной личности признаками совершенства и привлекательности.

Идейность – сознательная приверженность и верность целостной системе идеи определенного класса и его партии, их социальным, нравственным, эстетическим идеалам.

Идентификация (от лат. *identificare* – отождествлять) – механизм *перцепции социальной*, способ понимания одного человека другим посредством интеллектуального отождествления; операция сличения некоторого образа с наличным или хранящимся в памяти эталоном и установления их тождества или различия. 1) Уподобление (как правило, неосознанное) себя значимому другому (напр. родителю) как образцу на основании эмоциональной связи с ним. 2) Идентификация групповая – отождествление себя с какой-либо (боль-

шой или малой) социальной группой или общностью, принятие ее целей и ценностей, осознание себя как члена этой группы или общности.

Идентификация внутригрупповая – возникающая в совместной деятельности форма гуманных отношений, при которой переживания одного из группы даны другим как мотивы поведения, организующие их собственную деятельность, направленную одновременно на осуществление групповой цели и на устранение фрустрирующих воздействий.

Идентификация личности – это психологический процесс, в результате которого человек подражает чьему-то поведению, образу жизни, мыслям или личным характеристикам. Это может происходить на сознательном и бессознательном уровнях.

Ингибция социальная (от лат. *inhibere* – сдерживать, останавливать) – ухудшение продуктивности выполняемой деятельности, ее скорости и качества в присутствии посторонних людей или наблюдателей как реальных, так и воображаемых; тормозящее, негативное влияние социальных факторов или конкретного человека на мысли, чувства, активность человека или группы и возникающее в условиях негативного отношения друг к другу субъектов взаимодействия.

Индивидуально-психологические различия (англ. *individual differences in behavior*) – особенности психических процессов, состояний и свойств, отличающие людей друг от друга; объект дифференциальной психологии. Известно, что на фоне общепсихологических закономерностей постоянно обнаруживаются И.-п. р., которые могут характеризовать как более частные психические свойства и отдельные психические процессы (напр., индивидуальные пороги ощущения, время реакции, особенности восприятия, внимания, памяти, мышления, эмоциональной реактивности и т. п.), так и целостные личностные образования (напр., интересы, способности, характер). При этом важно иметь в виду изменчивость самих индивидуальных особенностей с возрастом, в результате обучения, тренировки и т. п. И.-п. р. м. б. разной широты и сложности, разной степени устойчивости.

Индивидуальность (от лат. *individuum* – неделимое, особь) – неповторимое сочетание психологических качеств и свойств конкретной личности. Понятие И. используется в психологии при описании 2 явлений. 1. При анализе индивидуально-психологических различий И. понимается как своеобразие психологических свойств человека, проявляющееся в разных сферах (интеллекте, темпераменте, личности). В этом контексте И. противопоставляется «среднему» человеку, или, иначе говоря, проявления свойств отдельного человека противопоставляются их типичным проявлениям (среднегрупповым тенденциям). Очевидно, что только путем сравнения с данными о типичном (общем) м. б. проявлены индивидуальные различия, однако было бы ошибкой ограничиваться только типичными данными, подменяя ими знание конкретного человека. 2. При анализе иерархической организации психологических свойств человека И. выступает как высший уровень этой иерархии по отношению к индивиду и личностному уровням: индивид – личность – И. В этом случае И. является относительно закрытой системой и представляет собой уникальное сочетание всех свойств человека как индивида и личности. По образному выражению Б. Г. Ананьева, личность является «вершиной» структуры психологических свойств, а И. – «глубиной» личности. Целостность И. в этом случае определяется единством свойств, относящихся к разным иерархическим уровням, причинно-следственными связями между свойствами разных уровней и ведущей ролью свойств личности, преобразующих индивидуальные свойства.

Индивидуальный подход – принцип воспитания, требующий знания и учета конкретных индивидуальных особенностей воспитуемого. Имеет особое значение в воспитании агентов, поскольку работа с ними осуществляется строго индивидуально.

Индивидуальный стиль деятельности – устойчивое сочетание особенностей выполнения разных видов деятельности одним и тем же человеком.

Институт социализации – социальная группа, в которой личность усваивает социальное влияние, приобщается к системам норм и ценностей, выступающая транслятором

социального опыта и в которой личность воспроизводит усвоенное ранее социальное влияние и систему социальных связей.

Интеграция групповая – согласованность, упорядоченность и стабильность системы внутригрупповых процессов.

Интерес (англ. *interest*) – избирательное и эмоционально окрашенное сосредоточение на объектах, удовлетворяющих познавательные потребности человека. Интерес – одна из форм направленности личности. В условиях формирующейся познавательной деятельности содержание И. может все более обогащаться, включая в себя новые связи предметного мира. Эмоциональный и волевой моменты И. выступают специфично – как интеллектуальная эмоция и усилие, связанное с преодолением интеллектуальных трудностей. И. тесно связан с собственно человеческим уровнем освоения действительности в форме знаний. И. (особенно учебный) является традиционным предметом исследования в психологии и педагогике.

Интериоризация – процесс формирования внутренних структур психики через усвоение структур внешней социальной деятельности; постепенное преобразование внешних действий в действия внутренние, умственные; это процесс, который необходимо совершается в онтогенетическом развитии человека.

Информационная безопасность – состояние защищенности информационного пространства, информационной инфраструктуры и информационных ресурсов от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Информационная модель (англ. *information model*) – система упорядоченных по определенным правилам сигналов и знаков, генерируемых средствами отображения информации и несущих информацию об объекте управления (контроля), внешней среде и самой системе управления. По содержанию И. м. должна адекватно и с необходимой полнотой отображать состояние объектов управления (контроля) и окружающей среды; по количеству информации – обеспечивать оптимальный баланс информации, циркулирующей в системе управления (исключать дефицит или избыток информации); наконец, по форме и композиции – соответствовать задачам и возможностям оператора. И. м., построенные с учетом этих требований, позволяют человеку оперативно перерабатывать информацию, принимать решения, осуществлять управляющие воздействия и, в конечном счете, обеспечивать оперативное и точное выполнение системой предписанных ей функций.

Информационно-психологическое обеспечение – система организационных и собственно психологических мероприятий, входящих в общую структуру функционирования психологической службы, направленных на развитие профессионального, нравственного, патриотического самосознания с целью совершенствования профессиональной компетентности, психологического потенциала личности, обеспечивающих эффективность профессионально-служебной деятельности.

Информационное пространство – область деятельности, связанная с созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие в том числе на индивидуальное и общественное сознание и собственно информацию.

Информационно-психологическая безопасность личности. (Понятие личность употребляется в общем виде в качестве синонимичного понятия человека как субъекта социального поведения.) 1. Состояние защищенности личности, обеспечивающее ее целостность как активного социального субъекта и возможности развития в условиях информационного взаимодействия человека с различными социальными субъектами и окружающей средой. В первую очередь это возможность формирования и функционирования адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе в условиях информационного взаимодействия с различными социальными субъектами и информационной средой общества. 2. Информационно-психологическая безопасность личности – это

состояние защищенности ее основных интересов, которые состоят в реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии, от угроз, вызываемых информационным воздействием на психику человека разнообразными социальными субъектами и информационной средой общества.

Информационно-психологическая безопасность. Используются два подхода при определении информационно-психологической безопасности: как состояние защищенности информационной среды и как состояние защищенности социальных субъектов, которые отражают различные стороны этого сложного социально-политического явления (см. безопасность). В определенной мере это обусловлено тем, что обеспечение информационно-психологической безопасности социальных субъектов определяется параметрами функционирования информационной среды, в регулировании и формировании которой они сами принимают участие. 1. Состояние защищенности информационной среды, обеспечивающей взаимодействие, жизнедеятельность и жизнеспособность, устойчивое функционирование и развитие социальных субъектов различных уровней общности, масштаба, системно-структурной и функциональной организации (от личности до общества в целом). 2. Состояние защищенности социальных субъектов различных уровней общности, масштаба, системно-структурной и функциональной организации (от личности до общества в целом) от угроз, связанных с воздействием информационных факторов (информационной среды, в том числе информационным воздействием различных социальных субъектов как ее элементов) на психику людей (индивидуальную, групповую, общественную психологию и сознание). Понятие информационно-психологическая безопасность может использоваться применительно к различным социальным субъектам – личности, социальным группам, разнообразным организационным формам объединения людей. При этом оно приобретает определенную специфичность.

Информационно-психологическое воздействие. Воздействие на психику человека (людей), осуществляемое с использованием информации в различных формах и на различных носителях. Определяя понятие информационно-психологическое воздействие, необходимо показать, чем оно отличается от таких понятий, как информационное воздействие и психологическое воздействие. Различные виды воздействия определяются в зависимости от объекта воздействия, цели (субъекта воздействия), последствий либо от используемых средств или от сочетаний указанных критериев параметров. Например, информационно-пропагандистское, психогенное, психотропное, психофармакологическое и т. п. Информационное воздействие определяется в зависимости от средств воздействия, информации. Причем объектами могут выступать любые информационные системы, как технические, так и человек, социальная группа и т. д. Психологическое воздействие в широком его понимании определяется в зависимости от объекта воздействия – психики человека. В качестве средств могут использоваться любые средства воздействия, в том числе непсихологические. При определении содержания понятия информационно-психологическое воздействие целесообразно отметить следующие особенности, которые поясняют его введение в научный понятийный аппарат. Во-первых, в данном понятии акцентируется целевая функция информации как специфического средства воздействия на людей. Во-вторых, осуществляется выделение объекта информационного воздействия – психики человека (в отличие от информационного, которое может применяться и к различным информационным системам). Использование этого понятия в настоящее время позволяет выделить вид психологического воздействия, осуществляемого с использованием знаково-символических и образных средств, соответствующих основным модальностям органов чувств и ощущений человека, отделив его от таких, как психофизическое воздействие, энергоинформационное воздействие, психогенное, психотропное и некоторых других.

Информационный стресс возникает в ситуациях информационных перегрузок, когда человек не справляется с задачей, не успевает принимать верные в требуемом темпе при высокой степени ответственности за последствия решения.

Информация (от лат. *informatio* – разъяснение, изложение), первоначально – сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным, письменным или каким-либо другим способом. Это сведения о значимых фактах (лицах, действиях, организациях, событиях), которые служат основой для принятия решений о проведении оперативных, административных, организационных и иных мероприятий, а также для подготовки предложений и рекомендаций. Т. о. информация – 1) снятая неопределенность, связанная со случайными процессами, а также с превращением возможности в действительность; 2) свойство объекта уменьшать неопределенность процесса изменения его состояния во времени; 3) степень модификации структуры входными данными; 4) сведения о лицах, предметах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления, используемые в целях получения знаний, принятия решений; 5) степень изменения знания об объекте.

Источник опасности национальным интересам в пограничном пространстве (источник пограничной опасности) – фактор или совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению и нарастанию пограничной опасности.

Источник угрозы национальной безопасности – фактор или совокупность факторов, а также субъектов, их продуцирующих, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы национальной безопасности.

Каналы коммуникации (в группе) – понятие, относящееся к структуре социальной группы, характеризует систему деловых и межличностных контактов людей в процессе совместной деятельности.

Катарсис (англ. *catharsis*, нем. *katharsis*) – освобождение от внутренних состояний, требующих выхода внешнего проявления (в психиатрии – освобождение от невротических расстройств). Психологическая сущность катарсиса в вытеснении и смене одних эмоций другими.

Качество информации – содержательное свойство информации, определяющее ее практическую пригодность для исследования. Качество информации зависит от следующих характеристик: достоверность; относимость; своевременность; полнота; важность.

Коммуникативная компетентность – комплекс умений, позволяющих сотруднику адекватно оценить ситуацию профессионального общения, использовать вербальные и невербальные средства, воплощающие коммуникативные намерения и решать определенный круг задач на высоком уровне квалификации с учетом конкретных условий, в котором оно осуществляется.

Коммуникация массовая – процесс распространения информации (знаний, духовных, ценностей, моральных и правовых норм и т. п.) с помощью технических средств (печатать, радио, телевидение, кинематограф, Интернет) на численно большие, рассредоточенные аудитории.

Компетентность в общении – система внутренних ресурсов (знаний, умений и навыков перцепции, интеракции, коммуникации), необходимых для построения эффективного межличностного взаимодействия.

Компетентность межпрофессиональная – один из видов компетентности, предполагающий владение знаниями и наличие качеств личности (способность к планированию, мотивация достижения, гибкое профессиональное мышление, профессиональная обучаемость и др.), необходимых для выполнения ряда профессий.

Компетентность профессиональная – важная составляющая и показатель высокого уровня профессионализма. Компетентность профессиональная включает знания и эрудицию, позволяющие человеку квалифицированно судить о вопросах сферы профессиональной деятельности, быть сведущим в определенной области, а также качества личности, дающие возможность человеку действовать ответственно и самостоятельно. Компетентность

профессиональная проявляется в успешном решении определенного класса профессиональных задач, что лежит в основе различных видов компетентности (социально-перцептивная коммуникативная, организационная и т. д.).

Компонент системы (подсистема) – множество, выступающее как часть системы, относительно однородных элементов, объединенных общими функциями при обеспечении выполнения общих целей развития системы.

Конфликт – противоречие, возникающее между людьми по значимым для них аспектам взаимодействия и нарушающее их нормальное взаимодействие, а потому вызывающее со стороны участников конфликта определенные действия по разрешению возникшей проблемы в своих интересах.

Конфликт ролевой – понятие из области психологии *конфликтов*, которое, несмотря на широкое распространение, отличается разнообразием вкладываемых значений. Можно выделить 3 основных значения. 1. Один из типов межличностных конфликтов, отличительной особенностью которых является «почва возникновения» — нарушение *норм* ролевого взаимодействия, выполнения индивидом определенных социальных функций, имплицитно или эксплицитно диктуемых статусом, позицией в системе межличностных отношений. Сам факт выхода за рамки ролевых предписаний является скорее необходимым, чем достаточным условием возникновения К. р. В основе невыполнения ролевого поведения могут лежать различные причины (напр., невольное нарушение норм вследствие неполного знания их; вынужденное нарушение вследствие особых ситуаций; сознательное нарушение как демонстрация неприятия навязываемой роли; отсутствие или нарушение единства понимания роли участниками взаимодействия и т. д.); для возникновения К. р. важна *атрибуция* причин отклоняющегося от ожидаемого ролевого поведения партнера по взаимодействию. 2. Один из типов внутриличностных конфликтов, возникающий в результате противоречия между требованиями роли и возможностями личности, напр., необходимостью управления деятельностью др. людей и личной позицией невмешательства (син. конфликт типа «Я-роль»). 3. Один из типов внутриличностных конфликтов, возникающий вследствие хронической противоречивости между 2 и более социальными ролями личности. Типичными примерами К. р. являются: дилемма «карьера или семья», а также формальное руководство коллективом, с членами которого руководителя связывают неформальные дружеские отношения.

Конформизм (от лат. – подобный, соответствующий) – приспособленческая реакция личности на групповое давление с целью избежать негативных санкций (порицания или наказания за несогласие с общепринятым мнением). Сравнительно жесткая зависимость человека от социальной среды, стремление индивида принять мнение группы, соглашательство или приспособленчество ради того, чтобы не остаться в изоляции от группы.

Конформность – психологическая характеристика позиции индивида относительно позиции группы, мера «подчинения» индивида групповому давлению, некритическое принятие человеком чужого неправильного мнения, сопровождаемое неискренним отказом от собственного мнения, в правильности которого человек внутренне не сомневается.

Культурная политика – это корректировка отдельных содержательных компонентов культуры с целью поддержки и развития одних из них и «заглушения», уменьшения места и значения других.

Личностная зрелость – это этап развития человека, его личностного роста, который заключается в преодолении жизненных противоречий, адаптации и самореализации с явными поведенческими проявлениями, связанными с перестройкой в фундаментальных структурах личности: ценностей, мотивов, потребностей, социальных установок. Зрелая личность – это тип личности, образующийся в результате личностного роста и имеющий сформированное устойчивое единство личностных черт и ценностных ориентаций, развитое нравственное сознание, сложившуюся иерархическую мотивационно-потребностную сферу, где доминируют высшие духовные потребности.

Личностная ценность – осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни.

Личностный смысл – интегрированное смысловое образование, отражающее действительное субъективное отношение личности к объектам и явлениям окружающего мира. Личностный смысл представляет собой индивидуальное содержание психического отражения человека, осознаваемое как персональная система значений, оценок отражаемых явлений, объектов окружающей природной и социальной среды, в которой разворачивается его деятельность.

Личностный смысл профессиональной деятельности военнослужащего – интегрированное смысловое образование, отражающее действительное субъективное отношение военнослужащего к целям, мотивам, способам и приемам его профессиональной деятельности и проявляющееся в виде осознанного или неосознанного эмоционального переживания.

Лояльность организационная – эмоциональная связь, доброжелательное отношение и привязанность сотрудников к своей организации, идентификация с ней. В организационной психологии лояльность организации рассматривается как основной залог благонадежности и безопасности сотрудников.

Лояльность профессиональная – вовлеченность сотрудника в профессиональную деятельность, осознание возможностей профессиональной самореализации внутри организации, построении карьеры в рамках выбранной профессии. Основой выступает идентификация сотрудника со своей профессиональной деятельностью, стремлением к профессиональному самосовершенствованию, достижению уровня профессионального мастерства. При этом место работы (организация) имеет для личности второстепенное значение по отношению к характеру, специализации работы в ней.

Лояльность труду – вовлеченность в трудовую деятельность, проявление активности в ней как центрального аспекта в жизни. Труд для сотрудника имеет особую ценность. Лояльность труду может выступать в качестве мотивации и проявляться в трудолюбии субъекта, рассмотрении им труда как ценности, способной оказывать влияние на отношение как к организации (месту трудовой активности), так и к профессии (специализации труда).

Лояльность (англ. *loyal* – верный) – преданное и терпимо-благожелательное отношение к кому-либо или чему-либо. Понятие «лояльность» может использоваться в значении преданность.

Манипулятивное воздействие (психологическая манипуляция, манипулирование). Манипулятивное воздействие, или психологическая манипуляция, процесс использования различных специфических способов и средств изменения (модификации) поведения человека или целей, желаний, намерений, отношений, установок, психических состояний и других его психологических характеристик в интересах субъекта воздействия, которые могли бы не произойти, если бы адресат знал в достаточном объеме данные, относящиеся к ситуации, в частности – какие способы применялись по отношению к нему, или в каких целях они использовались (в данном случае под специфическими способами и средствами понимаются такие способы и средства, которые адекватны психическому отражению, т. е. способы и средства информационно-психологического воздействия. Некоторые авторы выделяют их как психологические средства).

Манипуляция – психологическое воздействие, которое призвано обеспечить негласное получение манипулятором односторонних преимуществ, но так, чтобы у адресата сохранялась иллюзия самостоятельности принимаемых им решений.

Манипуляция (психологическая манипуляция, манипулирование). Понятие «манипуляция» употребляется в следующих переносных значениях. Во-первых, как обозначение специфического общего подхода к социальному взаимодействию и управлению, предполагающего активное использование разнообразных способов и средств скрытого принуждения людей. В этом значении манипуляция, манипулятивный подход, манипулирование за-

меняет термин «макиавеллизм» как образ политической деятельности, не пренебрегающей любыми средствами для достижения поставленной цели. Его использование применительно к средствам массовой коммуникации и политическим мероприятиям означает действия, направленные на программирование мнений, устремлений, целей масс и психических состояний населения. Конечная цель таких акций – это контроль над населением, его управляемость. Во-вторых, манипуляция используется как обозначение специфического вида психологического воздействия. В этом значении используются также понятия «манипулятивное воздействие», «психологические манипуляции», «манипулирование общественным мнением» и «манипулирование общественным сознанием», «межличностные манипуляции», «социально-политические манипуляции личностью» и т. п. В-третьих, понятие манипуляции используется для обозначения определенных организационных форм применения тайного принуждения человека и отдельных способов или устойчивых сочетаний приемов скрытого психологического воздействия на личность, включая различные объединения и общности людей – от малых групп до населения одной или нескольких стран. Выделяются простые «одноактные» манипуляции, или акты манипулятивного воздействия, а также сложные, которые можно условно обозначить как манипулятивные игры. Причем их характерными особенностями является не только то, что процесс манипулирования может быть растянут во времени и представлять многошаговую поэтапную процедуру оказания манипулятивного воздействия на людей с использованием разнообразных прием, средств, технологий и механизмов, но и то, что он обладает собственной пространственно-временной, организационной и в более широком контексте – социальной структурами. Т. е. в качестве субъектов и объектов манипулирования могут выступать не только отдельные личности, но и социальные субъекты различного уровня сложности – от малых групп и организаций до высшего политического руководства государства, населения одной или нескольких стран. Сложные и устойчивые организационные формы могут обозначаться самостоятельными понятиями, например такими, как политические игры, психологические операции, манипулятивные информационно-пропагандистские и информационно-рекламные кампании и т. д. Кроме этого, для обозначения отдельных способов, их устойчивых сочетаний, условий и организации их применения могут использоваться такие понятия, как манипулятивные приемы, манипулятивные техники, манипулятивные технологии и т. п.

Манипуляция психологическая – скрытое от адресата побуждение его к переживанию определенного состояния, изменению отношения к чему-либо, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей. Стремление манипулятора к достижению одностороннего выигрыша отличает манипуляцию психологическую от внешне схожих с ней приемов косвенного воздействия, характерных для психотерапии или воспитания.

Массовая коммуникация (англ. *mass communication*; от лат. *communicatio* – сообщение, передача) – систематическое распространение специально подготовленных, имеющих социальную значимость сообщений, с целями удовлетворения информационных *потребностей* массовой аудитории (широких слоев населения) и воздействия на поведение, *аттитюды*, взгляды, убеждения, мнения людей; технически осуществляется с помощью разнообразных средств: печать, радио, ТВ, Интернет и др. В социологии М. к. часто рассматривается как вид социальной коммуникации, под которой понимается *деятельность*, обусловленная системой социально-значимых норм и оценок, образцов и правил *общения*, принятых в данном обществе. Социальная коммуникация нацелена на взаимодействие людей, на передачу, получение, сохранение и актуализацию смысловой и оценочной информации, на основе которой происходит социальная *адаптация* и *идентификация*. В *социальной психологии* М. к. понимается как одна из форм опосредованного *общения*. М. к. характеризуется: 1) наличием **технических средств**; 2) наличием **массовой аудитории**; 3) многообразием **коммуникационных каналов**; 4) вариативностью **коммуникативных средств**. Эта цель чаще всего выделяет след. основные функции М. к.: А) **информационную** (предоставление

сведений по различным сферам общественной деятельности); Б) **регулятивную** (формирование общественного сознания, общественного мнения, создание аттитудов и *стереотипов*, манипулирование, социальный контроль); В) **культурологическую** (ретрансляция культурно значимой информации, ознакомление с достижениями человечества, сохранение культурных традиций, межкультурные взаимодействия). В идеале, М. к. нацелены на оптимизацию социальной деятельности, на интеграцию и консолидацию общества и *социализацию* индивидов. Согласно схеме Лассуэлла, анализ структуры коммуникационного процесса состоит из 5 элементов: 1) кто сообщает? (анализ управления коммуникационным процессом); 2) что сообщает? (анализ содержания коммуникации); 3) по какому каналу? (анализ коммуникационных средств); 4) кому сообщает? (анализ аудитории); 5) с каким успехом? (анализ эффективности коммуникационного процесса). Структурный анализ коммуникационного процесса можно осуществить и по линейной схеме, предложенной Якобсоном: 1) отправитель сообщения (адресант, коммуникатор); 2) получатель сообщения (*адресат, реципиент, коммуникант*); 3) общение (связь, контакт); 4) код (шифр); 6) контекст сообщения; 7) сообщение (информация). В зависимости от характера канала связи реципиенты могут выступать в качестве слушателей, читателей, зрителей, участников. Канал соединяет адресанта и адресата, причем сообщения м. б. направлены либо к известным адресатам, либо к их вероятностному множеству. Помимо упомянутой линейной модели М. к. предложены также интерактивная и трансакционная. Отличительными чертами интерактивной модели являются обратная связь и замкнутый характер коммуникации; для трансакционной модели существенно одновременное отправление и прием разных сообщений коммуникаторами.

Межличностное (психологическое) влияние – воздействие на психическое состояние, чувства, мысли и поступки людей с помощью исключительно психологических средств: вербальных и невербальных, с предоставлением права и времени человеку ответить на это воздействие.

Межличностные отношения – система установок, ориентаций и ожиданий членов группы относительно друг друга, определяющихся содержанием и организацией совместной деятельности и ценностями, на которых основывается общение людей.

Метод – способ познания, теоретического исследования явлений природы и общественной жизни, деятельности субъекта в любой его форме, а также практического осуществления чего-либо (способ или образ действия).

Методология – 1) совокупность методов, способов, приемов исследования в какой-либо наук; 2) учение о методе научного познания и преобразования мира как область знания, изучающая средства, принципы и способы организации теоретической и практической деятельности.

Механизмы социализации – относительно сложные способы, посредством которых человек усваивает и воспроизводит социальный опыт.

Мировоззрение – это система взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нем человека, общее отношение человека к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации.

Мировоззрение личности – система взглядов и установок на природу, общество, других людей и самого себя (философских, политических, экономических, правовых, нравственных, этических, эстетических и т. д.), которая сложилась у человека и определяет его линию поведения, жизнедеятельность.

Моделирование – 1. Метод исследования объектов природного, социокультурного или когнитивного типа путем переноса знаний, полученных в процессе построения и изучения соответствующих моделей, на оригинал; 2. Материальное или мысленное имитирование реально существующей системы путем специального конструирования аналогов (моделей), в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы; 3. Исследование каких-либо объектов (конкретных и абстрактных) на моделях, т. е.

на условных образах, схемах или физических конструкциях, аналогичных исследуемому объекту с применением методов аналогии и теории подобия при проведении и обработке данных экспериментов.

Модель – 1. Абстрактное описание реальности в любой форме (включая математическую, физическую, символическую, графическую или описательную), которая представляет определенный аспект реальности; 2. Представление определенных сущностей и их характеристик с использованием формального подхода или с использованием устоявшихся парадигмы, подхода или техники специально разработанного моделирования; 3. Приближенное представление, сохраняющее существенные черты моделируемого объекта реального мира, и описывает основные свойства объекта моделирования, его параметры, внутренние и внешние связи с заданной разработчиком точностью.

Мораль – система ценностей и норм поведения, воплощающая сложившиеся в обществе представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, честности и порядочности.

Научно-технологическая безопасность – состояние защищенности научно-технологического и образовательного потенциалов от угроз, препятствующих развитию научной деятельности, созданию и внедрению инноваций и передовых технологий в реальный сектор экономики и другие сферы.

Национальная безопасность – состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие.

Национальное самосознание – осознание людьми своей принадлежности к определенной социально-этнической общности, осознание положения своей нации в системе общественных отношений, понимание национальных интересов, взаимоотношений своей нации с другими социально-этническими общностями, проявляющееся в идеях, чувствах, стремлениях. Важное значение для понимания национально-психологических особенностей того или иного народа имеет оценка степени устойчивости осознания его представителями собственной принадлежности к определенной нации. Национальное самосознание может выражаться в виде рационального осознания своей принадлежности к нации и в виде национального чувства.

Национальное сознание – одна из форм группового сознания, система взглядов, идей, представлений этнической группы, возникающих на основе взаимодействия с другими этническими группами и отражающих ее знание о них, отношение к ним, а также состояние и формы самоосознания роли и места своей этнической группы.

Национальное чувство – глубоко укоренившаяся в психике бессознательная установка, выражающая ощущение принадлежности индивида к нации, привязанности к своему народу, его национальным духовным ценностям. В комплексе национальных чувств надо различать наряду с чувствами национальной гордости отличные от нее национальную чувствительность, национальную ограниченность, претензию на исключительность, чванство, националистические чувства, их эгоистическую направленность, предрассудки, чувство отчужденности по отношению к другим нациям.

Национальные интересы – проявления в поведении и переживаниях людей жизненно важных потребностей нации, связанных с обеспечением ее существования и развития. К долговременным и текущим интересам нации относятся: сохранение или восстановление территориальной целостности ее обитания, сохранение природных богатств и численности населения, языка и культуры, обеспечение национальной безопасности и др.

Национальные интересы – совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет.

Национальный автостереотип – упрощенное, схематичное и стандартизированное представление нации о себе самой. Как правило, это набор достоинств и добродетелей.

Национальный склад ума – особенности протекания познавательных процессов у представителей нации (восприятия, внимания, мышления, памяти, воображения и др.). Так, например, для немцев характерны склонность к абстрактному мышлению, планомерность, систематичность и дисциплинированность интеллектуальных процессов. Французы отличаются аналитическим складом ума, богатством воображения, быстротой мышления, пылкостью.

Национальный стереотип, т. е. стандартизированное, упрощенное, укоренившееся в сознании описание психических качеств, якобы присущих представителям той или иной национальности. Следует знать, что в стереотипах заключены по преимуществу отрицательно окрашенные качества (лень, самоуверенность, стремление к наживе, снобизм и т. д.), (пример – американцев считают грубыми, разлагающимися материалистами).

Национальный темперамент – характеристика психодинамических особенностей поведения типичных представителей нации. Так, например, англичане спокойны, уравновешенны и сдержанны, французы и итальянцы чувствительны и легко возбудимы, финны медлительны и т. д. (пример – особенности проявления типа темперамента «холерика» – итальянца и финна и т. д.).

Национальный характер, или психический склад нации, представляет собой совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных историко-экономических, культурных и природных условиях ее развития. В национальном характере находят отражение материальная сторона жизни народа, особенности его исторического развития.

Нация – это исторически сложившаяся *полиэтническая* социальная общность людей, возникающая и развивающаяся на основе общности их территории, экономических связей, особенностей национального самосознания, психического склада, единого унифицированного языка в его литературной форме, многослойной полифонической культуры, государственно-правового регулирования всех сфер жизнедеятельности.

Нормы социальные (англ. *norms*; от лат. *norma* – мерило; руководство; правило, закон; образец) – совокупность кодифицированных и неформальных требований, предъявляемых той или иной социальной группой к своим членам; конвенциональные (т. е. принятые в определенной группе или общности) правила, предписывающие или запрещающие к.-л. поведение, деятельность, действие. Нормы тесно связаны с **ценностями** (наиболее значимыми явлениями), т. к. любые правила могут быть выработаны только на основе принятия или отвержения каких-то ценностей, являющихся способом оградить личность от травмирующих переживаний, защитить от восприятия угрожающего стимула.

Носитель опасности национальным интересам в пограничном пространстве (носитель пограничной опасности) – лицо или группа лиц, умышленно или неумышленно осуществляющие действия (бездействие) по нанесению ущерба национальным интересам в пограничном пространстве, а также явления (процессы) природного, техногенного и иного характера, способные привести к такому ущербу.

Нравственное самосознание – осознание и оценка человеком себя как нравственной личности, несущей ответственность не только перед собой, но и перед обществом за свои действия, их мотивы, образ мыслей, за избираемые для достижения целей средства, за результаты своей деятельности на основе существующей в данном обществе системы нравственных норм. Нравственное самосознание может рассматриваться в разных аспектах: в рамках субъект-субъектных отношений, условий развития общества (общественных отношений), а также онтогенеза личности, ее способности к самосознанию, самостоятельности и т. д. Ведущими и определяющими структуру нравственного самосознания являются оценочная и регулятивная функции. С оценочной функцией связаны такие элементы нравственного самосознания, как самооценка, мотивация, нравственный идеал, а с регулятивной – совесть, честь, достоинство, долг, ответственность, убежденность.

Нравственность – высшее чувство, которое побуждает воина к добру, к самоотверженному исполнению воинского и гражданского долга, к победе; соблюдение норм общественного поведения, требований морали; стремление к общей пользе; совокупность душевных психических свойств; моральные качества военнослужащего; поведение, основанное на нормах и обычаях морали.

Обеспечение национальной безопасности – деятельность субъектов системы обеспечения национальной безопасности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, реализации национальных интересов, созданию необходимых условий для устойчивого развития Республики Беларусь.

Обеспечение пограничной безопасности – деятельность государственных органов, наделенных полномочиями в области государственной пограничной политики, по защите и реализации национальных интересов в пограничном пространстве.

Образ – это психологический феномен, представляющий собой результат целостного отражения в сознании свойств, признаков предмета, представленных в виде обобщенной картины мира, складывающейся из ощущений, ценностей, установок, оценок, ожиданий, последовательно формируемых на основе чувственного восприятия, а также в результате переработки информации, практической деятельности, рационального осмысления действительности. Характерными признаками психического образа, вытекающими из его содержания и механизмов функционирования, являются предметность, субъективность («принадлежность образа реальному субъекту») «зависимость восприятия... от потребностей, мотивов установок, эмоций человека».

Образ (англ. *image*) – общепсихологическое понятие; чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику. Будучи всегда чувственным по своей форме, образ по своему содержанию может быть как чувственным (образ восприятия, образ представления, последовательный образ), так и рациональным (образ человека, образ мира, образ войны и т. д.). Образ является важнейшей компонентой действий субъекта, ориентируя его в конкретной ситуации, направляя на достижение поставленной цели и разворачивая действие в пространстве и времени. Полнота и качество образа определяют степень совершенства действия. В процессе реализации действия исходный образ видоизменяется (преобразуется), накапливая в себе опыт практического взаимодействия субъекта со средой.

Образ государства – многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение политического руководства страны к национальной идентичности, динамике статуса и роли страны на мировой арене, причинам их изменения, выступает в роли фактора, определяющего: особенности формирования, развития и укрепления международных отношений; прогнозирование перспектив развития и эффективного функционирования государства на всех уровнях (внутриполитическом, внешнеполитическом, мировом); особенности поведения и деятельность руководителя государства.

Образ государства – совокупность представлений политического руководства страны о национальной идентичности, статусе и роли страны на международной арене.

Образ государства является своего рода фундаментом политического сознания и содержит в сжатом и концентрированном виде основные характеристики политической идентификации и социализации граждан, связанные с отношением к своей стране, ее прошлому, настоящему и будущему.

Образ профессионала – многомерное психологическое понятие, включающее внешнее и внутреннее информационное поле. Он отражает эмоционально-когнитивное отношение личности к собственному социальному и профессиональному статусу, причинам их изменения. Выступает в роли фактора, определяющего особенности формирования служебных и межличностных отношений в профессиональной деятельности и общении, а также прогнозировании личностных перспектив (образа жизни). **Основу (ядро)** «эталонного об-

раза профессионала» составляет высокий уровень развития профессионализма, профессионального самосознания, правосознания, антикоррупционного самосознания, правовой культуры, нравственного самосознания, национального самосознания личности, творческий, психический и физический потенциал личности.

Общение (англ. *communication, intercourse, interpersonalrelationship*) – процесс установления и развития контактов между живыми организмами, порождаемый потребностями совместной деятельности, включающий в себя обмен информацией, обладающий взаимным восприятием и попытками влияния друг на друга.

Опасность национальным интересам в пограничном пространстве (пограничная опасность) – состояние внешних и внутренних условий обстановки, создающих потенциальную или реальную возможность нанесения ущерба национальным интересам в пограничном пространстве.

Опасность – 1. Ситуация, в которой субъекту может быть причинен какой-либо вред, несчастье. 2. Возможность, угроза чего-нибудь очень опасного.

Организационная диагностика – сбор и анализ информации о состоянии организации или отдельных ее подсистем с целью выявления проблем функционирования и определения путей их преодоления. В ряде исследований организационная диагностика рассматривается как разновидность социальной диагностики. Она так же является популярным инструментом консультантов по управлению и менеджеров при проведении изменений в компаниях.

Организационная психодиагностика – часть организационной диагностики, направленная на определение психологических проблем, существующих в консультируемой организации, и выявление их причин.

Органы пограничной службы – государственные органы и организации, участвующие в проведении государственной пограничной политики, обеспечивающие пограничную безопасность Республики Беларусь и выполняющие правоохранительные функции. Органы пограничной службы являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Особые условия деятельности – такие условия, когда деятельность специалистов сопряжена с эпизодическим, непостоянным действием экстремальных факторов или высокой осознанной вероятностью их появления, при этом экстремальные факторы не имеют большой мощности или интенсивности, а возникающие негативные функциональные состояния выражены умеренно. В особых условиях деятельности мобилизуются резервные возможности компенсаторного типа. После работы в таких условиях необходим отдых.

Офицерский корпус – особое воинское братство, сплоченное общими интересами и духовными ценностями, единым мировоззрением и доктриной, вековыми традициями, корпоративной солидарностью и этикой.

Парадигма мировоззрения – это система базовых моделей мироотношения, определяющая содержание и характер развития практического и теоретического отношения воина к миру, обществу и другим людям, а также специфику процессов осмысления и оценивания сущности воинской деятельности, ее идеалов, ценностей, целей и задач.

Патриотизм – осознанное социальное чувство любви к Родине, идея, сознание гражданской ответственности за судьбы отечества, выражающиеся в стремлении своими действиями служить ради своего народа, готовность к жертвам ради него.

Патриотическая направленность – комплексное психологическое образование, детерминированное совокупностью внешних и внутренних факторов, обеспечивающих интенсивность стремлений и готовность индивида к реализации определенным способом патриотических отношений к окружающему миру и самому себе.

Патриотическая идея – это сложное и емкое нравственно-духовное образование, объясняющее, кто мы и к чему должны стремиться, это то, что должно возродить у населения оптимизм, готовность к решительным действиям.

Патриотическая культура – явление общественной жизни, выражение ее качества и как важный критерий социальной зрелости личности, совокупность знаний, оценок, ориентаций и действий в патриотическом поле, этнополитическом пространстве.

Патриотическая символика – особая символика, в которой закодированы» высшие смыслы человеческого существования, связанные с бытием Державы, Отечества, с памятью об ушедших поколениях и их славных делах.

Патриотическая социализация – стихийное и сознательное взаимодействие патриотической среды и личности.

Патриотические позиции – совокупность основанных на знаниевой платформе патриотических убеждений, установок и чувств. Позиция проявляется как избирательно-предпочтительное отношение к отдельным предметам и явлениям и к их совокупности. Она почти всегда реализуется в деятельности непосредственно, нередко управляя общим, стратегическим подходом к содержанию деятельности, формам поведения личности в качестве опорных критериев принятия человеком жизненно важных решений.

Патриотические смыслы – опредмечиваются как неизменная основа личностного значения того или иного явления, события, вехи, этапа, эпохи отечественной истории, связанная с прошлым, настоящим и будущим того пространства, которое подвержено осмыслению.

Патриотические стереотипы (по А. Н. Выршикову, М. Б. Кусмарцеву) – образцы опредмеченного идеей Отечества склада проявлений духовного мира личности, коллектива, различных социальных групп в поведении, общении и отношениях. Стереотипы делятся на следующие группы: стереотипы явлений; стереотипы ситуации; стереотипы категории людей; стереотипы образов; стереотипы-призраки. Патриотические стереотипы включают в себя стереотипы внутреннего патриотического облика, комплекс идеалов служения Отечеству, которыми руководствуется человек; стереотипы патриотического поведения – предписывающие возможность, а часто даже необходимость, поступать по-разному в одних и тех же ситуациях; стереотипы в сфере личных, коллективных и общественных отношений, существующие как стереотипизированные представления о служении Отечеству.

Патриотические ценностные ориентации – совокупность основанных на патриотических ценностях и идеалах установок и убеждений личности, определяющих ее направленность на социально значимое поведение и деятельность и являющихся базой нравственного и гражданского самоопределения человека.

Патриотическое воспитание – целенаправленная деятельность органов государственной власти и общественных организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Патриотическое мировоззрение – выступает в качестве системы патриотических взглядов и идеалов определенных этносов об окружающем их этнополитическом пространстве, а также и об их месте в этом пространстве. Патриотическое мировоззрение может быть как научным, так и ненаучным.

Патриотическое отношение – социальная, эмоционально-волевая установка личности, представляющая собой сложившуюся готовность человека действовать в интересах своей страны, государства. Патриотические отношения возникают в процессе общественной практики как реальная связь субъекта с объектом своих действий, как своеобразный канал трансформации всех видов воздействия на объект патриотизма. Патриотические отношения выступают предпосылкой материализации патриотического сознания и осуществления патриотического поведения.

Патриотическое самосознание – это целостная, относительно устойчивая система представлений человека о себе как духовном, биосоциальном и социобиологическом существе, включающая осознание себя субъектом защиты и созидания Отечества, убеждение в

ценности Родины, адекватную самооценку в пространстве единства личных, коллективных, общественных и государственных интересов.

Перцепция социальная – процесс и результат межличностного и межгруппового восприятия, а также восприятия человеком себя самого при взаимодействии с другими. Выделяют, соответственно, три типа социальной перцепции в зависимости от участников взаимодействия: самовосприятие, межличностное восприятие, межгрупповое восприятие.

Пограничная безопасность – составная часть национальной безопасности Республики Беларусь, представляющая собой состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз в пограничном пространстве.

Пограничная сфера – 1. Сфера жизнедеятельности государства, в которой осуществляется его трансграничное взаимодействие с другими государствами, связанное с пересечением физическими лицами государственной границы, а также перемещением через государственную границу товаров и транспортных средств. 2. Область жизнедеятельности личности, общества и государства, при которой возникают общественно-государственные отношения, связанные с осуществлением в пограничном пространстве деятельности уполномоченных государственных органов (должностных лиц), общественных объединений и физических лиц по реализации государственной пограничной политики и направленную на обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь.

Пограничное пространство – Государственная граница, приграничная территория, воздушное пространство Республики Беларусь над ними, а также другие территории, в пределах которых осуществляется деятельность уполномоченных государственных органов (должностных лиц), направленная на обеспечение пограничной безопасности.

Политическая безопасность – состояние защищенности политической системы Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее реализацию независимой государственной политики, гармоничное развитие общества и государства, сохранение традиционных основополагающих ценностей белорусского народа, соблюдение конституционных прав и свобод личности.

Политическая культура – это часть духовной культуры общества, система исторически сложившихся у его сограждан политических взглядов, убеждений, традиций, нравственных норм и поведенческих установок, регулирующих поведение людей в институтах политической системы и гражданского общества.

Политическое сознание – это система знаний, взглядов, чувств и волевых установок, выражающих субъективное отношение человека к реальной или желаемой политике, политическим явлениям и процессам.

Полицейская деонтология – система знаний о полицейской деятельности и профессиональном поведении полицейского, оптимальный свод правил дозволяющего, обязывающего, запрещающего и рекомендательного характера, которыми должен овладеть и руководствоваться полицейский в отношениях, возникающих при выполнении служебных полномочий.

Полицейская деонтология за рубежом – междисциплинарная наука о социальных нормах и профессиональных стандартах должного поведения сотрудников полиции. **Полицейская деонтология** воплощается в Присягах, кодексах этики, чести, в особой профессионально-деонтологической системе подготовки сотрудников, в судах чести, в комиссиях по этике при полицейских органах и др.

Посттравматические стрессовые реакции – совокупность психических явлений, обусловленных процессом «переработки» психотравмирующей информации, полученной в процессе участия военнослужащего в боевых действиях

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – непсихотическая отсроченная реакция на травматический стресс, способный вызвать психические нарушения практически у любого человека.

Практическое комплексное занятие – можно определить как форму комплексного профессионального тренинга на основе эксперимента для закрепления полученных теоретических знаний и выработки навыков решения учебно-специальных задач, способствующих дальнейшему развитию профессионально важных качеств и личности в целом.

Преданность – глубокое чувство привязанности, предпочтения, лояльности, приверженности к кому- чему-либо, основанной не на материальной выгоде, а на собственных ценностях, стремлении, убеждении.

Преступления в информационной сфере – предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь преступления против информационной безопасности (киберпреступления) и иные преступления, предметом или средством совершения которых являются информация, информационные системы и сети.

Приверженность организационная – психическое образование, включающее положительную оценку сотрудником своего пребывания в организации, намерение действовать на благо этой организации ради ее целей и сохранять свое членство в ней. Сотрудник разделяет и делает своими цели организации, ее ценности. Стремится оставаться в организации и сохранить членство даже в ситуациях, не выгодных для него. Готов принести в жертву организационным интересам личные интересы.

Приверженность профессиональная – состояние преданности, верности, возникшее на основе идентификации себя с профессией; оно отражает стойкое, неизменное и правдивое отношение, включающее готовность принимать обязательства и полностью (эмоционально и интеллектуально) отдавать себя профессии и профессиональному делу.

Приверженность – верность, преданность кому-чему-нибудь; состояние или чувство глубокой верности или преданности определенным ценностям, идеям, людям или организациям.

Профессионал – субъект, имеющий высокие показатели профессиональной деятельности, профессиональный и социальный статус, динамически развивающуюся систему личностной и деятельностной нормативной регуляции, постоянно нацеленный на профессиональное саморазвитие и высокие профессиональные достижения.

Профессиональная подготовка управленческих кадров полиции – целенаправленный процесс подготовки кандидатов на управленческую должность к квалифицированному и профессиональному выполнению своих управленческих (руководящих, начальствующих) функций, а также совершенствование профессионализма и управленческой компетентности действующих руководителей полицейских органов с учетом международных стандартов и современных требований к правоохранительной и управленческой деятельности, и включающего реализацию всего комплекса требований к занятию ими руководящей должности определенного уровня в полицейской иерархии.

Профессиональная Я-концепция, объединяя в своем составе Я-образ, самооценку и самоотношение, концептуальную модель профессии и профессионала, систему интенций в отношении своего профессионального будущего, служит своеобразной мотивационно-ориентировочной системой, определяющей направленность, интенсивность и содержательную специфику проявления профессиональной активности, а также фактором обеспечения идентичности, внутренней определенности, относительной устойчивости деятельности и поведения при изменении условий взаимодействия субъекта с окружающим миром.

Профессиональное общение – один из видов межличностного общения, который представляет собой сложный многоплановый процесс развития контактов между людьми в служебной сфере, участники которого выступают в официальных статусах и ориентированы на достижение конкретных задач в профессиональной деятельности.

Профессиональное общение в профессионально-служебной деятельности – конвергенция делового, межкультурного, межличностного, доверительного, ролевого, рефлексивного, манипулятивного, вербального и невербального видов общения.

Профессиональное общение сотрудника правоохранительных органов – это межличностное взаимодействие в условиях правоприменительной и правоохранительной деятельности, имеющее своей целью намеренное вербальное воздействие на партнера, его поведение, психическое состояние, установку для реализации правовых норм и для утверждения общественной нравственности и социальной справедливости.

Профессиональное самосознание сотрудника. Отражение, осознание, оценивание сотрудником самого себя как субъекта профессиональной деятельности и профессиональных отношений. Разновидность социально-специфического самосознания П. с. с. формируется на основе рефлексивных процессов самопознания, самоотношения, самооценивания и саморегулирования. Итоговым продуктом процессов П. с. с. выступает профессиональная Я-концепция, в структуре которой выделяются: 1) профессиональный Я-образ – система представлений сотрудника о себе как о субъекте профессиональной деятельности, носителе профессиональных ролей, обладателе профессионально значимых качеств, свойств, способностей, знаний, навыков и умений; 2) профессиональная самооценка – отношение сотрудника к себе как субъекту профессиональной деятельности, своей ценности, значимости, оценка себя как профессионала. Содержательная сторона П. с. с. раскрывается в осознании сотрудником профессиональных мотивов, целей, задач, условий осуществления профессиональной деятельности, существенных связей и отношений, складывающихся в ходе профессиональной деятельности, в принятии профессиональных требований и ценностей, следовании профессиональным эталонам, нормам, традициям.

Профессиональный стресс – феномен, имеющий сложную многогранную структуру, проявляющийся в соматических, нейропсихических, психосоматических расстройствах на стрессовые факторы, вызванные профессиональной деятельностью.

Психическая саморегуляция – психическое воздействие человека на самого себя для целенаправленной регуляции всесторонней деятельности организма, его процессов, реакций и состояний. Задачи психической саморегуляции: а) снятие чрезмерной эмоциональной напряженности, различных стрессовых реакций и предотвращение их нежелательных последствий; б) мобилизация психических и физических ресурсов, обеспечивающих оптимальную работоспособность (боеготовность); в) управление психологическими порогами чувствительности к психотравмирующим стресс-факторам (боль, температура окружающей среды и др.). В процессе психической саморегуляции используются следующие каналы самовоздействия: изменение тонуса скелетных мышц; изменение типа дыхания; использование мыслительных образов; использование регулирующей и программирующей роли слова и др. К методам психической саморегуляции относят: технику активной нервно-мышечной релаксации; аутогенную тренировку; медитацию; приемы самогипноза; идеомоторную тренировку; приемы рефлексорного закрепления состояний и др.

Психическая устойчивость – сохранение продуктивного функционирования психики в кратковременной или длительной напряженной ситуации. П. у. – предпосылка преодоления трудностей, активного и безошибочного выполнения задач в сложной обстановке. Она позволяет сконцентрировать и распределить внимание, ориентироваться, использовать знания, навыки, умения, выдержать большие внешние и внутренние нагрузки. П. у. может быть относительно постоянной характеристикой личности. В этом случае она обеспечивается равновесием психических процессов, состояний и свойств личности, такой организацией ее внутреннего мира, при которой в трудной ситуации доминирующими оказываются высшие чувства и мотивы, положительные черты характера. П. у. может быть и ситуативной. В структуре ситуативной П. у. важное место занимают положительные мотивы поведения, сознательное самоуправление, правильная оценка обстоятельств. Психическая неустойчивость проявляется в неадекватных целях изменениях внутренней жизни, в доминировании самосохранительных эмоций, в податливости внешним воздействиям, ослаблении самоконтроля. Люди со слабым типом нервной системы более подвержены отрицательному влиянию сложных ситуаций. Формирование П. у. у воинов предполагает воздей-

ствие на различные стороны их личности с учетом требований будущей профессиональной деятельности, накопление адекватного этой деятельности опыта поведения в сложных ситуациях, совершенствование умений и навыков саморегуляции.

Психологическая зрелость – это состояние, при котором человек обладает высокой степенью осознанности своих эмоций, мыслей и поведения. Это способность принимать себя таким, какой есть, и действовать ответственно и самостоятельно. Психологически зрелый человек умеет справляться с жизненными трудностями, адаптироваться к изменениям и поддерживать здоровые межличностные отношения. Основные компоненты психологической зрелости включают осознанность, эмоциональную устойчивость, ответственность, эмпатию и гибкость мышления. Осознанность – это глубокое понимание своих внутренних процессов, эмоций и потребностей. Эмоциональная устойчивость позволяет сохранять равновесие в стрессовых ситуациях и эффективно справляться с негативными переживаниями. Ответственность предполагает готовность принимать решения и нести за них последствия. Эмпатия – это способность понимать и чувствовать эмоции других людей. Гибкость мышления помогает адаптироваться к новым условиям и искать творческие решения проблем.

Психологическая самооборона – применение речевых формул и интонационных средств, позволяющих сохранить присутствие духа и выиграть время для обдумывания дальнейших шагов в ситуации деструктивной критики, манипуляции или принуждения.

Психологическое обеспечение – комплекс мероприятий по профессиональной ориентации, отбору кандидатов на учебу, адаптации курсантов и слушателей к условиям учебной и служебной деятельности, психологическому сопровождению в ходе учебы, развитию у них профессионально значимых качеств и подготовки выпускников к самостоятельной профессиональной деятельности.

Риск пограничной безопасности (пограничный риск) – начальный уровень нарастания пограничной опасности в стадии зарождения, характеризующий ее потенциальное (возможное) состояние и не предполагающий нанесения ущерба национальным интересам в пограничном пространстве.

Саморегуляция (от лат. приводить в порядок, налаживать) – целесообразное, относительно соответствующее изменяющимся условиям установление равновесия между средой и организмом. Человек – в значительной мере саморегулирующаяся система. Он наделен физиологическими и психологическими механизмами приспособления к меняющимся условиям жизни и деятельности, управления собой, мобилизации сил и опыта, изменения направления и содержания своей активности. Некоторые из этих механизмов функционируют, как правило, независимо от желаний, настроений, воли человека (реакция на повышение или понижение температуры, изменение частоты дыхания и пульса при усиленной работе, расширение зрачка в темноте и т. д.). Непроизвольное, сознательно не направленное приспособление к среде – это проходящий, хотя, конечно, и жизненно важный уровень отношений человека и действительности. Другой, более сложный уровень состоит в саморегуляции поведения посредством неосознаваемых в данной ситуации установок, навыков, привычек, опыта (см. Аттитюд и Установка). Третий, более высокий уровень – сознательное изменение своего состояния, поддержание и усиление активности, регулирование своих действий в соответствии с целью и обстановкой. Это своеобразная форма влияния личности на свое поведение, способствующая наиболее эффективному использованию всех сил. Причинами сознательной С. могут выступать: внутренняя и внешняя активность, самовнушение, самоанализ, самоободрение, четкое представление способов достижения цели и др. Существуют разные приемы С. Психологи предлагают, например, три группы приемов С.: 1) устранение внешних причин эмоциональной напряженности; 2) отвлечение сознания с помощью «умственного действия» (концентрация внимания не на исходе соревнования, а на его технике и тактических приемах); 3) самоубеждение, самоанализ, самоприказ. К общим закономерностям С. относится их реализация в индивидуальной форме, зависящей от конкретных условий, от типа нервной системы, от личных качеств субъекта и его привычек

в организации своих действий. Метод С. основан на единстве и взаимодействии сознания и подсознания, слова и чувства, мышления и воображения. Слово исходит от самого человека и направлено на эмоциональную сферу, благодаря чему активизируется воображение, осуществляются волевой акт, физическое и психическое расслабление, самоконтроль над дыханием и другими функциями организма. С. рекомендуется заниматься людям с повышенной эмоциональной возбудимостью, неуравновешенностью нервных процессов, склонным к быстрой смене настроений и чрезмерно впечатлительным. В методе С. важны правильно составленные словесные формулы. Они должны быть понятны, коротки, категоричны и не должны вызывать сомнения и напряжения. Словесные формулы составляются с учетом индивидуальных особенностей человека. Для создания большего эффекта самовнушения словесные формулы необходимо произносить старательно, эмоционально, с желанием, думая о содержании произносимых слов. Приемы саморегуляции состоят из двух основных частей – расслабляющей и мобилизующей. Негативные эмоции преодолеваются с помощью физических действий, соответствующих спокойному состоянию: занять непринужденную позу, установить медленное и глубокое дыхание, расслабить мышцы тела и лица. Прослушивание любимых мелодий, повторение слов хорошо знакомой песни также способствуют обретению душевного равновесия.

Система обеспечения национальной безопасности – совокупность взаимодействующих субъектов обеспечения национальной безопасности и средств, используемых ими для осуществления деятельности по защите и реализации национальных интересов Республики Беларусь и обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Система обеспечения пограничной безопасности – совокупность взаимодействующих субъектов и средств, используемых ими для осуществления деятельности по защите и реализации национальных интересов в пограничном пространстве.

Система профессиональной подготовки – многомерная структура, определяемая, с одной стороны, уровнями полицейской иерархии с другой – уровнями профессионального образования.

Система – совокупность элементов, объединенных общей функциональной средой и целью функционирования.

Социализация (англ. *socialization*; от лат. *socialis* – общественный) – процесс усвоения индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений. В процессе социализации человек приобретает убеждения, общественно одобряемые формы поведения, необходимые ему для нормальной жизни в обществе. Под социализацией следует понимать весь многогранный процесс усвоения опыта общественной жизни и общественных отношений. Социализация относится к тем процессам, посредством которых люди научаются жить совместно и эффективно взаимодействовать друг с другом. Социализация предполагает активное участие самого человека в освоении культуры человеческих отношений, в формировании определенных социальных норм, ролей и функций, приобретении знаний, умений и навыков, необходимых для их успешной реализации. Социализация включает познание человеком социальной действительности, овладение навыками практической индивидуальной и групповой работы. Понятие социализации касается качеств, которые индивид приобретает в процессе социализации, и психологических механизмов, посредством которых достигаются желаемые изменения. Определяющее значение для процессов социализации имеет общественное воспитание.

Социальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия социальных угроз, обеспечивающее сохранение жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей белорусского народа.

Социальная зрелость понимается как интегративное качество личности, компонентами которой являются социальная активность, толерантность, креативность и включенность общественных интересов в содержание собственных ценностных ориентаций, направленность на духовные ценности. При этом социальная ответственность выделяется

как системообразующий компонент. Более того, по результатам эмпирического исследования ранней взрослости, проведенного В. С. Волченковым, развитие социальной зрелости предшествует развитию личностной зрелости.

Социальная идентичность (англ. *social identity*) – один из процессов социальной идентификации, который состоит в том, что по мере того, как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически относительно менее важными, чем общие групповые свойства. С. и. организует социальный мир в группы и определяет самого человека как члена одних групп, но не других. Амер. психолог Джей Джексон (Jay W. Jackson, 1999) считает, что многие индивидуально-психологические явления, сопутствующие С. и., м. б. рассмотрены в след. координатах: 1) рост привлекательности группы для ее члена, выражающийся в его позитивных чувствах по поводу пребывания в группе; 2) деперсонализация – размышление о себе больше в терминах неотъемлемого члена группы («Мы») и меньше в терминах уникального индивидуума («Я»); 3) восприятие зависимости себя от группы – вера в то, что собственное благополучие и благополучие группы связаны между собой, а также возникновение чувства собственного долга в построении позитивных отношений с членами группы; 4) ощущение межгрупповой конкуренции – восприятие др. группы как конкурирующей с собственной группой.

Социальная перцепция – восприятие, оценка и понимание социальными субъектами (отдельными личностями, группами разного вида) социальных объектов (других личностей, групп, социальных явлений и т. д.).

Социальная психология – научная отрасль, исследующая процессы и аспекты личности человека, которые обусловлены его взаимоотношениями с другими людьми, а также психологические явления и феномены группы, психологическую совместимость людей, социально-психологические проявления в больших группах (действие радио, прессы, моды, слухов на различные общности людей).

Социальная роль – совокупность норм, правил и форм поведения, характеризующих типичные действия человека, занимающего определенное место в обществе; соответствующий принятым нормам способ поведения людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений. Роль есть социально-типическая система поведения (совокупность действий), выработанная в данном обществе для реализации тех прав и обязанностей личности, которые следуют из ее позиции, другими словами, статуса. Большинство социальных ролей регламентируется общепринятыми нормами. Однако и они не могут охватить всего многообразия правильного поведения человека в различных жизненных ситуациях. Для успешности овладения необходимыми социальными ролями личность должна наполнить их своей индивидуальностью, приспособить их к своему «Я». Но, с другой стороны, роль «принимает» такую трансформацию не пассивно, а также оказывает определенное влияние на своего носителя и может даже «деформировать» его личность. Основной направляющий механизм поведения человека – его жизненная позиция – ценностное отношение к различным социально значимым явлениям, исполняемым индивидом социальным ролям. Различаются три типа социальных ролей. 1) институциональные – закрепленные правовыми актами, четко регламентируемые (роль депутата народного совета, директора предприятия); 2) конвенциональные – роли неформальные, но выполняемые по общепринятым правилам (роль учителя, студента, офицера, солдата, отца, матери, брата, сестры и т. п.), 3) межличностные – роль человека в различных неформальных межличностных взаимосвязях (роль друга, хорошего человека, соперника, авторитетного или безавторитетного человека и т. п.).

Социальный контроль – влияние общества на установки, представления, ценности и идеалы человека, определяющие его поведение. Социальный контроль рассматривается также как механизм саморегуляции в социальной системе, действующий по принципу обратной связи, когда социальное управление влияет на факторы дестабилизации социальной

системы с целью восстановления социальной стабилизации. Социальный контроль охватывает психологический, правовой, нравственный, экономический, политический и другие уровни социальной жизни. Он является абсолютным гарантом существования любых социальных систем. Проявляется через различные *формы социального контроля: законы, табу, обычаи, традиции, моду, мораль, нравы, этикет, привычки* и др.

Социальный стереотип (англ. *stereotype*; от греч. *stereos* – твердый + *typos* – отпечаток) – упрощенное, схематизированное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте; устойчивое, категоричное и крайне упрощенное представление (мнение, суждение) о к.-л. явлении, группе, исторической личности, распространенное в данной социальной среде (син. социальный штамп); усваивается индивидом в процессе социализации. Хотя стереотип по определению имеет социальное происхождение и распространение, атрибут «социальный» позволяет дифференцировать это понятие от др. значений термина «стереотип» (полиграфический стереотип; стереотипное поведение инстинктивного или условно-рефлекторного типа, динамический стереотип; ритуал). Однако термин «С. с.» может пониматься и в более узком смысле: как стереотипное представление о социальной группе или общности (и ее членах). В этом смысле различают социальные (напр., этнические) автостереотипы (представления о своей группе) и гетеростереотипы (представления о др. группах). Т. о., С. с. – это штампы сознания, вырабатываемые социальной средой и приписывающие те или иные дескриптивные, ценностные и прескриптивные значения социальным группам и их типичным представителям. С. с. (как правило, гетеростереотип), ассоциированный с негативным отношением (эмоционально-оценочным компонентом) к той или иной группе, называется «предубеждением».

Среда – 1. Вещество, заполняющее пространство, и окружающие тела или явления; сфера (науч.). *Воздушная С., Упругая С.* 2. Совокупность природных или социальных условий, в которых протекает развитие и деятельность человеческого общества. *Природная С. Историческая С.* 3. Социально-бытовая обстановка, в которой живет человек, окружающие условия; совокупность людей, связанных общностью условия, обстановки. *В рабочей С. В С. ученых. Литературная С. Окружающая С. С. заела.*

Среда функционирования системы – характерная совокупность законов, алгоритмов и параметров, по которым осуществляется взаимодействие (обмен, взаимоотношения) между элементами и функционирование (развитие) системы в целом.

Стратификация социальная – деление общества на различные социальные слои (страты), принадлежность к которым обуславливает социально-экономический статус человека. *Стремление* – желание и готовность действовать определенным образом.

Стресс – неспецифический паттерн реакций организма на нагрузку. Реакции, имеющие целью повышение сопротивляемости организма, называются общим адаптационным синдромом. С. вызывается ситуацией опасности, возрастания ответственности, необходимостью быстро принять важное решение, большими умственными и волевыми нагрузками и т. д. Теория С. была создана Г. Селье (1907-1982), канадским биологом и врачом. Под воздействием стрессорных стимулов на психику человека развертывание событий, по Г. Селье, идет в следующей последовательности: после воздействия стрессора от коры головного мозга импульс поступает в гипоталамус (центр эмоций), затем происходит стимуляция нервной системы, и в результате раздражается мозговое вещество надпочечников, увеличивающее отдачу адреналина в кровь. Адреналиновая секреция стимулирует сердечную деятельность, повышает обменные процессы и т. д. Когда на психику человека выпадает сильная нагрузка, она проходит три стадии. Вначале ему чрезвычайно трудно, затем он привыкает, обретает «второе дыхание» и в конце концов все же теряет силы и вынужден прекратить работу. Ресурсы организма, помогающие человеку первое время, Г. Селье назвал «адаптационной энергией». В состоянии С. нарушаются прежде всего сложные действия и интеллектуальные процессы, тогда как простые обладают относительно большей устойчивостью. Отрицательное влияние С., например, в деятельности учащихся, выражается

в ухудшении внимания, памяти, мышления, в скованности действий, несоразмерности или даже хаотичности движений и т. д. Положительные эффекты С. выражаются в активизации психики, ускорении психических процессов, гибкости мышления, улучшении оперативной памяти и т. д. Устойчивость к С., сохранение эффективности деятельности в напряженной ситуации определяются прежде всего высоким уровнем профессионального мастерства, направленностью личности, мотивами поведения, готовностью к активным действиям, а также умением быстро улучшить свое самочувствие с помощью приемов аутогенной тренировки.

Стресс боевой – многоуровневый процесс адаптационной активности человеческого организма в условиях боевой обстановки, сопровождаемый напряжением механизмов реактивной саморегуляции и закреплением специфических приспособительных психофизиологических изменений. Выделяют срочную адаптацию военнослужащих к боевой обстановке как комплекс реакций, направленных на приспособление к непривычным стимулам боевых условий и долговременную адаптацию, сопровождающуюся такими кардинальными изменениями психики и личности, которые позволяют военнослужащему выживать в экстремальной обстановке.

Стрессор – фактор, вызывающий состояние стресса. Различают С. физиологические (чрезмерная физическая нагрузка, высокая и низкая температура, болевые стимулы, затруднение дыхания и др.); психологические (угроза, опасность, обида, информационная перегрузка). В боевой обстановке наиболее сильными психологическими С. являются: опасность, неизвестность, новизна обстановки, дефицит информации, потери сослуживцев, необходимость убивать других людей и т. д.

Стрессоустойчивость – целостное, системное свойство личности, выражающее стабильность функционирования психики в стрессовых ситуациях. С. определяется порогом ранимости и характером нервно-психической реактивности личности. Под порогом ранимости понимается минимальная степень изменения в системе человек – среда, необходимая для возникновения признаков стресса. Высокий порог обеспечивается активностью жизненных позиций и пластичностью жизненного стереотипа. Активная жизненная позиция отражает стремление к овладению ситуацией путем деятельности, направленной на целесообразное изменение и эффективную трансформацию взаимодействия со средой. Поведение отличается отсутствием выраженной тревоги по поводу возможных неудач, стремлением к соревновательной деятельности и высокой активностью в поиске наиболее продуктивных стратегий адаптации. С. особенно ценна в тех условиях, где изменения среды носят проблемный характер и адаптивный результат часто не удается получить с помощью ранее использованных форм поведения.

Структура системы – разделение на группы элементов (подсистемы, модули) с указанием связей (воздействия) между ними, дающее представление о системе в целом. С. целесообразно изображать в виде графической схемы, состоящей из ячеек (групп), соединенных линиями (связями), которую принято называть структурной схемой.

Структурные элементы системы – условно неделимые, самостоятельно функционирующие части системы, обладающие определенной самостоятельностью по отношению к ней, со своими целостными свойствами, сами выступающие в качестве систем.

Субъекты гражданского общества – объединения граждан или юридических лиц на основе членства вне зависимости от количественного, территориального или иного ценза, уставная деятельность которых направлена на решение основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества.

Субъекты обеспечения пограничной безопасности – 1. Входящие в систему обеспечения пограничной безопасности государственные органы, наделенные полномочиями в области государственной пограничной политики. 2. Совокупность государственных органов законодательной, исполнительной и судебной властей, местных исполнительных и распорядительных органов, а также представителей гражданского общества Республики Бела-

реть, деятельность которых направлена на обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь.

Субъекты системы обеспечения национальной безопасности – государственные органы и организации, субъекты гражданского общества, граждане, реализующие свои права и обязанности в сфере обеспечения национальной безопасности в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Суверенитет – полная независимость государства в его внутренних делах и в ведении внешней политики. *Государственный С., Национальный С.*

Суггестия (англ. *suggestion*, нем. *suggestion*) – внушение.

Суицид истинный – осознанные действия, целью которых является совершение акта самоубийства, желание лишить себя жизни.

Суицидальное поведение – различные формы активности военнослужащего, направляемые представлениями о лишении себя жизни и служащие средством разрешения острого личностного кризиса в условиях конфликтной ситуации.

Сфера (греч. *sphaira* – шар). 1. То же, что шар (мат.). 2. Область, место, пределы в которых существует, действует, развивается, применяется, распространяется что-нибудь. С. деятельности, С. влияния. 2. Среда, общественное окружение, среда, обстановка. В своей С. Высшие С. (о правящих кругах общества).

Травматический стресс – стресс, при котором в результате воздействия стрессора возникает нарушение в психической сфере человека по аналогии с физическими нарушениями. При Т. с. нарушается структура «самости», когнитивная модель мира, аффективная сфера, неврологические механизмы, управляющие процессами научения, эмоциональные пути научения, система памяти и др. В качестве *стрессора* в таких случаях выступает *травматическое событие*. Неблагоприятным исходом может быть боевая психическая травма.

Тренинг (англ. *train* – тренировать, тренироваться) – многозначное понятие: обучение, воспитание, тренировка, дрессировка. Группа методов развития способностей к обучению и овладению любым сложным видом деятельности.

Тренинг социально-психологический – область практической психологии, ориентированная на использование активных методов групповой психологической работы. Базовые методы тренинга социально-психологического – дискуссия групповая и игра ролевая в различных модификациях и сочетаниях.

Угроза национальной безопасности – реально существующая опасность нанесения вреда национальным интересам Республики Беларусь.

Угроза пограничной безопасности (пограничная угроза) – конечный уровень нарастания пограничной опасности на завершающей стадии формирования, характеризующий ее реальное состояние и предполагающий нанесение ощутимого ущерба национальным интересам в пограничном пространстве.

Угроза – 1. Запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, вред, зло. 2. Явление, заключающееся в намерении причинить кому-либо или чему-либо тот или иной ущерб, вред.

Ущерб национальным интересам в пограничном пространстве – материальный или нематериальный вред, нанесенный пограничной безопасности действиями (процессами) трансграничного, а также информационного и иного характера, в результате которых снижается степень защищенности национальных интересов и требуется принятие мер адекватного реагирования, предполагающих затраты дополнительных ресурсов на устранение негативных последствий.

Ущерб – убыток, урон, потеря.

Фанатизм – чрезмерная увлеченность человека чем-либо, сопровождаемая снижением контроля за своим поведением, некритичностью в суждениях об объекте своей увлеченности.

Фасилитация социальная (от англ. *facilitate* – облегчать) – стимулирующее влияние социальных факторов на мысли, чувства, активность человека или группы. Повышение скорости или продуктивности деятельности индивида вследствие актуализации в его сознании образа (восприятия, представления и т. п.) другого человека (или группы людей), выступающего в качестве соперника или наблюдателя за действиями данного индивида.

Фасцинация – совокупность средств, помогающих принятию информации реципиентом и ослабляющих действие его фильтров «доверия-недоверия».

Формирование коммуникативной компетентности – процесс осознания сотрудником опыта общения между людьми (межличностный опыт), который актуализируется как в условиях непосредственного человеческого взаимодействия, так и в процессе самопознания и приобретения определенного перечня знаний, норм и правил межличностного взаимодействия.

Формирование мировоззрения военнослужащего, способного осознанно защищать интересы государства, во все времена являлось основной задачей всех армий мира. Воинскому служению сопутствует процесс формирования определенных мировоззренческих установок, таких как идейная убежденность в необходимости защиты своей Родины, осознание своей личной ответственности за ее судьбу, готовность и способность отстаивать свободу и независимость своего народа, самоотречение. Мировоззрение детерминирует такие характеристики военной организации, как сплоченность и боевая слаженность воинских подразделений, готовность воинов защищать Родину, боевой дух, стойкость, верность присяге. Содержание мировоззрения воинов составляют не только знания, но и ценностный компонент, идеалы и ценности в значительной степени определяют характер линейных и иерархических взаимоотношений в воинских коллективах, образ героя, врага и т. д.

Фрустрация (от лат. *frustratio* – обман, тщетное ожидание) – тяжелое переживание человеком своей неудачи, сопровождающееся чувством безысходности, крушения надежд в достижении определенной желаемой цели. Психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания – 1) психическое состояние, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемых объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи; 2) состояние краха и подавленности, вызванное переживанием неудачи. Состояние Ф. сопровождается различными отрицат. переживаниями: разочарованием, раздражением, тревогой, отчаянием и др. Ф. возникают в ситуациях конфликта, когда, напр., удовлетворение потребности наталкивается на непреодолимые или трудно преодолимые преграды. Высокий уровень Ф. приводит к дезорганизации деятельности и снижению ее эффективности.

Функция (от лат. *functio* – выполнение работы) – 1. Явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления. 2. Внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений (*сист.*). 3. Переменная величина, меняющаяся в зависимости от изменения другой величины (*мат.*). Величина давления газа есть ф. величины его объема. 4. Работа, производимая органом, организмом (*биол., физиол.*). Отделение слюны является основной функцией слюнной железы. 5. *Перен.* Обязанность, круг деятельности чего- н., подлежащая исполнению работа. *Служебные функции. Функции государственного управления.* 6. Значение, назначение, роль. *Ф. математического знака. Ф. родительного падежа.*

Ценностно-ориентационное единство – сходство мнений, оценок, позиций членов группы по поводу значимых для совместной деятельности событий, фактов, людей и т. п. Ценностно-ориентационное единство группы является интегральным показателем групповой сплоченности, отражающим степень совпадения мнений, оценок, позиций и установок членов группы по отношению к объектам и целям, наиболее значимым для группы в целом.

Ценностные ориентации – компонент направленности личности. Это разделяемые и внутренне принятые ею материальные и духовные ценности, предрасположенность к

восприятию условий жизни и деятельности в их субъективной значимости. Ценностные ориентации служат опорными установками для принятия решений и регуляции поведения. Субъективное предпочтение тех или иных ценностей – начало определения иерархии ценностных ориентаций: семья, богатство, творчество, карьера, честь, совесть, здоровье, интимные отношения, заботы о других и т. д. Непротиворечивость ценностных ориентаций – показатель устойчивости личности. В системе ценностных ориентаций каждого человека происходят изменения, есть своя динамика и развитие. Детерминантами ценностных ориентаций личности выступают условия жизни, деятельности, а также склонности, способности, интересы, потребности человека.

Ценность – значимость для людей тех или иных материальных, духовных или природных объектов, явлений. Субъективное отражение в сознании ценностей окружающей действительности необходимо для формирования ценностных ориентаций личности. Специфичность осознания объектов, явлений действительности как ценность предполагает и наличие особых психологических механизмов их освоения. Так, в качестве предмета психологического исследования в этом случае на первый план выдвигается такой вид психической деятельности, как оценочная деятельность индивида, направленная не только на восприятие и освоение объективно содержательной стороны предмета, явлений, но и на оценку их свойств с точки зрения необходимости, полезности, приятности и т. п. В результате происходит осознание личностью ценности объекта, явления окружающего мира и тем самым формируется особый вид отношения к нему – ценностное отношение. Осознание ценности предполагает наличие у человека определенного способа ориентировки в каком-либо классе, виде, группе ценностей, являющейся внутренним психологическим механизмом, формирующим те или иные предпочтения личности, по характеру и направленности которых можно определить и особенности ее ценностных ориентаций.

Чувство – устойчивое эмоциональное переживание, которое возникает в процессе отношений с окружающим миром. Чувство отражает личную значимость объектов, субъектов или явлений для человека, его потребности, интересы, ценности, установки. Чувства могут быть положительными или отрицательными, сознательными или бессознательными, яркими или слабыми, простыми или сложными. Чувство возникает не в ответ на одно событие, а в результате повторяющихся эмоциональных реакций на те или иные стимулы. Оно формируется и вырабатывается в ходе развития и воспитания человека. Чувство требует рефлексии и регуляции.

Экологическая безопасность – состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера.

Экономическая безопасность – состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь.

Экстремальные условия деятельности характеризуются постоянным действием интенсивных экстремальных факторов, которые могут представлять потенциальную опасность, при этом негативные функциональные состояния выражены сильно, деятельность осуществляется с подключением резервных буферных возможностей. Работа в них требует восстановления.

Эмоции (англ. *emotion, feeling*, нем. *emotion, gefühl*) – это переживания, представляющие собой отношение индивидуума к факту удовлетворения или неудовлетворения той или иной естественной потребности, т. е. потребности организма; особая форма психического отражения, свойственная человеку и животным; реакция на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющаяся как в субъективных переживаниях, так и в физиологических реакциях. Эмоции охватывают все виды чувствительности и переживаний и связаны с удовлетворением (положительные эмоции) или неудовлетворением (отрицатель-

ные эмоции) различных потребностей. У взрослого человека эмоции обычно проявляются как компонент чувств.

Эмоциональная устойчивость – неподверженность эмоциональных состояний и процессов деструктивным влияниям внутренних и внешних условий. Э. у. – интегральное свойство психики, выражающееся в способности преодолевать состояние излишнего эмоционального возбуждения при выполнении сложной деятельности. Э. у. уменьшает отрицательное влияние сильных эмоциональных воздействий, предупреждает крайний стресс, способствует проявлению готовности к действиям в напряженных ситуациях. Это один из психологических факторов надежности, эффективности и успеха деятельности в экстремальной обстановке. Благодаря Э. у. как качеству личности, в экстремальных условиях обеспечивается переход психики на новый уровень активности: такая перестройка ее побудительных регуляторных и исполнительских функций позволяет сохранить и далее увеличить эффективность деятельности. В числе показателей Э. у. – правильное восприятие обстановки, ее анализ, оценка, принятие решений; последовательность и безошибочность действий по достижению цели, выполнению функциональных обязанностей; поведенческие реакции: точность и своевременность движений, громкость, тембр, скорость и выразительность речи, ее грамматический строй; изменения во внешнем виде: выражение лица, взгляд, мимика, пантомимика, тремор конечностей и др. Предпосылки Э. у. кроются в содержании эмоций, чувств, переживаний, динамике психики, в зависимости от потребностей, мотивов, воли, подготовленности, информированности и готовности личности к выполнению тех или иных задач. В совместной деятельности Э. у. поддерживается сплоченностью группы, коллектива, взаимным доверием и взаимоуверенностью, навыками успешных взаимодействий.

Эмоционально-волевая устойчивость – способность психики военнослужащих сохранять высокую функциональную активность в условиях воздействия стрессоров как в результате адаптации к ним, так и в результате высокого уровня развития их эмоционально-волевой саморегуляции.

Эмоциональность – характеристика личности, проявляющаяся в частоте возникновения разнообразных эмоций и чувств.

Эмоциональный стресс возникает в ситуациях угрозы, опасности, обиды и пр. При этом различные его формы (импульсивная, тормозная, генерализованная) приводят к изменениям в протекании психических процессов, эмоциональным сдвигам, трансформации мотивационной структуры деятельности, нарушениям двигательного и речевого поведения. Следует заметить, что эмоциональный стресс не возникает, если ситуация не воспринимается человеком как опасная. Восприятие и оценка ситуации как угрожающей тесно связаны с когнитивными процессами, особенностями личности человека (тревожность, эмоциональная устойчивость и др.) и его предшествующим опытом.

Этнические группы – родственные по языку и близкие по культуре общности людей.

Этнический стереотип – относительно устойчивое представление о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей.

Этническое самосознание – это осознание индивидом своей принадлежности к определенной нации. Важное значение для понимания национально-психологических особенностей того или иного народа имеет оценка степени устойчивости осознания его представителями собственной принадлежности к определенной нации.

Этнопсихология (от греч. *ethnos* – народ, племя) – наука с двойным или тройным «гражданством», изучающая психологические особенности народов и их культуры, процессы формирования индивидуального этнического самосознания (этнической идентичности) и поведения личности, влияние социокультурных факторов на психические и личностные свойства. В этнопсихологии широко используются психологические методы исследования; синонимы этническая психология, психологическая антропология, а также устаревший термин – «психология народов».

Этнос – это специфическая природно-социальная и антропологическая общность людей, возникшая и развивающаяся на основе единства природно-ландшафтных условий, кровного родства, языка, особенностей внешнего облика, общей культуры и религии. Этнос характеризуется наличием устойчивого самосознания и самоназвания (этнонизма), который трансформируется в языках других народов, а самосознание развивается через антитезу «мы – они». Поэтому для этноса характерна комплиментарность, т. е. наличие симпатии или антипатии к другим этносам («свои – чужие»).

Я-концепция профессиональная – система сопряженных с оценкой представлений человека о себе как о субъекте профессиональной деятельности, члене профессионального сообщества, носителе профессиональной культуры и вариантах собственного саморазвития как профессионала.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Методика оценки уровня лояльности сотрудника к организации (Л. Г. Почебут, О. Е. Королева)¹⁶

Оснащение: карточки с суждениями о лояльном отношении сотрудника к организации, регистрационный бланк.

Порядок работы: сотруднику выдаются карточки с суждениями и регистрационный бланк. Если в процессе работы у сотрудника возникнут вопросы, то исследователь должен дать разъяснение, но так, чтобы сотрудник не оказался сориентированным этим разъяснением на тот или иной ответ.

Регистрационный бланк

профессия _____ пол _____ возраст _____

11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1

Инструкция:

Уважаемый сотрудник! Вы получили карточки с суждениями, которые свидетельствуют о вашем отношении к организации, в которой вы работаете. На столе перед вами разложена полоса бумаги с цифрами, представляющими собой градации от 1 до 11.

Каждая цифра – это оценка вами предлагаемого суждения. Ваша задача состоит в том, чтобы определить свое отношение к суждению и рассортировать все предъявленные суждения по градациям.

Градация 11 соответствует максимально позитивной оценке данного суждения, градация 1 – максимально негативное отношение, а градация 6 – нейтральное отношение. Пожалуйста, распределяйте суждения исходя только из их содержания. Количество суждений в каждой градации может быть различным. Благодарим за сотрудничество!

Карточки с суждениями¹⁷

1. Интересы руководства компании и ее сотрудников в большинстве случаев не совпадают	19. Если, по мнению сотрудника, распоряжение руководителя может повредить делу, сотрудник должен предупредить его об этом
2. Как правило, дополнительные усилия сотрудника не оцениваются руководством в должной степени	20. Работа должна приносить не удовольствие, а деньги

¹⁶ Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. Санкт-Петербург : Речь, 2001. С. 283–287.

¹⁷ Каждое суждение должно быть написано на отдельной карточке.

3. Руководитель не должен обсуждать с подчиненными свои проблемы, так как это не способствует поддержанию авторитета	21. Повышение в должности не способствует сохранению дружеских отношений с коллегами
4. Если руководитель держит подчиненных на некоторой дистанции, то к выполнению его распоряжений они относятся более ответственно	22. Если работа очень интересная, не так уж и важно, сколько за нее платят
5. Чтобы успешно руководить людьми, нужно быть в курсе их проблем	23. Если большинство сотрудников принимают участие в управлении компанией, она будет работать более успешно
6. Руководитель должен постоянно контролировать работу своих подчиненных	24. Сотрудник может настаивать на смене своего руководителя, если он не соответствует занимаемой должности
7. Руководитель может простить сотрудникам отступление от тех правил, которые они считают неразумными	25. Люди, которые стремятся угодить начальству, вызывают недоверие
8. Конфликты между сотрудниками, если они не касаются деловой сферы, не отражаются на работе организации	26. Если сотрудник является специалистом высокого класса, руководство будет снисходительно относиться к его недостаткам
9. На работе гораздо важнее пользоваться расположением влиятельных людей, чем добиваться успеха отличным выполнением работы	27. Если до рабочего места нужно добираться более полутора часов, то любая работа покажется утомительной и неинтересной
10. Люди, которые живут только работой, часто вредят делу своим излишним рвением	28. Я тщательно продумываю свой внешний вид, когда собираюсь на работу
11. Обязательства перед работниками компания должна выполнять, несмотря на финансовые затруднения	29. Опаздывать на работу не такой уж большой грех
12. Руководство компании не должно принимать решения, с которыми не согласны большинство сотрудников	30. Сверхурочная работа должна оплачиваться дополнительно
13. Зарботная плата сотрудника компании должна зависеть от экономической ситуации в его семье	31. Если кто-то из сотрудников не слишком хорошо выполняет свои обязанности, остальные не должны вмешиваться
14. Один сотрудник фирмы не может получать зарплату, в 10 раз превышающую зарплату других сотрудников	32. Сотрудники имеют право знать, какую зарплату получают их коллеги
15. Скорость продвижения по службе в первую очередь зависит от отношений с руководством, а затем уже от квалификации	33. Если на совместной вечеринке руководитель пообещал завтра не наказывать за опоздание, то нет смысла спешить на работу
16. Качественное выполнение должностных обязанностей является необходимым и достаточным условием карьерного роста	34. Если руководитель доволен своим подчиненным, проявление дополнительной инициативы со стороны сотрудника может ему только повредить
17. Руководитель может пойти навстречу просьбе хорошего работника в нарушение общих правил	35. Получая зарплату, сотрудник вправе рассчитывать на «спасибо» от директора, а не наоборот
18. В дружном коллективе приятно работать, но им труднее управлять	36. В компании и для сотрудников, и для руководителей правила должны быть одинаковыми

Обработка результатов

Оцениваются ответы только на суждения № 1, 3, 4, 5, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 27, 32, 34. Остальные суждения не учитываются, они служат для камуфляжа истинных целей исследования. В зависимости от того, в какую градацию отнесено нужное суждение, ему присваивается соответствующий балл.

Градация	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Балл	+5	+4	+3	+2	+1	0	-1	-2	-3	-4	-5

Если сотрудник получил от 54 до 90 баллов, его лояльность к организации оценивается как высокая, от 18 до 54 баллов – лояльность оценивается как средняя, от -18 до +18 – лояльность оценивается как низкая. если сотрудник набрал количество баллов в диапазоне от -18 до -90, то, соответственно, он совершенно не лоялен к своей организации.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Опросник организационной лояльности Л. Портера¹⁸ (Organizational Commitment Questionnaire – OCQ)

Уважаемые господа!

Ниже представлена серия утверждений, отражающих возможное отношение человека к компании или организации, в которой он работает. С уважением к Вашим чувствам по отношению к той организации, в которой вы сейчас работаете, мы просим Вас указать степень Вашего согласия или несогласия с каждым утверждением, выбрав один из семи вариантов ответа рядом с каждым утверждением.

№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Не имею определенного мнения	Скорее согласен	Согласен	Абсолютно согласен
1	Я готов работать сверхурочно на благо организации							
2	Я рассказываю моим друзьям о том, как хорошо работать в организации							
3	Я не сильно предан организации							
4	Я согласен почти на любую работу для того, чтобы остаться в организации							
5	Я нахожу, что мои ценности и ценности организации очень схожи							
6	Я горжусь тем, что могу сказать: «Я – часть организации»							
7	Аналогичную работу могу выполнять в другой организации не хуже, чем этой							
8	Ради организации я готов повышать производительность своего труда							
9	Даже незначительного уменьшения моей заработной платы было бы достаточно для ухода из организации							
10	Я рад, что выбрал именно эту организацию из тех, которые рассматривал при устройстве на работу							
11	Преданность организации вряд ли сулит много выгод							

¹⁸ Лояльность. – URL: <https://dominyak.com/methods.php#ocq> (дата обращения: 25.12.2024).

№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Не имею определенного мнения	Скорее согласен	Согласен	Абсолютно согласен
12	Часто мне трудно согласиться с политической организации в отношении ее сотрудников							
13	Я действительно забочусь о судьбе организации							
14	Для меня это лучшая из всех организаций, в которой я работал							
15	Решение о работе в организации было ошибкой с моей стороны							

Ключ:

В методике используется 7-балльная шкала, при этом для пунктов 1, 2, 4, 5, 6, 8, 10, 13 и 14:

- «абсолютно не согласен» – 1,
 - «не согласен» – 2,
 - «скорее не согласен» – 3,
 - «не имею определенного мнения» – 4,
 - «скорее согласен» – 5,
 - «согласен» – 6,
 - «абсолютно согласен» – 7.
- Для пунктов 3, 7, 9, 11, 12, 15:
- «абсолютно не согласен» – 7,
 - «не согласен» – 6,
 - «скорее не согласен» – 5,
 - «не имею определенного мнения» – 4,
 - «скорее согласен» – 3,
 - «согласен» – 2,
 - «абсолютно согласен» – 1.

Все значения суммируются и делятся на 15 (т. е. считаем среднее арифметическое).

Нормы: нормативные значения получены на российской выборке. В общей сложности было исследовано 560 респондентов.

Нормативные значения для методики «Опросник организационной лояльности»

ОСЦ	Среднее	Стандартное отклонение
В целом (n = 560)	4.5	0.93
Мужчины (n = 130)	4.5	0.96
Женщины (n = 297)	4.4	0.91
Медицинские работники (n = 160)	4.4	0.97
Рядовые сотрудники (n = 278)	4.4	0.87
Менеджеры среднего звена (n = 70)	4.6	0.81
Топ-менеджеры (n = 25)	5.0	0.93

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Шкала организационной лояльности Дж. Мейера и Н. Аллена¹⁹ (Professional Commitment Scale, PCS) (1993)

Уважаемые господа!

Ниже приведен ряд утверждений, отражающих мысли и чувства, возникающие у людей по отношению к организации, в которой они работают. На основе ваших мыслей и чувств по отношению к организации, в которой вы сейчас работаете, оцените, пожалуйста, степень вашего согласия или несогласия с каждым утверждением, обведя кружком соответствующую цифру от 1 до 7 (1 – абсолютно не согласен, 7 – абсолютно согласен).

1	Я был бы рад до ухода на пенсию работать в этой организации	1	2	3	4	5	6	7
2	На данный момент я вижу необходимость в продолжении работы в этой организации							
3	Я не чувствую никаких обязательств по отношению к этой организации							
4	Я воспринимаю проблемы этой организации как свои собственные							
5	Мне было бы трудно уйти из этой организации прямо сейчас, даже если бы я этого хотел							
6	Сейчас я не чувствую себя вправе покинуть эту организацию, даже если это будет выгодно для меня							
7	У меня нет ощущения принадлежности моей организации							
8	Если я сейчас уйду из организации, многое в моей жизни разрушится							
9	Если бы я сейчас ушел из этой организации, то чувствовал бы себя виноватым							
10	Я не испытываю теплых чувств по отношению к этой организации							
11	Мне кажется, что у меня слишком мало вариантов трудоустройства, чтобы рассматривать возможность ухода из этой организации							
12	Эта организация заслуживает мою преданность. Не чувствую себя членом коллектива в моей организации							
13	Эта организация заслуживает мою преданность. Не чувствую себя членом коллектива в моей организации							

¹⁹ Лояльность. – URL: <https://dominyak.com/methods.php#ocq> (дата обращения: 25.12.2024).

14	Я мог бы рассматривать возможность работы в другом месте, если бы не получал от этой организации так много							
----	--	--	--	--	--	--	--	--

Спасибо!

Обработка данных:

Для каждой субшкалы нужно просуммировать оценки в соответствии с ключом и сумму разделить на шесть (среднее арифметическое). Оценки по утверждениям, отмеченным буквой R, инвертируются, т. е. вместо 7 ставим 1, вместо 6 – 2, 5 – 3 и т. д.

Ключ:

Для ACS (субшкала аффективной (эмоциональной) лояльности): 1, 4, 7R, 10R, 13R, 16.

Для CCS (субшкала продолженной лояльности): 2, 5, 8, 11, 14, 17.

Для NCS (субшкала нормативной лояльности): 3R, 6, 9, 12, 15, 18.

Нормативные значения:

OCS	Среднее	Стандартное отклонение
В целом (среднее по всем шкалам)	4.0	1.12
ACS (n = 214)	4.1	1.26
CCS (n = 214)	3.9	1.16
NCS (n = 214)	3.8	1.48

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Методика изменения лояльности (С. С. Баранская)²⁰

Инструкция: Перед Вами опросник, состоящий из 25 утверждений.

Пользуясь 5-балльной шкалой, дважды оцените степень Вашего согласия с этими утверждениями:

1) сначала применительно к организации, в которой Вы работаете (оценки отметьте в поле слева);

2) затем применительно к организации, в которой Вы хотели бы работать (оценки отметьте в поле справа).

1 балл – «абсолютно не согласен», 5 баллов – «полностью согласен», 2–4 балла – промежуточные варианты. Оценки отметьте знаком «+» в соответствующей графе.

А. Бланк опросника лояльности

Отношение к организации, в которой Вы работаете						Отношение к организации, в которой Вы бы хотели работать				
1	2	3	4	5		1	2	3	4	5
					1. Сотрудники уверены, что работают в великолепной организации					
					2. С таким же успехом любой из сотрудников работал бы и в другой организации					
					3. Сотрудники организации стремятся совершенствовать свои профессиональные навыки					
					4. Превосходство организации над другими очевидно для сотрудников					
					5. Самые важные вещи, которые случаются в жизни сотрудников, включают работу					
					6. Любой из сотрудников легко оставит работу в организации при наличии более выгодного предложения					
					7. Одна из важнейших целей работы сотрудников в организации – стать профессионалом					
					8. Сотрудники готовы взять на себя дополнительную нагрузку, если это необходимо организации					
					9. Репутация организации в глазах сотрудников безупречна					
					10. Работа – то, чем сотрудник должен заниматься большую часть времени					
					11. Сотрудники чувствуют личную ответственность за все успехи и неудачи организации					
					12. Качество работы организации является предметом гордости ее сотрудников					

²⁰ Баранская С. С. Методика измерения лояльности // Психологические исследования. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.03.2025).

Отношение к организации, в которой Вы работаете						Отношение к организации, в которой Вы бы хотели работать				
					13. Счастье в жизни сотрудников приходит, главным образом, с работой					
					14. Сложности с поиском нового рабочего места – единственное, что удерживает сотрудников в этой организации					
					15. Сотрудники предпочитают работать исключительно в своей профессиональной области					
					16. Проблемы организации воспринимаются сотрудниками как их личные проблемы					
					17. Сотрудники считают труд центральной вещью в своей жизни					
					18. Многие сотрудники считают, что эта компания не заслуживает преданности					
					19. Сотрудники активно помогают организации в решении ее проблем					
					20. Сотрудники стремятся работать с полной самоотдачей					
					21. Сотрудники с гордостью заявляют другим, что являются частью своей организации					
					22. У сотрудников компании нет ощущения каких-либо обязательств перед организацией					
					23. Сотрудники испытывают удовольствие от работы по своей профессии					
					24. Жизнь сотрудников наиболее ценна, когда они поглощены работой					
					25. Главное в работе сотрудника – возможность использовать свои профессиональные навыки					

Ключ:

1. Утверждения № 2, 6, 14, 18, 22 (шкала «Нелояльное поведение») представлены в опроснике в виде инверсий; баллы по данным утверждениям засчитываются с обратным ключом.

2. Шкала «Организационная лояльность»: общий показатель шкалы = сумме баллов подшкал «Гордость за организацию» (утверждения № 1, 4, 9, 12, 21), «Вовлеченность в дела организации» (утверждения № 8, 11, 16, 19, 20), «Нелояльное поведение» (утверждения № 2, 6, 14, 18, 22, оценки инвертируются).

3. Шкала «Профессиональная лояльность»: общий показатель шкалы = сумме баллов 3, 7, 15, 23, 25-го утверждений × 3.

4. Шкала «Лояльность труду»: общий показатель шкалы = сумме баллов 5, 10, 13, 17, 24-го утверждений × 3.

Нормы

1. Подшкала «Гордость за организацию». Нормы: <16 – низкий уровень; 16–20 – средний уровень; >20 – высокий уровень.

Высокий показатель говорит о том, что сотрудник считает свою организацию одной из лучших, чувствует ее превосходство над другими компаниями и гордится своей причастностью к ней.

Низкий показатель по данной подшкале свидетельствует о безразличном или же негативном отношении сотрудника к своей организации, ее репутации. Он не превозносит свою компанию при сравнении ее с другими организациями и не испытывает чувства гордости, когда говорит или слышит что-либо о ней.

2. Подшкала «Вовлеченность в дела организации». Нормы: <15 – низкий уровень; 15–19 – средний уровень; >19 – высокий уровень.

Высокий показатель уровня вовлеченности в дела компании говорит о том, что сотрудникам небезразличны потребности, планы и проблемы их организации. Они стремятся участвовать в жизни компании, прилагая максимум усилий для ее процветания и успешной работы.

Низкий показатель свидетельствует о том, что сотрудники не чувствуют себя частью компании: они далеки от дел и не стремятся разделять проблемы и потребности организации, нести ответственность за ее успехи или же неудачи, прикладывать собственные усилия для развития компании.

3. Подшкала «Нелояльное поведение». Нормы: <14 – низкий уровень; 14–18 – средний уровень; >18 – высокий уровень.

Высокий показатель по данной шкале характеризует сотрудника, следующего принятым организационным правилам и нормам, не допускающего со своей стороны противоправных действий и готового выполнять свою работу качественно. Такой сотрудник не задумывается об уходе и, несмотря на возможное наличие проблем, связывает свое будущее с работой именно в данной компании.

Низкий показатель характеризует сотрудника, готового в любой момент сменить организацию, в которой он работает, на другую при наличии более выгодного для него предложения. Такой сотрудник не видит смысла надолго задерживаться в данной компании и не чувствует своих обязательств перед ней. В работе он может позволять себе допускать ошибки, опоздания, прогулы, а также брак и другие нелояльные действия.

4. Шкала «Организационная лояльность». Нормы: <46 – низкий уровень; 46–57 – средний уровень; >57 – высокий уровень.

Высокий показатель по данной шкале говорит о том, что сотрудники в целом преданы своей компании. Они считают оправданным выбор данной организации, принимают и разделяют условия и требования работы в ней, стремятся быть в курсе планов и проблем компании и участвовать в ее жизни и развитии. Такие сотрудники ощущают себя ответственными за состояние дел своей организации и готовы прилагать собственные силы для ее успеха и процветания.

Низкий показатель свидетельствует о том, что компания не является для сотрудников чем-то большим, чем временное место работы.

Сотрудники с низким уровнем организационной лояльности легко уходят из организации при возникновении проблем; они не видят причин разделять ответственность за неудачи и успехи своей компании, не чувствуют необходимости участвовать в ее жизни и прилагать собственные усилия для более качественной, продуктивной работы и развития своей организации.

5. Шкала «Профессиональная лояльность». Нормы: <51 – низкий уровень; 51–63 – средний уровень; >63 – высокий уровень.

Высокий показатель по шкале говорит о стремлении сотрудников совершенствовать себя и развиваться в своей профессиональной области. Главной задачей таких сотрудников является построение карьеры, становление себя как профессионала, повышение мастерства работы. Такие сотрудники стремятся работать исключительно в своей профессиональной области с возможностью использовать и оттачивать соответствующие навыки.

Низкий показатель свидетельствует о том, что специализация, область работы в компании не является значимой для сотрудников. Они готовы выполнять различные виды работ и не видят цели в совершенствовании себя в одной конкретной профессиональной области.

6. Шкала «Лояльность труду». Нормы: <39 – низкий уровень; 39–57 – средний уровень; >57 – высокий уровень.

Высокий показатель по шкале говорит о том, что труд сам по себе является одной из важнейших ценностей для сотрудника. Активная трудовая деятельность, работа является смыслом и центральным компонентом в жизни такого сотрудника, он стремится быть деятельным, полезным и задействованным в различных видах работ.

Низкий показатель по шкале свидетельствует о том, что для сотрудника труд имеет лишь второстепенную, инструментальную значимость. В работе это проявляется в виде избегания дополнительных нагрузок, отлынивания от дел при появлении какого-либо повода, лени. Такой сотрудник скорее предпочтет не работать, если будет обеспечен необходимыми для комфорта его жизни материальными и нематериальными благами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Лист наблюдения проявления лояльности (К. В. Харский)

Фамилия сотрудника _____

Фамилия оценивающего _____

Дата заполнения _____

Поведение, подтверждающее преданность компании	Оценка от 1 до 7
1. Сотрудник работает с усердием и выкладывается, как минимум, на 100 %	
2. Сотрудник хвалится перед своими друзьями компанией, в которой работает	
3. Сотрудник демонстрирует полную лояльность к компании	
4. Сотрудник согласен выполнять любую работу, лишь бы остаться работать в компании	
5. Совершенно очевидно, что ценности сотрудника и организации совпадают. Он всегда явно поддерживает ценности компании	
6. Сотрудник гордится своей работой и постоянно демонстрирует это	
7. Сотрудник откажется от предложений об аналогичной работе от других работодателей при равных условиях	
8. Поведение сотрудника подтверждает, что он испытывает подъем и вдохновение от работы в компании	
9. Предложение от иного работодателя должно быть очень и очень привлекательным, чтобы работник задумался о смене места работы	
10. Работник часто говорит, что очень рад, что устроился в эту компанию, хотя у него были другие предложения	
11. Работник демонстрирует намерение связать всю свою трудовую карьеру с этой компанией	
12. Работник всегда горячо одобряет политику компании относительно сотрудников	
13. Работник демонстрирует, что ему небезразлична судьба организации, делает предложения по улучшению работы, пресекает нарушения со стороны других сотрудников	
14. Работник искренне говорит, что это лучшая компания, где ему довелось работать	
15. Работник искренне говорит о том, что удовлетворен своим решением работать в этой компании	

Итого:

Расшифровка ответов:

- 1 – такое поведение никогда не наблюдалось;
- 2 – такое поведение никогда не наблюдалось, но теоретически возможно;
- 3 – такое поведение не наблюдалось, но вполне реально;
- 4 – затрудняюсь ответить;
- 5 – такое поведение иногда наблюдается;
- 6 – такое поведение характерно для него (не редкость);
- 7 – всегда поступает только так.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Пример расчета индекса чистой лояльности eNPS специалиста к избранной ими профессии

Таблица 1. – Ответы респондентов на вопрос «Оцените долю вероятности (от 0 до 10) того, что вы порекомендуете выбранную вами профессию своим друзьям, знакомым или своим и их детям?»

Респондент	Ответы на вопросы	
	1	2
1	9	Профессия имеет длительную историю, интересная и увлекательная
2	5	Предъявляет высокие требования к разным сторонам личности, выбравшей ее
3	9	Высокое денежное довольствие и объемный соцпакет
4	9	Хорошая морально-психологическая обстановка, дружеские отношения с сослуживцами. Карьерный рост
5	4	Далеко не каждый может освоить и реализоваться в профессии
6	8	Возможность обучаться и саморазвиваться
7	8	Служба на благо Отечества – всегда достойное дело
8	9	Хорошее денежное довольствие, возможность карьерного роста и поддержание себя в физической форме
9	6	Высокие нагрузки, высокие требования
10	3	Нет постоянства. Высокая загруженность 24/7

Средняя оценка: 7.

Таблица 2. – Распределение респондентов на группы для расчета eNPS

Класс	Количество	%
Промоутеры	4	40
Пассивные	2	20
Критики	4	40

$$eNPS = 40 \% - 40 \% = 0$$

Проективная техника в исследовании приверженности организации Е. Ю. Чернякевич

Оснащение: листы формата А4 и цветные карандаши 8 штук.

Инструкция: «Нарисуйте, пожалуйста, рисунок «Я в организации».

Показатели для анализа рисунков:

- 1) конкретность или абстрактность рисунка;
- 2) присутствие на рисунке изображения человека;
- 3) величина изображенного человека в см;
- 4) количество предметов, относящихся к деятельности организации;
- 5) количество изображенных предметов собственной профессиональной деятельности испытуемого;
- 6) адекватность рисунка выполняемым обязанностям испытуемого;
- 7) количество используемых цветов;
- 8) надписи, изображенные на рисунке автором;
- 9) актуальная лояльность.

С целью оценивания показателя «актуальная лояльность» использовалась 5-балльная система:

0 баллов – изображение человека отсутствует, адекватность рисунка выполняемым обязанностям соответствует 0 %;

1 балл – изображение человека отсутствует, адекватность рисунка выполняемым обязанностям соответствует 50 %;

2 балла – изображение человека отсутствует, адекватность рисунка выполняемым обязанностям соответствует 100 %;

3 балла – присутствует изображение человека, адекватность рисунка выполняемым обязанностям соответствует 0 %;

4 балла – присутствует изображение человека, адекватность рисунка выполняемым обязанностям соответствует 50 %;

5 баллов – присутствует изображение человека, адекватность рисунка выполняемым обязанностям соответствует 100 %.

Регистрируемые показатели: осмысленность деятельности, самоидентификация, диапазон включенности в организацию, ролевая идентификация, эмоциональная насыщенность, рационализация, приверженность работника к конкретной организации. Критерии оценки полученных результатов представлены в таблице 1.

Таблица. – Критерии для анализа рисунка на тему «Я в организации»

Параметр оценивания	Интерпретационный контекст	Критерии для оценки параметра
Конкретность или абстрактность рисунка	Осмысленность деятельности	Конкретность рисунка, наличие символического изображения
Наличие «Я»	Самоидентификация	Наличие фигуры человека как проекции личности самого автора
Величина изображенного человека	Диапазон включенности в организацию	Величина изображенного человека

Параметр оценивания	Интерпретационный контекст	Критерии для оценки параметра
Предметы, относящиеся к деятельности организации		Наличие предметов, относящихся к деятельности организации, их количество
Предметы собственной профессиональной деятельности	Ролевая идентификация	Наличие предметов, относящихся к собственной профессиональной деятельности в организации, их количество
Адекватность рисунка выполняемым обязанностям		Соответствие изображенного содержания функциональным обязанностям работника в организации
Использование цвета в рисунке	Эмоциональная насыщенность	Количество используемого цвета в рисунке
Надписи в рисунке	Рационализация	Наличие дополнительных деталей, уточняющих содержание рисунка, надписи, их количество
Актуальная приверженность	Приверженность работника к конкретной организации	Наличие или отсутствие изображения человека на рисунке, адекватность рисунка выполняемым обязанностям в организации работника

Интерпретация показателей:

- осмысленность деятельности – конкретное содержание рисунка, отражающее элемент выполняемых профессиональных обязанностей, свидетельствует об осмысленности профессиональной деятельности, четком представлении о своих обязанностях и о деятельности самой организации;
- самоидентификация – отождествление себя с организацией;
- диапазон включенности в организацию – максимальное изображение человека на рисунке и большое количество предметов, относящихся к деятельности организации, свидетельствуют о большей степени погруженности, включенности работника;
- ролевая идентификация – идентификация работника с той ролью, которую он выполняет в организации;
- эмоциональная насыщенность – максимальное использование цвета в рисунке свидетельствует об эмоциональной насыщенности профессиональной деятельности;
- рационализация – меньшее количество надписей на рисунке свидетельствует о наименьшей рационализации деятельности, о менее выраженной психологической защите;
- приверженность работника к конкретной организации – в ситуации неопределенности приверженные работники сохраняют членство в организации, в которой они работают.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

ЖИЛИНСКИЙ Сергей Васильевич,
начальник ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

ВИШНЕВСКАЯ Валентина Петровна,
доктор психологических наук, профессор,
ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

КАЗАЧЁНОК Жанна Ивановна,
кандидат психологических наук, доцент,
УО «Военная академия Республики Беларусь»

МИРОНЮК Павел Иванович,
кандидат военных наук, доцент,
ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

СУТОВИЧ Елена Иосифовна,
кандидат психологических наук, доцент,
Филиал «Российского государственного социального университета»
в г. Минске

ТЕРЕХОВ Алексей Анатольевич,
кандидат психологических наук, доцент,
ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

Научное издание

Жилинский Сергей Васильевич, **Вишневская** Валентина Петровна,
Казачёнок Жанна Ивановна и др.

**ПОГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ,
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ**
Монография

Редактор *В. К. Кевро*
Технический редактор *А. А. Лобанова*
Корректор *В. Г. Романик*

Подписано в печать 25.07.2025. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20,3. Тираж 105 экз. Заказ 3675.
Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Институт пограничной службы Республики Беларусь».
Свидетельство № 1/375 от 23.06.2014.
Ул. Славинского, 4, 220103, Минск.